

Игорь Ефимов

Феномен войны

Семь искусств

Игорь Ефимов

Феномен войны

Семь искусств
Ганновер 2019

Игорь Ефимов. Феномен войны
Ганновер: «Семь искусств», 2019

© Игорь Ефимов (текст, редактирование)
© Семь искусств (оформление)

Предлагаемая читателю книга стоит в ряду других философско-исторических трудов Игоря Ефимова, таких как «Метаполитика», «Без буржуев», «Стыдная тайна неравенства», «Грядущий Аттила», «Сумерки Америки». Иосиф Бродский, рекомендая Ефимова на пост преподавателя в одном из нью-йоркских университетов, писал, что «Метаполитика» долгое время была его «настольным чтением». В «Феномене войны» автор пытается исследовать не только политические, экономические, этнические причины военных конфликтов, но и психологическую компоненту, потребность человека утолять свою жажду самоутверждения, жажду сплочения, жажду бессмертия. Опыт романиста (Ефимов — автор пятнадцати романов) позволяет ему высвечивать самые драматичные коллизии в военной истории трёх последних тысячелетий.

Семь искусств
Ганновер 2019

Вступление

Но что на свете есть сильней,
но что сильней, чем страсть?

Иосиф Бродский

Инопланетному наблюдателю, вглядывающемуся в историю земной цивилизации, она может показаться сплошным победным шествием. За какие-нибудь 5000 лет странное двуногое существо под названием «человек» ухитрилось заселить почти всю поверхность планеты. Следы нашей деятельности найдутся на всех континентах, островах, морях и реках. Мы научились выживать в ледяных горах Аляски и Скандинавии, в раскалённых песках Сахары, в джунглях Амазонки, в Сибири и в Антарктиде. Мы путешествуем с огромной скоростью по земле и по воздуху, по воде и под водой, а теперь ухитрились проникнуть и в бездны космоса.

Казалось бы, всё поддаётся человеку, всё отступает перед ним. Дикие звери, грозившие ему на заре его существования, теперь прячутся от него в гуще тайги, в горных ущельях, в полярных льдах. Даже загадочный мир микробов, насылающих болезни, поддаётся нашим врачам, умеющим бороться с эпидемиями, уносившими раньше миллионы жизней.

Конечно, случаются ещё катастрофы, которые мы пока не в силах понять или остановить. Например, загадочной остаётся природа землетрясений. Что может заставить скалистую земную твердь, такую прочную и надёжную под нашими ногами, вдруг начать трескаться, вздыматься, трястись, превращая в руины наши дома и фабрики, соборы и колокольни, мечети и минареты?

Не менее загадочны извержения вулканов. Жителям Помпей и Геркуланума легко было верить, что потоки лавы и тучи пепла были посланы на них из жерла Везувия разгневанными богами, уставшими от человеческих пороков и злодействий. Но сегодня прогресс просвещения лишил нас даже такого утешительного объяснения.

Что создаёт смертоносный столб смерча, движущийся от городка к городку, как рассвирепевший чёрный великан из сказки? Каким образом гигантская волна цунами пре-

одолевает сотни километров, чтобы обрушиться на беззащитные поселения на берегу? Откуда берётся яростная энергия урагана, тайфуна, шторма, снежного бурана?

Мы смиряемся с непредсказуемостью и неотвратимостью природных катастроф и учимся по возможности ограждать себя от их губительного воздействия: строим дамбы против наводнений, обзаводимся противопожарными машинами и самолётами на случай огненных бурь в лесах, следим со спутников за приближением ураганов. Но есть вид катастроф, которые мы раз за разом устраиваем сами, своими руками, своими страстями, которые заваливают трупами луга и окопы, дороги и улицы, превращают в развалины города и селения, топят корабли, выжигают поля и сады.

*«Война? Какое непонятное явление, — восклицает Лев Толстой. — Когда рассудок задаёт себе вопрос: справедливо ли, необходимо ли оно? — внутренний голос всегда отвечает: нет».*¹

Однако войны заполняют всю историю человечества, и мы не видим никаких симптомов того, что они могут прекратиться в обозримое время. Сегодня всё необходимое для жизни — продовольствие, жильё, одежда, транспорт, тепло — производится с такой эффективностью и в таких количествах, что, казалось бы, на земле не должно было бы оставаться ни одного нищего и голодного. Из-за чего же вступать в смертельную схватку? Недаром некоторые философы и политики пытаются заверить нас, что история завершена, прогресс науки и техники вынес нас к сияющим вершинам всеобщего благополучия и мира, осталось только гасить тлеющие очаги старых пожаров.

Но как мы можем верить этим радужным картинкам? Открывая каждый день газету, усаживаясь перед экраном телевизора, мы видим в новостях бесконечную череду злодейств и преступлений, устраиваемых людьми в одиночку и скопом. Кровопролитные конфликты полыхают на всех континентах, и конца им не видно.

В начале 20-го века миролюбцы тешили себя надеждой на то, что дальнейшие войны сделались невозможны и бессмысленны, потому что изобретено убийственное оружие — пулемёт. Когда Первая мировая война рассеяла их грёзы,

добавив к пулемёту подводные лодки, горчичный газ и танки, они стали говорить, что изобретение бомбардировщиков — вот что сыграет миротворческую роль. Ведь потребуется массовое безумие народов, чтобы затеять военный конфликт, зная, что и мирным жителям не будет спасения от бомб, сыпавшихся с неба.

Осознание серьёзности этой угрозы отразилось в массовом распространении пацифистских движений, в росте популярности таких фигур, как Лев Толстой, Берtrand Рассел, Махатма Ганди, в создании различных интернациональных союзов. Выпускники Кембриджа и Оксфорда в Англии дали торжественную клятву не брать в руки оружие, и премьер-министр Чемберлен повторял без конца главный догмат своих политических верований: «Никто не хочет войны». На Черчилля, призывающего страну вооружаться перед лицом Гитлеровской угрозы, смотрели как на безумного поджигателя новой бойни, сделали политическим изгояем, Би-Би-Си отказывало ему в праве выступать по государственному радио. Тем не менее массовое безумие народов произошло и получило название Вторая мировая война.

Сегодня главные надежды на поддержание мира возлагаются на Организацию Объединённых Наций. Разве не может это уважаемое международное собрание послужить арбитром, разбирающим конфликты между народами и находящим мирные способы удовлетворения справедливых стремлений и требований различных государств и наций? Верховный орган ООН, Совет Безопасности, даже облечён властью осудить очередного агрессора и санкционировать военное противодействие ему со стороны других народов или направить миротворческие силы в район очередного конфликта.

Отдадим должное ООН — эта организация способствовала тому, что за прошедшие 70 лет множество местных войн не разрослись в общепланетный пожар. Но неподвластными международным усилиям остаются военные конфликты, загорающиеся между различными этносами или религиозными группами внутри отдельных независимых государств.

Есть ли у нас надежда на то, что страх перед термоядерным оружием сможет удержать человечество от новой большой войны? Сознаюсь, моего заряда оптимизма не хватает на то, чтобы тешить себя подобным упоминанием. Недаром в годы холодной войны тактика взаимного сдерживания двух враждебных лагерей обозначалась английской аббревиатурой MAD (Mutual Assured Destruction), что в переводе на русский означает «безумный». А мы знаем, что массовые сумасшествия народов случались в мировой истории с такой же неизбежностью, как извержения, ураганы, землетрясения.

Пока Творец не стёр нас с поверхности Земли термоядерной тряпкой, как стирают с доски неудачную формулу, нам стоит всё же направить Его дар разумного сознания и взглянуться в феномен войны холодным взглядом исследователя. Для этого нам придётся постоянно обуздывать свою привычку спешить с нравственным осуждением или оправданием человеческих деяний и порывов. Понятия правоты-неправоты применимы только внутри того или иного исторического социума. Когда же мы пытаемся исследовать противоборство различных социумов, нам оставлен только критерий «кто оказался сильнее, живучее, долговечнее».

Именно здесь таится главная трудность, мешающая плодотворному научному анализу военных конфликтов. Как и остальные отрасли науки, политическая философия находится в ведении людей разумных, объективных, умеющих контролировать бушевание собственных эмоций. Когда они сталкиваются со взрывами человеческих страстей в исторических катализмах, им крайне трудно допустить предположение, что человек способен наслаждаться насилием, разбоем, убийством как таковыми. Они любой ценой пытаются истолковать погромы, нашествия, массовый террор как некие нетипичные отклонения, порождённые, конечно же, теми или иными внешними причинами или кровожадностью прорвавшихся к власти лидеров.

Новый подход должен состоять в том, чтобы взглянуться в этот хаос с таким же хладнокровием, с каким Менделеев взглядался во взаимодействие элементов друг с другом. Лесные пожары могут возникать и распространяться

причудливо, но где-то в глубине это всегда будет взаимодействие углерода древесины с кислородом атмосферы. Мы можем провести сортировку различных войн по разным признакам, но сначала следует взглянуться в микролетку военных пожаров, в порывы индивидуальной человеческой воли.

Что же мы знаем об этих порывах? Уже премудрый Экклезиаст вынужден был развести руками и признать, что

«всему своё время, и время всякой вещи под небом... Время убивать и время врачевать; время разрушать и время строить... Время разбрасывать камни; и время собирать камни... Время раздирать, и время сшивать... Время любить и время ненавидеть; время войне, и время миру» (Ек., 3:3—8).

Толстой, взглянув на феномен войны, пишет во Втором эпилоге к «Войне и миру»: «Движение народов производит не власть, не умственная деятельность, даже не единение того и другого, как то думали историки, но деятельность всех людей, принимающих участие в событии».²

После полувекового взгляивания в бурление человеческих страстей и катаклизмы мировой истории я созрел для того, чтобы выделить три главных порыва, которые, в разных сочетаниях и с разной силой, присутствуют — являются себя — и в индивидуальных судьбах, и в судьбах народов.

Первый из них: **ЖАЖДА САМОУТВЕРЖДЕНИЯ**. Подробно он рассмотрен в моей книге «Практическая метафизика»³, где он обозначен как «стремление осуществлять свободу своей воли, расширять своё царство я — могу».

Второй: **ЖАЖДА СПЛОЧЕНИЯ** — с соплеменниками, с единоверцами, с единомышленниками, даже со всем родом человеческим. Очень часто этот порыв находится в непримиримом противодействии с первым, что приводит к миллионам индивидуальных драм и социальных конфликтов.

Третий: **ЖАЖДА БЕССМЕРТИЯ**, то есть тяга человека преодолеть парализующее сознание своей смертности, обрести чувство причастности к чему-то вечному. Из этого порыва вырастает всё, что принято называть религиозной

жизнью людей, но и множество суррогатов религиозного устремления.

Ни один из этих порывов нельзя объявить хорошим или дурным, полезным или вредоносным. Все три могут приводить человека как к замечательным свершениям, так и к преступлениям и гибели.

Первая часть моего исследования будет посвящена подробному анализу этих трёх главных порывов, изучению того, как они проявляют себя в разные эпохи, у разных народов в мирное время.

Во второй части я попытаюсь рассортировать известные нам войны, представить некую сетку координат для этого многообразного исторического феномена. Борцы с лесными пожарами знают, что обронённый на поляне окурок или молния, ударившая в дерево, не могут сами по себе произвести океан огня, разливающийся на десятки километров. Нужно ещё, чтобы имелся пересохший валежник, трава и листва, истомившиеся без дождей, поднявшийся ветер, не убирающийся много лет сухостой. Так и пожар войны не начинается просто потому, что случилось политическое убийство или был потоплен пассажирский корабль, или сбит заблудившийся самолёт.

Моя рабочая гипотеза сводится к следующему:

Вспышка военной агрессивности, то, что Лев Гумилёв назвал «состоянием пассионарности», возникает в народе в тот момент, когда большинство людей, составляющих племя или нацию, вдруг проникаются убеждением — или поддаются иллюзии, что война даст им возможность разом утолить все три главных порыва: жажду самоутверждения, жажду сплочения, жажду бессмертия.

Попробуем же взглянуться в каждый из этих порывов по отдельности.

Примечания

1. Лев Толстой. «Набег». Собр. соч. в 20 томах (Москва: Кушнерев и Ко., 1911), т. 2, стр. 87.
2. Толстой, «Война и мир», ук. соч., т. 8, стр. 262.
3. Игорь Ефимов. «Практическая метафизика». Москва: «Захаров», 2001.

Часть первая. Жар страстей

I-1. Жажда самоутверждения

Благословен приятель победивший,
Благословен удачливый мужчина,
Благословен любовник, придавивший
Ногой — весну, соперника — машиной.
Иосиф Бродский

Она пронизывает жизнь каждого человека от младенчества до седых волос. Каждая мать знает, как трудно уговорить ребёнка не отнимать игрушку у младшего братика, не топать по лужам, не сбрасывать посуду со стола, не рвать страницы в книге. Вырастая внутри своего племени, государства, империи, молодой человек постепенно осваивает запреты, табу, традиции, законы, которые ставят пределы его жажде самоутверждаться. *«Не убий, не укради, не лги, не прелюбодействуй»* — не то будешь строго наказан в этой жизни или в посмертном бытии, подвергнешься всеобщему осуждению. Усвоив правила своего социума, человек кидается искать, на каком из оставленных ему путей он может утолить своё стремление расширять царство я — могу максимальным образом.

Конечно, эти поиски начинаются лишь после того, как обычная борьба за выживание отступила на задний план. Робинзону Крузо на необитаемом острове, герою Джека Лондона, бредущему по снежной пустыне, Ивану Денисовичу в лагерном бараке не было нужды ломать голову над тем, как заполнить наступающий день. Пойманная рыбёшка, подстреленный суслик, лишняя хлебная пайка играли для них роль победного свершения. Но, достигнув элементарного уровня благополучия, обеспечив себя пропитанием, одеждой, жильём, любой житель планеты начнёт искать объектов дальнейших завоеваний. И Боже мой! Какое необозримое поле вариантов вырастает здесь перед нашим взором!

Все творческие достижения, все египетские пирамиды, римские акведуки, индийские храмы, итальянские собо-

ры появились на свет потому, что их создатели жаждали самоутвердиться через свои творения. Та же самая страсть двигала Архимедом, когда он формулировал закон плавучести тел, Коперником, вглядывавшимся в движение светил, Леонардо да Винчи, рисовавшим Джиоконду, Ньютоном, составлявшим формулу земного тяготения, Бахом, сочинявшим очередную фугу.

Но и рядовой спортсмен, рвущийся победить очередного соперника, певец, покоряющий зрительный зал, финансист, сгребающий миллионный куш на бирже, — все движимы ненасытной страстью к самоутверждению. Она же рождает счастливый толчок в сердце шахматиста, выигрывающего партию, гольфиста, посылающего шарик в заветную лунку, охотника, подстрелившего фазана. Слишком мала дичь? Тогда Теодор Рузвельт, Эрнст Хемингуэй и сотни других любителей сафари отправляются в Африку убивать буйволов, львов, слонов.

Однажды на пустом двухполосном шоссе за мной прицепился «понтиак», едва оставлявший метр пустого пространства между нашими бамперами. Левая полоса была свободной, но он не хотел обгонять меня — ему важно было нагнать на меня страху. Не выдержав нервного напряжения, я съехал на обочину. Он умчался вперёд и вскоре нашёл себе другую жертву, двигавшуюся с нормальной скоростью. Когда я обгонял их, нос «понтиака» почти касался ехавшей по правой стороне «тойоты». Видимо, опасное преследование вплотную (по-английски tailgating) было любимой — а может быть, и единственной — формой самоутверждения в жизни этого водителя.

Если уголение страсти содержит элемент опасности — тем лучше, тем острее человек переживает осуществление своей свободы. Амундсен достиг Южного полюса, а Роберт Скотт живым не вернулся. Линдберг успешно завершил свой перелёт, а Амелия Эрхарт бесследно исчезла в океане. Альпинисты, пытающиеся покорить Эверест, не могут не помнить, что число погибших на его склонах уже перевалило за двести. Недаром Пушкин писал:

*Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертия, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог.¹*

Смертельная схватка — самая манящая и возбуждающая форма самоутверждения. В Древнем Риме тысячи зрителей стекались в цирки, чтобы накачиваться адреналином при виде гладиаторских боёв. В наши дни никаким христианским проповедникам, никаким защитникам животных не удаётся искоренить корриду в испаноязычных странах.

С таким же упорством возрождались до недавнего времени дуэли. На копьях (Айвенго), на шпагах (д'Артаньян), на пистолетах (Печорин), на мечах (японские самураи). В Российской империи в конце 19 века сняли запрет на дуэли между офицерами, ибо считалось, что они помогут воспитывать и укреплять боевой дух. Теодор Рузвельт, посетив Германию, с большой похвалой отзывался о немецких студентах, продолжавших увечить друг друга на сабельных поединках.

Вся современная индустрия зрелищ перенасыщена элементами насилия, которые взвинчивают жадное сопереживание зрителя. Детективы, триллеры, «ужастики» приносят безотказный доход. Новости, в которых не мелькнёт стрельба, драка, взрыв, автомобильная авария, разочаруют и публику, и рекламодателя. Даже документальные фильмы о природе обязательно показывают крупным планом разинутую пасть, пожирающую очередную жертву.

Бескрайние возможности самоутверждения открывают ярмарка тщеславия. Гордиться норковой шубой, роллстайром, трёхэтажной яхтой, коллекцией редких картин, карьерным взлётом, успехами детей, коттеджем на берегу океана, знакомством с богатыми и знаменитыми — поистине миллион вариантов.

Ещё одной широко распространённой формой является поношение власть имущих. Проклиная президентов, сенаторов, судей, губернаторов, ты как бы возносишься над ними в глазах окружающих и в своих собственных. Лозунг

«долой!» не требует ни логических аргументов, ни изучения проблемы, он тешит души безотказно. Уместен был бы вариант Декартовой формулы: «*Поношу — следовательно возношуся*». Похоть ниспровержения заразительна.

Отдельным томом — самоутверждение в любовных романах и приключениях. Дон Жуаны и Казановы всех времён и народов дают нам миллионы пикантных инструкций к тому, как заполнять жизнь тем, что для Онегина было «измлада и труд, и мука, и отрада». Сам словарь волокитства выдаёт его спортивно-игровую сущность: «любовные победы», «сломил её сопротивление», «осаждал непокорную», «не везёт в картах, повезёт в любви».

Если же человеку не удалось найти пути к утолению страсти к самоутверждению, он заболевает. Лёгкую стадию этой болезни принято называть скучой, тяжёлую — депрессией. Наиболее популярными лекарствами от неё стали алкоголь и наркотики. Они не излечивают, но служат какое-то время обезболивающим средством. Я знал нескольких русских литераторов советских времён, доведённых до запойного пьянства цензурным гнётом и невозможностью свободно творить и печататься. После эмиграции на Запад и получения выхода к читателю, пьянство ослабевало или совсем прекращалось.

У страсти к самоутверждению есть одно печальное свойство — она ненасытима.

Бывают, конечно, счастливцы, которые могут сказать себе:

«Я достиг всего, чего желала душа моя, и теперь готов удалиться на покой, оставить противоборство, наслаждаться чистым созерцанием».

Но и в прошлом, и в настоящем мы найдём тысячи примеров того, как человек на вершине успеха спрашивает себя:

«Ну, достиг — а дальше что? Ну, завоюю сердце и благосклонность ещё одной красавицы — двух, трёх, четырёх — а дальше что? Ну, заработаю на биржевой игре ещё миллион — два, три, десять — а дальше что? Ну, сочиню ещё десяток песен, выпущу но-

вый альбом дисков, сорву аплодисменты переполненных залов — и что?»

О чём тоскует царь Экклезиаст? Что заставило Льва Толстого на вершине успеха оставить писание романов на 20 лет? Почему стал отшельником прославленный Сэлинджер?

Примеры судеб знаменитых художников, поэтов, музыкантов, пришедших к полному душевному краху, можно исчислять сотнями, если не тысячами. Да, ненасытимость страсти к самоутверждению помогала им творить, искать всё новые и новые формы самовыражения. Но согласились бы они ступить на свой путь, если бы заранее знали, что их ждёт в конце? Недаром Пастернак писал:

*О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью убивают,
Нахлынут горлом и убьют!*²

Увы, не только прославленные творцы, но и все безжалостные завоеватели оставались людьми и жаждали самоутверждаться до бесконечности. Не мог Александр Македонский насытиться завоеванием Персии, Чингисхан — Китая, Батый — Руси. Карл Двенадцатый Шведский, покинув родину навсегда в 18 лет, провёл в походах двадцать лет своей недолгой жизни (он погиб 38-летним) просто потому, что только это занятие доставляло ему полное удовлетворение. Мне кажется, образ именно этого монарха, стоял перед внутренним взором Бродского, когда он сочинял «Балладу и романс короля» в поэме «Шествие»:

*И день, и ночь в седле, в седле,
и день, и ночь — с мечом,
он мчался, мчался по земле,
и кровь текла ручьём...*³

Забегая вперёд (подробнее о завоевателях мы будем говорить во второй части), можно задать себе вопрос: как могли Наполеон и Гитлер совершить с разрывом в 130 лет одну и ту же погубившую их роковую ошибку — вторгнуться в Россию, оставив за спиной такого непримиримого врага, как Англия? Оба уже имели к моменту похода на восток в

своём подчинении почти всю Европу. Используя её промышленные ресурсы, они, конечно, могли бы за пять-шесть лет выстроить мощный флот, способный тянуться с британским, и осуществить высадку сухопутной армии на «туманный Альбион». Я не нахожу другого ответа, кроме одного: у обоих не было терпения провести пять-шесть мирных лет. Война для обоих была наркотиком, единственной формой самоутверждения, которая приносила утоление их томящимся духу.

Если все пути к осуществлению свободы исчерпаны, если алкоголь и наркотики перестают помогать, у человека всегда остается последний вариант: самоутверждаться через преступление.

Да, как огонь может нести нам и спасительное тепло, и убийственный пожар, точно так же и страсть к самоутверждению может выразиться не только в творческой энергии, но и в самых разрушительных деяниях. Она пронизывает дух соперничества, порождающий зависть одних и высокомерие других. Она толкает человека тиранствовать над женой и детьми, унижать сослуживцев, мучить животных. От сдирания скальпов американским индейцем до стрельбы по одноклассникам и сослуживцам, от браунингов анархистов до бомб джихадистов — всюду мы видим многолицую маску страсти самоутверждаться любой ценой.

Решаясь на преступление, ты вступаешь в противоборство не с жертвой его, а со всей могучей правоохранительной системой государства и можешь гордиться мощью выбранного тобою противника. Ты можешь быть абсолютно уверен в свободе своего выбора, а это всегда придаёт ореол полной независимости. Недаром образ преступника так часто окрашен почтительным интересом поэтов и писателей. Макбет у Шекспира, Карл Моор у Шиллера, Фауст у Гёте, Печорин у Лермонтова, Жюльен Сорель у Стендоля, Жан Вальжан у Гюго — все они подсвечены глубоким сочувствием авторов.

Цветаева была зачарована реальными разбойниками, Разиным и Пугачёвым, сочинила разбойника Егорушку («Ухитrimся-ка, Егор, жить поплоше. / Удавиться нам от

жизни хорошей»)⁴, да и сама с гордостью принимала участие в разбойничих налётах большевистских продотрядов на разорённые гражданской войной русские деревни.⁵ О Маяковском и говорить нечего, он просто упивался всеми видами погрома. («Выше вздымайте на фонари окровавленные туши лабазников!»)⁶

Для нашего исследования особенно важными и поучительными должны оказаться примеры преступлений, совершаемых «бескорыстно», когда ради утоления страсти к самоутверждению человек идёт на риск суворого наказания, не получая при этом никакой материальной выгоды.

Что двигало богатой голливудской звездой, которая раз за разом попадалась на мелком воровстве в супермаркетах? Неизвестным отравителем, подкладывавшим ядовитые пилюли в бутылочки с аспирином на полках аптек? Другим негодяем, засовывавшим бритвенные лезвия в яблоки на лотках фруктовых лавок?

Наступление электронной эры распахнуло бескрайние возможности перед любителями безнаказанно гадить ближнему. Можно запустить вирус в сотни чужих компьютеров и упиваться мыслью о том, какую горечь ты доставил людям, утратившим плоды многолетних трудов. Можно анонимно сеять клевету и ложь, которую твои жертвы долго не смогут смыть с себя. Одна мамаша, недовольная поведением одноклассницы своей дочери, вступила с ней в переписку по интернету, изображая влюблённого молодого человека, а когда та поддалась и ответила на виртуальную влюблённость, принялась осыпать изощрёнными оскорблениями и насмешками и довела несчастную девочку до того, что она покончила с собой.

Как правило, полиции и прессе удаётся отыскать те или иные мотивы для громких убийств, волна которых катится по Европе и Америке в последние десятилетия, как эпидемия. Стрельба по знаменитостям, скорее всего, случается в погоне за мировой славой, и Ли Харви Освальд, Чарльз Мэйнсон, Марк Чепмен, Джон Хинкли получили её в избытке. Воспалённая эротика толкала на серийные убийства Теда Банди, Джека Дамера, Ричарда Рамиреса, Андрея Чикатилло. Расовая вражда часто лежит в глубине трагедий,

в которых чёрный расстреливает белых пассажиров в вагоне поезда, а белый подросток — чёрных молящихся в церкви. У Тимоти Маквея, взорвавшего административное здание в Оклахоме, Теда Качинского, рассылавшего бомбы по почте, Андерса Брейвика, расстрелявшего сотню иммигрантов на норвежском острове, были экстремальные политические идеи.

Плюс к этому все они жаждали самоутвердиться любой ценой, скажем мы.

И подтверждение этому найдём в бесконечной летописи убийств, в которых так и не удалось отыскать никакого другого мотива, которые совершились в «лабораторно очищенному» виде. Без всякой корысти убивал и калечил женщины Давид Берковиц (по кличке «Сын Сэма», 1977). Мы до сих пор не знаем, чего добивались члены секты Аум Синрикё, пустившие ядовитый газ зарин в Токийское метро (1995), что стоило жизни нескольким десяткам и тяжёлого отравления — тысячам пассажиров. Два чёрных снайпера, принявших мусульманство, расстреливали из гнезда в багажнике автомобиля жителей Вашингтона (2002) без разбора, даже не видя их лиц, не зная, белые они или чёрные, мусульмане или «неверные». Немецкий пилот, намеренно разбивший пассажирский лайнер в Альпийских горах (2015), не удостоил мир никакими объяснениями.

Некоторые убийцы всё же дают откровенные показания о том «чистом» наслаждении, которое приносит им злодейское деяние.

Ричард Рамирес:

*«Я люблю убивать людей, убил больше двадцати. Люблю смотреть, как они умирают. Выстрелию им в голову или зарежу хлебным ножом и смотрю, как их лица покрываются смертельной бледностью. Люблю всю эту кровь. Вам не понять меня... Я за пределами добра и зла».*⁷

Генри Джек Эббот:

«Ты всадил нож в его грудь по рукоятку. Он говорит “за что?” или “нет”. Ничего больше. Через нож твоя рука ощущает трепет его жизни. Ты переполнен чувством нежности... Ты уже загнал нож в него

несколько раз, не отдавая себе отчёта в этом. Опускаешься на пол вместе с ним, чтобы прикончить. Это всё равно что резать масло, никакого сопротивления. В конце они всегда произносят одно и то же слово: “пожалуйста”. И у тебя возникает странное ощущение, будто он молит тебя не о пощаде, а о том, чтобы ты завершил суровый акт как мастер... Все твои чувства в этот момент вознесены на необычайную высоту».⁸

Эббот самоутверждался убийствами, а знаменитый писатель Норман Мэйлер выбрал — решил самоутверждаться, затеяв кампанию по его освобождению из тюрьмы. Он применил безотказный в интеллектуальной среде аргумент — «общество виновато в совершённых преступлениях» — и добился своего. Через три месяца после выхода на волю Эббот зарезал молодого официанта в ресторане. Повод: тот сказал ему, что туалет за баром только для служащих.

Недавно по телевизору снова показали убийцу певца Джона Леннона, который сидит в тюрьме уже 35 лет, каждые два года подавая прошения о досрочном освобождении. Выяснились новые детали в судьбе Марка Чепмена. В де-прессию он впадал с юности. Леннон выбрал себе на роль кумира и настолько поклонялся ему, что тоже женился на японке. Вскоре, впадая в приступы ярости, начал избивать её, но она до сих пор считает себя его женой, навещает в тюрьме.

В какой-то момент Чепмен нашёл себе другой пример для подражания: Холден Колфилд из романа «Над пропастью во ржи». Следуя заветам Холдена, он поставил себе задачей не смиряться с засильем лицемерия и очищать мир от него. Леннон, в его глазах, перешёл от смелого бунтарства на стезю благонамеренного лицемерия, поэтому подлежал ликвидации. Но во время следствия, отвечая на вопросы журналистов «зачем убил?», он сделал признание больше похожее на правду: «Я просто устал быть никем».

Некоторым преступникам сам акт убийства казался слишком коротким, и они предваряли его фарсовым судебным разбирательством. Видимо, им нужно было насладиться страхом и отчаяньем своих жертв, их цеплянием за несбы-

точную надежду «получить оправдание». Террористическая организация Секигун (ответвление Японской Красной армии, 1970-е) регулярно присуждала к смерти собственных членов за всевозможные «буржуазные» грехи: одну молодую женщину казнили за ношение серёжек, другую — за пользование клинексами (попытки возбуждать эротизм). Мужчина не сумел выполнить порученный ему угон автомобиля — его связанным оставили умирать на морозе в снегу. Другой не вынес пыток, предшествовавших казни, и ночью покончил с собой, откусив себе язык.

Лидер группы, студентка фармакологического факультета Хироко Нагата, объясняла на суде, что их целью является свержение буржуазного миропорядка, что они никогда не смирятся с существованием режимов, допускающих эксплуатацию человека человеком, и что одним из средств к этому является «сотрясти мир ужасом».

*«Чем большие мировая пресса будет трубить о наших казнях, тем лучше».*⁹

Можно было бы отмахнуться от преступлений японских «красноармейцев» как от редкой патологии, если бы XX век не дал нам примеры массовых судебных фарсов, устраивавшихся Сталиным, Мао Цзедуном, Ким Ир Сеном, Кастро, Пол Потом.

В прошлом голос атамана, вождя, бунтаря, призывающего своих последователей в кровавый поход, могли рассыпать несколько сотен человек, собравшихся на площади. Голоса Гитлера, Сталина, Муссолини, Мао, Хо-Шимина, выступавших по радио, слышали миллионы. Я рискну высказать предположение, что без изобретения радио возникновение множества тоталитарных государств в мире было бы невозможно. Но сегодня мы дожили до новой — глобальной — системы коммуникаций, и возможности атаманов сзывать сообщников через Интернет сделались безграничными.

Что предлагают, чем заманивают в свои ряды молодых людей со всего мира вербовщики Нового Халифата? Нет, они не делают упор на божественной мудрости пророка Мухаммеда, на справедливости законов шариата, на обещаниях райского блаженства. Откровенно и красочно они рек-

ламируют только одно: массовые казни и расстрелы. Смысл их призыва: «Присоединяйтесь к нам, и вы получите бескрайние возможности самоутверждаться, безнаказанно убивая множество людей, объявляя их врагами Ислама».

То, что этот призыв срабатывает в таких масштабах, может пошатнуть веру в человечество даже в душах самых убеждённых гуманистов. Молодые люди с образованием, с блестящими возможностями впереди оставляют свои дома, родных, страну и устремляются под чёрные знамёна ИГИЛа. Можно искать утешения в мысли, что таким образом осуществляется очистка мира от тысяч потенциальных серийных убийц. Увы, многие из них не утруждают себя далёким путешествием и приступают к своим чёрным делам прямо по месту жительства: в Бостоне, Париже, Брюсселе, Египте, Калифорнии, Израиле.

Энтузиазм юных добровольцев, рвущихся в отряды Джихада и Нового Халифата, трудно понять, если мы не взглянемся в альтернативу, стоящую перед ними. Самоутверждение внутри стабильного мирного государства включает в себя соперничество с тысячами соплеменников, многие из которых превосходят тебя талантом, энергией, образованием, привлекательностью, унаследованным богатством. На любом из выбранных путей перед тобой будет маячить угроза поражения и краха, угроза «ощутить себя никем». Пугающая статистика юношеских самоубийств говорит именно об этом.

Часто молодой человек больше боится поражения, чем гибели, — потому и пускается в непостижимые для нас рискованные эскапады. Если же ты выбрал сражаться за какое-то дело, движение, религию, политическую партию и уверен в их окончательной победе, поражение тебе не грозит. Нечто, хранящее частицу тебя, будет жить и после твоей гибели — вот что греет им душу. Они утоляют не только жажду самоутверждения, но и две другие: жажду сплочения и жажду бессмертия.

Когда Чингиз-хан начинал свои завоевания, в его казне было не так уж много богатств для вознаграждения отличившихся соратников. Вместо слитков золота он одаривал их торжественным обещанием:

«Ты будешь свободен от наказания за пять-десять, двенадцать преступлений, которые совершиши в будущем».

Вербовщики Нового Халифата действуют тем же приёмом: заманивают безнаказанностью за убийства. Их организация оперирует на тех же территориях, по которым 800 лет назад катились полчища монголов. Неужели им удастся навербовать достаточное число мусульман Средней Азии, Афганистана, Северного Кавказа, чтобы организовать новое нашествие на многострадальную Русь?

В мировой истории много раз повторяется одна и та же последовательность событий: немногочисленное, но воинственное племя покоряет богатую страну; победители становятся правителями в ней, неслыханно богатеют, утрачивают боевой дух; через сто-двести лет в страну вторгается новая волна завоевателей, побеждает, устанавливает свою власть. Свобода и изобилие ослабляют воинственность, потому что у каждого появляется много других возможностей самоутверждаться, расширять своё я — могу.

Так персы в 6-м веке до Р.Х. под водительством царя Кира захватили процветающий Вавилон, Малую Азию, часть Египта. Но пятьдесят лет спустя, во время похода на Грецию их армия уже перегружена обозами с всевозможными яствами, вином, танцовщицами, они больше думают о добыче и развлечениях и терпят поражение от сплочённых и суровых греков. А ещё 200 лет спустя 30-тысячная армия Александра Македонского покоряет 20-миллионную Персидскую империю.

Такую же последовательность демонстрирует история арабов: неслыханные военные успехи и завоевания в 7-8 веках; богатство, роскошь, упадок воинского духа в 9-10 веках; поражения на территории Халифата от вторгающихся турок-сельджуков, турок-османов, монголов в 11-13 веках.

Здесь проступает закономерность необычайно важная для нашего исследования феномена войны. Предварительная формулировка её может звучать так:

В государстве свободном, изобильном, процветающем все люди имеют достаточно возможностей самоутверждаться мирными путями; в государстве деспотическом,

бедном, сдавленном запретами, война становится единственным реальным выходом для осуществления свободы, без которого человек не может существовать.

Самый ближайший пример — первая половина 20 века. Во Франции, Англии, Бельгии, Голландии, Чехии, Скандинавских странах люди имели достаточно свобод, чтобы находить многообразные пути к самоутверждению. В Германии, Италии, Японии, России режимы оставляли человеку только одну возможность: поддаться нагнетанию милитаристского духа и видеть в войне единственный путь утоления своей главной потребности. Тезис Чемберлена «никто не хочет войны», вызывавший всеобщее согласие в Лондоне, Париже, Праге, Амстердаме, мог вызвать лишь насмешку в Берлине, Риме, Токио, Москве.

Не исключаю, что и неукротимая воинственность сегодняшних мусульман напрямую связана с тем, что религиозные правила лишают их возможности самоутверждаться в финансовых спекуляциях, в свободном поиске и завоевании возлюбленных, в спортивных состязаниях, в художественных свершениях и многом другом. Даже обычное лекарство против неизбежной в таких обстоятельствах депрессии — алкоголь — им недоступно. Остаётся только обвязаться палками динамита и идти взрывать неверных.

Так или иначе, трезвый взгляд на Древнюю и Новую историю требует от нас сдать в архив представление о «венце творения», внушавшееся нам в течение двух веков Жан Жаком Руссо, Пьером Прудоном, Карлом Марксом, Львом Толстым, Берtrandом Расселом, Махатмой Ганди и прочими знаменитыми гуманистами. Извержения бессмысленной злобы и безграничной жестокости, заполнившие 20 век в небывалых ранее масштабах, требуют сменить табличку на клетке с *Homo Sapiens* в Музее животного мира.

К словам «*Добр, разумен, миролюбив*» необходимо добавить внизу:

«*Может быть злобен, ядовит, вооружён и очень опасен для окружающих и для самого себя*».

Примечания

1. А. Пушкин. «Пир во время чумы». Собр. соч. в 8 томах (С.-Петербург: «Просвещение», 1909), т. 3, стр. 557.
2. Борис Пастернак. «О, знал бы я, что так бывает...»
3. Иосиф Бродский. «Шествие». Собр. соч. в 5 томах (С.-Петербург: «Пушкинский фонд», 1992), т. 1, стр. 114.
4. Марина Цветаева. «Егорушка» XXXX
5. Марина Цветаева. «Вольный проезд». Избранная проза в 2 томах (Нью-Йорк: Руссика, 1979), т. 1, стр. 48.
6. В.В. Маяковский. «Облако в штанах». В сборнике «Стихи о любви» (Москва: Гос. изд. художественной литературы, 1959), стр. 88.
7. Cyriax, Oliver, Wilson, Colin & Damon. *Encyclopedia of Crime* (Woodstock & N.Y., Overlook Press, 1993), p. 361.
8. Abbot, Henry Jack. *In the Belly of the Beast* (New York: Random House, 1981), p. 76.
9. McKnight, Gerald. *The Terrorist Mind* (Indianapolis—New York: The Bobbs-Merrill Co., 1974), pp. 160-168.

I-2. Жажда сплочения

Значит, нету разлук, существует громадная встреча.
Значит, кто-то нас вдруг в темноте обнимает за плечи,
и полны темноты, и полны темноты и покоя,
мы все вместе стоим над холодной блестящей рекою.

Иосиф Бродский

Она живёт в душах людей так же глубоко и неодолимо, как в рыбах, сливающихся в косяк, птицах, выстраивающихся в стаю, оленях, антилопах, зебрах, огромными стадами пересекающихся снежные и степные пространства, пингвинах, сжавшихся в многосотенный живой круг под ветром Антарктики.

Вот бурная демонстрация, течёт по улице под морем плакатов и знамён.

Концертный зал, заполненный вопящими и раскачивающимися зрителями, вторящими своим кумирам с гитарами на сцене.

Горящие глаза телевизионной аудитории, собравшейся послушать откровения новомодного проповедника.

Длинные ряды лбов, упёршихся в пол мечети, и задранных к Аллаху задов.

Миллион паломников на площади перед собором Святого Петра в Ватикане.

Рёв стадиона, встречающего воплями болельщиков забитый гол.

Церковный хор, славящий Господа и дар жизни.

Карнавальные процесии в Рио-де-Жанейро, Новом Орлеане, Нью-Йорке.

Кавалькады мотоциклистов-байкеров, с серьёзными лицами разъезжающих по американским шоссе без всякой видимой цели, совершая ритуальное служение культу сплочения.

Какое это счастье — вырваться из тюрьмы своего одиночества, слиться с тысячами единомышленников, единоверцев, просто соплеменников!

Жажда сплочения может довести толпу до самоубийственного экстаза. Вспомнить только трагедию на Ходынском поле (1896), или всех погибших в давке на похоронах Сталина (1953), или те истории, когда спортивные болельщики обрушают трибуны и умирают под развалинами. На ежегодном поклонении в Мекке экстаз паломников оборачивается сотнями жертв.

Вся история мировой цивилизации может быть представлена как цепь расширяющихся слияний. Сначала возникла семья, семьи сливались в роды, кланы, фратрии (у греков), курии (у римлян). Затем несколько фратрий образовывали филу, несколько курий — трибу. Венчало этот процесс возникновение племени, а союз племён создавал фундамент для того, что мы сегодня именуем государством.

«В сплочённости — сила».

Эту истину люди знали и исповедовали с начала веков. Слаженные усилия строителей каналов и пирамид, непобедимость греческой фаланги или римской когорты, стойкость Наполеоновских каре, сокрушительные атаки казачьей конной лавы, грозная вереница многопушечных фрегатов символизируют в нашем сознании важность и победную эффективность высоких уровней сплочённости. Но эти уровни так часто достигаются внешними приёмами — строевой муштрай, трудовой дисциплиной, угрозой наказаний, лишением пайка, что мы склонны забывать, — не замечать внутреннего импульса человека к сплочённости и солидарности с другими.

Между тем импульс этот обладает необычайной силой. Жажда свободного самоутверждения и жажда сплочения вечно противостоят друг другу в душе человека. Чтобы вступить в тесный союз с единоверцами, соплеменниками, идеальными соратниками, я должен отказаться от многих дорогих мне свобод. И наоборот, следя порыву к реализации индивидуальной свободы, я навлекаю на себя гнев и отчуждение тех, кто ждёт от меня подчинения клановым правилам и нормам.

Неужели нет выхода из этой вечной дилеммы? Оказывается, есть. Если жизнь столкнёт меня с каким-то союзом людей, не получившим ещё одобрения моего клана, рода,

государства, моё присоединение к нему, грозящее мне всякими карами, будет переживаться мною как акт свободного самоутверждения.

В предыдущей главе мы уже говорили о том, что человек, устремляющийся под чёрные знамёна Нового Халифата, утоляет одновременно все три главных порыва: к самоутверждению, к слиянию, к бессмертию. Но то же самое происходило во многих других эпизодах мировой истории. Сражаться за независимость Американских штатов в конце 18 века примчались француз Лафайет, немец Фон Штойбен, поляк Костюшко, британец Томас Пэйн и множество других европейцев. Долгая борьба славян против турок в 19 веке привлекала на Балканы тысячи энтузиастов от лорда Байрона до русского генерала Черняева, уехавшего воевать за сербов в начале 1870-х, вопреки запрету царского двора.

В Испанской гражданской войне 1936-39 годов республиканское правительство смогло сформировать интернациональные бригады из приехавших в страну антифашистов. Сегодня в вооружённых подразделениях Донбасса можно увидеть не только добровольцев из России, но также кавказцев, прибалтов, казахов, даже испанцев и чилийцев.

Счастье слияния остро переживал и ярко описал Маяковский:

*...Если в партию сгрудились малые —
сдайся, враг, замри и ляг!
Партия — это рука миллионопалая,
Сжатая в один громящий кулак...
Я счастлив, что я этой силы частица,
Что общие даже слёзы из глаз.
Сильнее и чище нельзя причаститься
Великому чувству по имени — класс!¹*

Заметим, что для полноты этих чувств поэту необходимо наличие врага, на которого обрушится «миллионопалый кулак».

Жажда слияния давала энергию многим массовым перемещениям народов в мировой истории. Исход евреев из Египта — просто первый из известных нам эпизодов. Английские пуритане в начале 17 века увидели Землю обетованную за Атлантическим океаном и смогли так сплотиться,

что успешно обосновались в Массачусетсе. Следуя их примеру, в следующем веке баптисты выбрали на ту же роль Пенсильванию. До своей обетованной Земли мормоны должны были покрыть в 1840-е 1700 километров от штата Нью-Йорк до Солёного Озера в Юте. Для российских духовников Землёй обетованной оказалась Канада. Джим Джонс уговорил своих последователей переехать из «прогнившей» Америки в девственные джунгли Гайаны (1970-е).

И в прошлом, и в настоящем у всех народов с необычайной лёгкостью возникали — там, где власти это позволяли, — религиозные и псевдорелигиозные культуры. На первый взгляд, это явление опровергает наш тезис об универсальности жажды самоутверждения. Ведь человек, вступающий в культ, должен отказаться от многих свобод, полностью подчиниться воле лидера культа. В действительности же, сам акт свободного отказа от всех прав может переживаться неофитом как апофеоз свободного волеизъявления.

Недаром в индуизме так часто всплывает тезис:

«Самое высокое свершение — победить собственную волю, перестать хотеть, достичь нирваны».

Конечно, может наступить момент, когда человек пожалеет о сделанном выборе и попытается вырваться из наложенной им на себя неволи. Именно поэтому религиозные культуры так яростно преследуют и карают отступников. Все, кому удалось покинуть Церковь Сайентологии, рассказывают, какие опасности и препятствия пришлось преодолевать, какое давление было оказано на них. Недавно всплыла трагическая история о молодом человеке, вступившем в маленький культ в Коннектикуте и вскоре забитом до смерти своими единоверцами за отказ каяться по их правилам. Подобным же образом запрет выезда за границу — неизменная черта любого тоталитарного государства, от Древней Спарты и Средневековой Японии до Кубы и Северной Кореи наших дней.

Власть лидера культа над своими последователями может превзойти даже власть абсолютного тирана над подданными. Сталин мог безнаказанно убить любого жителя

СССР, но даже он не мог бы заставить его отравлять собственных детей перед смертью, как это сделал Джим Джонс.

Если страсть к самоутверждению может привести человека на путь *индивидуальных* преступлений, то страсть к сплочению скорее подтолкнёт его к добровольному вступлению в банду, уличную шайку, мафиозный клан. Тому, кто равнодушен к политическим или религиозным идеям и схваткам, нет нужды отправляться в далёкие и опасные путешествия, чтобы слиться там с той или иной армией сражающихся. В соседнем квартале или даже в собственном жилом комплексе он легко найдёт местного главаря, атамана, босса, который объяснит ему, что нужно сделать. Да, потребуется в качестве «вступительного взноса», инициации, ограбить кого-то или даже убить, или хотя бы сбить с ног ударом кулака случайного прохожего. Да, ты вступаешь на всю жизнь, измена карается смертью (традиционная формула: «кровь на входе, кровь на выходе»). Но какое волшебное сознание силы и грозности ты получаешь взамен, каким почтительным страхом соседей и знакомых ты будешь окружён! Ещё один вариант Декартовой формулы: «*Пугаю — значит существую!*»

Вступление в религиозный куль или уличную банду подразумевает разрыв с привычным жизненным укладом. Но мечта о слиянии утоляется гораздо легче, если во всей стране произойдут политические перемены, нацеленные на полное подчинение человека государству. Тоталитарный деспотизм идеально утоляет жажду человека к сплочению, среди «счастливых» подданных должно царить полное единодушие. Тяга к бессмертию тоже получает некоторое утоление: каждый человек ощущает себя частицей того, что было до него и пребудет после.

Ну а как же утолить страсть к самоутверждению, если внешняя война по каким-то причинам (силёнок маловато) невозможна? Тогда-то и возникает то, что будет подробно рассмотрено во второй части: внутренний террор по отношению к какому-то религиозному, национальному или социальному меньшинству.

Сжигание еретиков было любимым развлечением Средневековой Европы, старушка, подложившая ветку в костёр Яна Гуса, явно видела в этом акт самоутверждения.

По свидетельству историков, вся Испания ликовала, когда в 1492 году из неё изгоняли евреев, а в 1609 — морисков.

И французские католики были в восторге, когда Людовик Четырнадцатый начал изгонять и казнить гугенотов (1685).

Парижские «вязальщицы» сходились на площадь как в театр, чтобы любоваться работой гильотины (1790-1794).

Избиение армян в Турции (1915) до сих пор не признаётся в этой стране преступлением геноцида.

Погромы еврейских магазинов и синагог в Гитлеровской Германии вызывали открытый энтузиазм у рядовых немцев (1930-е).

Всякий деревенский босяк и бездельник в Сталинской России с удовольствием участвовал в «раскулачивании», а когда террор перекинулся на «шпионов, вредителей, космополитов, убийц в белых халатах», городской обыватель, глядя вслед «чёрной Марусе», увозящей очередную жертву в подвалы НКВД, ронял с злорадством и торжеством: «*Там разберутся!*» (1949-1953).

И конечно, хунвейбины, забивающие палками учителей, журналистов, профессоров и других интеллигентов, видели в этом великолепную возможность потешить свою страсть к самоутверждению, одновременно сливааясь «с великим народом, строящим коммунизм» (1960-е).

Вспышки внутреннего террора в мировой истории, как правило, принято связывать с именем деспота, находившегося в тот момент у власти: Сулла, Нерон, Домициан, Филипп Красивый Французский, Торквемада, Иван Грозный, Бирон и так далее. Но, думается, что ни один из них не мог бы осуществлять свои злодеяния без молчаливого — а порой и громогласного — «*Смерть шпионам! Размозжим головы!*» — сочувствия и соучастия народных масс. Даже те, в ком ещё звучал голос сострадания, глушали его, интерпретируя происходившее как некие неизбежные человеческие жертвоприношения на алтарь всеобщего единства.

Люди, пережившие сталинские и хрущёвские времена, помнят: с каким подозрением и недоброжелательством прохожие на улицах относились к попыткам отличаться от толпы хотя бы в одежде, причёсках, косметике. В СССР позорили так называемых «стиляг», за слишком узкие брюки и иностранный шарфик дружинники могли отвести в милицию. В маоистском Китае девушкам могли прямо на улице отрезать косы, если они превосходили положенную длину. Сегодняшнему лидеру Северной Кореи мало того, что весь народ одет в такие же чёрные френчи, как у него. Недавно он потребовал, чтобы мужчины подражали ему и в причёске, состригая волосы с висков.

Равенство, единообразие, сплочённость были гораздо легче достижимы на племенной ступени цивилизации. Но с возникновением государства совместное существование людей усложнилось десятикратно. Разделение обязанностей приводило к тому, что кто-то должен был трудиться на полях и стройках, кто-то — распоряжаться работами и распределением продукта труда, кто-то — повелевать, судить и отражать внешних врагов, кто-то — познавать мироздание и хранить накопленную информацию. Неизбежно возникало неравенство, а вместе с ним и мучительный вопрос: *«Почему ты наверху, а я внизу? Почему не наоборот?»*

Почти во всех земледельческих империях проблема эта была решена путём разбивки населения на сословия и касты. Рабы, плебеи, всадники, патриции, сенаторы в Древнем Риме; неприкасаемые, шудры, кшатрии, брахманы в Индии; крепостные, вольные горожане, дворяне, духовенство в Европе и России.

Человеку легче было смириться со своим положением на нижних ступенях государственной пирамиды, когда ему внушалось, что он предопределён к нему самим фактом рождения в нижнем сословии. Пути перехода в более высокие слои за счёт собственных талантов и энергии всячески затруднялись, порой перекрывались наглухо.

Однако там и тут возникали национальные образования, которые отказывались от кастовой системы, давали каждому человеку возможность проявить себя на том поприще и в той мере, которые соответствовали его природной ода-

рённости. Такие образования очень скоро достигали невероятных успехов в экономической и военной сферах. Маленькая Финикийская республика господствовала в Восточном Средиземноморье, сумела отразить непобедимого вавилонского царя Навуходоносора (шестой век до Р.Х.), создала могучий Карфаген. Афинская республика отразила нашествие огромной армии персов, рассыпала свои процветающие колонии по берегам Эгейского и Чёрного морей (5-4 век до Р.Х.). И в Средние века мощь и процветание таких республик, как Флорентийская, Генуэзская, Венецианская, Новгородская показывали всему миру, что сплочённости можно добиться и не подавляя страсти человека к самоутверждению.

Уникальный вариант победной сплочённости демонстрируют нам три тысячи лет истории иудеев. Многократно изгоняемые из мест проживания, они ухитрялись сохранять цельность своего племени исключительно религиозными и языковыми скрепами. Вражда антисемитов к ним часто была окрашена чертами зависти. Казалось бы: как можно завидовать бедным и бесправным евреям, запертым в гетто или за чертой оседлости? Завидовали именно их феноменальной сплочённости, преданности друг другу, готовности помочь, спасать, утешать, лечить. Когда зависть делалась нестерпимой, евреев изгоняли. Гитлеру было нетрудно раздувать миф о мировом еврейском заговоре: именно так их сплочённость могла быть интерпретирована в сознании простонародья.

Инструментом сплочения племени была устная речь. Возникновение земледельческого государства повсюду сопровождалось появлением нового средства коммуникаций: письменности. Теперь писаные своды законов и летописи могли связывать в единое целое не только всех живущих, но также и разные поколения. Предпосылкой индустриальной эры можно считать скачкообразное расширение информационного обмена, внесённое изобретением печатного станка. Все европейские революции, все политические и религиозные движения 17-19 веков были бы немыслимы без газет, журналов, памфлетов, листовок, распространявшихся многотысячными тиражами. Наконец, в 20 веке технический

прогресс одарил нас обоюдоострым инструментом сплочения, способным преодолевать огромные расстояния и вовлекать миллионы: радиотрансляцией и кинохроникой.

Для нашего исследования важно взглянуться в то, как этим инструментом воспользовались три страны, начавшие Вторую мировую войну: Германия, Япония, Россия (Италия во многом копировала немецкий опыт, поэтому её можно для краткости исключить пока). Каждая из них была выстроена на идеологическом фундаменте, сильно отличавшемся от двух других, но каждая объявляла своей великой целью достижение нового порядка, мира и процветания на всей планете. Рескрипт японского правительства, сопровождавший подписание союза с Германией в 1940 году, содержал такие формулировки:

*«Утвердить нашу великую правоту на всей земле и превратить мир в единую семью является огромным свершением, исполнение которого завещано нам имперскими предками и к которому мы стремимся всем сердцем денно и нощно. Сокрушительный кризис, обрушившийся сегодня на человечество, грозит бесконечным расширением войны и смятения. Поэтому мы страстно надеемся, что конфликты утихнут и мирное сосуществование воцарится в ближайшее время... Задача предоставить каждой нации её законное место и всем людям жить в мире и безопасности имеет огромную важность. Она беспрецедентна в истории. Но до достижения её ещё далеко».*²

Врагами мира и процветания объявлялись те страны, в которых к власти прорвались силы, ставившие корысть и наживу выше всего. В терминологии Гитлеровской идеологии эти силы идентифицировались с заговором мирового еврейства. Японская пропаганда неустанно прославляла торжество духовного начала над материальным и именно это обещала насадить в покоряемых странах. Сталинский режим провозглашал неизбежную победу марксизма-ленинизма и полное уничтожение эксплуататорских классов. Но все эти различия идейных позиций не мешали агрессорам выступать в тесном союзе в первые годы войны.

В 1930-е нацистские идеи находили горячий отклик в миллионах сердец не только внутри Германии, но и за её пределами. Одних привлекал в ней яростный антисоциализм. Других — призывы защищать права трудового народа. Третьих — взваливание вины за Первую мировую войну на мировой капитализм, призывы к социалистическим переменам. Но главным было то, что каждый немец, припавший к своему радиоприёмнику и вслушивавшийся в страстные тирады Гитлера или Геббельса, мог испытать счастливое чувство слияния с миллионами соплеменников.

Так вышло, что в начале 1970-х судьба свела меня в Москве с убеждённым русским националистом. Однажды, листая американский журнал, лежавший на моём столе, он дошёл до рецензии на историческую книгу о Германии, в которой была напечатана фотография: ряды гитлерюгенда, замершие на стадионе с поднятой в салюте рукой.

Глаза моего собеседника увлажнились, и он сказал:

«Какая была эпоха! Какое единодушие, какой энтузиазм!»

И такие же восторги по поводу народного единодушия выражал сорок лет спустя другой русский националист, писатель Проханов, вернувшийся из поездки в Северную Корею и умилявшийся там на демонстрации на улицах Пхеньяна.

Когда Гитлер отдал приказ о вторжении в Польшу в сентябре 1939 года, большинство его генералов считали это безумием. В тот момент соединённые силы противостоявших Германии европейских стран настолько превосходили силы Вермахта и Люфтваффе, что если бы они в том же сентябре ударили с запада, поражение было бы неминуемым. Однако Франция и Великобритания ограничились формальным объявлением войны и дали немцам разгромить поляков за три недели.

Дело было в том, что за шесть лет нахождения у власти тёмный гений Гитлер не только наращивал производство танков, самолётов, подводных лодок. Он ковал оружие, которого не было у англичан, французов, поляков, чехов, которое не могли оценить его генералы. Пока Франция строила оборонительную линию Мажино, Лондон изощрялся в

дипломатических ходах, машина нацистской пропаганды день за днём цементировала невидимые бастионы сплочённости немецкого народа.

Ни один голос протesta или хотя бы сомнения не должен был прорваться через выстраивавшуюся стену. Политические партии запрещались, «неправильные» книги сжигались, газеты и журналы закрывались. Главные нарушители единства — интеллектуалы всех мастей — изгонялись, исчезали в лагерях, в страхе толпами покидали страну. Бывший соратник Рэм и его штурмовики были физически уничтожены, коммунисты уходили в подполье. Факельные шествия, показательные суды, разгром еврейских лавок и синагог, спортивные победы арийских атлетов заполняли кадры кинохроники. Речи нацистских лидеров по радио перемежались воинственной музыкой Вагнера и Бетховена или военными маршами.

Мир был ошеломлён немецкими победами 1940 года. Не сердить, не провоцировать Германию стало лейтмотивом в речах многих политических лидеров ещё не покорённых стран. Испания, Швейцария, Швеция, США строго придерживались нейтралитета. Прогерманские правительства без труда удалось сформировать в Вишистской Франции, в Норвегии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Словакии. Военные победы выглядели самым убедительным доказательством политической и идейной правоты, толкали многие народы следовать примеру Германии.

Историки, изучающие сегодня Европу 1930-1945 годов, ищут причины победоносного шествия гитлеризма в традиционной немецкой воинственности, в мировом экономическом кризисе, в несправедливых условиях Версальского мирного договора (1919), погрузившего Германию в унизительную нищету и бесправие. Но они забывают, что в те же самые годы, на другом конце света, страна с совершенно другими традициями и другой исторической судьбой демонстрировала точно такую же необъяснимую и победную военную агрессивность. Японская экспансия даже не возглавлялась одним полновластным лидером, гениальности которого можно было бы приписать десятикратное расширение территории Империи Восходящего Солнца.

Есть ли у нас сегодня возможность приблизиться к «решению японской загадки»?

До 1945 года страна эта была настолько закрытой для объективного изучения, что политический анализ происходивших в ней изменений был почти невозможен. Лишь после капитуляции Западный мир стал осознавать, насколько его ценности и традиции были отличны от японских. Одним из первых появилось на свет исследование американки, Руфи Бенедикт, которая сумела взглянуться в характер островной нации непредвзято.

Главная разница, обнаруженная ею: если американец боготворит равенство и свободу, японец так же боготворит иерархию и сплочённость. Для него самое страшное — «потерять лицо», нарушить принятые формы поведения. Он должен точно знать, какое место ему отведено на ступеньках иерархической лестницы, кто из окружающих выше него, а кто ниже, какими поклонами и оттенками вежливости следует демонстрировать правильное осознание своего места.

На войне предельным случаем «потери лица» считалась сдача в плен. Японского солдата даже не инструктировали, как он должен вести себя в плену, — настолько подобная возможность исключалась. Он должен был сражаться до последнего патрона, а потом взорвать себя последней гранатой, предпочтительно вместе с врагами, неосмотрительно приблизившимися к нему. В плену оказывались лишь тяжелораненые или потерявшее сознание.

Японцев изумляло, что американцы и британцы, попавшие к ним в плен, не считали себя опозоренными до конца дней, не осознавали себя безнадёжно утратившими уважение своей страны, просили сообщать данные о себе их родным. Они были даже способны смеяться! Смех в лагерях для военнопленных считался серьёзным нарушением дисциплины, карался сурово.

Сострадание, готовность помочь, бескорыстная поддержка попавших в беду не считались у японцев добродетелями, не ценились. По их представлениям, оказывая услуги своим близким, ты накладывал на них обязанность благодарности, что считалось тяжким бременем и обозначалось словом **ОН**, имевшим множество оттенков. Даже продавец в

лавке, благодаря посетителям за покупку, мог использовать оборот: «я пристыжен на всю жизнь».³

Американец может с гордостью сказать:
«Я никому ничем не обязан».

Японец же живёт в состоянии вечной задолженности: родителям, учителям, вскормившей его нации. Место религии в Японии занимает шинтоизм — религиозное поклонение всему, что связывает народ воедино, его преподают в школах.

Пренебрежение к состраданию обличалось почти полным отсутствием полевых госпиталей во время войны. Раненый солдат считался просто «подпорченным» солдатом и должен был заботиться сам о себе. Американский военно-пленный в лагере мог рассчитывать на медицинскую помощь от пленного врача в своём бараке, а японская охрана практически была лишена доступа к профессиональным медикам. Если боевые действия приближались к японскому тыловому госпиталю и захват его делался неизбежным, раненых не эвакуировали, а пристреливали или давали оружие, чтобы они могли покончить с собой.

Так же мало ценилась честность, особенно в пропаганде и международных отношениях. И нападение на Порт-Артур (1904), и захват Маньчжурии (1934), и атака на Перл-Харбор (1941) были совершены без предупреждения. Любые новости с театра военных действий представлялись как победы или умелое маневрирование. У нас нет возможности проверить цифры потерь японского флота в Цусимском бою (1904), но утверждать, что в трёхдневном сражении с мощной русской эскадрой были потеряны всего несколько торпедных катеров, могут только люди, которым позволено врать беспардонно и безоглядно. В конце августа 1945 года население Японии ещё не знало о том, что произошло в Хиросиме и Нагасаки (6 и 9 августа), и о том, что война проиграна.⁴

Строгая иерархия соблюдалась не только в общественной, но и в семейной жизни.

«Жена кланяется мужу, ребёнок кланяется отцу, младшие братья кланяются старшим, сестра кланяется всем братьям независимо от возраста... Ро-

*дители могут устраивать и расторгать браки своих детей, даже если те уже достигли 30-40-летнего возраста. Отцу — главе семейства — первому подают еду за столом, он первым опускается в семейную ванну, ему кланяются все члены семьи».*⁵

Общество, учредившее у себя строгую дисциплину, беспрекословное подчинение нижестоящих вышестоящим, есть, по сути, армия всегда готовая к походу. Мало того, что японцы считали такой порядок человеческих отношений наилучшим. Они изумлялись тому, что покорённые народы не выражают благодарности за упорядочение их жизни, проявляют явную враждебность. В невообразимой жестокости, с которой оккупационные японские войска обращались с местным населением в Корее, Маньчжурии, Китае, Малазии, Индонезии, Филиппинах, проявлялось не только их традиционное презрение к состраданию, но и мстительность.

«Не умеете ценить нас?! Так мы вам покажем!»

На примере Японии мы ясно видим, что воинственный тоталитаризм может быть создан без аппарата принуждения, без тайной полиции, лагерей, внутреннего террора. Народ добровольно предпочёл счастье сплочённости счастью свободного самоутверждения и превратился в могучую военную силу, с которой удалось совладать только ценой огромных усилий и потерь.

Сталинский тоталитаризм имел совершенно другую природу. Он не искал опоры в народных верованиях и традициях, всюду предпочитал действовать страхом и грубой силой. В Германии и Японии революционный переход в индустриальную эру произошёл без гражданской войны, поэтому в них уцелело много людей с образованием, энергией, целеустремлённостью, традициями, те, кого в других своих книгах я обозначал термином «дальнозоркий» или «высоко-вольтный». В России же гражданская война 1918-1921 годов, последовавшая эмиграция побеждённых и волны террора практически уничтожили тех, для кого свободное самоутверждение было дороже всего остального. Оставалась народная масса способная ценить только счастье сплочения, и эту потребность сталинский режим был готов удовлетворять любыми доступными средствами.

Во многом эти средства и методы повторяли то, что делал Гитлер в Германии. Недаром режиссёру Ромму удалось создать документальный фильм «Обыкновенный фашизм» (1965), в котором культурные россияне Брежневской поры видели скрытое разоблачение сталинщины. Военные парады, оглушительная пропаганда по радио и в газетах, шествия физкультурников, бравурные марши, трудовые победы в кадрах кинохроники. Но было одно свойство, которое в Сталине развилось сильнее, чем в немецком фюрере: звериный инстинкт самосохранения.

Он неплохо знал русскую историю и помнил: сколько русских правителей были лишены власти или даже убиты собственными военными. Свержение царевны Софии стрельцами (1689), стрелецкие бунты, чуть не погубившие Петра Первого (1698), убийство гвардейцами Петра Третьего (1762), а потом и Павла Первого (1801), восстание декабристов (1825). По сути, и свержение Николая Второго в феврале 1917 было осуществлено девятью главнокомандующими фронтами в его собственной армии, которые отказались защищать трон от революции. Недаром для прославления в кинематографе и литературе Сталин выбрал тех российских владык, которые безжалостно расправлялись с военными: Ивана Грозного, пославшего своих опричников убивать бояр, и Петра Первого, не брезговавшего отрубить головы стрельцам собственноручно. (Оба, кстати, сыноубийцы.)

Нельзя также исключать возможность того, что внедрённые Сталиным в армию политкомиссары состязались в сочинении доносов на своих командиров, приписывая им заговоры и планы измены, чему он охотно верил. В какой-то мере это могло послужить мотивом для того беспрецедентного избиения командного состава Красной армии, которое он устроил в 1937-38 годах.

Роберт Конквест, пользуясь данными советской печати, в своей книге «Большой террор» приводит цифры погибших: маршалы — трое из пяти; командующие армиями — 13 из 15; адмиралы — восемь из девяти; корпусные командиры — 50 из 57; командиры дивизий — 154 из 186.⁶

Обезглавленная Красная армия была так ослаблена, что при огромном численном и техническом перевесе не

смогла нанести решительного поражения финнам в кампании 1939-1940 годов, и Сталин был вынужден удовлетвориться небольшими территориальными приобретениями. Зато от покушений на себя он застраховался надёжно.

Встретившись с Гитлером в аду, сможет сказать ему: «*Не последовал моему примеру, не провёл чистку в армии, вот и поплатился: чуть не погиб от рук собственных генералов летом 1944*».

Некоторые историки высказывали предположение, что именно слабость, проявленная Советским Союзом в финской войне, спровоцировала Гитлера на вторжение в июне 1941 года. И в первые месяцы его расчёты подтверждались. Красная армия стремительно откатывалась под ударами вермахта, немецкая авиация захватила полное господство в воздухе. Несмотря на то, что сдача в плен была объявлена преступлением, красноармейцы сдавались толпами, немцы не знали, что им делать с таким количеством военнопленных.

Но в сентябре-октябре победное наступление начало буксовать. Растворившиеся коммуникации не позволяли снабжать армию в достаточной мере, ранние холода, при нехватке зимнего обмундирования, превратились в серьёзное препятствие, танки застревали в сугробах. А главное — начал меняться дух русских солдат. То, что не удалось Сталину — сплотить народ в единое целое, — сделал за него Гитлер. Произошло то же самое, что имело место при вторжении Наполеона, про что писал Толстой в «Войне и мире»:

«*Дубина народной войны поднялась со всей своей грозной и величественной силой и принялась гвоздить вторгшегося врага...*»⁷

Каким чудом Советский Союз, потеряв половину европейской территории, на перевезённых в тыл заводах, отправив на фронт миллионы трудоспособных мужчин, смог в 1942 году удвоить и утроить выпуск танков, самолётов, пушек, снарядов? Этому феномену нельзя найти никакого объяснения в чисто экономических категориях, не включая наше расплывчатое понятие: *сплочение*.

Песенный клич-призыв «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой» вдруг перестал быть просто про-

пагандой, он доставал до глубины сердец. Стойкость русских, выдержавших натиск военной машины, подмявшей под себя всю Европу, восхищала британцев и американцев. Тем более что и в их странах стремительный процесс национального сплочения перед лицом вторгшегося врага тоже преобразил национальное сознание, заглушил голоса пацифистов, дал силы сражаться и побеждать.

После разгрома Германии и Японии мир распался на два лагеря: свободной демократии и коммунистического тоталитаризма. Анализ и описание этого противоборства находится в руках политологов, историков, социологов, то есть людей образованного слоя, которые в подавляющем большинстве выбирают счастье самоутверждения, а к счастью сплочения относятся с высокомерным пренебрежением. Интеллектуал будет применять своё искусство «словесной виртуозности» (термин американского философа Тома Соуэлла), чтобы объяснить невероятные успехи коммунизма во второй половине 20 века исключительно применением обмана и грубой силы.

На самом деле идеи коммунизма манят к себе миллионы людей именно потому, что в них заложена мечта о небывалом сплочении, которое может принести освобождение от частной собственности. Эта мечта звучит и в проповеди Христа, и в устройстве монастырей, и всевозможных коммун, и в израильских кибуцах. Владеть чем-то, чего не имеет мой ближний, всегда смутно ощущается как грех, проклятия богачам неслась и будут нестись из уст проповедников всех времён и народов. То, что в реальной истории попытки осуществить эту мечту оборачивались морями крови и страданий, забывается, и толпы вооружённых последователей Маркса, Ленина, Мао, Кастро снова и снова выходят на бой во всех концах планеты.

В посткоммунистической России все государственные акции, направленные на утоление человеческой страсти к сплочению, истолковываются интеллектуалом как корыстные манипуляции кремлёвских заправил, стремящихся только к укреплению собственной власти. Ему кажется диким, что люди могут с ностальгией вспоминать страшные годы войны или правление Сталина. Пока он отрицает право че-

ловека на утоление страсти к сплочению, он будет оставаться отщепенцем, высоколобым бунтарём, изгоем.

Интеллектуал больше всего ценит талант, самобытность, смелость в разрушении канонов и штампов. Он не хочет видеть, что в глазах народной массы все эти замечательные качества попадают в разряд угроз для радости сплочения. Он клеймит тягу к сплочению словами «стадное чувство», «торжество серости», «моральная слепота», «разгул толпы» или даже «быдла».

Однако в реальной жизни он и сам ищет и находит счастье сплочения. Только в его случае это оказывается «сплочением высоколобых бунтарей». Особенно в российской истории сей феномен являет себя с поразительным упорством. Как только страна достигала стабильности после очередного революционного катаклизма, в верхних слоях общества возникали группы оппозиционеров, стремившихся к разрушению государственного порядка. Они могли кардинально отличаться друг от друга по идейным устремлениям, по методам борьбы, по объявленным целям, но все эти различия отступали перед их единодушной ненавистью к властям предержащим.

Так, в веке 19-м к свержению царизма призывали революционные демократы во главе с Герценом и Чернышевским, народовольцы, ведомые Желябовым и Перовской, анархисты, вдохновляемые Бакуниным и Кропоткиным, эсера, подхватившие у народовольцев знамя террора, христианский непротивленец Лев Толстой и «несгибаемый большевик» Ульянов-Ленин, ухитившийся разглядеть в Толстом «зеркало русской революции».

В эпоху послесталинского диссидентства, во второй половине века 20, христианин Солженицын и коммунист Лев Копелев могли сделаться друзьями и единомышленниками, генерал Григоренко мог выступать в защиту противников вторжения в Чехословакию (1968), борцы за еврейскую эмиграцию могли находить общий язык с русскими националистами, сидевшими с ними в одном лагерном барачке. Когда же ветры истории выносили ниспровергателей в эмиграцию, их сплочённость тут же улетучивалась. Страшные раздоры и вражда были характерными чертами жизни

русской политической эмиграции первой волны (1920-1941). Диссиденты, выпущенные на Запад в 1970-е, тут же насмерть перессорились друг с другом. Оказалось, что только перед врагами по имени Политбюро и КГБ могли ощущать себя союзниками Владимир Максимов и Андрей Синявский, Василий Аксёнов и Иосиф Бродский, Эдуард Кузнецов и Натан Щаранский.

Сегодня фактором сплочения для высоколобых российских бунтарей сделался президент Путин. Кто только не слал проклятия в его адрес! Олигархи Березовский и Ходорковский, блогеры Удальцов и Навальный, музыканты Макаревич и Гребенщиков, политики Немцов и Явлинский, литераторы Войнович и Лимонов и целая толпа журналистов, пригретых радиостанцией «Эхо Москвы».

На сакриментальный вопрос: «вы против кого дружите?» — у всех этих людей ответ будет один:

«Против этого бывшего кагебешника, патологического властолюбца, лидера партии воров, захватчика Абхазии, Южной Осетии, Крыма, разжигателя войны в Донбассе, продолжателя дела Гитлера-Стилина!»

Можно предвидеть, что, кто бы ни сменил Путина у государственного кормила, ему так же достанется роль источника единения для вечного российского бунтаря. Но если смена нынешнего режима произойдёт в результате революционного взрыва, тогда единодушие испарится стремительно. Произойдёт то, о чём писал в своём 16 веке ещё Монтень:

*«Те, кто расшатывают государственный строй, первыми, чаще всего и гибнут при его разрушении. Плоды смуты никогда не достаются тому, кто её вызвал; он только всколыхнул и замутил воду, аловить рыбу будут уже другие».*⁸

И сколько уже раз история демонстрировала справедливость этого наблюдения!

Не проходит и трёх лет со дня взятия Бастилии в Париже (1789), как революционеры переходят от казней аристократов и священников к казням бывших соратников, якобинцы казнят жирондистов, потом сами гибнут после Тер-

мидорианского переворота (июль 1794). После Февральской революции 1917 года в России не проходит и года, как большевики начинают расправляться с ниспровергателями монархии — кадетами, эсерами, анархистами и прочими.

Точно так же после свержения германского императора в 1918 году в стране начинается политическое противоборство, завершающееся диктатурой Гитлера, отправлявшего в лагеря всех анти monархистов без разбора, а вскоре и физически уничтожившего бывших союзников, штурмовиков.

Даже после революции августа 1991 года в России, в октябре 1993 танки, посланные президентом Ельциным, стреляют по зданию Верховного совета (Белому дому), в котором укрылись его бывшие соратники Хасбулатов, Руцкой и другие.

Но никакие исторические примеры не охлаждают пыла высоколобого бунтаря. Не действуют на него и призывы умеренных политиков, указывающих ему на то, что народная масса в данной стране, в данный исторический момент ещё не готова терпеть и поддерживать государственную власть, которая позволяет оппозиции обзывать себя «сборищем воров, палачей и тюремщиков». Интеллектуал смотрит на народную массу свысока и верит, что он предназначен вести её для её же блага. Выслушивать её невнятный «глас народа» он не хочет и не способен. Всё что ему остаётся — быть вечным ниспровергателем, колеблющим устои государственной постройки. Тщетно призывать его угомониться. Ибо такой призыв означал бы:

«Откажись от утоления двух главных устремлений твоей души — страсти к самоутверждению и страсти к сплочению».

Кто же согласится на такие жертвы?

Политические бури второй половины 20 века привели к расколу многих народов на две части: Северная и Южная Корея, Северный и Южный Вьетнам, Китай и Тайвань, Восточная Германия и Западная. В одной части восторжествовали идеи, нацеленные на укрепление позиций свободного самоутверждения, в другой — нацеленные на усиление сплочённости. И процессы подобного размежевания про-

должают бурлить и сегодня в Азии, Африке, Южной Америке.

Острота противоборства между двумя выборами усугубляется тем, что в 21 веке новые десятки народов оказались перед необходимостью перехода из земледельческой стадии в индустриальную. Такой переход требует отказа от многих традиций и верований, отстаивая которые люди готовы идти на смерть. Подобные же процессы и катаклизмы происходили на этапе перехода сотен кочевых и мигрирующих племён к осёдлой жизни в земледельческом государстве – их мы рассмотрим во второй части книги. Пока же пришла пора взглянуться в последнюю из трёх главных страстей человека: порыв к бессмертию.

Примечания

1. Маяковский В.В. Избранные произведения. Москва: Детская литература, 1967, стр. 318.
- 1- Benedict, Ruth. *The Chrysanthemum and the Sword. Patterns of Japanese Culture*. Boston: Houghton Mifflin Co., 1948. p. 44.
3. Ibid., p. 106.
- 2- Busch, Noel F. *Japan. History* (New York: American Heritage Co., 1972), p. 170.
5. Benedict, op. cit., pp. 48, 52.
6. Conquest, Robert. *The Great Terror* (New York: Oxford University Press, 1990), p. 450.
7. Толстой, Лев. Война и мир. Собр. соч. в 20 томах (Москва: 1911), том 7, стр. 301.
8. Montaigne, Michel. *Essays* (New York: Penguin Books, 1955), p. 282.

I-3. Жажда бессмертия

Есть мистика, есть вера, есть Господь.
Есть разница меж них, и есть единство.
Одним вредит, других спасает плоть.
Неверье — слепота. А чаще — свинство.
Иосиф Бродский

«Нет, весь я не умру! Душа в заветной лире / мой прах переживёт и тленья убежит», — писал Пушкин.

«Но не тем холодным сном могилы / я б хотел навеки так заснуть...», — мечтал Лермонтов.

«Не листай страницы! Воскреси!» — взывал Маяковский к большелобому химику из будущего.

Надежду «убежать тленья» разделяли с поэтами миллиарды людей, живших на Земле до них и после. Не имея «заветной лиры», они искали других путей избавления от ужаса неизбежной смерти. Вся религиозная жизнь человечества вырастает из этого импульса: приобщиться через обожествление к солнцу, луне, камню, океану, Зевсу, Озирису, корове, змее или Богу невидимому и верить, что какая-то частица тебя сохранится за пределами твоей земной жизни, благодаря твоей причастности к объекту обожествления.

С самых первых шагов человечества, различимых в тумане прошлых тысячелетий, мы видим эти неутомимые попытки продлить наше существование если не в бесконечность, то хотя бы за пределы различимого умственным взором. Чтобы описать историю верований разных племён и народов, понадобилась бы энциклопедия в сотни томов. Мифы и саги о богах египетских, индийских, китайских, вавилонских, греческих, варяжских, мексиканских и прочих демонстрируют нам безграничность человеческой фантазии. Всё идёт в дело, всё годится — только бы не остаться лицом к лицу с осознанием собственной смертности!

Строительство пирамид, храмов, монастырей, соборов, мечетей, но также и строительство коммунизма, Третье-

го рейха, Нового Халифата приобщает человека к тому, че-му суждено пережить его. Здесь жажда бессмертия проявля-ет себя в макромире мировой истории. Но в микрокосме от-дельной человеческой души и судьбы тот же порыв прояв-ляется у всех народов, в первую очередь, самым непосредст-венным образом: заботой о детях, которым суждено про-должить твой род, и бережным сохранением памяти о пред-ках. Потомки и предки — эта невидимая струна, протянутая из бездны прошлого в бездну будущего, позволяет нам мыс-ленно скользить по ней, почти забывая о неизбежности соб-ственной смерти. Спасая своих детей, человек может пойти на верную гибель, а оскорбление, нанесённое памяти пред-ков, постарается смыть кровью обидчика.

Обожествление семейных связей в античном мире замечательно описал французский историк Фюстель де Ку-ланж.

*«Отец убеждён, что судьба его после смерти будет зависеть от сыновнего ухода за могилой, а сын, со своей стороны, убеждён, что отец по смерти стан-нет богом домашнего очага и ему надо будет воз-носить молитвы. Легко понять, сколько взаимного уважения и любви эти верования внедряли в семейство... В семье всё было божественно. Чувство долга, естественная любовь, религиозная идея, всё сме-шивалось и сливалось воедино... Человек любил тогда свой дом, как ныне он любит свою церковь».*¹

Заключая свой завет с Ноем, а потом и с Авраамом, Господь не обещает им ни беззаботной жизни в награду, ни райских кущ за порогом смерти, но только одно:

«Умножу ваше потомство, как песок морской» (Бытие, 9:7-9; 17:2, 7-8).

«...Так как ты сделал сие дело, и не пожалел сына твоего, единственного твоего, то Я благословляя благословлю тебя и умножая умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря; и овла-деет семя твое городами врагов своих; и благосло-вятся в семени твоем все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего» (Бытие, 22: 16-18).

Здесь опять обильное потомство выступает как главная награда за праведность. И наоборот: за то, что Хам согрешил, посмеялся над наготой своего напившегося отца, его потомки обречены стать рабами других народов (Бытие, 9:25-27).

Скептический ум нашего современника вряд ли может поверить, что народ, не имевший письменности во времена Авраама, мог сохранить в устном предании память о всех предках, отделявших его от Ноя (Бытие, глава 10). Не сочинил ли более поздний летописец все эти имена, число которых переваливает за сотню? Но здесь для нас важно другое: сама священность этого длинного списка давала каждому иудею надежду на то, что и его жизнь не начинается рождением и не кончается смертью.

По мере расширения человеческих сообществ от семьи к клану, от клана к роду, от рода к племени и государству неизбежно должны были возникать конфликты между различными миражами бессмертия.

«Я могу уповать на бессмертие, пока я блуду все заветы своего рода» —

могло прийти в мучительное противоречие с требованиями более высокого порядка. Страшное испытание, которому Господь подверг Авраама, потребовав от него принести в жертву его главное упование — сына Исаака, — продолжает потрясать наши души и много веков спустя. Рембрандт воспроизвёл его в картине «Жертвоприношение Авраама», Кьеркегор — в книге «Страх и трепет», Бродский — в поэме «Исаак и Авраам».

Многие античные трагедии тоже строятся на коллизии между высоким и высочайшим. Эдип освободил Фивы от Сфинкса, женился на вдове бывшего царя Лая, бережно растит рождённых с нею детей, выполняет всё, что заповедано человеку богами. И вдруг узнаёт, что убитый им в поединке путник на дороге был царём Лаем и мало того: именно он был его отцом. То есть он, Эдип, убил своего отца и женился на своей матери.

Если бы дело Эдипа разбиралось в сегодняшнем суде, его адвокаты стали бы доказывать, что Лая он убил в порядке самообороны, а кровосмешение с матерью совершил

по неведению. Скорее всего, присяжные вынесли бы приговор: невиновен. Но Эдип не может допустить, чтобы священные законы возмездия, выполнение которых приближало его к вечности, оказались нарушены. Он сам выносит себе обвинительный приговор и сам исполняет наказание — ослепляет себя.

В реальной политической и религиозной борьбе в Древней Греции и в Древнем Риме нередко всплывали коллизии, как будто взятые прямо из их трагедий. Первый консул Римской республики Луций Юний Брут приказал казнить двух своих сыновей, когда они выступили на стороне свергнутого царя Тарквиния Гордого (509 до Р.Х.). Плутарх так комментирует это событие:

*«Поступок Юния Брута невозможно ни восхвалять, ни осуждать. Либо высокая доблесть сделала его душу бессстрастной, либо, напротив, великое страдание довело её до полной бесчувственности. И то, и другое – дело нешуточное... Во всяком случае, римляне считают, что не столько трудов стоило Ромулу основать город Рим, сколько Бруту — учредить и упрочить республиканский способ правления».*²

Что вернее приблизит нас к бессмертию: выполнение долга перед родными, перед страной или перед богами?

В наш материалистический век мы склонны ставить долг по выполнению законов государства выше всех других человеческих обязанностей. Но я не думаю, что Дэвиду Качинскому легко было принять роковое решение, когда он догадался, что бомбы по почте рассыпает невинным людям его родной брат Тед (Теодор, 1996). Донести ФБР или промолчать? Дилемма достойная греческой трагедии.

Сегодня переселение огромного количества мусульман в страны Западного мира создаёт тысячи болезненных столкновений между их представлениями о священных обязанностях человека и законами демократических стран, построенными на идеях равноправия. Мусульманские юноши и девушки пытаются воспользоваться правами, открывшиеся перед ними в новом мире, родители приходят в ужас и отчаяние, идут на крайние меры, чтобы воспрепятствовать им.

«Убийства во имя спасения семейной чести» (honor killings) стали эпидемией в исламских общинах Англии, Америки, Канады. Недавно по каналу Investigative Discovery показали передачу про иммигранта из Ирака, который, уже находясь в Америке, выдал взрослую дочь за старика, оставшегося в Багдаде, а когда она отказалась подчиняться насилиственному браку, задавил её на улице автомобилем.

Религиозное чувство человека требует уделять заботе о мёртвых почти столько же времени и сил, сколько заботам о детях. Уже на заре цивилизации существовали народы, которые считали необходимым подкладывать в могилы оружие, продовольствие, посуду, питьё, чтобы усопший на том свете не знал недостатка ни в чём. В раскопках скифских захоронений находят даже скелеты лошадей и повозки. Оплакивание умершего скифского царя требовало, чтобы собравшиеся сбивали себе волосы, полосовали лица ножом, отрезали ухо, протыкали левую руку стрелой. В могилы вождей клали приносимых в жертву наложниц и юношей с оружием, которым предстояло сражаться в войске усопшего в загробном царстве.³

Человеческие жертвоприношения практиковались многими народами. Финикийцы и карфагеняне сжигали намеченные жертвы внутри металлического быка (Молох), для той же цели употреблялась металлическая статуя мексиканского божества, найденная на острове в Мексиканском заливе, внутри неё обнаружили человеческие останки.⁴ Мёртвые являлись людям в сновидениях, и один вождь придумал своеобразный способ общаться с ними: он заставлял раба заучивать послание наизусть, потом отрезал ему голову и зарывал. Если что-то важное забывал сообщить умершим, вызывал другого раба и отправлял на тот свет голову-постскриптум.⁵ В 19 веке нравы смягчились, и общение с душами умерших стало осуществляться при помощи верчения столов.

Почти все мировые религии включали в своё вероучение подробные путеводители по загробному царству и инструкции верующему, как устроиться в нём с наибольшим комфортом. Но, конечно, чемпионами в поклонении мёртвым явили себя древние египтяне. Не только искусство му-

мифицирования, статуи покойных, пирамиды и гробницы свидетельствуют о серьёзности, с которой они относились к этой задаче на протяжении трёх тысяч лет своей истории. Огромная литература священных текстов учила человека, как готовиться к встрече с богом Осирисом и чего можно ожидать от других богов, поджидающих мёртвых в загробном царстве.

«Священные тексты заверяли египтянина, что каждая душа могла, подобно Осирису, возродиться к жизни, поистине стать Осирисом... Веря в то, что каждый может разделить благую участь бога, египтянин смотрел на смерть без боязни. Благотворное влияние на круг этих представлений оказал эпизод полного оправдания обвинённого Осириса, ибо в нём таился намёк на возможность такого же оправдания для всех».⁶

Возможность бессмертия не ставилась под сомнение. Если ты не совершил серьёзных грехов, загробный перевозчик доставит тебя в счастливые сады изобилия. Как и в христианском вероучении, посмертная судьба египтянина ставилась в зависимость от того, как он вёл себя в земной жизни. Список запрещённых деяний включал все десять заповедей, занесённых на священные скрижали Моисеем, но был гораздо длиннее. Душа, представ перед божеством, должна была не каяться, а наоборот, перечислить то, чего она *не совершила* в телесной оболочке.

«Я не угнетал бедного, не оставлял голодного без пропитания, никого не заставил плакать, никого не убил, не совершал предательства, не совокуплялся в храме, не кощунствовал, не жульничал, не отнимал молоко у младенцев, я чист, чист, чист!»⁷

Из всех мировых религий, кажется, только иудаизм обходит стороной вопрос о загробной жизни. Во всём Ветхом Завете мы не находим слов «бессмертие» или «воскресить, воскрешение», они появляются только в Евангелии.

«Рай» — это просто то место, откуда человек был изгнан после самовольного поедания плодов с Древа познания добра и зла, и куда возврата нет. «Ад, преисподняя» — это не то место, куда направляют души для наказания, а просто синонимы «небытия». Возможно, именно отказ откликнуть-

ся на порыв человеческой души к бессмертию оставил иудаизм в относительной изоляции, не позволил заложенному в нём зерну монотеизма распространиться среди других народов. Чтобы это произошло, выросшее из иудаизма христианство, а затем и ислам, должны были широко распахнуть пространство своей мифологии и догматики идеям загробного мира, воскрешения, бессмертия и прочим атрибутам языческих верований. Не здесь ли спрятана и загадка живучести антисемитизма?

«Вы хотите оставить нас без надежды на жизнь вечную? Так мы вам покажем!»

Как это ни парадоксально, война и особенно гибель в бою представлялись миллионам людей реально достижимой калиточкой в царство, где смерть уже не грозит попавшим туда счастливцам. Легенды и мифы многих народов состоятся в описаниях загробной судьбы, уготованной храбрецам. Воинская слава признавалась если не гарантией бессмертия, то уж точно самым надёжным лотерейным билетиком на выигрыш этого заветного приза.

«Раз в году вождь скифского племени устраивает церемонию. Он заготавливает котёл с вином, и каждый скиф, который в течение года убил врага, получает в награду чашу из этого котла. Те, кому не удалось никого убить, чаши не получают и должны сидеть в стороне, что переживается ими как ужасный позор. Убившие не одного врага, а несколько, получают в награду две чаши».⁸

Точно так же у индусов каста воинов-кшатриев считала смерть в постели постыдной, почти грехом, и такие же представления были характерны для японских самураев.⁹

Тацит пишет, что среди германских племён долгое состояние мира воспринималось воинами как бедствие.

«Если какое-то племя долго не имело военных столкновений ни с кем, знатные юноши начинали добровольно перебегать под команду тех вождей, которые в тот момент воевали. Мирная жизнь совсем не по душе этой расе, только идя навстречу опасности, могут они завоевать славу и привлечь в свою дружину смелых последователей».¹⁰

У викингов-норманов умереть от старости, а не в бою, считалось несчастьем, лишающим человека шанса на вечные пиры в загробном царстве, грозящим судьбой тех несчастных, которые попадали в подземный ад Хель.

«Скальды, создававшие хвалебные песни в честь своих властителей, воспевали победы в сражениях, мечи и корабли, богатую добычу, дальние походы, мужество и верность... Не удивительно, что оружие присутствует во всех погребениях знати языческих времён, а раем для погибших воинов называли Валгаллу — чертоги бога войны Одина».¹¹

Крестовые походы 11-15 веков в огромной мере финансировались продажей индульгенций и обещаниями участникам места в раю.

«В 1421 году священная война яростно обрушилась на Чехию... Церковь щедро раздавала сокровища вечного спасения, лишь бы только уничтожить дерзких, утверждавших, что Ян Гус и Иероним Пражский были невинны, и принимавших причастие в том виде, как в течение двенадцати веков его принимали все христиане — вином и хлебом».¹²

В наши дни мир ислама без труда вербует тысячи террористов-смертников, обещая им прямую дорогу в вечную жизнь. Во время Ирано-Иракской войны (1980-е) персидским новобранцам, идущим в бой, вешали на шеи пластиковые ключики от рая. Но и в Америке место на Арлингтонском кладбище сделалось неким символом победы над смертью.

А в России в память о павших во Второй мировой войне устраиваются праздничные демонстрации, на которых несут тысячи плакатов с портретами погибших, зачисленных теперь в «Бессмертный полк».

Когда викинги совершали свои набеги на Европу, их жертвами часто становились безоружные монахи в неукреплённых монастырях. Нападавшие верили, что своим окровавленными мечами они прокладывали себе путь в вожделенную Валгаллу, погибавшие — в то, что непротивление злу насилием, завещанное Христом, гарантирует им оправдание на Страшном суде.

Окрашенный религиозным жаром пацифизм не раз выступал на исторической арене заметной силой. В поздней

Римской империи, в африканских провинциях мощное влияние приобрела ересь донатистов. Христианской церкви было нелегко бороться с ней. Наказаний донатисты не боялись, ибо верили, что мученическая смерть — гарантия места в раю. Утром губернатор вывешивал на площади очередной грозный указ, а к полудню у его дворца собиралась толпа донатистов, просивших поскорее казнить их.

Аналогичным образом вели себя староверы в России 17 века, сжигавшие себя в церквях после реформ патриарха Никона. Или буддийские монахи во Вьетнаме, превращавшие себя в бензиновый факел на улицах Сайгона в 1960-е годы.

Мощный след в истории оставили движения, отказавшиеся от применения насилия. В английской революции 17 века секта диггеров объявила землю общим достоянием и пыталась обрабатывать незанятые пустоши невзирая на нападения и поджоги их домов. Баптисты, переплыvшие Атлантический океан, сумели создать практически своё государство в государстве, Пенсильванию. Махатма Ганди увлёк своей проповедью ненасильственного сопротивления многомиллионную Индию.

Сегодня порыв к бессмертию тоже принимает множество мирных форм. С трогательным упорством стучат в двери домов «непросветлённых» «Свидетели Иеговы». Мормоны рассылают проповедников по всему свету, а в своей столице в Солт Лэйк Сити устроили гигантский архив, где собирают сведения обо всех людях, живших когда-то на земле, чтобы никто не потерялся в День Страшного суда.

В России растёт число последователей Николая Фёдорова, звавшего человечество наконец-то заняться единственным — самым важным! — общим делом: воскрешением отцов.

Научно-технические возможности воскрешения и бессмертия тоже не остаются без внимания. Уже ярый безбожник Маяковский мечтал, как в недалёком будущем технический прогресс научит людей возвращать мёртвых к жизни:

*...Недоступная для тленов и крошений
рассиявшиесь высится веками
мастерская человечьих воскрешений.¹³*

Известный физик Валентин Турчин (до эмиграции из СССР диссидент и соратник академика Сахарова) собирал на своей кафедре в Университете Нью-Йорка учёных разных направлений на семинары для обсуждения научных методов достижения бессмертия.

Возникла также своеобразная индустрия по замораживанию покойников до лучших времён. Называется «гипотермия». Разработана сложнейшая технология постепенного охлаждения тела, с параллельным замещением крови незамерзающими жидкостями. Фирма «Транс-тайм» обещает хранить тела в жидком азоте при температуре -160°C неограниченное время. Расценки — около полумиллиона долларов. Но если это вам не по карману, предлагают заморозить только голову, всего за двести тысяч.

Мне было лет десять, когда я узнал, что все люди смертны. Это известие совершенно не вязалось с моим внутренним ощущением.

«Я? Когда-нибудь тоже умру? Чушь какая-то!»

И я придумал себе такую игру: будто все люди смертны, а я нет. И им всем очень скрывать от меня моё бессмертие. Они все находятся в сговоре: моя мать, учителя, милиционеры, врачи. Почему-то моё бессмертие представляет для них огромную опасность.

Было бы интересно узнать: как много людей в детстве отказывались поверить в свою смертность?

Зато страх смерти, терзающий человека, лишённого благодати веры, живёт в сердцах неодолимо. Лучше всех описал его Лев Толстой. Однажды, в 1869 году, он приехал по делам в город Арзамас, и ночью в гостинице на него напал неодолимый страх, описание которого он включил в «Записки сумасшедшего»:

«Я всегда с собою, и я-то и мучителен себе. Я вот он, я весь тут. Ни пензенское, никакое имение ничего не прибавит и не убавит мне. А я-то, я-то надоел себе, несносен, мучителен себе... Что я тоскую, чего боюсь? — Меня, — неслышно отвечал голос смерти.

— Я тут. — Мороз подрал меня по коже... Всю ночь я страдал невыносимо... Я живу, жил, я должен жить, и вдруг смерть, уничтожение всего. Зачем же жизнь? Умереть? Убить себя сейчас же? Бояюсь. Жить, стало быть? Зачем? Чтоб умереть. Я не выходил из этого круга, я оставался один, сам с собой». ¹⁴

Похожими переживаниями делится Пушкин:

*Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы верил я, что некогда душа,
От тленья убежав, уносит мысли вечны,
И память, и любовь в пучины бесконечны, —
Клянусь! давно бы я оставил этот мир...
Но тщетно предаюсь обманчивой мечте;
Мой ум упорствует, надежду презирает...
Ничтожество меня за гробом ожидает...
Как, ничего? Ни мысль, ни первая любовь?
Мне страшно... И на жизнь
гляжу печален вновь.¹⁵*

В той или иной форме сладостная надежда убежать от тленья живёт в сердце каждого человека. Видимо, осознание этой истины подтолкнуло римского императора Константина в начале 4 века объявить христианство государственной религией.

Многие были готовы согласиться с тем, что вера в одного Бога больше соответствует структуре абсолютной монархии, чем пёстрый пантеон языческих богов.

Увы, религиозного единства достигнуть не удалось. Не прошло и столетия, как число христианских ересей перевалило за сотню. Кровавые вероисповедальные смуты начали раздирать христианский мир. Они ослабили его настолько, что он оказался неспособен противостоять вторжению гуннов, германцев, вандалов в веках 5-6, потом ислама в веках 7-9, а потом и викингов-норманов в веках 9-11.

Далее начинается распространение двух ответвлений иудейского монотеизма, христианства и ислама, по трём континентам: Европе, Азии, Африке. Оба ответвления даровали обращённым надежду на загробную жизнь, оба шли навстречу языческим традициям многобожия, разрешая по-

клонение различным святым, апостолам, мученикам, матери Христа, дочерям Аллаха, родственникам пророка Мухаммеда. Но единства и мира не смогла достигнуть ни та, ни другая ветвь. Внутренние раздоры уносили не меньше жизней христиан и мусульман, чем их долгие войны друг с другом.

Примечательна религиозная трансформация Индии. В неё не раз вторгались и мусульманские, и христианские завоеватели, и те, и другие оставили заметные следы в её истории. Но большинство населения сохраняло верность традициям Вед.

Думается, это в значительной мере связано с тем, что индуизм утоляет жажду бессмертия верой в бесконечную цепь реинкарнаций каждой души.

Также поучительной кажется судьба Китая и Вьетнама. Ни конфуцианство, ни буддизм не обещали человеческой душе вечную жизнь. Именно этот вакуум смог неожиданно заполнить коммунизм, который в 20 веке превратился в своеобразную религию для миллионов людей.

Раз наука доказала, что коммунизм — это светлое будущее всего человечества, значит, сражаясь за него, ты приобщаешься вечности, — кто может поспорить с этим?

Сегодня снова усиливается противостояние христианства и ислама. В своё время оно усугублялось тем, что это были миры, находившиеся на разных ступенях цивилизации: кочевники-мусульмане нападали на земледельцев-христиан.

В наши дни христианские народы завершили или завершают переход в индустриальную стадию и становятся объектами вражды и нападений мусульман, застрявших на земледельческой стадии.

Попытки контрнаступления христиан, их вторжения в Афганистан, Ирак, Ливию не приносят ощутимых результатов, но вызывают тени далёкого прошлого и дают мусульманским проповедникам возможность клеймить нападающих термином «крестоносцы».

Видимо, ощущение нарастающей опасности извне привело к беспрецедентному событию: встрече Папы римского Франциска и московского Патриарха Кирилла (февраль, 2016).

Первая попытка воссоединения между католицизмом и православием была сделана на Ферраро-Флорентийском соборе (1438-1439) тоже в атмосфере грозного наступления на христианский мир мусульманской Турции. Объединение кажется сегодня маловероятным, но укрепление союза — почему бы и нет?

Когда мы используем понятие «бессмертие», следует помнить, что оно не имеет абсолютного характера. Главное для человека: отодвинуть представление о собственном конце в те пределы, куда его умственный взор уже не сможет проникнуть.

Вообразим, что какая-нибудь экуменическая организация взялась провести массовое обследование и разослала в миллионы адресов анкету с единственным вопросом:

«Как зовут твою надежду на бессмертие?»

Скорее всего, ответы рассортировались бы на несколько категорий, главными из которых были бы:

Моя вера.

Мои внуки и правнуки.

Моё отечество.

Мои творения.

Мои «следы на пыльных тропинках далёких планет».

Моя приверженность вечным истинам науки.

Мои военные подвиги.

Всё, перечисленное выше.

Но если бы мы добавили второй вопрос — «а готов ли ты сражаться насмерть за своё бессмертие?» — ответом, скорее всего, было бы громкое и уверенное «да».

Примечания

1. Fustel de Coulanges, Numa Denis. *The Ancient City* (Garden City, N.Y.: Doubleday, 1956), p. 217.
2. Plutarch. *The Lives of the Noble Grecians and Romans* (New York: The Modern Library, 1964), p. 167.
3. Herodotus. *The Histories* (New York: Oxford University Press, 1998), pp. 258-59.
4. Durant, Will. *Our Oriental Heritage. The Story of Civilization. Part I* (New York: Simon & Schuster, 1965), p. 66.
5. Ibid., p. 53.

6. Breasted, James Henry. *A History of Egypt* (New York: Charles Scribner's Sons, 1937), p. 112.
7. Durant, op. cit., pp. 203-204.
8. Herodotus. *The Histories* (New York: Oxford University Press, 1998), p. 256
9. Durant, op. cit., p. 397.
10. Tacitus. *The Complete Works* (New York: The Modern Library, 1942), p.716.
11. Роэдаль Эльсе (Roesdahl Else). Мир викингов (С.-Петербург: Всемирное слово, 2001), стр. 61.
12. Ли, Чарльз. История инквизиции (С. Петербург: 1912), т. 1, стр. 202.
13. Владимир Маяковский. Про это. В сборнике «Стихи о любви» (Москва: Худлит, 1959), стр. 53.
14. Лев Толстой. Записки сумасшедшего (Москва: Кушнеров и Ко., 1911), т. 10, стр. 112.
15. Александр Пушкин. «Надеждой сладостной младенчески дыша...»

I-4. Скрытые гроздья гнева

Я помышляю почти о бунте!
Не присягал я косому Будде...
Пусть закроется — где стамеска! —
яспополянская хлеборезка!
Непротивленье, панове, мерзко.
Иосиф Бродский

Размышляя о причинах войн, историки обычно пытаются отыскать какой-нибудь понятный мотив: стремление народа расширить свою территорию, тщеславное властолюбие лидера, желание нанести опережающий удар набирающему силу соседу, религиозный или политический фанатизм. Пока есть понятный мотив, в умах миротворцев возникает надежда на возможность устранения конфликта ненасильственными средствами: свергнуть воинственного властолюбца, купить приглянувшуюся территорию (Луизиану у Франции, 1803, Аляску у России, 1860-е), уступить агрессору Эльзас или Судеты (1930-е), гарантировать нерушимость границ, призвать к веротерпимости.

Однако содержание трёх предыдущих глав подталкивает читателя к тревожному и неутешительному умозаключению:

Война может начаться необъяснимо, просто потому что какое-то племя или какой-то народ увидит в ней возможность разом утолить все три главных устремления человека: к самоутверждению, к сплочению, к бессмертию.

Во второй части книги, делая обзор военной истории мира, мы будем не раз сталкиваться с феноменом таких «беспричинных» конфликтов, в которых сражающиеся не испытывали настоящей ненависти друг к другу. Но будем сталкиваться и с примерами многовековой бурлящей враждебности, направленной в одну сторону, от одного противника на другого, которую не удавалось погасить никакими уступками, аргументами, дарами.

На сегодняшний день в исторических анналах хорошо описана вражда племён в разные эпохи и на разных континентах. Превосходно изучена взаимная ненависть людей разных вероисповеданий. То же самое — политические бури, взрывающиеся гражданскими войнами. Вражда и противоборство между классами в марксистской историографии выступает как главная разгадка всех военных конфликтов.

Однако есть два вида вражды, которые до сих пор не были выделены в отдельную категорию. Я пытался сделать это в своих историко-философских работах.¹ Чтобы читателю был понятен ход моих рассуждений о феномене войны, мне придётся здесь вкратце описать эти исследования «скрытого гнева», многократно вспыхивавшего большими и малыми пожарами в мировой истории.

Вражда между народами, находящимися на разных ступенях цивилизации

Отложим на время подзорную трубу, через которую мы оглядываем поля сражений между народами, классами, вероисповеданиями. Вернёмся к микрочастице истории, используя некий психологический микроскоп. И положим под него душу иудея, входящего под водительством Моисея в цветущую долину Ханаана. Скифского всадника, идущего в очередной набег на Персидскую империю. Гунна, приближающегося к границам Древнего Рима. Нормана, поднимающегося в своей ладье к стенам Парижа. Монгола у Великой китайской стены. Татарского, башкирского, калмыцкого конника, замышляющего очередной грабёж русских селений. Ирокеза, гурона, делавера, нацеливающего свой лук на идущего за плугом американского поселенца.

Все эти кочевники и мигранты уже имели долгие контакты с осёдлыми земледельцами, бывали в каменных городах, привозили меха, шкуры, лошадей на продажу. Они видели изобилие городских базаров, роскошь дворцов и вилл, комфортабельные дома с застеклёнными окнами, величественные храмы. Счастливые обитатели земледельческих стран, казалось, забыли о том, что такое голод, их боги помогают им держать житницы всегда полными зерна. От

врагов они умеют защищаться неприступными стенами крепостей, превосходным оружием, железными латами и колесницами. Нельзя не позавидовать им!

«А что если попытаться подражать им? Научиться сеять и убирать урожай, обжигать кирпичи, строить дома, выплавлять железо, медь, бронзу? Ведь они, кажется, готовы помочь нам, обучать всем своим умениям и ремёслам».

Такие мысли-соблазны не могли не всплывать в головах кочевников. И в истории многих племён мы находим попытки заняться земледелием, основывать поселения, даже овладевать письменностью. Однако эти перемены невозможно было осуществить единодушным скачком, укладывающимся в срок жизни одного человека. Нужно было здесь и сейчас отказаться от многих дорогих или даже священных обычаев и традиций ради каких-то далёких и умозрительных улучшений в жизни потомков.

Переходя к осёдлому существованию, ты утрачивал главное военное преимущество — мобильность, неуловимость. Враг всегда будет знать, где найти тебя и напасть в удобный момент.

Главный источник твоей гордости, твоя надежда на бессмертие — роль бесстрашного воина — отнимется у тебя. Война сделается уделом привелигированного меньшинства, военной касты, и большинству достанется роль труженников на полях, в мастерских, на стройках.

Зная обычаи своего племени, ты получал почётную роль судьи, следящего за их соблюдением, выносил приговоры нарушителям, даже приводил их в исполнение, используя традицию кровной мести. Переход от племенной структуры к государственной лишил тебя этой важной роли, превращал в послушного исполнителя воли правительства, назначенных судей, жрецов.

Приволье кочевой жизни на просторах степей, пустынь, океана придётся сменить на тесноту и вонь поселений, где каждый сосед легко может превратиться из дружелюбного соплеменника в завистливого и опасного врага. История всех племён, переходивших от кочевого состояния к осёдлому, демонстрирует нам глубочайший внутренний

раскол и свирепое противоборство по этому судьбоносному вопросу: держаться привычного уклада или решиться на радикальные перемены?

Когда часть иудеев, пересекавших пустыню, стала выражать сожаление об утраченном сытном комфорте египетского «рабства» и попыталась приносить жертвы золотому тельцу, Моисей приказал убивать «отступников» и «пало в тот день три тысячи человек» (Исход, 32:27, 28).

Цезарь сообщает, что в Галлии не только «проримские» племена воевали с «прогерманскими», но партийная рознь раскалывала даже отдельные семьи.²

У германцев победа «партии войны» отразилась в том, что было запрещено владение земельными участками,

*«чтобы в увлечении осёдлой жизнью люди не променяли интереса к войне на занятия земледелием, чтобы они не стремились к приобретению обширных имений».*³

Когда «партия войны» взяла верх среди хельветов (территория нынешней Швейцарии, 1 век до Р.Х.), она постановила сжечь все уже имевшиеся городки и поселения, чтобы у людей не осталось соблазна вернуться от очередного похода на Рим.⁴

Кочевая империя гуннов, веками угрожавшая Китаю с севера, раскололась на Южных хунну и Северных. Южные постепенно ассимилировались в Китае, а северные ушли в далёкий поход на Запад и два века спустя обрушились на Европу.⁵

У некоторых арабских племён, кочевавших на Аравийском полуострове, были приняты законы, строго каравшие за попытку построить дом или посадить дерево.

Когда часть крымских татар отделилась от Орды и основала Казанское ханство, построила деревянный город на берегах Волги и занялась земледелием, татары-кочевники сделали её объектом таких же нападений, которым до тех пор подвергались Московия и Литва.

Эту цепь примеров можно продолжать и далее. Но думается, что и перечисленного достаточно, чтобы выделить несколько моментов, неизбежно присутствующих в любом переходе от кочевого состояния к осёдлому земледелию.

1. Контакт кочевого племени с земледельческим государством.

2. Попытки наладить торговлю и выработать правила сосуществования.

3. Возникновение среди кочевников раскола между теми, кто стремится перейти к земледелию, и теми, кто яростно держится за святыни старинных обычаев.

4. Военное противоборство внутри племён, разгорающееся до иррациональной ненависти ко всему, что является собой или символизирует земледельческий уклад.

5. В случае победы «партии войны» — опустошительные нашествия кочевников на земледельческие государства.

Внутренним импульсом многих нашествий было: «победить, чтобы управлять покорёнными народами». Таков был характер вторжений гиксосов в Египет (17 век до Р.Х.), персов в Вавилон (6 век), македонцев в Грецию и Персию (4 век), готов в Римскую империю (5-6 век по Р.Х.), арабов в Северную Африку и на Ближний восток (7-8 века), варягов в Киевскую Русь (9-10 века), турок в Малую Азию (11-12 века). Но во многих вторжениях поначалу господствовал другой прицел: «победить, чтобы уничтожить, стереть с лица земли». Таковы были вторжения иудеев в Ханаан (12 век до Р.Х.), кельтов в Италию (4 век до Р.Х.), вандалов в Рим (5 век по Р.Х.), норманов в Европу (9 век), монголов в Китай, Халифат и Русь (13 век), все походы Тамерлана (14-15 век).

Конечно, начатки земледелия применялись многими племенами на кочевой и даже на охотничьей стадии. Но существовала огромная разница между разными способами использования воды. Охотник или кочевник, обрабатывавший несколько грядок рядом со своей хижиной, довольствовался для полива дождём или соседним ручьём. Земледельческая цивилизация не могла возникнуть путём простого увеличения площади огородов. Чтобы появились великие империи, базирующиеся на ирригационном орошении, требующем строительства огромной сети каналов, дамб и крепостей, охраняющих государство от врагов, требовалось гигантское усложнение структуры социума.

Это усложнение неизбежно включало в себя ограничение свободы отдельного человека. Большинство должно было смириться с тем, что из вольного и равноправного члена племени каждый превратится в труженика, обязанного в назначенные дни, недели, месяцы трудиться на полях, стройках, в каменоломнях, на изготовлении кирпичей. Воля-вольная или подневольный труд — этот выбор и раскалывал племена, оказавшиеся на пороге подъёма на следующую ступень цивилизации. Насколько серёзна была дилемма, видно хотя бы на примере истории иудеев, уже обжившихся в благополучном Египте, но решившихся броситься на встречу неизвестной судьбе в Земле Обетованной, когда фараон увеличил им нормы изготовления кирпичей (Исход, 5:7-8).

Моя гипотеза, которую нелегко будет принять традиционной историографии, сводится к следующему:

Все пять этапов перехода от кочевого племени к земледельческому государству будут иметь место и при переходе от земледельческой ступени цивилизации к индустриальной.

Новая история уже дала обильный материал, иллюстрирующий правомочность подобной гипотезы.

Начало индустриальной эры логичнее связывать не с паровой машиной Джеймса Уатта (18 век), а с целым пучком великих открытий и изобретений 15 и 16 веков. Немец Гуттенберг построил первый печатный станок, итальянец Колумб доплыл до Америки, чех Ян Гус, немец Лютер и француз Кальвин отняли у церкви монополию на истолкование Библии, португалец Магеллан открыл Тихий океан, поляк Коперник создал гелиоцентрическую систему вселенной, вся Европа наперегонки совершила огнестрельное оружие и навигационные приборы для дальних плаваний. С этого момента народы начинают сознательно расширять открывшихся горизонты, обгонять друг друга и вступать в противоборство, повторяющее все пять этапов предыдущего скачка.

1. Первый этап: земледельцы сталкиваются с новой ступенью цивилизации, существующей пока только в умозрительной сфере, в виде новых идей, верований, открытий.

2. Попытки найти общие точки между нарождающимся новым и священной стариной: Вормсский рейхстаг, обсуждающий тезисы Лютера (1521), Триентский собор (1545-1563), пересматривавший догматы христианства, перемирие между гугенотами и католиками во Франции, означенное Нантским эдиктом Генриха Четвёртого (1598) и т.д.

3. Разгорание гражданских религиозных войн в 16-17 веках, образование протестантских государств Швейцарии, Англии, Шотландии, Голландии, Швеции, которые становятся пионерами индустриальной эры.

4. Попытки задавить ростки новой эпохи военными средствами: поход герцога Альбы против Нидерландов (1567), Варфоломеевская ночь в Париже (1572), поход испанской Великой армады на Англию (1588), Тридцатилетняя война на территории центральной Европы (1618-1648).

5. Тотальное противостояние индустриальной протестантской Европы со странами, застрявшими на земледельческой стадии: Турцией, Испанией, Россией (18-19 век).

Переход в индустриальную эру у народов Европы и США проходил разными темпами и занял от 200 до 300 лет. После Второй мировой войны настала очередь совершить этот скачок странам Азии, Африки, Южной Америки. В их новейшей истории мы наблюдаем процессы, которые можно рассортировать на те же пять этапов. И наиболее наглядно проступают 4-й и 5-й: внутренние раздоры и завистливая враждебность к странам, уже совершившим переход на новую ступень.

В своё время Китайская империя построила Великую стену (начало в 3 веке до Р.Х.), Римская империя — Адрианову стену в Британии для защиты от кочевников, нападавших с севера (2 век до Р.Х.). Сегодня похожие попытки пытаются делать индустриальный мир: США строят стену на границе с Мексикой, Южная Корея отделилась стеной от Северной, Израиль вынужден строить защитные ограждения по всей границе с враждебным миром ислама.

В индустриальном мире нет единой стратегии противостояния миру земледельцев. Страны Европы постоянно давят на Израиль, осуждая его за оккупацию палестинских

земель, за отказ прекратить заселение занятых территорий, за блокаду сектора Газы. Конфликт интерпретируется как справедливая борьба палестинского народа против захватчиков. На самом же деле, единственным способом для израильтян улучшить отношение палестинцев к себе было бы исчезнуть с лица земли. До тех пор пока их успехи в развитии индустриального государства будут наглядно демонстрировать отсталость соседей, завистливая ненависть будет полыхать неудержимо и прорываться вспышками интифады — хоть бомбами, хоть пулями, хоть ножами.

Важнейший урок, который мы можем извлечь из прошлого:

— никакие технические чудеса, никакая новейшая информационная сеть не могут ускорить процесс перехода с одной ступени на другую. Он будет длиться для народов Третьего мира те же сто, двести, может быть, триста лет, и всё это время враждебность отставших к ушедшим вперёд будет сохраняться, а порой и нарастать;

— борьба будет долгой и потребует отказа от многих гуманно-возвышенных идей, которые ослабляют волю к противостоянию, толкают индустриальные страны распахивать ворота для новых волн иммигрантов.

Вражда между низковольтными и высоковольтными

Как я могу относиться к человеку, который обгоняет меня в любых начинаниях, видит будущее дальше меня, демонстрирует энергию, хватку, умелость, талантливость, прозорливость, готовность вступать в противоборство и побеждать? В лучшем случае я буду тайно завидовать ему, в худшем — постараюсь вредить, тормозить, публично осуждать. Это и есть суть вечно тлеющей вражды низковольтного к высоковольтному.

Впервые я использовал эти термины в книге «Стыдная тайна неравенства».⁶ Некоторые читатели, хотя и соглашавшиеся с главными тезисами, выражали пожелание изменить эту диаду, найти слова, лишённые оценочного оттенка. Ведь в книге неоднократно указывалось на то, что высоко-

вольтный вовсе не лучше низковольтного, что его избыточная энергия может толкнуть его на преступления, на жестокость, на немыслимое тиранство. Но есть ли в русском языке слова, которые могли бы адекватно отразить разницу энергетических потенциалов, заложенных в людях от рождения?

Пассивные против предпримчивых?

Терпеливые против неуёмных?

Тихоходные против быстроходных?

Тугодумы против догадливых?

Миролюбивые против агрессивных?

Увы, оценочный элемент просачивался во все эти противоположности. Сейчас, используя термины первых глав этой книги, я могу дать формулировку:

Высоковольтные — это те, в ком жажда самоутверждения полыхает сильнее, чем жажда сплочения. Но как это выразить одним словом? Ненасытимые? Напористые? Пробивные? Необузданные?

Русская литература уже на первых своих шагах взглядалась в это противостояние. Именно оно отражено Фонвизиным в коллизии Простаковы и Скотинины против Стародума и Правдина, Грибоедовым — в образе Фамусовской Москвы, объявляющей высоковольтного петербуржца Чацкого сумасшедшим.

Устав ломать голову, я решил оставить первоначальные обозначения, иногда дублируя их понятиями «близорукие против дальновзорких». Всё же и дальноворкость, и близорукость представляют собой *дефекты* зрения, и в том, и в другом случае необходимы некие «очки мудрости». Ведь дальноворкий порой не видит того, что у него под ногами. Например, Стародум, Чацкий и их наследники в сегодняшней России неспособны разглядеть, что Простаковым, Скотининым, Фамусовым просто не по силам смотреть так далеко вперёд, как они, что у них нет ни знаний, ни культуры, ни волевого импульса, чтобы строить свою жизнь в соответствии с высокими идеалами прогресса и гуманизма.

В сегодняшнем интеллектуальном мире догматы равноправия, недопустимости дискриминации, равенства всех перед законом настолько сильны, что очевидный факт врождённого неравенства людей по энергии, талантам, ум-

ственным и художественным способностям упорно затушёвывается, отодвигается на задний план, замалчивается. Между тем именно врождённое неравенство порождает многие социальные разногласия, конфликты, катаклизмы.

На заре цивилизации одним из важнейших шагов прогресса был тот момент, когда человек научился запасать пропитание на завтрашний день. До этого вся еда, которую удавалась добыть, поедалась немедленно. Американцы ещё застали индейские племена охотников, которые вели себя именно таким образом. Если среди них и появлялись «дальнозоркие», оставлявшие недоеденную оленью ногу «про запас», остальные должны были смотреть на них как на опасных нарушителей установленных обычая. Правомочно предположить, что судьба таких была нелегкой, что близорукое большинство соплеменников предпочитало отнять у дальних зорких их запасы и отбросить заботу о завтрашнем дне.

Земледелие великих цивилизаций древности — Египта, Индии, Китая — было ирригационным. Совместные труды по строительству каналов требовали невероятных знаний, прозорливости, чёткого планирования, которое могло быть осуществлено только дальних зоркими, то есть высоковольтными. Недаром Библейская легенда об Иосифе приписывает ему, мудрому иудею, предложение заполнять житницами заранее на семь грядущих неурожайных лет. (Вопрос о том, как бедные египтяне просуществовали полторы тысячи лет до прихода в их страну оголодавших кочевников-иудеев, тактично опускается.)

Пока государство устроено более или менее стablyно, высоковольтные имеют возможность проявлять свою энергию и прозорливость, проникать в верхние слои управления хозяйством, торговлей, административными учреждениями, храмами и университетами. Происходит социальное расслоение, в значительной мере отражающее врождённое неравенство людей по заложенному в них потенциалу. Но там, где есть расслоение, неизбежно поднимет голову вражда. Ненависть бедных к богатым, простолюдинов к аристократам, крепостных к помещикам, управляемых к правителям проявляла себя так много раз бунтами и мятежами,

что историки имели возможность досконально изучить её. Но цепь революций начала 20 века, сломавших государственные постройки многих многонациональных империй (Испанской, Турецкой, Российской, Австрийской, Германской), разрушила сословные перегородки, перемешала все слои населения, обнажила «гроздья гнева», ранее остававшиеся скрытыми под другими обличьями.

С особой наглядностью лозунг *«кто был ничем, тот станет всем»* воплотился в Сталинской России. Уже десятилетним я недоумевал: за что в нашей коммунальной квартире соседка Носикова, переселившаяся в Ленинград из деревни, так ненавидит и изводит бранью соседку Надежду Михайловну Черняеву, добрейшую тихую старушку «из бывших», вся вина которой состояла в правильной русской речи и вежливых манерах.

С началом взрослой жизни такая же иррациональная ненависть начала опалять и меня самого, и многих моих друзей в самых неожиданных ситуациях. Каким-то образом вахтёр в институте, гардеробщица в библиотеке, кондуктор в трамвае, проводник в вагоне, банщик в общественных баних, официант в столовой опознавали в нас «чужаков» и не пытались скрыть своего отвращения к «антылигэнтам». Мы были одеты так же бедно, как остальные, послушно стояли во всех очередях, жили в коммуналках, давились в трамваях и автобусах, не пытались выделяться или требовать привилегий. По каким же приметам меня и мне подобных вычисляли те, *«кто был раньше ничем»?*

Историкам и социологам нелегко было выделить этот феномен в бурлящем потоке повседневной жизни, так насыщенной переменами. Зато на него вскоре откликнулись самые чуткие писатели. Один за другим начали выходить в свет романы-антиутопии, описывающие некое государство, в котором необоснованным преследованиям и казням подвергаются люди виноватые лишь в том, что они чем-то отличаются от остальных сограждан.

У Кафки в «Процессе» (опубликован в 1925) отличительным свойством оказывается открытость чувству вины, которая и заставляет главного героя снова и снова являться

на заседания трибунала. («*Суду от тебя ничего не нужно. Он принимает тебя, когда ты приходишь, и отпускает, когда уходишь.*»⁷⁾)

У Набокова в «Приглашении на казнь» (1935) осуждённого Цинцинната Ц. отличает от остальных «непрозрачность», то есть наличие чего-то твёрдого и существенного, чего недодано его соплеменникам.

У Орвелла в «1984» (1949) под арест и пытки попадают те, кто сохранил способность любить.

У Брэдбери в «451° по Фаренгейту» (1953) преследованиям подвергаются люди, продолжающие хранить и читать книги.

У братьев Стругацких в «Обитаемом острове» (1969) охотятся за «выродками», которые неспособны впадать в радостное ликование от радиопропаганды, реагирующие на неё, наоборот, головной болью.

Вскоре художественные прозрения писателей получили страшные подтверждения в волнах террора, прокатившихся по коммунистическим странам. Палачи, осуществлявшие раскулачивание, сталинские чистки, ГУЛАГ, китайскую «культурную революцию», уничтожение горожан в Камбодже, пытавшие заключённых в тюрьмах на Кубе, во Вьетнаме, Северной Корее даже не утруждали себя доказательствами «вины» своих жертв, настолько она была им очевидна. Лишённые всех преимуществ богатства, знатности, сословных привилегий жертвы коммунистического террора расплачивались за своё врождённое преимущество: дальновидность, высоковольтность.

Свидетель и жертва сталинского террора, Осип Мандельштам, дал поэтически исчерпывающую формулу отбора жертв:

«У нас убивают правильно: тех, кто не до конца обезумел».

Обвинения, предъявлявшиеся жертвам террора — в шпионаже, заговорах, саботаже, измене, — были вздором и ложью от начала и до конца. Но это только в критериях логики и формальной юстиции. На более глубоком мистическом уровне они имели свой страшный смысл: высоковольтный, дальновзоркий всегда изменяет своим современ-

никам, становясь на сторону будущих поколений. За это современники и преследуют его, а потомки будут восхвалять и почитать.

Моему поколению повезло войти в жизнь в те годы, когда пик террора уже миновал. Но озлобление и подозрительность близоруких по отношению к дальновидным доводилось ощущать на себе миллионы раз. Опыт новейшей истории и повседневной жизни я и попытался обобщить в книге «Стыдная тайна неравенства». Она выдержала уже три издания, я получил на неё множество выражений горячего согласия с изложенными в ней идеями. Но так как она обращена только к высоковольтному меньшинству, массового успеха у неё быть не могло.

Однако и высоковольтным нелегко принять строй мыслей, который возрождает лозунг *noblesse oblige* (благородство обязывает). Им легче придерживаться привычной и утешительной схемы: «В обсуждении планирования совместной жизни моего народа я вижу дальше, поэтому принятие моих планов должно принести всеобщее процветание и успех. Нужно только донести эти планы до народной массы. А мешают этому злые правители, обманом прокравшиеся к рычагам управления государством».

Пока ты веришь, что тебе противостоит лишь кучка злых и нечестных людей, у тебя остаётся надежда на победу, которая и питает ниспровержательный запал интеллектуальной элиты во все времена во всех странах. Для этой элиты допустить мысль, что в глазах народной массы она сама является опасной нарушительницей покоя и сплочённости, означало бы оказаться лицом к лицу с экзистенциональной безысходностью конфликта между дальновидным и близоруким. А кому же охота упереться носом в безнадёжность?

Как объяснил уже Томас Гоббс в своём «Левиафане»⁸, правительство в государстве берёт на себя обязанность быть арбитром между противоборствующими силами. Высоковольтные тираны Сталин, Мао, Ким Ир Сен, Кастро, Пол Пот и прочие смогли достичь абсолютной власти, именно нарушив эту обязанность, приняв целиком сторону близорукого большинства, пойдя навстречу его уравнитель-

ным страстям, его вечно тлеющей вражде к дальновзорким, отдав их полностью на растерзание инстинктам толпы.

В своей слепой ненависти к дальновзорким Сталин доходил до арестов тех, кто пытался предупредить его о готовящемся вторжении Гитлера или что-то делал для укрепления западной границы. В ночь с 21 на 22 июня 1941 года бомбы уже падали на приграничные районы, командиры за-прашивали Москву, но из Кремля им отвечали: *«Не открывать ответный огонь! Не поддаваться на провокации!»* Я был знаком с человеком, которого арестовали за «антегерманские настроения» в мае 1941, а судили и отправили в лагерь в июле!

Но после войны разгулявшаяся тирания столкнулась с неожиданным препятствием. Оказалось, что в условиях военного противостояния с миром капитализма обойтись совсем без дальновзорких просто невозможно. Ведь только они умеют двигать вперёд научно-технический прогресс, только они способны разрабатывать всё новые и новые модели бомбардировщиков, ракет, танков, подводных лодок. Что же делать? Неужели снова давать им руководящие посты в управлении индустриальным государством?

«Нэ дождётэс, — сказал кремлёвский кормчий. — Расстрэльват больше нэ будэм, но посадым работат за колучей проволокой».

Создание специальных лагерей для научно-технических работников, «шарашек», описанных Солженицыным в романе «В круге первом», было, конечно, изуверским решением проблемы, вполне достойным изворотливо-го ума «лучшего друга учёных всего мира». И у нас нет никакой гарантии, что в будущем новые тираны не попробуют возродить подобную практику. Это же так удобно! Посаженный за решётку умник больше не представляет угрозы для коммунистического или мусульманского единодушия, а работу свою делает исправно, потому только, что не может существовать без творческой деятельности, без утоления жажды самоутверждения.

Границы послевоенного мира в огромной степени формировались тем, куда успели дойти танки победителей. Но внутренний импульс душевного настроя отдельно взято-

го человека играл немаловажную роль в том, как и куда разбегалось население разорённых стран. Жажда самоутверждения сильнее горит в душах высоковольтных, поэтому они прилагали все силы к тому, чтобы перебежать, просочиться из Восточной Германии в Западную, из Северной Кореи в Южную, из материкового Китая на Тайвань и в Гонгконг, из Северного Вьетнама в Южный. Низковольтный больше ценит сплочённость, поэтому он охотнее поддавался обещаниям «справедливого коммунистического рая» и оставался там, где жил. Это различие и предопределило сгущение дальновзорких в антикоммунистическом лагере, и, как следствие, — разницу политических режимов в расколовшихся странах в период холодной войны.

Думается, «скрытые грозьбы гнева» будут играть большую роль и в том, что происходит сегодня. В десятках народов, находящихся в процессе перехода от земледельческой стадии к индустриальной, неизбежно возникнет раскол между дальноворким меньшинством, созревшим для перемен, и близоруким большинством, сплочённым ненавистью к индустриальному миру. Именно из рядов этого большинства выпрыгивают десятки, сотни, тысячи воинов-террористов, для которых взорвать себя вместе с «врагами» — верный путь к доступному ему бессмертию. И страшен будет момент, когда какой-нибудь новый Бен Ладен сумеет сплотить их в миллионную армию.

Скрытые грозьбы гнева, описанные в этой главе, имеют одинаковую природу и в микрокосме человеческой души, и в макрокосме мировой истории: и там, и там бушует жажда мести за собственную неполноценность. Именно с этим связана огромная миротворческая и цивилизующая роль христианства, которое провозгласило, что перед Богом все равны.

«Что высоко у людей, то мерзость перед Богом»,

— говорит Христос и этим отменяет все человеческие шкалы неравенства, дарует каждому надежду стать «сыном в доме Отца Небесного».

Близорукость может проявляться не только в том, что человек отказывается или не может заглянуть далеко вперёд. Взгляд назад тоже может быть искажён и затуманен

различными миражами. Даже учёный, искренне интересующийся прошлым своего народа, других племён, всего человечества, вглядывается в открывающиеся ему картины как в музейные экспонаты, как в статичные диковины, как во фрагменты развлекательных зрелищ. Допущение, что из этих картин можно узнать о том, что ждёт мир в ближайшие годы, будет, скорее всего, объявлено антинаучной мистикой.

Или поэтической вольностью. Как у Пастернака, который во всех поэмах о российских революциях 1905 и 1917 годов сопоставляет их с образами и катаклизмами далёкого прошлого:

*Тяжёлый строй, ты стоишь Трои.
Что будет, то давно в былом.⁹*

.....
*В неземной новизне этих суток,
Революция, вся ты, как есть.
Жанна д'Арк из сибирских колодниц...¹⁰*

.....
*И вечно делается шаг
От римских цирков к римской церкви,
И мы живём по той же мерке,
Мы, люди катакомб и шахт.¹¹*

Получив «охранную грамоту» от поэта, отправимся в «былое» с надеждой разузнать в его пещерах и лабиринтах, что ждёт нас впереди.

Примечания

1. Игорь Ефимов. Метаполитика. С.-Петербург: Лениздат, 1991; Грядущий Аттила. СПб: Азбука-классика, 2008.
2. Цезарь, Юлий. Галльская война (Москва: Наука, 1948), стр. 123.
3. Там же, стр. 125.
4. Plutarch. *The Lives of the Noble Grecians and Romans* (New York: The Modern Library, 1964), p. 865.
5. Гумилёв Л.Н. Хунну. Москва: Изд. Восточной литературы, 1960.
6. По-русски издана впервые в 1999 году, переиздана в России: Москва: Захаров, 2006. Английское издание: Igor

Efimov. *Five Talents or One? The Shocking Secret of Inequality*. Tenafly, N.J., USA: Hermitage Publishers, 2004. Translated by Scott D.Moss.

7. Франц Кафка. Процесс.
8. Hobbes, Thomas. *Leviathan*. New York: Dutton, 1950.
9. Борис Пастернак. Высокая болезнь. В сборнике «Стихотворения и поэмы» (Москва-Ленинград: Советский писатель, 1965), стр. 654.
10. Пастернак «Девятьсот пятый год», ук. соч., стр. 245.
11. Пастернак. «Лейтенант Шмидт», ук. соч., стр. 278.

Часть вторая. Пожары войны

II-1. Племена воюют друг с другом

С другой стороны, пусть поймёт народ,
Ищущий грань меж добром и злом:
В какой-то мере бредёт вперёд
Тот, кто, по виду, кружит в былом.
Иосиф Бродский

В сознании жителей современного индустриального мира межплеменные войны представляют собой феномен далёкого прошлого, интересный только для историков, этнографов, энтропологов. Освещая этнические конфликты наших дней, пресса старается сделать их более понятными для читателя, используя политические ярлыки, которые племена присваивают себе, вступая в военное противоборство. Но вдруг в 1994 году в африканской стране Руанде произошла межплеменная бойня такого масштаба, что её суть невозможно было спрятать под завесу политического лексикона. В течение ста дней члены племён хуту и тутси убивали друг друга со скоростью, в пять раз превышавшей скорость убийств в немецких лагерях смерти в годы Второй мировой войны. Около миллиона человек, без применения оружия массового поражения, были зарублены, застрелены, сожжены заживо.

В большинстве гражданских войн, текущих сегодня в странах Азии и Африки, элемент племенной вражды оказывается доминирующим. Во время вторжения советских войск в Афганистан (1979-1987) муджехеддины не представляли собой единую национальную армию, но

«состояли из полутора тысяч различных групп, объединявшихся по племенному, этническому или лингвистическому признаку. Иногда они объединялись друг с другом, чтобы противостоять Советам, но редко были инициаторами атаки. Подчинялись эти группы своим местным лидерам. Когда они вез-

ли на свои базы оружие, поставляемое им ЦРУ через Пакистан, было гораздо большие шансов, что на них нападёт соперничающая группа, а не российские войска. В результате, почти половина оружия никогда не использовалась в боевых действиях, а превращалась в объект продажи, на котором зарабатывали политические лидеры, укрывавшиеся в Пешаваре».¹

В соседнем Пакистане центральная власть с трудом сдерживает постоянно вспыхивающие конфликты между синдами, пенджабцами, пуштунами, белуджистанцами. Горные районы северо-запада страны стали практически недоступны для правительственный войск, талибы обосновались именно там под покровительством местных шейхов и совершают оттуда свои рейды в Афганистан. Нестабильность усугубляется и тем, что уже три лидера страны подряд погибли насильственной смертью, ² президент Мушарафф чудом выжил после нескольких нападений убийц-смертников.

Межплеменные конфликты между сикхами, тамилами, бенгальцами, гуджаратами и прочими вспыхивают и в Индии. Когда такое происходит в двух странах, имеющих термоядерный арсенал, это не может не тревожить цивилизованный мир. Поэтому именно сейчас представляется весьма важным заняться изучением племенной структуры и племенной ментальности, как они проявляли себя на протяжении всей мировой истории.

Но как мы можем исследовать далёкое прошлое народностей, не имевших письменности, не пользовавшихся календарём, не оставивших строений, скульптур, изображений? Даже если они жили по соседству с земледельческими цивилизациями, летописцы и путешественники вряд ли решались оставлять свои защищённые города и отправляться в степи, леса и пустыни, где военные конфликты между кочевниками вспыхивали непредсказуемо и любой пришелец считался законным объектом для нападений?

Материалом для историка могут служить только раскопки захоронений, древние мифы, песнопения, наскальные рисунки. И в этом плане бесценным источником оказываются предания древних иудеев, собранные в Ветхий завет.

Именно там сохранился скрупулёзный отчёт о кочевом периоде иудейских племён от исхода из Египта до создания собственного земледельческого царства (13-10 века до Р.Х.).

Особенно важной в этом плане является Книга Судей, которая переполнена рассказами о междуусобиях израильских колен. Вот колено Ефремово обозлилось на колено Галаадское и вознамерилось убить судью Иеффая.

«И собрал Иеффай всех жителей Галаадских, и сразился с ефремянами и побили жители галаадские ефремян... И пало в то время из ефремян 42 тысячи» (Судьи, 12: 4, 6).

Здесь сражаются племена, имеющие одну веру и один язык. Лишь по ничтожным различиям выговора им удаётся отличать чужаков от своих.

«И перехватили Галаадитяне переправу через Иордан... и когда кто из уцелевших ефремян говорил: «позвольте мне переправиться»,

то жители Галаадские говорили ему:

«Скажи шибболет (колос)».

А он говорил:

«сибболет» и не мог иначе выговорить.

Тогда галаадитяне закалывали его у

переправы через Иордан» (Судьи, 12:5-6).

Колено Израиля получает санкцию на войну против колена Вениамина у самого Господа. Потеряв уже 22 тысячи в боях «пошли сыны Израилевы и плакали перед Господом до вечера, и спрашивали Господа: вступать ли мне ещё в сражение с сынами Вениамина, брата моего? Господь сказал: идите против него. И подступили сыны Израилевы к сынам Вениамина во второй день. Вениамин вышел против них из Гивы во второй день, и ещё положили на землю из сынов Израилевых 18 тысяч человек, обнаживших меч» (Судьи, 20:23-25).

В конце концов, Израиль побеждает колено Вениамина.

«Всех же сынов Вениамина, падших в тот день, было 25 тысяч человек, обнаживших меч, и все они были мужи сильные» (Судьи, 20:46).

Но когда свирепость вражды ослабевает, победители способны на раскаяние.

«И пришёл народ в дом Божий, и сидели там до вечера пред Богом, и подняли громкий вопль, сильно плакали. И сказали: Господи, Боже Израилев! Для чего случилось это в Израиле, что не стало теперь у Израиля одного колена?» (Судьи, 21:2-3).

Господь безмолвствует, но израильтяне сами придумывают довольно своеобразный план исправления содеянного. Вот жители Иависа Галаадского не приняли участия в очередном походе. Мы их за это накажем: всех перебьём, а девиц их отдадим в жёны уцелевшим вениамитянам, чтобы они плодились и пополняли свои потери.

«И послало туда общество 12 тысяч человек, мужей сильных, и дали им приказание, говоря: идите и поразите жителей Иависа Галаадского мечом, и женщин, и детей... Всякого мужчину и всякую женщину, познавшую ложе мужчины, предайте закланию. И нашли они между жителями Иависа Галаадского 400 девиц, не познавших ложа мужского, и привели их в стан Силом, что в земле Ханаанской... Тогда возвратились сыны Вениамина, и дали им жён, которых оставили в живых из женщин Иависа Галаадского» (Судьи, 21:10-14).

В описании межплеменных конфликтов сравниться с Ветхим Заветом может только великий Геродот. В 5 веке до Р.Х. он попытался собрать воедино доступные афинянам сведения о племенах, обитавших на Ближнем Востоке, в Средней Азии, в причерноморских и прикаспийских степях. Из его трудов, например, мы кое-что можем узнать о скифах — племени, которое в течение многих веков было грозой для всех соседей, но так и не сумело основать собственное государство. Оказывается, они были весьма неоднородны и находились на разных стадиях освоения земледельческими навыками.

«Самые западные скифские племена обитают к северу от Чёрного моря — каллипады и ализоны. Они находятся под влиянием греков и выращивают зерно, лук, чеснок, чечевицу и просо. Племена к востоку

от ализонов тоже обрабатывают землю, но урожай не съедают, а продают. Между Бугом и Днепром обитают неурианы, а что к северу от них — никто не знает».³

Между Днепром и Доном обитали скотоводы, имеющие «королевские скифы». Эти презирали земледельцев и считали их своими рабами. Геродот подробно рассказывает о нападениях скифов на Мидию, Урарту, Ассирию, Персию, даже Египет, но сведений о межплеменных войнах почти не приводит. Зато у него подробно описано, как супротивно карались отступники, пытавшиеся перенять греческие обряды и поклоняться греческим богам.

«Скиф по имени Аначарсис посетил множество стран и приобрёл репутацию мудреца. Но острове в Геллеспонте он наблюдал жертвоприношения в честь Матери Богов, и дал обет принести ей такие же жертвоприношения, если благополучно вернётся домой. Когда он вернулся и тайно выполнял свой обет в густом лесу, его заметил один соплеменник и донёс царю Саулису. Царь увидел Аначарсиса, приносящего эти жертвы, и собственноручно застрелил его из лука».⁴

Исследователи захоронений первоначально исходили из предположения, что наличие в могиле оружия указывало на мужской пол покойника. Но с середины 20 века стали внимательнее обследовать скелеты, и оказалось, что нередко с оружием хоронили и женщин. В одном женском скелете даже нашли наконечник стрелы, застрявший между рёбрами.

«Около сорока таких захоронений обнаружено на сегодняшний день на скифских землях к западу от Дона; к востоку, на территории, которую Геродот называл Сарматией, 20% обследованных могил 5-4 веков до Р.Х. содержат оружие рядом с женскими скелетами».⁵

Не отсюда ли пошла легенда об амазонках?

Жизнь персидских племён до того момента, как они, объединённые царём Киром, вторглись в Вавилон, тоже мало известна. Геродот лишь сохранил их названия.

*«Доминировали среди персидских племён пасарагады, марафиане и маспианы. Пасарагады превосходят всех по знатности, из их клана ахеменидов выходят персидские цари. Названия других племён: панфилы, дерусии и германии (эти три обрабатывают землю), и даи, мардианы, дрописы, сагартиане (это кочевые племена)».*⁶

Афинские историки 5 века до Р.Х. мало интересовались жизнью балканских племён, обитавших в горах Фракии, Иллирии, Македонии. Было известно лишь, что все эти линкистийцы, пэоны, оресты, тимофеицы свирепо враждовали друг с другом вплоть до того момента, когда отец Александра Великого, царь Филип, сумел объединить их под своей властью, научил воевать не толпой, а несокрушимой фалангой и повёл на завоевание Эллады (середина 4 века до Р.Х.).⁷

Выше я уже не раз цитировал книгу Юлия Цезаря «Записки о Галльской войне». Его талант историка был равен его таланту политика и полководца. Но он описывает галльские и германские племена, уже находящиеся в постоянном противоборстве с Римской республикой, поэтому к его книге я вернусь в следующей главе. То же самое — знаменитый труд Эдварда Гиббона «Упадок и падение Римской империи». В нём обильно использованы исследования Тацита (50-120 до Р.Х.), в том числе и его отчёты о междуусобиях германских племён.

*«Их тактика боя включает возможность отступления с тем, чтобы потом возобновить атаку, — трусостью это не считается. Тела погибших они всегда уносят с поля боя. Самое позорное деяние у них — потерять или бросить щит в разгаре схватки. Таких лишают права участвовать в совете и в священных ритуалах, многие потом предпочтут покончить с собой, чем терпеть такое унижение».*⁸

«Если племя долго живёт в состоянии мира, благодородные юноши покидают его и присоединяются к тем, кто воюет. Бездействие мучительно для этой расы, они рвутся к воинской славе, которая одна и является их наградой за смелость в гибельной битве.

Убедить их заняться земледелием и ждать целый год урожая невозможно. Тем более что они считают трусостью и глупостью добывать потом то, что можно добыть кровью».⁹

«Раньше у германцев доминировали тенктеры и бруктеры; но теперь их вытеснили чамави и ангриварии, которые почти полностью истребили их с помощью других племён, находившихся под их властью. Мы наблюдали за этим конфликтом с чувством удовлетворения. Около шестидесяти тысяч погибло и не от римских мечей. Нам остаётся только молиться, чтобы племена, раз уж не могут полюбить нас, продолжали ненавидеть друг друга. Империя будет продолжать своё движение вперёд, и нет для неё лучшего подарка, чем раздоры её врагов».¹⁰

Увы, в свирепых межплеменных раздорах закаляется воинский дух и воинская умелость. И в какой-то момент, по неизвестной причине, вчерашние враги обнаруживают, что если перестать убивать друг друга, можно объединиться и обрушить свою военную мощь на окружающий мир.

До появления пророка Мухаммеда арабские племена на Аравийском полуострове враждовали свирепо.

«Каждое племя бедуинов жило своей особой жизнью и находилось в постоянной войне со всеми остальными. Примирение между ними казалось невозможным... Но ко дню своей смерти в 632 году Мухаммед сумел собрать почти все племена в единое братство мусульман».¹¹

Ах, как важно было бы нам разузнать, каким образом ранее бывшие племена вдруг превращаются в непобедимых покорителей могучих империй — македонцев, арабов, норманов, монголов, турок! Никому из европейских историков или путешественников не довелось проникнуть в мир скандинавских племён, когда все эти раумы, рюги, хорды, тренды, халейги воевали только между собой и лишь готовились к атакам на земледельческие государства. Однако из сохранившихся песнопений скальдов мы можем получить ясное представление о том, что уже тогда военные подвиги были главным наполнением жизни викингов-варягов, глав-

ным способом утоления всех трёх главных страстей человека.

О междуусобиях монгольских племён накануне нашествия на Китай мы имеем лишь обрывочные сведения из китайских, персидских, арабских источников. Известно, что племена меркид, тайчут, юркин, татар и другие постоянно воевали друг с другом, и побеждённые становились вассалами победителей. Революционное преобразование, совершённое Чингисханом, состояло в том, что он стал присоединять покорившихся к своему племени. Он даже уговорил свою мать усыновить мальчика из племени юркин, и этот поступок имел большое символическое значение. Теперь открывался путь для слияния ранее враждовавших племён под командой одного вождя.¹²

По-настоящему структура племенной организации во всех её бесчисленных модификациях открылась европейцам лишь тогда, когда их каравеллы, бриги, шхуны достигли берегов обеих Америк, Карибского архипелага, Африки, Австралии. При этом обнаружилось, что большинство племён практиковали людоедство.

*«В Африке человеческая плоть продавалась на рынках, похороны были неизвестны. На Соломоновых островах людей покупали, чтобы откармливать их для еды, как свиней. На Таити старый полинезийский вождь объяснял особенности своей диеты: “Когда белого человека хорошенько пожаришь, он по вкусу напоминает бананы”. Но жители Фиджи жаловались, что мясо у белых слишком жёсткое и солёное, полинезийцы на вкус лучше».*¹³

Белых пришельцев также поражало полное отсутствие понятия собственности у туземцев.

«Миссионер, живший среди американских индейцев сообщал, что они обращаются друг с другом с такой добротой и заботливостью, каких не увидишь у цивилизованных народов. Это происходит от того, что у дикарей даже нет слов «твоё» и «моё», тех слов, которые, по мнению Иоанна Златоуста, гасят в наших сердцах огонь доброты и разжигают пламя жадности... Они скорее лягут спать голодными, чем

придержат для себя то, что может понадобиться нуждающимся собратьям».¹⁴

Если испанские и португальские колонизаторы интересовались, в первую очередь, золотом, серебром, пряностями, приплывшие позже них англичане, шотландцы, французы имели в своих рядах также миссионеров и проповедников слова Божьего, которые не боялись жить среди дикарей, чтобы нести им свет христианской истины. Они-то и стали главным источником наших знаний об укладе и обычаях американских индейцев.

Две мировые войны XX века тянулись примерно по пять лет каждая. В истории Средних веков кровавый след оставила Тридцатилетняя война (1618-1649) между католиками и протестантами и Столетняя война (1337-1453) англичан с французами. Противоборство американцев с индейскими племенами можно назвать Трёхсотлетней войной, с прибытия в Массачусетс корабля «Мэйфлауэр» (1620) до дарования индейцам прав американского гражданства (1924). И все эти триста лет не утихали военные конфликты между различными племенами, рассыпанными на огромной территории от Атлантического до Тихого океанов.

Племена эти говорили на разных языках, сильно отличались друг от друга поверьями, обычаями, внешним видом, устройством жилищ, но были похожи в одном: каждый мужчина в племени был, прежде всего, воином.

«Чтобы получить какой-то авторитет, собственность, уважение, даже возможность жениться юноша должен был отличаться на “тропе войны”... Охота была его трудовым занятием, но война была его страстью, спортом, полем для подвигов. Орудия, используемые им для охоты, были теми же самыми, которые он использовал на войне. Превратиться из убийцы бизонов в убийцу людей было для него делом минуты».¹⁵

Все попытки белых американцев установить мирные отношения с племенами или мирить враждующие племена проваливались из-за одной и той же причины: вождь имел власть над своими соплеменниками только тогда, когда он вёл их на бой. Он мог быть даже искренним, заключая оче-

редное перемирие с белыми, но он не имел возможности удержать горячую молодёжь от таких замечательных подвигов, как грабежи, похищения, убийства, сдирание скальпов. Никакой вождь не мог наказать нарушителя мира или выдать его для наказания врагам.

*«Если бы он сделал это, родственники выданного смельчака, исполняя священный обычай кровной мести, могли бы убить его самого».*¹⁶

Теодор Рузвельт, до того как он стал президентом США (1901), много лет изучал историю отношений с индейцами и опубликовал шеститомное исследование под названием «Как был завоёван Запад».¹⁷ В нём он рассказывает, как однажды англичанам удалось выступить мирными посредниками в войне между индейцами племени крик и племени чероки.

*«По заключению перемирия вождь криков сказал англичанам: “Вы потратили столько усилий, сидя в наших дымных хижинах. Вот погодите: вскоре наша горячая молодёжь, лишившись возможности убивать чероки, перекинется на вас”. Его предсказания оправдались. Молодые крики начали нападать на поселения белых... Поэтому в войну между чоктав и чикасау англичане уже не вмешивались».*¹⁸

Другие миротворческие попытки состояли в том, что белые вознаграждали враждовавшие племена за прекращение военных действий. Индейцам нравилось получать подарки. Но как они могли заставить белых расщедриться, если между ними воцарялся мир? Естественно, они затевали новые бои, мирились, получали вознаграждение и так далее. Когда в наши дни Нобелевскую премию мира вручают таким лидерам, как Анвар Садат (1978) или Арафат (1997), она играет такую же роль: приз за временное — и, увы, недолгое — примирение.

Всё же в какой-то момент миссионерам квакеров в Пенсильвании удалось увлечь своей проповедью индейцев племени делавер и обратить их в христиан, исповедующих завет непротивления злу насилием. Эти обращённые получили название «Моравские братья». Результаты были плачевными: воинственные племена приплывали на пирогах

издалека, чтобы потешить свою кровожадность на «непротивленцах».

*«Так как любая агрессия оставалась безнаказанной, удары сыпались на тех, кто их меньше всего заслуживал. Ни одна другая колония не понесла таких позорных поражений в попытках справиться с индейской проблемой, как Пенсильвания».*¹⁹

Миссионеры выбрали объектом своей проповеди делаверов, потому что те оказались наиболее готовыми к переходу от охоты к земледелию.

*«Сельское хозяйство было основой экономики делаверов. Они выращивали кукурузу, бобы, тыквы, картофель, табак...»*²⁰

Но им было совершенно чуждо понятие индивидуального владения землёй. Когда белый фермер, поселившийся по соседству и заплативший им за выпас, упрекнул их за то, что они выпускают свой скот на его луг, они не могли понять, о чём он говорит.

*«Для них дарующая жизнь земля была такой же неделимой, как воздух, солнечный свет, вода в реке».*²¹

На примере судьбы этого племени очень хорошо видно, какими опасностями грозило оседание на землю. На времена посевных и уборочных работ делаверы должны были оставаться в своих селениях, и этим пользовались их давнишние враги — племя минквя. Покрыв сотни миль, оно приплывало в пирогах по реке Саскэхуана и беспрепятственно грабило и убивало мирных земледельцев. Путешественник Де Брис однажды встретил группу делаверов, уцелевших после набега, спрятавшихся в лесу. Они рассказали, что все их запасы зерна были разграблены, дома сожжены, погибло около девяноста человек.²²

Всюду, где белые пытались помочь индейцам освоить земледелие, соседние племена враждебно относились к этим усилиям.

*«Племя Красные Палки во время нападений разрушало построенные мельницы, ткацкие станки, вырезало скот и всячески демонстрировало ненависть к новому образу жизни».*²³

Самым крупным объединением племён был Союз шести наций — мохоки, онейда, онондага, каюга, сенека, тускарора, известный под общим именем ирокезы. Они обитали между Охайо и Великими озёрами. Им платили дань покорённые племена, даже находившиеся далеко к югу.

Один из вождей сформулировал эти отношения таким образом:

*«Мы, мохоки — мужчины, это установлено свыше, а вы, делаверы, — женщины, вы не созданы быть мужчинами, поэтому вы будете у нас в подчинении».*²⁴

До прибытия европейцев индейцы не имели лошадей и не умели изготавливать металлическое оружие. И то и другое начало просачиваться к ним уже в 16 веке, с мексиканских территорий оккупированных испанцами. Это произвело настоящую революцию в охотничьих приёмах и в тактике войны. Межплеменные стычки стали гораздо более кровопролитными.

Скачок технического прогресса произвёл такой же эффект, какой имел место четыре века спустя, когда автоматическое оружие стало попадать в руки красных кхмеров, муджахидов, талибана, хамаса, тутси и хуту. Обновив свой арсенал, конфедерация ирокезов обрушилась всей мощью на племя гуронов, обитавшее на восточных берегах озера Гурон.

*«Они не представляли никакой опасности для ирокезов, но по причинам непонятным до сего дня, те выбрали их объектом нападений. Начиная с 1630 года, около 45 лет тянулась война, которая превратила когда-то сильное племя числом 22 тысячи человек в оборванную кучку беглецов, искающих укрытия в лесах Верхних озёр. Но и сами ирокезы понесли тяжёлые потери: число их воинов сократилось с 3000 до 1400».*²⁵

Все, кто писал о войнах индейцев, не могли обойти тему их обращения с пленными. Несчастных подвергали таким пыткам, рядом с которыми бледнели сцены Дантива ада и испанской инквизиции. Для начала пленнику устраивали «бег сквозь строй».

*«Ему указывали на покрашенный столб посреди деревни и приказывали бежать к нему между двух шеренг мужчин, женщин и детей. Каждый из них держал в руке топор, палку, нож или что-то ещё и пытался нанести удар бегущему. Если тот падал, его добивали на земле. И это не было наказанием, а скорее весёлым развлечением для всей деревни».*²⁶

Зрелище чужих мучений доставляло большое удовольствие туземцам.

*«Они танцевали, смеялись, напевали под вопли пленников, которых жарили привязанными к столбу; кусок за куском вытягивали из человека внутренности; сдирали кожу с живых и обрубали конечности. На глазах у матерей они разбивали головы детей о стволы и выбрасывали их тела в кусты. Женщин обнажёнными валили на землю и протыкали насеквозд их тела заострёнными палками; другим отрезали груди и разрубали пополам».*²⁷

Празднование победы непременно включало в себя какие-нибудь окровавленные атрибуты. Когда шайены отмечали победу над племенем шошон (1868), они танцевали вокруг костра, «украшенные кровавыми трофеями. Один размахивал ободранной рукой шошонской женщины; вождь Высокий Волк гордо щеголял в ожерелье из высохших человеческих пальцев; другой воин прижимал к груди кожаный мешок, в котором было двенадцать правых рук, отрубленных у шошонских младенцев... Над их головами, в свете костра, плескались свежие скальпы, привязанные к копьям и к веткам деревьев».²⁸

Другая трёхсотлетняя война земледельцев с охотниками и скотоводами тянулась в те же годы в другом полушарии, на восточных и южных границах империи Российской. Уже в конце 15 века царь Иван Третий отправил пятитысячную армию на покорение территорий между Уралом и Обью.

«Местные вожди уйголов и ноголов, прибывшие на оленых упряжках, успели выразить покорность завоевателям. Было захвачено около сорока поселе-

ний, в плен попали около тысячи туземцев, включая полсотни князьков».²⁹

Продвигаясь дальше на восток, Россия покоряла многочисленные племена, живущие по берегам Оби, Енисея, Ангары, Амура, дошла и до Тихого океана и Камчатки. Как и в Америке, мех был главной добычей завоевателей. Но если американцы получали его в результате торгового обмена, русские просто обкладывали туземцев данью и суроно карали «за невыполнение нормы».³⁰

Несмотря на многовековые контакты внутренняя жизнь пограничных племён была мало известна русским путешественникам и летописцам. Если в Америке передовую линию обороны от набегов держали вольные поселенцы, осваивавшие земельные участки и строившие городки и форты, то в России та же роль выпала на долю казаков.

Казачество можно считать уникальным явлением российской истории, не встречающимся у других народов. Их курени составлялись из пёстрой смеси беглых крестьян, дезертиров из русской армии, староверов, не принявших церковные реформы патриарха Никона в 17 веке. Они селились по берегам рек Дона, Волги, Урала (Яика), Кубани, Терека. Жили в основном охотой, рыболовством, скотоводством, грабежами, но с начала 18 века начали активно осваивать земледелие. Их боевые качества ценились очень высоко. На своих ладьях они решались нападать даже на турецкий флот в гавани Стамбула.³¹ Российские предприниматели на Урале нанимали их для охраны, а цари Михаил и Алексей Романовы стали даже поручать им охрану границ и платить за службу порохом, солью, мукой, сукном.

Конечно, среди казаков не было образованных людей, которые могли бы собирать сведения о жизни соседних кочевых племён. Все эти буряты, тунгусы, черемисы, башкиры, калмыки, татары, ногайцы были для них лишь опасными и непредсказуемыми врагами, которые нападали каждый год, убивали тысячи и уводили в плен для продажи в рабство десятки тысяч.

Даже в 18 веке неинформированность русского правительства в отношении соседних племён приводила к парадоксальным ситуациям.

*«В 1785 году Екатерина выпустила указ о веротерпимости, и соответственно принятые были меры для образования киргизов. Исходя из предположения о том, что киргизы исповедовали ислам, к ним были посланы из Казани муллы, чтобы преподавать в открывшихся школах. Также строились мечети и каравансараи для паломников. На самом деле киргизы в то время были язычниками-шаманистами. Получилось, что христианская Россия тратила немалые средства для пропаганды мусульманства, о чём впоследствии должна была пожалеть».*³²

Племена Северного Кавказа в течение многих веков оставались в относительной изоляции, защищённые своими горами от империй, нависавших над ними с севера и с юга. Но в конце 18 века произошло событие, в корне изменившее ситуацию: Грузия, устав от конфликтов с агрессивными мусульманскими соседями — Турцией и Персией, — попросила русского императора принять её под своё покровительство. Теперь, чтобы защищать новых подданных и установить с ними экономические, культурные и административные связи, необходимо было создать сеть коммуникаций, которые неизбежно проходили по территории, занятой черкесами, ингушами, дагестанцами, чеченцами, осетинами, кабардинцами, адыгейцами и прочими воинственными народностями. Началась долгая война, прерванная только воцарением безжалостных большевиков в России в 1921 году и возобновившаяся сразу после падения коммунизма в 1991.

Снова мы сталкиваемся с большим белым пятном в царстве Клио. Наши знания о том, как жили эти племена до начала 19 века, очень скучны. Российские генералы и администраторы, прежде всего, заботились о том, как обезопасить горные дороги и морское сообщение с Грузией по Чёрному и Каспийскому морям. Многие племена, уставшие от собственных кровавых междуусобий, соглашались заключать с русскими мирные соглашения, обязуясь не нападать на караваны и отряды, двигавшиеся между поспешно строившимися фортами и укреплениями. Но соблюдались эти соглашения плохо. Любой князёк, днём разыгрывавший ми-

ролюбие, ночью мог устроить нападение на российские войска.

Кроме того, «мирные» оказывались беззащитными перед «немирными», объединившимися к началу 1840-х под началом знаменитого имама Шамиля.

*«Не только истинные симпатии жителей Чечни были на стороне Шамиля, но и страх он внушал больший, чем русское начальство, от которого в конце концов можно было уйти в горы. Шамиль же был беспощаден к отступникам, и защитить их русские власти не могли. Поэтому население аулов, через которые проходили всадники Шамиля и его наиков, уходило вместе с восставшими. Уходили и те, кто прежде служил русским, чтобы не подвергнуться немедленному нападению наступающих».*³³

Чтобы изучать народы, находящиеся на племенной стадии развития социума, исследователь должен погрузиться в их среду, выучить язык, облачиться в их одежду, подчиниться их жизненному укладу. Примерно так поступил Лоуренс Аравийский, который в годы Первой мировой войны поселился среди бедуинов Аравии, сумел завоевать их доверие и поднять на восстание против Турецкой империи. Но в наши дни клубки межплеменных отношений во многих странах Азии и Африки остаются такими же загадочными, непредсказуемыми, кровопролитными, а проникновение западных корреспондентов в их среду — таким же трудным и опасным.

Взять в качестве примера Южный Судан. После долгой гражданской войны населяющим его племенам удалось в 2011 году отделиться от Северного Судана. Но как, на какой основе могут они сплотиться в самостоятельное независимое государство? Их верования представляют собой пёструю мешанину из язычества, ислама, христианства, шаманизма. Из возможных политических моделей только выборная демократия получит финансовую поддержку богатых стран. Но ждать, что они смогут выстроить такую сложную социальную конструкцию, было бы слишком наивно. Естественно возник вакуум власти, и немедленно загорелись этнические войны между племенами нуба, нуэр, динка и дру-

гими. Результат: сотни тысяч погибших, миллионы беженцев, голод и эпидемии.

Ещё более заметную роль племенной фактор играл и играет в текущей уже пятый год гражданской войне в Сирии. Диктатура аловитского меньшинства, возглавлявшаяся отцом и потом сыном Асадами, десятилетия удерживала от взрыва тлеющую межплеменную вражду. Но примеры насилиственного свержения диктаторов с помощью НАТОвских бомбардировщиков придали смелости недовольным и подтолкнули на открытое восстание в 2011 году.

*«Вооружённые отряды племён ведут борьбу с сирийскими военными на местном уровне. Кроме того, племена Северо-Восточной и Восточной Сирии, например: шаммар, баггара, джаббур, дулейм и угайда, имеют тесные и прочные отношения с родственными им племенными группами в Саудовской Аравии и Ираке. Это обстоятельство активно используется Дохой и Эр-Риядом для переправки оружия в Сирию, хотя официально такая транспортировка отрицается. Существуют также убедительные свидетельства того, что иракские племена оказывают помощь оппозиционерам из родственных им сирийских кланов оружием и боеприпасами, а также боевиками».*³⁴

Сегодня цивилизованный мир объявляет священными два принципа в сфере международных отношений: неприменимость государственных границ и право каждого народа на самоопределение. То, что эти принципы несовместимы, как бы не замечается. Что делать с народом, находящимся внутри какого-то государства, но захотевшим выйти из него и начать независимое существование? Как провести новые границы?

Третий священный принцип: отделившийся народ обязан установить у себя демократический способ правления. Если же он выберет диктатуру, или олигархию, или халифат, или коммунизм, его выбор будет объявлен неправильным, и различными мерами, начиная от экономических и кончая ракетно-бомбовыми, его станут подталкивать в сторону священной демократии. Многие страны Азии и Аф-

рики, поспешно сколоченные после двух мировых войн по этим принципам — демократия и независимость каждого этноса, — на самом деле представляют собой клубок враждебных племён, которые можно удерживать вместе только сильной центральной властью.

Афганистан, Ирак, Пакистан, Нигерия, Руанда, Сомали, Эфиопия начинены взрывоопасной враждой, чреватой таким же извержениями, какие случились уже в Югославии, Ливии, Шри-Ланке.

Опасность местных локальных войн состоит в том, что сверхдержавы имеют тенденцию вмешиваться в них. Если бы в 1999 году, на пике конфликта между сербами и косоварами, в Кремле правил не Ельцин, а какой-нибудь воинственный безумец типа Жириновского, он легко мог бы послать в Белград ракеты земля-воздух, а то и несколько эскадрилий «мигов», чтобы защитить «братский сербский народ» от НАТОвских бомбардировок. Если бы в 2013 году американским президентом был Мак-Кейн, а не Обама, Путину не удалось бы уговорить его не бомбить Дамаск, удовлетвориться вывозом химического оружия из Сирии. Этнические столкновения в Кашмире — это постоянно тлеющий фитиль к вспышке очередной войны между двумя термоядерными государствами, Индией и Пакистаном.

Чему же учит нас обзор межплеменных войн на протяжении мировой истории?

При всём их многообразии, одна черта всплывает снова и снова почти во всех: отсутствие видимого мотива, повода, причины, выгоды. Иноплеменник подлежит уничтожению или порабощению не потому, что он представляет угрозу мне или моему племени или совершил какие-то враждебные действия, а потому только, что он иноплеменник. Моё племя — это главная форма доступного мне бессмертия, поэтому я иду сражаться за него до конца.

Удержать племена от взаимоистребления может либо воцарившийся диктатор, либо вторгшийся колонизатор. Защитники «прав человека», ратующие за демократию во всём мире, выступающие против деспотизма и колониализма, мечтающие одарить благами свободы полудикие народы, не хотят увидеть, что их благородные и бескорыстные

порывы обернутся лишь тем, что миллионы хуту, тутси, нуба, динка, шаммар, баггар, джаббур и прочих лишатся главного человеческого права — права на жизнь.

Переход от перманентной войны к слиянию через покорение или заключение прочного союза — огромный скачок в усложнении социальной структуры этноса. Но если воины заключают мир между собой, как же они смогут утешить своюажду самоутверждения, сплочения, бессмертия?

Нет ли опасности, что они выберут пуститься на захватывание мира?

Примечания

1. Weaver, Mary Anne. *Pakistan. In the Shadow of Jihad and Afganistan* (New York: Farrar, Straus and Giroux, 2002), p. 76-77.
2. Зальфикар Али Бхутто казнён в 1979, Мухаммед Зиа-уль-Хак погиб в подстроенной авиакатастрофе в 1988, Беназир Бхутто убита террористами в 2007.
3. Herodotus. *The Histories* (New York: Oxford University Press, 1998), p. 241.
4. Там же, стр. 260.
5. Cunliffe, Barry, editor. *Prehistoric Europe* (New York: Oxford Univ. Press, 1994), p. 395.
6. Herodotus, op. cit., p. 58.
7. Durant, Will. *The Life of Greece. The Story of Civilization. Part II* (New York: Simon & Schuster, 1966), p 476.
8. Tacitus. *The Complete Works* (New York: The Modern Library, 1942), p. 712.
9. Ibid., p. 716.
10. Ibid., p. 725.
11. Armstrong, Karen. *Muhammad. A Biography of the Prophet* (San Francisco: Harper Collins Publishers, 1992), p. 46.
12. Weatherford, Jack. *Genghis Khan* (New York: Free Rivers Press, 2003), p. 44.
13. Durant, Will. *Our Oriental Heritage. The Story of Civilization. Part I* (New York: Simon & Schuster, 1965), p. 10.
14. Ibid., p. 17.
15. Vestal, Stanley. *Warpath and Council Fire. The Plain Indians' Struggle for Survival in War and in Diplomacy, 1851-1891* (New York: Random House, 1948), p.6.
16. Ibid., p. 14.

17. Roosevelt, Theodore. *The Winning of the West*. New York: G.P. Putnam's Sons, 1902. In 6 volumes.
18. Ibid., v. 1, p. 95.
19. Ibid., v. 1, p. 129
20. Weslager, C.A. *The Delaware Indians. A History* (New Brunswick: Rutgers Univ. Press, 1972), p. 56.
21. Ibid., p. 37.
22. Ibid., pp. 100-101.
23. Hagan, William T. *American Indians* (Chicago: The University of Chicago Press, 1961), p. 59.
24. Weslager, op. cit., p. 181.
25. Tebbel, John. *The Compact History of the Indian Wars* (New York: Hawthorn Books, Inc. 1966), p. 34.
26. Heckewelder, John. *History, Manners, and Customs of the Indian Nations* (Philadelphia: The Historical Society of Pennsylvania, 1876), p. 218.
27. Tebbel, op. cit., p. 84.
28. Vestal, op. cit., p. 261.
29. Lensen, George A. (ed.). *Russia's Eastward Expansion* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1964), p. 7.
30. Ibid., p. 40.
31. Longworth, Philip. *The Cossacks* (New York: Holt, Reinhart and Winston, 1969), p. 30.
32. Lobanov-Rostovsky, A. *Russia and Asia* (New York: The Macmillan Company, 1933), p. 91.
33. Гордин Яков. «Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне 19-го века» (Санкт-Петербург: Издательство журнала «Звезда», 2000), стр. 305.
34. Нечитайло Д.А. «Племенной фактор в сирийском конфликте». Интернет, сайт «Охранка».

II-2. Отставшие атакуют обогнавших

Узнаю этот ветер, налетающий на траву,
Под него ложащуюся, как под татарву.
Узнаю этот лист, в придорожную грязь
Падающий как обагрённый князь...
Иосиф Бродский

Эта тема была подробно исследована мною при работе над книгами «Метаполитика» и «Грядущий Аттила».¹ Данная глава представляет, по сути, выжимку из этих двух книг. Две черты этого типа войн будут привлекать наше внимание в первую очередь:

- А) Безрассудная смелость нападающих;
- Б) Их безжалостность к обороняющимся.

Зачем Моисей приказал убивать не только мужчин в городах Ханаана, но и всех женщин побеждённых мадианитян, и всех детей мужского пола? (Числа, 31: 14-18)

Зачем Иисус Навин не только перебил всех жителей взятого иудеями Иерихона, «мужей и жён, молодых и старых», но разрушил и сам город и проклял всякого, кто попытается восстановить его? (Иисус Навин, 6: 20, 25)

Кельты, ворвавшиеся в Рим в 390 году до Р.Х., убивали мирных жителей и бездумно сожгли город вместе со складами зерна, так что вскоре, при осаде Капитолия, где укрылись остатки римского войска, начали страдать от голода и заболевать среди разлагающихся трупов.²

Какой смысл для наступающих арабов (7 век до Р.Х.) был в том, чтобы убивать поголовно побеждённых, если те отказывались принять мусульманство?³

Норманны, начавшие атаки на земледельческую Европу (9 век до Р.Х.), не щадили ни мирных жителей, ни монахов и священников, сжигали города, монастыри и хранящиеся в них библиотеки — ради чего?⁴

Монголы, вторгшиеся в Китай в начале 13 века не только убивали жителей, но и тратили много усилий на разрушение оросительных каналов, вырубание садов и виноградников.⁵

С чем можно сравнить иррациональность этих зверств и разрушений? Словно из чёрного и кровавого прошлого мировой истории выпрыгнули сегодня талибы, взрывающие статую Будды в горах Афганистана, сторонники Нового Халифата, разрушающие кувалдами памятники сирийской Пальмиры, алькайдовцы, врезающиеся на угнанных боингах в американские небоскрёбы.

Согласно последним исследованиям историков, первые успешные вторжения кочевников в земледельческий Египет имели место в 17 веке до Р.Х. После смерти фараона Амененхета Третьего

*«в Египте началась борьба претендентов за трон, погрузившая страну в хаос и распад. Когда гиксосы, кочевники из Азии, вторглись в разваливающееся государство, они жгли города, разрушали храмы, уничтожали произведения искусства, и на два столетия воцарились в долине Нила под именем Царипастухи».*⁶

Три века спустя аналогичная судьба постигла Индию. Кочевники-арийцы явились туда из прикаспийских степей.

*«Они были искусными и смелыми воинами и вскоре покорили северную Индию. В бою они применяли луки и стрелы, топоры и копья, а также имели железные колесницы. Постепенно они продвигались на восток по долинам Инда и Ганга, пока не подчинили себе весь Индустан».*⁷

Победы кочевников над цивилизованными народами, имевшими письменность, были зафиксированы в летописях победённых. Первые пять книг Ветхого завета снова предстают перед нами как уникальный исторический памятник: здесь кочевой народ, не умевший писать и читать, бережно сохранил в устных преданиях не только историю своих захватов, но и историю поражений в борьбе с народами-земледельцами.

Победное вторжение иудеев в Ханаан под водительством Моисея, а потом Иисуса Навина вскоре захлебнулось. Новый вождь, возглавивший их, по имени Иуда,

«взял Газу с пределами её, Аскalon с пределами его, и Екрон с пределами его. Господь был с Иудой, и он овладел горою. Но жителей долины не мог прогнать, потому что у них были железные колесницы» (Судьи, 1:18-19).

Постепенно иудеи отказываются от тотального уничтожения побеждённых и довольствуются тем, что облагают их данью. Данниками стали города Иерусалим, Бефсан, Фанаах, Газер, Китрон, Вефсамис и многие другие (Судьи, 1:21-36). Начинается период параллельного существования скотоводов-иудеев и местных замледельцев.

«И жили сыны Израилевы среди Хананеев, Хеттеев, Аморреев, Ферезеев, Евеев и Иевусеев; и брали дочерей их себе в жёны, и своих дочерей отдавали за сыновей их, и служили богам их» (Судьи, 3:5-6).

Воинственность иудеев ослабевает, и вскоре они оказываются в подчинении у местных народов. В 12-11 веках до Р.Х. мы видим их живущими в Земле Обетованной в довольно жалком положении. 18 лет над ними господствуют моавитяне, потом 20 лет — хананеи, мадианитяне — семь лет, аммонитяне — 18, филистимляне — 40.⁸

В какой-то момент земледельцам даже удаётся обезоружить вторгшихся кочевников.

«Кузнецов не было во всей земле израильской, ибо филистимляне опасались, чтобы евреи не сделали меча или копья» (1-ая Царств, 13:19).

Тем не менее враждебность сохраняется и прорывается поджогами, грабежами, убийствами, для которых годятся, за неимением мечей и копий, любые подручные средства: герой Самегар «перебил 600 филистимлян воловьим плугом» (Судьи, 3:31), герой Самсон угробил тысячи филистимлян «ослиной челюстью» (Судьи, 15:15). Мстительная фантазия иудеев не даёт ограничить себя тесными рамками правдоподобия в прославлении подвигов Самсона. Ему ничего не стоит выломать городские ворота Газы и унести их на вершину горы (Судьи, 16:3). Для поджогов он устраивает прямо-таки цирковое представление: поймал триста лисиц, связал их попарно хвостами, привязал к хвостам горящие факелы и выпустил их «на жатву филистимскую, и копны, и

несжатый хлеб, и виноградные сады и масличные» (Судьи, 15:5).

В истории мирового терроризма Самсон стоит первым среди террористов-самоубийц.

«И сдвинул Самсон с места два средних столба, на которых утверждён был дом, упёршись в них... и сказал: умри, душа моя, с Филистимлянами! И упёрся всею силою, и обрушился дом на владельцев и на весь народ, бывший в нём. И было умерших, которых умертвил Самсон при смерти своей, более нежели сколько умертвил он в жизни своей» (Судьи, 16:29-30).

Подчинённое положение иудеев длилось примерно двести лет. Но эти годы не пропали даром. Постепенно, шаг за шагом, кочевники-пастухи, учась у местных, осваивали тайны земледелия и строительства каменных зданий и стен. В священных текстах, в Первой книге Царств, относящейся к 10 веку до Р.Х., появляются слова «молотить», «плуг», «сошник», «заступ», «давило», «жать», «строить». Это можно считать указанием на то, что к моменту воцарения Саула и Давида процесс перехода иудейского племени от кочевого состояния к осёдло-земледельческому был завершён. Строительство храма в Иерусалиме и овладение письменностью в 10 веке — два заключительных момента этого перехода.

Если мы теперь мысленно перенесёмся на три тысячи лет вперёд, мы обнаружим на той же территории, между Средиземным морем и рекой Иордан, межнациональные конфликты, многими чертами напоминающие противоборство иудеев с филистимлянами. Только теперь роль ушедших вперёд филистимлян выполняют израильтяне, рывком вступившие в индустриальную стадию цивилизации и окружённые враждебными народами, застрявшими в стадии земледельческой.

По сути, мусульманское окружение Израиля устремлено к той же цели, какую ставили перед своими воинами Моисей и Иисус Навин: поголовное уничтожение противника. Легендарные герои Книги судей — Иуда, Аод, Гидеон, Самегар, Самсон — получили своих продолжателей в лице знаменитых террористов, таких, как Абу Нидал, Джордж

Хабаш, Ильич Рамирес Шакал, Ясир Арафат, Бин Ладен. Убивать, поджигать, взрывать своих противников без разбора — главный, если не единственный способ самоутверждения для этих людей, разделённых тремя тысячелетиями истории.

Другая схожесть: не имея сил победить мощного противника в открытой войне, мусульмане Ближнего Востока ввязываются в кровопролитные схватки друг с другом точно так же, как это делали израильские колена (см. предыдущую главу). В 1970 году палестинцы развязали гражданскую войну в Иордании. Разбитые и вытесненные в Ливан, они и там разожгли в 1975 кровавую смуту, тянувшуюся до сих пор. В 1981 Ирак нападает на Иран, в 1990 — на Кувейт. Боевые действия между такими организациями, как Фата, хезбола, Хамас, ООП вспыхивают постоянно на всех территориях, примыкающих к Израилю.

Нужно отдать должное израильтянам: им удалось так ужесточить свой контроль над палестинцами, населяющими западный берег Иордана, что засылка туда огнестрельного оружия и взрывчатых веществ сделалась крайне затруднительной. Ярость и ненависть к «захватчикам» продолжают бушевать там, но реализовать её удаётся при помощи ножей, камней, пращей, а последнее время и автомобилей: если врезаться на полной скорости в очередь израильтян на автобусной остановке, можно убить или ранить десяток-другой «врагов».

Противоборство израильтян с палестинцами — это лишь малый эпизод войны, полыхающей сегодня между индустриальным миром и миром земледельцев. Погружаясь в далёкое прошлое, мы увидим, что долгие войны кочевников и мигрантов с государствами земледельцев имели много общего с тем, что происходит сегодня. Главное сходство: иррациональная ненависть нападающих к обороняющимся, стремление стереть с лица земли не только их самих, но и их культуру.

«Никаких переговоров с американцами и евреями, — призывают проповедники ислама. Джихад — это только Коран и автомат».

А также все виды взрывчатых веществ, смертоносных бактерий, ядовитых газов и — ах, если бы! — термоядерного оружия.

Сотни и тысячи террористов-самоубийц, радостно откликающихся на эти призывы, — лучшее доказательство подлинности кипящих враждебных чувств. Но в сфере международных отношений принято как-то обосновывать любую агрессию. В древности никто не спрашивал нормана, что заставило его проплыть вокруг всей Европы в Средиземное море и свирепствовать там в прибрежных городах и поселеньях. И монгольскому хану не было нужды отдавать отчёт в том, зачем после взятия города он приказал сложить головы погибших в три кучи: в одной — мужские, в другой — женские, в третьей — детские.⁹

Сегодня для зверств необходимы логические, политические и даже моральные обоснования. Цивилизованный мир не может смириться с безмотивностью ужаса. Он с готовностью заглатывает пропагандные объяснения терактов, изготавливаемые поднаторевшими дипломатами в чалмах, куфьях и игалях: оскорбления пророка Мухаммеда, изгнание с родных земель, ущемление прав, строительство поселений, стремление к национальной независимости и так далее.

Примечательно, что чувство ненависти между враждующими вот уже три тысячи лет остаётся односторонним: отставшие ненавидят обогнавших, а те лишь пытаются утихомирить их или откупиться. Попытки задобрить нападающих пронизывают множество старинных конфликтов.

В 162 году до Р.Х. был заключён мир между Китайской империей и вождём гуннов Лаошань-шаньюем.

«Китай и Хунну признавались двумя равными государствами, причём Китай, из сочувства к холодному климату в стране своего соседа обязывался ежегодно отправлять на север, к хуннскому шаньюю, определённое количество проса и белого риса, парчи, хлопка, шёлка и различных других вещей. Конечно, это была завуалированная дань».¹⁰

В 408 году до Р.Х. вестготы осадили Рим, но городу удалось откупиться в тот раз.

В 800-е годы норманы грабили и сжигали французские города Руан, Нант, Тулузу, Бордо. В 845-м они поднялись по Сене до Парижа. Городу удалось спастись, уплатив 7000 фунтов серебра. Но 20 лет спустя его постигла участь остальных.¹¹

Российские княжества и города после вторжения монголов в 1240 сделались их постоянными данниками и оставались в этом положении два с половиной века.

В предыдущей главе было рассказано о попытках американцев замирять индейцев дарами и деньгами.

Точно такую же тактику пытается применять сегодня индустриальный мир по отношению к воинственным земледельцам. Все виды экономической помощи развивающимся странам — это попытки гасить или предотвращать военные конфликты в них, аналог старинной дани. А лагеря палестинских беженцев — аналог американских резерваций для индейцев.

Для помощи палестинским беженцам в 1949 году было создано при ООН специальное агентство UNRWA (United Nations Relief and Works Agency). Мандат этого агентства регулярно возобновляется, сегодня он продлён до июня 2017 года.¹² Считалось, что выделяемые средства должны были помочь палестинцам обосноваться на новых местах в арабских странах, куда они бежали после победы Израиля в Войне за независимость 1948-1949 годов. Естественно, что большинство служащих этого ведомства вербовалось из самих палестинцев. И они вели дело таким образом, чтобы нужда в них никогда не исчезала, и чтобы палестинцы оставались в статусе беженцев как можно дольше.

Их число возросло с первоначальных 600 тысяч до пяти миллионов. И все эти люди претендуют на право возвращения на территорию Израиля. А пока их лидеры вполне удовлетворены, получая от UNWRA больше миллиарда долларов в год. Заключение мира с Израилем лишит их этих денег. Чтобы этого не случилось, нужно лишь время от времени разжигать интифаду на Западном Берегу или запускать десяток-другой ракет из сектора Газы на южные израильские города.

Летом 2000 года президент Клинтон устроил в Кэмп-Дэвиде очередные мирные переговоры между израильтянами и палестинцами. Новый израильский премьер Эхуд Барак предложил невероятно щедрые условия примирения: возврат 97% территорий, уход из сектора Газы и выплата 30 миллиардов компенсации беженцам в течение пяти лет.

Арафат на всё говорил «нет», а Клинтону, давившему на него, сказал:

«Вы хотите ускорить мои похороны?»¹³

Он намекал на судьбу египетского президента Анвара Садата, убитого в 1982 году собственными офицерами за заключение мира с Израилем.

Выше, в Главе I-4, мы взглядывались в экзистенциальную дилемму, перед которой стоял кочевник, пытались понять, что он терял при переходе в подданство земледельческого государства. В своём племени он чувствовал себя равным любому соплеменнику. Он смело сражался с врагами и пользовался почётом за это. Он знал обычаи своего клана, свято выполнял их, а если кто-то совершил беззаконие, он мог покарать нарушителя, опираясь на законы кровной мести. Он хранил сокровище своей родословной, порой до седьмого колена и знал, что останется в памяти детей и внуков. На племенном совете он участвовал в принятии решений о войне и мире. Комплекс этих прав и преимуществ, по сути, составлял его бессмертие.

Роль воина, судьи, священослужителя, правителя — со всем этим он должен был расстаться, растворившись внутри пирамиды стабильного государства. Ибо у земледельцев все эти роли были распределены между разными исполнителями. И если он поселился среди них, ему достанется только роль труженика на самой нижней ступени пирамиды. Мог ли гордый воин смириться с подобной перспективой?

Естественно, не мог. Зато кочевник мог предложить земледельцам то, чего у него было в избытке: воинскую доблесть. Наём кочевников на военную службу в земледельческом государстве упоминается в истории почти всех крупных стран.

В Древних Афинах полицейскую службу в городе несли 1200 скифских стрелков, которые формально числились рабами государства.

Римские императоры вербовали дворцовую стражу из германцев.

Корпус вестготов сделался главной ударной силой в войске императора Феодосия Великого (конец 4 века до Р.Х.), а впоследствии принял участие в разгроме гуннов в Каталунской битве (451 год).

Французские короли и феодалы начали нанимать на военную службу дружины норманов (9-10 века до Р.Х.).

То же самое — города и княжества Древней Руси, нанимавшие варягов.

Отряды татаро-монголов принимали активное участие в войнах московских царей в 15-16 веках, отличившихся командирами цари награждали знатными титулами.

Возможно, эта практика служила клапаном, выпускавшим воинственный пыл кочевников, давала применение их неуёмной агрессивности. Однако клапана было явно недостаточно. Набеги отдельных племён происходили регулярно каждый год, Исторические анналы Римской империи и Византии переполнены горестными хрониками этих нападений.

1 век до Р.Х. — кимвры и тевтоны пересекают Альпы, угрожают Риму, в Африке свирепствуют нумидийцы.

2 век до Р.Х. — нужно отбиваться от задунайских племён — даков, аланов, сарматов.

3 век — от готов, германцев, маркоманов.

4 век — от франков, аламанов, вандалов.

5 век — лонгобарды, гунны, свевы.

6 век — булгары, славяне, авары.

И всегда можно было ожидать очередного военного цунами, опустошительного и неостановимого: арабы, норманы, турки-сельджуки, турки-османы и, наконец, татаро-монголы.

Вглядимся в некоторые детали последней волны.

В начале 13 века до Европы стали доходить слухи о новых племенах, движущихся с востока. К ним прилипло название «Всадники из преисподней». Говорили, что они

побеждают во всех битвах, берут осадой и штурмом любые крепости. Что они уже покорили Северный Китай, захватывают города арабского Халифата, вторглись в Персию, разбили мощную армию грузин. Что пощады нет никому, а особенно — знатным и богатым.

Лишь в 19-20 веках, собирая по крупицам сведения о военной машине монголов, смогли историки приблизиться к разгадке их непобедимости.

Во-первых, **вооружение**. В отличие от европейских луков, делавшихся целиком из дерева, монголы научились делать свои, склеивая деревянную основу с козлиным рогом и покрывая их водоупорным лаком. Сила натяжения такого лука была 80 кг (у европейских — 40), дальность — 350 метров (у европейских — 250).¹⁴ У китайцев монголы научились изготавливать наконечники стрел из закалённой стали, которые могли пробить рыцарскую кольчугу. Только 150 лет спустя англичане научились изготавливать луки такой же силы (*long bow*), и это дало им перевес в Столетней войне с французами.¹⁵

Манёвренность. Монгольская армия не имела пехоты — только конница. Она могла покрывать за день огромные расстояния, появляясь там, где её не ждали и так же внезапно исчезать. До тех пор пока у коней была трава под копытами, движение монголов оказывалось неостановимым. Всадники были крайне неприхотливы в еде, каждый имел мешочек с сухим молоком: достаточно было смешать его с ковшом воды, и получалась питательная смесь на целый день. Если ему попадался кусок мяса, он не терял времени на разведение огня, а просто подкладывал его под седло и после дня скачки получал вполне съедобную отбивную.¹⁶

Техника. Долгое время крепостная стена была самым надёжным оружием земледельцев. Вождь вестготов Фритигерн, разбив римлян под Адрианополем в 378 году, попытался захватить и город, но понёс такие потери, что объявил:

«*Нет, с каменными стенами я больше не воюю*». ¹⁷

Однако монголы за долгие годы конфликтов с китайцами переняли их технику осадных работ, мобилизовали китайских инженеров изготавливать для них катапульты и

тараны. Окружив очередной город, они начинали бомбардировать его валунами, брёвнами, горшками с зажигательной смесью. Потом сосредотачивали огонь на воротах, за несколько дней разбивали их и устремлялись на штурм.

Если город стоял в лесистой местности, вокруг его стен выстраивали деревянную эстакаду, с которой было удобно расстреливать защитников. При осаде Рязани (1237) такая эстакада была выстроена за девять дней, потом последовала пятидневная бомбардировка и штурм. Считанные жители избежали последовавшей резни, чтобы разнести страшные вести по другим русским городам, которые вскоре постигла та же участь.¹⁸

Тактика боя. В русском языке слово «корда» обычно употребляется для обозначения беспорядочно движущейся толпы, неспособной выстроиться в колонну, шеренгу, каре. Возможно, это пошло со времён нашествия монголов, ибо они нападали врасыпную, а потом изображали паническое бегство. Почти все их противники поддавались на эту уловку и с торжеством пускались в преследование, поневоле расстигивая свои ряды, теряя связь между дружинами. После нескольких часов погони они достигали места, где их поджидал резервный монгольский тюмен (корпус в 10 тысяч всадников). «Убегавшие» тоже пересаживались на свежих коней и обрушивались на преследовавших, обессиленных долгой погоней. Туча стрел сметала уставших воинов, после чего победители набрасывались на убитых и раненых и отрезали им уши, чтобы послать верховному хану несколько мешков кровоточащих «трофеев» как свидетельство победы.¹⁹

Организация армии. Она строилась по десятичной системе: самое маленькое подразделение арбан имело десять воинов, сотня называлась загун, тысяча — минган.

*«Члены одного арбана должны были жить и сражаться бок о бок, как братья... Их преданность друг другу требовала отбивать от врага товарища, которому грозило пленение на поле боя... Как и в семье, главенство в арбане принадлежало самому старшему... Но при нужде воины могли избрать своим лидером и другого».*²⁰

По ходу продвижения на запад армия монголов постоянно пополнялась воинами из присоединявшихся кочевых племён: башкиров, киргизов, калмыков, кипчаков, уйгуров, барласов. После потерь понесённых при покорении Руси (1237-1241) она снова насчитывала те же 100 тысяч, с которыми начинала кампанию, которые и вторглись на территорию Западной Европы.²¹

Сплочённость. Противников монголов изумляла слаженность, с которой действовали их всадники. Каким образом рассыпанная по долине конница вдруг смыкалась в могучую атакующую колонну или в тугое кольцо, осыпающее врага градом стрел? Оказалось, что задолго до изобретения радио, монголы приспособили для мгновенной передачи команд сигнальные стрелы, оснащённые свистками разного типа. Были свистки, означавшие «атаковать справа», «атаковать слева», «отступить», «вступить в бой с копьями» и так далее. Командиру достаточно было послать над полем две-три стрелы (напомним, что дальность полёта намного превосходила дальность, на которой сохранялась убойная сила), чтобы нужную команду получили сразу тысячи воинов.²²

Но, конечно, необходимо было также, чтобы посланная команда беспрекословно выполнялась. А это достигалось тем невидимым инструментом, который мы уже не раз называли сплочённостью. Как она достигалась внутри разноплемёной армии, среди людей, не имевших ни письменности, ни религиозных догматов, ни пламенных проповедников, нам остаётся только гадать. И поневоле мы должны извлечь из наших знаний о тёмных сторонах человеческой природы, напомнить себе, что ничто так не объединяет, как общая, разделённая ненависть.

Безжалостность, проявляемая монголами по отношению к побеждённым, не знала предела. Людей, не носивших мечи и питавшихся не мясом и молоком, а тем, что росло из земли, они считали не лучше скота. На их языке «гнать стадо» и «гнать пленных» обозначалось одним и тем же словом.²³ Пленных использовали для переноски грузов, как живые щиты или заваливали их телами крепостные рвы.

Следует обратить внимание на то, что здесь не просто полыхала обычная ненависть к иноплеменникам. Ведь встреченных на пути кочевников они часто принимали в свою армию, обучали боевым приёмам и дисциплине, порой уравнивали в правах с собой. Нет, именно весь уклад жизни земледельцев возбуждал в них иррациональную вражду, толкал на то, чтобы оставлять за собой пепелища домов, разрушенные храмы, вырубленные сады, засыпанные каналы. Безрассудность из разрушительных порывов доходила до того, что при покорении Средней Азии они часто вынуждены были покидать завоёванный город уже через несколько дней — так невыносима делалась вонь от разлагающихся трупов.²⁴

*«13 февраля 1258 года, после месячной осады, монголы ворвались в Багдад, и началась сорокадневная бойня, стоившая жизни восьмистам тысячам жителей. Библиотеки и сокровища искусства, накапливавшиеся веками, были сожжены и уничтожены. Халифа и его семью заставили выдать местонахождение их казны и после этого казнили. Таков был конец халифата Аббасидов в Азии».*²⁵

Жажду самоутверждения и жажду сплочённости древний монгол утолял на войне. Но что утоляло его жажду бессмертия? Оказывается, превыше всего у этих племён ценилось знание своей родословной. Вот отрывок из книги персидского летописца Рашид-ад-Дина:

*«Каждому новорожденному дитяти, так как у них нет религии и веры, в которой они наставляли бы детей, отец и мать объясняют и растолковывают свой род... У всех них выведенная и ясная родословная вплоть до седьмого колена, ибо обычай монголов таков, что они сохраняют происхождение предков и дедов своих... Кроме монголов, у других племён нету такого обычая, за исключением арабов, которые хранят своё происхождение наподобие жемчужины».*²⁶

Даже став повелителями Китая и внешне соблюдая требования дворцового этикета, монголы в душе продолжали лелеять любовь к своим старым обычаям и верованиям.

Внук Чингизхана, Хубилай-хан, в выстроенной им новой столице (будущий Пекин) выделил большой участок земли, в котором была в миниатюре воссоздана степная жизнь.

*«За высокими стенами Запретного города, охраняемыми воинами, семья императора и его двор могли жить как монголы... Там паслись стада и стояли юрты, в которых придворные предпочитали жить, есть, спать. Беременные жёны хана стремились родить в юрте, и дети получали первое образование там же. Хотя Хубилай и его наследники на людях вели себя как китайские императоры, за стенами Запретного города они сохраняли обычай степей».*²⁷

Нашествия гуннов, арабов, норманнов, сельджуков, османов, монголов кажутся нам в какой-то мере логичными: эти народы почувствовали свою силу и двинулись в победный поход. Труднее объяснить упорные атаки племён на сильные государства, неизменно заканчивавшиеся поражениями: скифов на Персию, кельтов на Рим, славян на Византию, степных кочевников на Русь, индейцев на американцев.

Боевые свойства индейца были высоко оценены многими американскими офицерами.

*«Для индейца каждое бревно в лесу было бруствером, готовым для битвы; каждый куст, каждый замшелый валун был укрытием, из-за которого он пристально выслеживал своего неуклюжего белого противника. Пригибаясь, прячась, он бесшумно передвигался по одному ему видимой тропе. Зато следы белого человека он мог разыскивать так же уверенно, как гончая находит след лисы. Их хитрость, их умение красться невидимо, их умелость и безжалостная жестокость поистине делали их тиграми человеческой расы».*²⁸

Но и в боях на открытых равнинах индейцы не раз побеждали посланные против них отряды регулярной армии.

«Трижды индейцы племени сиу наносили полное поражение американским подразделениям. Другие племена равнин сражались не хуже, и офицеры, воевавшие с ними в течение сорока лет, многократно свидетельствовали об их превосходных боевых качествах».

вах. В среднем их потери были в пять раз меньше потерь американцев. Они выиграли много боёв, но проиграли войну».²⁹

Были две главные причины, по которым эти храбрые воины проиграли войну белым пришельцам.

Первая: их неспособность объединяться в большие военные подразделения.

«Мелкие ссоры и разногласия мешали единству, даже члены одного племени порой не могли действовать согласованно. В течение сорока лет, прошедших от разгрома генерала Бреддока (1755) до победы генерала Уэйна над индейцами (1794), северо-восточные племена вели непрерывную войну на наших границах, но едва ли когда-нибудь их силы достигали трёх тысяч, а обычно и вдвое меньше того».³⁰

Вторая причина: в отличие от кочевников-скотоводов, охотничьи племена не могли отправляться в дальний поход или принять участие в долгой осаде — им необходимо было отвлекаться на добычу пропитания. Их тактика войны была: стремительно напасть и быстро исчезнуть. Но в промежутке они успевали совершить столько бесмысленных убийств, поджогов, зверств, разрушений, что ненависть поселенцев к ним нельзя было ослабить никакими призывами к гуманизму, постоянно доносившимися с восточного побережья США.

Военные раздоры между белыми часто служили толчком для крупных нападений племён.

Когда началась Война за независимость (1775), часть ирокезов обещала американцам нейтралитет, но другая выступила на стороне британцев.³¹

С первых же месяцев Войны американцев с британцами (1812-1815) виннибеги и шоуни начали совершать набеги с территории Канады.³²

Эта война ещё продолжалась, когда на юге подняли восстание индейцы племени крик. Они напали на форт Мимс, где перерезали пять сотен укрывшихся там беглецов и 70 защищавших их солдат.³³

Во время гражданской войны в 1862 году восстали индейцы сиу в Миннесоте. 400 белых были убиты в первые

же дни, 40 тысяч в ужасе бежали из своих поселений. После разгрома восставших состоялся суд, и три сотни индейцев были приговорены к повешению. Но президент Линкольн, оторвался от руководства военными действиями против Южных Штатов, лично пересмотрел дела осуждённых и оставил в силе только 39 приговоров.³⁴

Мы привыкли смотреть на войну как на трудное и опасное предприятие, от которого следует уклоняться до последней возможности, а уж если уклониться невозможно, то нужно спешить окончить его, как только поставленные цели были достигнуты. Но содержание данной главы может поколебать этот взгляд. Мы вынуждены будем допустить, что на протяжении мировой истории снова и снова народы впадали и продолжают впадать в состояние *passionarности* (термин Льва Гумилёва), при котором война становится самоцелью, открывает им возможность утолять все три главные страсти человека.

Кочевые и охотничьи племена многократно демонстрировали иррациональную ненависть к земледельцам. Такая же иррациональная ненависть отставших к обогнавшим сегодня опаляет индустриальный мир в разных точках планеты. Каждый успешный теракт вызывает ликование на улицах мусульманских городов. Никакие усилия миротворцев, никакие щедрые дары не могут погасить вспышки вражды. Вместо сигнальных стрел к услугам сегодняшних «всадников из преисподней» бескрайние возможности интернета. А сплочённость единоверцев обладает такой же прочностью, как сплочённость соплеменников.

Пока отставшим народом управляет деспот или монарх, индустриальный мир может лелеять надежду на то, что он останется pragmatиком и не будет ввязываться в военные авантюры, нападая на противника, который сильнее его в три, пять, десять раз. Но стоит свергнуть единоличного владыку, и картина в корне меняется. Население страны превращается в неконтролируемую толпу, в которой каждый подчиняется только порывам собственных страстей. И самой сильной окажется жажда бессмертия. Именно её реализует террорист, взрывающий себя в поезде, в церкви, в кафе, в школе. И чем больше у его «врагов» будет авианосцев,

пушек, ракет, вертолётов, истребителей, дронов, тем полнее будет его чувство победы.

Обогнавшие склонны воображать, что отставшего можно купить, умиротворить благами индустриального мира. Они не понимают, что каждый сириец, ливиец, пакистанец, афганец, достигнув Европы и получив все щедрые дары, через месяц, два, год осознает, что у него исчезло всё, что питало его надежду на бессмертие. Вокруг него процветают и обгоняют его во всём люди, ни в грош не ставящие пророка Мухаммеда, финансисты, одолживающие деньги под проценты, женщины, разгуливающие без чадры и даже головной повязки, имеющие право в любой момент уйти от мужа и забрать у него детей; вино льётся рекой, музыка гремит из всех приёмников и окон, зато голосам муэдзинов запрещено тревожить покой неверных.

Каким образом в такой обстановке можно вернуть себе бесценное сокровище — веру в своё бессмертие? Только взрывая Мировой торговый центр в Нью-Йорке, метро в Лондоне, Бостонский марафон, аэрпорт в Брюсселе, расстреливая редакцию журнала «Шарли» в Париже.

В ходе рассуждений я уже не раз позволял себе искаль в далёком прошлом коллизии, выглядящие аналогами того, что происходит сегодня. С чем можно сравнить новое Великое переселение народов, происходящее в наши дни через Средиземное море в Европу и через реку Рио Гранде в США?

Вспоминается судьба могучего племени готов, начавшего нападать на Рим в середине 3 века до Р.Х. Постепенно у них возникали и торговые, и культурные контакты. Некоторые римские императоры нанимали готов на военную службу. Часть готов в середине 4 века приняла христианство, у них появился религиозный лидер по имени Улфил, который перевёл Библию на готский язык. Наконец, в 376 году, по договору с добрым императором Валентом, готов, принявшим христианство, разрешено было пересечь Дунай и поселиться в придунайских провинциях.³⁵

Понадобилось несколько недель, чтобы переправить 300 тысяч человек через реку на римских паромах. Мигрантам была обещана продовольственная помощь, но оружие

они должны были сдать. С самого начала что-то пошло не так. То ли чиновники начали красть продовольствие, то ли не умели доставлять его вовремя, но среди переселенцев начались болезни, голод, бунты. Год спустя восстание полыхало по обширной территории, римские арсеналы были захвачены и разграблены. Причём к готам присоединились и представители других племён, дезертировавшие из римской армии.³⁶

Император Валент сам возглавил войска, двинувшиеся из Константинополя на подавление бунтовщиков. 9 августа 378 года под Адрионополем произошла большая битва, в которой римляне были полностью разбиты, а их император убит.³⁷

Потом потянулись годы, наполненные политическими и религиозными смутами в расколотшейся надвое Римской империи. Готы принимали участие во многих битвах, стремясь продемонстрировать римлянам: какие они отличные воины и какую пользу могли бы принести государству, если бы оно наняло их охранять от варваров северную границу. Но императоры давали обещания, сменялись, наследники не спешили исполнять обещанное, тянули с оплатой. И в 410 году произошло нечто неслыханное: столица много-миллионной империи, тысячелетний Рим, который не могли взять ни этруски, ни кельты, ни царь Пирр, ни Ганнибал, пал перед сорока тысячами готов, возглавляемых королём Аларихом.

От пересечения Дуная до взятия Рима прошло 34 года. Сколько лет понадобится мусульманом, пересекающим сегодня Средиземное море, чтобы подойти во всеоружии под стены Парижа, Лондона, Брюсселя, Берлина, Вены? Точно ответить на это нельзя. Но можно быть уверенными, что к тому моменту половина населения этих городов будет исповедовать ту же веру, что и штурмующие, и целиком на их стороне. Во всяком случае, в сегодняшних новостях сообщили, что мэр Лондона уже избран мусульманин.

Важный урок: на кочевой стадии существовали великие народы, которые не сумели совершить скачок, — растворяли, растворились в земледельческих государствах, утратили язык и историческую память: гиксосы, кельты, скифы,

арии. Мы должны быть готовы к тому, что многие народы, пытающиеся сегодня перейти из земледельческой стадии в индустриальную, не смогут одолеть этот рубеж и растворяться в других нациях без следа.

Народы учатся друг у друга, и мы вправе ожидать, что в процессе этой учёбы должны выявиться и неспособные, и ленивые, и тупицы, и прирождённые второгодники, которых, в конце концов, исключают из школы.

Всё изложенное в этой главе даёт нам основание сформулировать гипотезу, против которой восстанут умы, благоговеющие перед рациональным началом: *Во всех ситуациях, когда человек сознательно жертвует своей жизнью, мы вправе допустить, что он делает это, защищая свою мечту о бессмертии.*

Большинство думающих людей готовы будут принять такую формулировку, если она предлагается как ответ на вопрос:

«что подвигло на добровольную гибель Сократа, апостола Петра, Яна Гуса, Иеронима Пражского, Томаса Мора, Джордано布鲁но, Шарлотту Корде, Осипа Мандельштама?»

Но допустить, что тот же мотив движет каждым безвестным террористом-смертником, и каждым сжигающим себя буддистом, и каждым пилотом-камикадзе, покажется недопустимым кощунством. Героизм нельзя смешивать и уравнивать с кровожадной экзальтацией — с этим я согласен.

Однако исследовать мировую историю, оставаясь в рамках моральных суждений, значит обречь себя на добровольное самоослепление и бесплодие.

Примечания

1. Игорь Ефимов. Метаполитика. С.-Петербург: Лениздат, 1992; Грядущий Аттила. С.-Петербург: Азбука, 2008.
2. Livy. *The Early History of Rome* (Baltimore: Penguin Books, 1960), p. 388-396.
3. Armstrong, Karen. *Muhammad. A Biography of the Prophet* (San Francisco: Harper Collins Publishers, 1992), p. 206-207.

4. Durant, Will. *The Age of Faith. The Story of Civilization, Part IV* (New York: Simon & Schuster, 1950), p. 474.
5. Weatherford, Jack. *Genghis Khan* (New York: Free Rivers Press, 2003), p. 119, 148.
6. Durant, Will. *Our Oriental Heritage. The Story of Civilization. Part I* (New York: Simon & Schuster, 1965), p. 152.
7. Ibid., p. 397.
8. Библейский словарь (Toronto: World Christian Ministries, 1980), p. 441.
9. Weatherford, op. cit., p. 73.
10. Лев Гумилёв. Хунну (Москва: Наука, 1960), стр. 90, 193.
11. Durant, Will. *Caesar And Christ. The Story of Civilization, Part III* (New York: Simon & Schuster, 1944), p. 474.
12. Википедия, UNRWA.
13. La Guardia, Anton. *War Without End. Israelis, Palestinians, and the Struggle for a Promised Land* (New York: St. Martin Press, 2002), p. 266.
14. Chambers, James. *The Devil's Horsemen* (NY: Atheneum Books, 1979), p. 56-57.
15. Churchill, Winston S., arranged by Commager, Henry Steele. *History of the English Speaking Peoples* (New York: Barnes & Noble, 1994), p. 66.
16. Weatherford, Jack. *Genghis Khan* (New York: Free Rivers Press, 2003), p. 86-87.
17. Wolfram, Herwig. *History of the Goths* (Berkeley & London: Univ. of California Press, 1988), p. 128.
18. Chambers, op. cit., p. 73.
19. Ibid., p. 99.
20. Weatherford, op. cit., p. 52.
21. Chambers, op. cit., p. 71, 81.
22. Ibid., p. 57.
23. Weatherford, op. cit., p. 92.
24. Chambers, op. cit., p. 146.
25. Durant, Will. *The Age of Faith. The Story of Civilization, Part IV* (New York: Simon & Schuster, 1950), p. 340.
26. Владимирцев Б.Я. Общественный строй монголов (Ленинград: 1934), стр. 46.
27. Weatherford, op. cit., p. 199.
28. Roosevelt, Theodore. *The Winning of the West* (New York: G.P. Putnam's Sons, 1902), vol. 1, p. 109.

29. Vestal, Stanley. *Warpath and Council Fire. The Plain Indians' Struggle for Survival in War and in Diplomacy, 1851-1891* (New York: Random House, 1948), p. xi-xii.
30. Roosevelt, op. cit., vol. 1, p. 105).
31. Hagan, William T. *American Indians* (Chicago: The University of Chicago Press, 1961), p. 34-35.
32. Ibid., pp. 58-59.
33. Tebbel, John. *The Compact History of the Indian Wars* (New York: Hawthorn Books, Inc. 1966), p. 119.
34. Ibid., pp. 204-7.
35. Wolfram, Herwig. *History of the Goths* (Berkeley & London: Univ. of California Press, 1988), p. 76, 118.
36. Ibid., p. 121.
37. Ibid., p. 126.

II-3. Войны монархов

Жил-был король, жил-был король,
он храбрый был, как лев...
Он, кроме хлеба, ничего
не ел, не пил вина.
Одна отрада у него
была — война! Война!
Иосиф Бродский

Устав от поражений в войнах с филистимлянами, иудеи возвзвали к пророку Самуилу, прося его назначить им царя. С большим красноречием пытался Самуил отговорить их, перечисляя всё, что отнимет у них царь:

«Сыновей ваших он возьмёт и приставит к колесницам своим... и дочерей ваших возьмёт, чтоб они составляли масти, варили кушанье и пекли хлебы. И поля ваши и виноградные и масличные сады ваши возьмёт и отдаст слугам своим» (Книга Царств-1, 8:11-14).

Но иудеи не вняли речам пророка:

«Нет, пусть будет царь над нами; и мы будем как прочие народы: будет судить нас царь наш, иходить пред нами, и вести войны наши» (Книга Царств-1, 8:19-20).

Главная роль царя — военачальник. Верховная судебная власть тоже должна принадлежать ему, но её он будет осуществлять, назначая множество судей в разные колена. Судей много, а военачальник должен быть один — этому учили иудеев весь политический и военный опыт эпохи.

В большинстве известных нам монархий власть передавалась по наследству. Были разработаны строгие законы о правилах престолонаследия, и народы старались следовать им, чтобы не допускать междуусобной борьбы за трон. Однако как начать, как основать династию? Опыт иудеев представляется весьма поучительным.

В Библии подробно рассказано, как сам Господь устраивал якобы случайную встречу своего избранника Саула с пророком Самуилом (тогда пророков называли *прозорливцами*), как вёл их друг к другу шаг за шагом. Описана и растерянность Саула:

«Не сын ли я Вениаминов, одного из меньших колен Израилевых? и племя моё [Матриево] не малейшее ли между всеми племенами колена Вениаминова?» (Книга Царств-1, 9:21)

Тот, кто не склонен верить во вмешательство высших сил в текущую политику, сможет отыскать и рациональный элемент в выборе прозорливца Самуила: в вечной борьбе колен за престиж незнатный помазанник не представлял угрозы для самых сильных и не мог возбудить в них завистливого протеста. Зато он был «молодой и красивый; и не было никого из израильтян красивее его, он от плеч своих был выше всего народа» (Книга Царств-1, 9:2). Не тем же ли принципом руководствовались россияне, когда они выбрали в 1613 году на роль основателя династии незнатного отрока Михаила Романова, исключая, таким образом, вечное соперничество родовитых бояр?

Если умирает монарх, не имеющий мужского потомства, на сцену выскакивает множество претендентов на трон, сторонники которых берутся за оружие. Когда в 1328 умер бездетным французский король Карл Четвёртый и оборвалась династия Капетингов, на опустевший трон предъявил права английский король Эдуард Третий, что послужило поводом для начала Столетней войны (1337-1453). Войны за опустевшие троны сотрясали Европу и дальше: за испанский трон в 1701-1714, за польский в 1733-1735, за австрийский в 1740-1748.

Правление любого монарха мы запоминаем, прежде всего, по тем войнам, которые ему довелось вести. Трудно припомнить хоть одного венценосца, ни разу не воевавшего. Разве что у Плутарха находим рассказ об одном из древнеримских царей по имени Нума Помпилий (правил в 714-674 до Р.Х.), при котором Рим не знал войн.¹

В умах многих миролюбцев даже складывается убеждение, будто монарх является не инструментом войны, а её

главным виновником и причиной. Свергнуть бы их всех! Но борцам за мир постоянно следует напоминать, что свержение Людовика Шестнадцатого во Франции выбросило на историческую арену воинственного Наполеона. А русская революция 1917 года и казнь императора Николая Второго завершились воцарением генералиссимуса Сталина. И немецкая революция 1918 года и свержение кайзера Вильгельма Второго привели ни к чему иному как к установлению диктатуры суперагрессора Гитлера.

Начиная с 1 века до Р.Х. монархия становится самым распространённым видом государственного устройства. История великих империй — Римской, Византийской, Индийской, Китайской, Турецкой, Испанской, Российской — это, прежде всего, история монархов, правивших ими и командовавших их армиями. Их жизнеописания заполняют хроники и летописи, служат темой романов и драм, вдохновляют поэтов и кинорежиссёров. Римские императоры остаются в нашем воображении такими, какими их изобразили Светоний и Тацит, английские короли встают со страниц Шекспировских трагедий и романов Вальтер Скотта, русские цари запечатлены перьями Пушкина и Толстого, другие монархи предстали такими, какими их рисовали Расин и Дюма, Шиллер и Фейхтвангер. Но также каждое новое поколение рвётся заново судить деяния венценосцев, выносить свои приговоры, подгонять их под нужды злободневной идейной борьбы и дебатов.

На любом правительстве лежит обязанность защиты страны от нападений извне. Уловить тот момент, когда монарх переходит от этой обязанности к утолению своей страсти самоутверждаться путём военной агрессии, крайне трудно. У него всегда найдутся ловкие краснобаи, которые станут доказывать, что соседнее государство само готовилось напасть первым. Или, что необходимо было освободить такой-то народ от жестокого правителя. Или просветить его сияющей религиозной истиной. И вот уже европейские короли шлют войска за тысячи километров в крестовые походы, русский император Павел Первый отправляет казачий корпус на завоевание Индии, а Николай Первый приказывает

стотысячной русской армии подавить революцию в далёком Будапеште (1849), и так до бесконечности.

Воинственность монархов часто умеряется тем, что война довольно дорогое удовольствие. Нередко мирное затишье наступает только потому, что в государственной казне кончились деньги.

«*Войну выигрывает последний луидор!*» — воскликнул Людовик Четырнадцатый.

Когда последний луидор истрачен, монарх неохотно прибегает к тягостной для него мере: созывает народное собрание, чтобы оно одобрило новые налоги. Английский король Карл Первый созвал парламент после неудачной войны с шотландцами (1640); Людовик Шестнадцатый французский решился на созыв Генеральных штатов, разорившись на войнах с Англией (1789); царь Николай Второй, проиграв войну с Японией (1904-1905), объявил о выборах в Государственную думу. И вскоре все три монарха были свергнуты революциями и казнены.

Кроме денег, для войны нужны солдаты. В каждой монархии население разделено на сословия или касты. Профессиональные воины составляют касту знати — дворяне, шляхта, кшатрии, самураи, янычары. Слишком увеличивать численность этой касты и её влияние представляет большую опасность. Гордая и самоуверенная военщина часто затевает бунты и междуусобья. Достаточно вспомнить преторианцев, свергавших древнеримских императоров, войну Алой и Белой роз в Англии (15 век), янычар, колебавших трон под турецкими султанами, фрондёров во Франции 17 века, русских стрельцов, бунтовавших в Москве, или гвардейцев 18 века, возводивших на трон или сбрасывавших с него российских правителей в Петербурге.

В большинстве стран постепенно сложилась одинаковая практика: использовать военную знать в качестве офицерского состава, а полки комплектовать простонародьем при помощи вербовки или рекрутского набора. В период между английской Славной революцией (1688) и Крымской войной (1854-1855) на полях сражений Европы сходились армии монархических государств, устроенные по одинако-

вому образцу, имеющие одинаковое вооружение и использующие одинаковую тактику.

На земледельческой ступени цивилизации мощь государства в большой мере определяется площадью обрабатываемой земли и количеством тружеников, возделывающих её. Расширение территории становится главным устремлением почти всех европейских монархов. То, что происходило на континенте в 1690-1714 годы, Уинстон Черчилль называл Первой мировой войной, и с этим можно согласиться, если добавить оговорку:

«Первая мировая война земледельческой эры».

В неё были втянуты английский король Вильям Третий Оранский, шведский король Карл Двенадцатый, российский царь Пётр Первый, турецкий султан Ахмед Третий. Но главным инстигатором и участником был, конечно, французский король Людовик Четырнадцатый.

Он решительно стал на сторону свергнутого англичанами католического короля Якова Второго Стюарта (правил в 1685-1688) и снабжал его войсками и флотом для экспедиций через Ла-Манш — сначала в Ирландию, потом в Шотландию. Когда этот претендент на английский трон умер (1701), Людовик признал его сына, Якова Третьего, законным наследником английской короны и помогал ему делать новые попытки вторжения. Параллельно французские войска вторгались в Бельгию, Нидерланды, в протестантские княжества Германии, захватили Гейдельберг, Баден-Баден, вели упорные бои на Рейне и Дунае против английской армии, возглавляемой графом Мальборо.

В 1700 году умер король Испании Карл Второй, и на нём оборвалась династия испанских Габсбургов. В запутанных переплетениях родства между монархическими домами возникли несколько претендентов на освободившийся трон. Был среди них и внук Людовика Четырнадцатого, Филипп Бурбон. Если бы он стал испанским королём, это означало бы невероятное усиление королевского дома Бурбонов.

Ни Англия, ни Австрия, ни Голландия не могли допустить этого, и начались военные действия, вошедшие в историю под названием Война за испанское наследство

(1701-1714). Она была кровопролитной и разорительной для всех сторон, но особенно тяжёлые потери понесла Франция.

Герцог Сен-Симон в своих мемуарах так характеризует правление Людовика Четырнадцатого:

*«За 56 лет царствования, вследствие гордыни и роскоши которого, вследствие сооружений, излишеств всякого рода и нескончаемых войн и тщеславия, порождавшего и питавшего их, было пролито столько крови, растрячено столько миллиардов... зажжены пожары по всей Европе, спутаны и уничтожены все порядки, правила и законы в государстве, самые древние и святые, королевство доведено до непоправимых бедствий, почти до грани полной гибели, от которой страна была избавлена лишь чудом Всемогущего».*²

Параллельно военные пожары полыхали и на восточной окраине континента, на территориях между Балтийским и Чёрным морями. Когда запоздавшая Россия под водительством Петра Первого вступила в противоборство с соседями за расширение территории, ей пришлось срочно учиться всем премудростям военного дела на воде и на суше. И в качестве главного соперника ей достался монарх, успевший уже нагнать страху на другие страны, Карл Двенадцатый шведский.

Слава его побед разлеталась по всему свету. Персидские послы, прибывшие в Петербург для переговоров, обратились к Петру со странной просьбой: не мог бы он уступить им часть шведских женщин, оказавшихся в русском плену? Зачем? Потому что от них рождаются воины необычайной смелости. Если их выдать замуж за персов, есть надежда, что от них родится поколение, которое усилит персидскую армию.

Однако в долгой войне между Швецией и Россией (так называемая Северная война, 1700-1721) Пётр Первый показал себя монархом, способным учиться на поражениях, а Карл Двенадцатый — монархом, теряющим голову от побед. Разбив своего противника под Нарвой (1700) и в нескольких других боях, он решил, что пришло время двинуться на вражескую столицу.

Но «руssкие, отступая, опустошали всё кругом с такой неутомимой последовательностью, что Карлу Двенадцатому с большим трудом удавалось сдержать свои войска, растянувшиеся по большой северной дороге в Москву. Русские упорно избегали решительных боёв. Тогда шведы решили свернуть на юг... в надежде найти ещё не разорённые земли и пройти на столицу другим путём, с юга».³

Однако это замедление дало время Петру собрать достаточно сил, чтобы нанести решительное поражение шведскому королю под Полтавой (1709).

Двадцать лет провёл Карл Двенадцатый, воюя за пределами своей страны и засыпая риксдаг требованиями о деньгах, рекрутах, вооружении. Страна была так истощена военными авантюрами, что крестьяне убегали в леса, прячась от наборов, или наносили себе увечья, лишь бы не идти на военную службу. В итоге по Ништадтскому миру 1721 года к России отошли прибалтийские территории (нынешняя Латвия и Эстония), а также всё побережье Ладожского озера. Зато Швеция так пресытилась зарубежными войнами, что на три века превратилась в образец миролюбия и нейтралитета для всего мира.

Остальная Европа не спешила последовать её примеру. Продолжая Черчилля-историка, мы можем назвать войны, бушевавшие на её полях в середине 18 века, Второй мировой войной земледельческой эры, тянувшейся с 1740 по 1763 год. Центральной фигурой этого долгого конфликта сделался прусский король Фридрих Второй. Его главной целью было покорение и объединение различных немецких княжеств, превращение их в державу, способную противостоять таким континентальным гигантам, как Австрия, Британия, Испания, Россия, Турция, Франция. По иронии судьбы, этому знаменитому полководцу довелось воевать, главным образом, с женщинами: австрийской императрицей Марией Терезией и российской Елизаветой Первой.

Начальный этап этих войн принято называть Войной за австрийское наследство (1740-1748). Фридрих объявил, что он не признаёт права Марии Терезии на австрийский трон, и двинул свои армии на завоевание Силезии. На помощь Австрии вскоре пришли Англия и Россия, и прусская

агрессия начала буксовать, а военные столкновения — втягивать всё новых и новых участников, не исключая даже американских индейцев.

Заключительный этап вошёл в исторические анналы под названием Семилетней войны (1756-1763). В ней уже участвовали Англия, Франция, Испания, Россия, Турция, и протекала она не только в Европе, но и в Северной Америке. Несколько крупных сражений этой войны запечатлены на батальных полотнах, висящих в Эрмитаже. На них русские войска изображены побеждающими.

Но лет двадцать спустя княгиня Дашкова-Воронцова, путешествуя по Европе, увидела на стене в немецкой гостинице изображение одной из битв Семилетней войны как победной для пруссаков. Она была так возмущена, что приказала сопровождавшим её сотрудникам посольства «купить синей, зелёной, красной и белой масляной краски и... хорошо заперев дверь, перекрашивать мундиры на картине, так что пруссаки, мнимые победители, превратились в русских, а побеждённые войска — в пруссаков».⁴

Русская армия оккупировала Восточную Пруссию, в какой-то момент даже заняла Берлин.

*«Фридрих Великий не мог забыть посещения Берлина казаками и калмыками в 1760 году, сам признавался потом, что ему долго и часто снились эти гости».*⁵

Спасла Фридриха смена монарха на российском престоле. Новый император Пётр Третий, хотя и внук Петра Великого, но голштинец по происхождению, был с юных лет горячим поклонником прусского короля. Он немедленно заключил с ним мир, отозвал русскую армию, вернул завоёванные территории. На троне Пётр Третий продержался меньше года, но сменившая его Екатерина Вторая (1762-1796) нашла казну настолько опустошённой, что не захотела или не смогла возобновить военные действия.

В последующие годы Российская империя воевала, главным образом, с Турцией, расширяя свои владения вдоль северных берегов Чёрного моря. На западной границе активность Екатерины сводилась к участию в разделах многострадальной Польши между Пруссией, Австрией и Россией. Исчезновение с карты Европы когда-то могущественной Рес

чи Посполитой (1795) явилось в глазах современников очевидным свидетельством того, что аристократическое правление с выборным королём не может устоять перед соединённым напором абсолютных монархий.

Наконец, Третья мировая война монархов, связанная с именем Наполеона, описана так подробно и многообразно историками, романистами, кинорежиссёрами, что мне нет необходимости возрождать её в памяти читателя. Французский император предстаёт перед нами абсолютным военным гением, победы его армий объясняются исключительно талантом полководца. Лев Толстой в «Войне и мире» попытался разрушить этот кульп и уподобил Наполеона ребёнку, едущему в карете, дёргающему тесёмки сиденья и воображающему, что он тем самым управляет движением кареты. Но мало кто сегодня готов разделить сарказм русского классика.

Современников пугала не только военная мощь по-слереволюционной Франции, но и непредсказуемость её нового повелителя. Какая страна станет следующей жертвой его агрессии? Где можно ожидать новой атаки, вторжения, высадки десанта? Когда вторжение происходило, задним числом аналитики находили рациональные мотивы поведения Бонапарта, объясняли его скрытые цели. Но так ли уж убедительны их истолкования?

Возьмём, например, экспедицию наполеоновской армии в Египет (1798-1799). «Энциклопедия Британника» даёт ей такое объяснение:

*«Главным для Наполеона была война с Англией. Он намеревался нанести урон британской торговле, а также создать угрозу вторжению в Индию».*⁶

Но помилуйте: какую угрозу для Индии мог создать французский корпус в стране пирамид, находящейся от неё на расстоянии нескольких тысяч километров? И какой ущерб можно было нанести британской торговле в Средиземном море, которое полностью находилось под контролем английского флота?

Уже в августе 1798 года британский адмирал Нельсон обнаружил французский флот, доставивший французскую армию в окрестности Александрии, и полностью раз-

громил его («Битва за Нил»). Французы оказались отрезаны в Африке от метрополии. Турецкий султан, номинальный повелитель Египта, объявил Франции войну.

После года неудачных военных действий Наполеон бросил свою армию (как он сделает то же самое в России в 1812 году) и тайно проскользнул на корабле обратно во Францию, где уже через месяц после прибытия сумел совершить государственный переворот и вскоре стать единственным повелителем государства под титулом Первого консула (1802), а потом и императора (1804).

А сколько сил, времени и денег было потрачено на подготовку вторжения в Англию, на создание Булонского лагеря, на усиление флота необходимого для пересечения Ла-Манша! Но когда деньги кончились, он поступил как игрок, бросающий на зелёный стол рубашку и камзол: продал американцам французские владения в Америке размером с Францию!

Полученные от продажи 15 миллионов долларов позволили ему временно махнуть рукой на Англию и ввязаться в очередную войну с Австрией и Россией, закончив её победным сражением под Аустерлицем (1805).

На протяжении всей своей карьеры Наполеон оставался последовательным только в одном: в любой политической коллизии он выбирал тот путь, который сулил ему наибольшие шансы самоутвердиться расширением своей власти и победной войной.

*«После подписания русско-французского союза в Тильзите (июль 1807) Наполеон достиг кульмиационного пункта. Вся Европа была у его ног. Император Австрии превратился в послушного сателита. Король Пруссии и его очаровательная королева были чуть не пленниками в его обозе. Его братья были пожалованы на троны в Гааге, Неаполе и Вестфалии. Его пасынок правил от его имени Северной Италией. Испания подчинилась его суверенитету, надеясь избежать худшего. Дания и Скандинавия спешили выразить покорность».*⁷

Ему не хватало только одного: острого азарта войны. И, нарушая условия Тильзитского мира, отбрасывая предостережения собственных маршалов, он отдал приказ о походе на восток.

В своих прокламациях и дипломатических депешах Наполеон рассыпал десятки аргументов, объясняющих необходимость и оправданность вторжения в Россию.

Я посмею высказать своё убеждение в том, что необходимость была для него только одна: без войны, без возможности самоутверждаться всё новыми и новыми победами он впадал в депрессию. Медленно душить Англию континентальной блокадой — на это у него не хватало терпения. И 135 лет спустя по тем же импульсам и по той же схеме будет действовать другой ненасытный завоеватель, Гитлер. Даже детали совпадают: заключить с русскими пакт Рибентроп-Молотов, являющийся аналогом Тильзитского мира, а потом обрушить на них всю мощь покорённой Европы.

Шестисоттысячная армия Наполеона растаяла в русских снегах, под ядрами русских пушек, в огне московского пожара, под ударами казачьих отрядов, ушла под лёд русских рек. Но в 1813 году он с трудом сумел навербовать необученных французских мальчишек и пытался продолжить войну. К этому времени бывшие союзники отшатнулись от него, присоединились к России, создали мощную коалицию, но всё же предложили французскому императору мир на почётных условиях. Он отказался. В октябре завязалась трёхдневная битва под Лейпцигом, в которой с обеих сторон участвовало по полмиллиона солдат.⁸ Французы были разбиты, и вскоре копыта казачьих коней стучали по мостовым Парижа.

Мы видим, что две главные битвы своей жизни, Лейпциг в 1813 и Ватерлоо в 1815, великий военный гений проиграл. Два его главных похода, в Египет и в Россию, закончились полным провалом. Его победы в Италии в 1796-97 в огромной степени были предопределены тем, что население там было охвачено революционным энтузиазмом, видело во французах освободителей. Когда Наполеон отпра-

вился в Египет, в его отсутствие генерал Массена сражался в Италии не хуже.

Европейские монархи, противостоявшие Наполеону в начале 1800-х, в случае поражения не теряли ни трона, ни головы своей. Но они не могли не слышать революционного гула в собственных странах, где многие мечтали последовать примеру якобинцев. Наполеон же к тому времени уже показал всем, что с революционной заразой он умеет кончать. Не так ли и Гитлер завоевывал себе престиж в Европе 1930-х, изображая из себя непримиримого врага коммунизма?

Последнейвойной монархов земледельческой эры можно считать Крымскую кампанию 1854-55 годов. Благодаря ярким «Севастопольским рассказам» Льва Толстого русский читатель остаётся под впечатлением, будто вся она свелась к обороне этого важного порта на Чёрном море. На самом же деле она протекала на многих фронтах по всему периметру Российской империи.

Двухсоттысячная русская армия вела борьбу на Кавказе и в Закавказье с такой же многочисленной турецкой армией, усиленной отрядами местных мусульманских племён.

Летом 1854 года соединённая франко-британская эскадра вошла в Финский залив, блокировала русский флот в Кронштадте, обстреливала прибрежные города в Финляндии. В следующем году вторгшаяся эскадра насчитывала уже 67 судов, в большинстве — паровых. Для защиты от возможных десантов Россия должна была разместить в прибрежных укреплениях несколько дивизий.

Аналогичные морские атаки проводились союзниками в 1855 году в Азовском море. Бомбардировке с моря подвергся даже Соловецкий монастырь на острове в Белом море, а в далёком Петропавловске-Камчатском защитникам пришлось отбивать высадившийся десант. При подписании мирного договора в Париже весной 1856 года в качестве противников России были указаны Франция, Великобритания, Турция, Австрия, Пруссия, Сардиния.

Для полноты картины монархических войн земледельческой эры следовало бы упомянуть ещё франко-прусскую войну 1870-71 годов и русско-турецкую 1877-78. Но здесь, кроме монархических амбиций, были так сильно замешаны революционные страсти, выплеснувшиеся Парижской комунной, и славянский национализм, приведший к созданию независимой Сербии, что к ним мы лучше вернёмся в других главах.

Подводя итог обзору монархических войн, мы можем сказать следующее.

Они могли быть весьма кровопролитными, но они не включали в себя бессмысленное уничтожение мирного населения, которым часто сопровождались нашествия кочевников или межплеменные войны. В глазах монархов завоеванная территория утрачивала свою ценность, если на ней не оставалось достаточного числа работников. Екатерина Вторая не пыталась завоёывать территорию немецких княжеств — она просто пригласила немецких фермеров на бескрайние приволжские просторы, где они создали процветающую колонию, просуществовавшую полтора века.

В конце 1890-х годов, окидывая взглядом историю прошедших двух веков, европейцы не могли не заметить того факта, что большинство войн этого периода были инициированы монархами. Примерами миролюбия оставались лишь две небольшие республики: Голландия и Швейцария. Поневоле у людей складывалось представление, будто всё зло войны коренится в монархической системе правления. Революционные настроения назревали во всех странах.

Параллельно набирал силу пацифизм. Технический прогресс вызывал лишь всеобщий восторг и надежды. Мир стремительно делался всё более культурным и цивилизованным. Казалось невозможным, чтобы он снова скатился на тот уровень дикости, при котором миллионные армии выходят сражаться и убивать людей, не сделавших никому ничего плохого.

Конгрессы мира собирались уже ежегодно, в 1901 году была учреждена Нобелевская премия мира.

Но монархи не унимались.

В 1904 году две могучие империи, Российская и Японская, вступили в кровопролитную войну, целью которой был, как и раньше, захват чужих территорий. Победившая Япония получила южную половину Сахалина, большую часть Маньчжурии и почти всю Корею. Эта война уже велась новейшим оружием, созданным индустриальной эрой: броненосцами, дальнобойной артиллерией, пулемётами, минами. Но всё же посредником на выработке условий мира выступила республика — США, — и президент Теодор Рузвельт проявил изрядное дипломатическое искусство, уговаривая противников помириться. Какие-то надежды у пацифистов ещё оставались.

В августе 1914 года все надежды рухнули. Когда конфликт трёх императоров —австрийского, немецкого и российского —развязал страшную бойню Первой мировой войны индустриальной эры, антимонархические взгляды сделались догмой политических убеждений образованного слоя во всех странах.

Волна европейских революций, начавшаяся в 1917 году, смела всех венценосцев, оставила только тех, кто уже давно утратил реальную власть.

Двадцатилетие между двумя мировыми войнами индустриальной эры продемонстрировало любопытный феномен: республиканский порядок правления смогли удержать только страны, сохранившие декоративные монархии — Великобритания, Швеция, Дания, Норвегия, Голландия, Бельгия, Югославия.

Именно они оказались невосприимчивыми к бациллам коммунизма и нацизма. Остальные очень скоро попали под власть единоличных диктаторов — Сталина, Гитлера, Франко, Ататюрка, Салазара. Кажется, только Италия оказалась исключением, пропустив к единоличной власти Муссолини при живом монархе.

Возникает естественный вопрос:

возможно ли в будущем возрождение наследственной монархии в качестве реальной власти в государстве?

Пока можно привести лишь несколько примеров таких попыток.

В Гаити Папа Док передал пост абсолютного правителя своему сыну, Бэби Доку. Такую же процедуру явно готовят сегодня для своих отпрысков лидеры Азербайджана, Белоруссии и Таджикистана. В Индии чуть не установилась династия Ганди, в Пакистане — династия Бхутто. В Северной Корее уже дважды произошла передача абсолютной власти от отца сыну. Бережно сохраняет императорскую династию Япония. Завидную стабильность демонстрируют Иордания, Марокко, Таиланд, Саудовская Аравия.

Есть в монархической системе некая внешняя устойчивость и логичность, видимо, и дальше некоторые народы будут возвращаться к ней.

Хотя единовластие диктаторов многими чертами напоминает абсолютную монархию, их войнам следует посвятить отдельную главу. Пока же попробуем взглянуться в миф о миролюбии республик.

Примечания

1. Plutarch. *The Lives of the Noble Grecians and Romans* (New York: The Modern Library, 1964), p. 74.
2. Сен-Симон Луи де. Мемуары. Москва: 1936. т. 2, стр. 184.
3. Андерсон И. История Швеции. Москва: 1951.
4. Дацкова Е.Р. Записки. Ленинград: «Наука», 1985. стр. 202.
5. Ключевский В.О. Лекции по русской истории. Том 5, стр. 44.
6. *Britannica*, vol. 18, p. 176.
7. Churchill, Winston S., arranged by Commager, Henry Steele. *History of the English Speaking Peoples* (New York: Barnes & Noble, 1994), p. 306.
8. Ibid., p. 307.

II-4. Войны республик

...И видела, как в мареве костра,
дрожавшем между пламенем и дымом,
беззвучно рассыпался Карфаген
задолго до пророчества Катона.

Иосиф Бродский

Маленькая республика мужественно и успешно противостоит вторжению гигантской деспотии — такие эпизоды случаются не часто в мировой истории, но к ним хочется возвращаться снова и снова, заряжаться от них бодростью и надеждой.

6 век до Р.Х., восточное побережье Средиземного моря. Вавилонский царь Навуходоносор Второй, разбив египтян, покорив Сирию, захватив Иерусалим и угнав иудеев на работы в своих каменоломнях, дошёл до Финикийской республики. Десять лет он осаждал её главную крепость, город Тир, но взять так и не смог.¹

5 век до Р.Х. Могучая армия Персидской империи, раскинувшейся на огромной территории Ближнего Востока и Малой Азии надвигается на свободные греческие полисы и Афинскую республику. Но свободолюбивые греки бьются самозабвенно и оставляют в анналах истории даты знаменитых побед: Марафонская битва (490), морское сражение у острова Саламин (480), разгром персов под Платеей (479).

13 век до Р.Х. Молодая Новгородская республика отбивается от шведов, наступающих с севера, немецких рыцарей, атакующих с запада, монголов, грозящих с юга, и превращается в цветущее государство, куда стекаются толпы купцов из Европы и Азии.

17 век, год 1672. Людовик Четырнадцатый французский и Карл Второй Английский, заключив тайный договор, одновременно напали на Голландию, чтобы уничтожить этот оплот протестантизма в Европе.

«Неужели вы не видите, что ваша страна погибла?» — сказал английский посланник Вильгельму Оранскому, покидая Амстердам.

«Есть очень простой способ не увидеть её конца, — ответил вождь голландцев. — Умереть в последнем окопе».

И после двух лет боёв на суше и на море голландцы отразили вторжение двух самых мощных монархий Европы.²

Век 20-й, год 1939. Заключив союз с Гитлером, Сталин отдал приказ своим маршалам вернуть Финляндию под власть России. Миллионная армия, оснащённая артиллерией, танками, авиацией, вторглась в маленькую республику. Пять месяцев длилась неравная война. Финны сражались за каждый дзот, за каждую сосну, за каждый сугроб. В конце Сталину пришлось удовольствоваться небольшими территориальными приобретениями, но финны отстояли свою независимость и вскоре создали процветающую цивилизованную страну.

И, наконец, главное военное чудо наших дней — независимая республика Израиль, раз за разом отражающая атаки миллиардного мусульманского мира.

Увы, политический атлас земного шара меняется быстро и непредсказуемо, издателям приходится редактировать его и переиздавать чуть не каждый год. Так было на протяжении всей мировой истории. И если множество республик получали общие границы, они неизбежно начинали воевать не с деспотиями, а друг с другом.

Античные республики

Перенесёмся в Золотую эпоху Античности, в Древнюю Грецию пятого века до Р.Х. Вторжение огромной персидской армии в 490, а потом и в 480 годах породило в греках такой порыв к сплочению, что им удалось отразить захватчиков. Афинская республика и её лидеры, Фемистокл и Аристид сыграли решающую роль в этой борьбе. Созданный для обороны могучий флот, разгромивший персов, вскоре превратился в инструмент создания сильной морской державы, рассыпавшей свои колонии по всему побережью Эгейского моря. Афины сделались богатым торговым центром тогдашнего мира, афинские суда можно было увидеть

в портах Малой Азии, Египта, Карфагена, Сицилии, Черноморья.

Однако на строительство и содержание флота требовались огромные средства. Частично эти средства приносили серебряные рудники, частично — торговля, но главную долю вносили в виде подати союзные греческие города, вступившие в созданную афинянами Делосскую лигу. Если эти города пытались проявить самостоятельность или выйти из лиги, их протесты подавлялись.

*«Собираемые взносы часто тратились на украшение Афин или даже на войны против других греков. В 432 году они достигли огромной суммы в 460 талантов. Афинский лидер Перикл эффективно подавил восстания в Эгине (457), Эвбее (446), на Самосе (440). Афинская демократия, идолизировавшая свободу внутри республики, управляла союзниками с имперской жёсткостью».*³

Описывая политический расклад сил внутри греческих полисов-государств, историки выделяют две главные партии: сторонники аристократического правления против сторонников правления демоса. Аристократическая партия каждого полиса искала внешней поддержки у Спарты, демократическая — у Афин. Это глубинное политическое противоречие привело к долгому военному конфликту, который вошёл в историю под именем Пелопонесской войны (431-404).

Если союзники одной из главных держав вступали в войну между собой, всегда существовала угроза вмешательства другой супердержавы. На перешейке, отделявшем Пелопонес от остальных Балкан, располагались два полиса: Коринф и Мегара. Оба были союзниками Спарты, но когда между ними возник военный конфликт из-за пограничных споров (460), спартанцы отказались вмешиваться в качестве арбитра. Мегара, терпя военные поражения, обратилась за помощью к Афинам. Для тех было очень важно иметь Мегару в качестве союзника, ибо её территория блокировала возможность нападения Спарты на Аттику по суше. Афиняне пришли на помощь Мегаре, вступили в войну с Коринфом.

Этот конфликт длился 15 лет (459-445), его иногда называют Первой Пелопонесской войной.⁴

Военные и политические конфликты, раздиравшие Древнюю Грецию в 5 веке до Р.Х., дали обильную пищу для поисков философской мысли, которые увенчались созданием двух знаменитых трудов: «Государство» Платона (360 год) и «Политика» Аристотеля (335-322). Платон в своём произведении даёт программу создания идеального государства. Аристотель не позволяет себе увлекаться фантазиями, он анализирует те реальные формы социальных структур, которые представляли перед его взором в бурлящей политической жизни античного мира. Созданная Аристотелем схема возможных политических устройств остаётся применимой для всей последующей истории, включая и наши дни.

*«Политический быт государства определяется родом верховной власти, верховная же власть может принадлежать либо одному человеку, либо меньшинству, либо большинству. Если всё внимание власти будет обращено на собственный интерес, то в этом случае политическое устройство представляет собой уклонение от правильного... Уклонения следующие: в противоположность царству — тирания; в противоположность аристократии — олигархия; в противоположность республике — демократия».*⁵

Правление большинства может так же легко превратиться в деспотизм, как и монархия.

*«Там, где ослабевает власть закона, обыкновенно появляются демагоги. Народ в этом случае есть монарх — как бы одно лицо, состоящее из многих. И властствовать он хочет монархически, не подчиняясь закону, но деспотируя; оттого льстецы у него в большой чести. Такая демократия соответствует тирании... В обоих случаях власть деспотически относится к лучшим людям в государстве».*⁶

История Афин в 5 веке до Р.Х. давала Аристотелю множество примеров того, как демократия преследовала, изгоняла, судила и даже казнила своих лучших вождей.

В 489 году афинский полководец Мильтиад, разбивший персов у Марафона, уже год спустя после своей победы был разорён судами и штрафами и вскоре умер.

Другой видный участник этой битвы, военачальник и политик Аристид, подвергся изгнанию в 482 году.

В 471 году Фемистокл, создатель афинского флота, победивший персов в морской битве при острове Саламин, вынужден был бежать из Афин, спасаясь от ложных обвинений в измене и святотатстве.

В 461 году изгнан сын Мильтииада, Кимон, побеждавший персов в битвах на суше и на воде.

В 416 году полководец и политик Алкивиад, отправившийся с флотом на войну в Сицилию, был ложно обвинён в богохульстве и вынужден искать убежища в Спарте.

Но своей кульминации эта тенденция достигла в 406 году. Афинский флот одержал важную победу в битве у Аргинусских островов. Необходимо было преследовать остатки спартанского флота, чтобы не дать им соединиться с другой флотилией, спешившей на помощь. Восемь из десяти стратегов-капитанов устремились в погоню, двое остались на месте, чтобы спасать тех моряков, чьи суда были разбиты, и извлекать из воды тела погибших для предания земле со всеми положенными обрядами.

Однако тут разразился сильный шторм. Спасательная операция оказалась невыполнимой. И когда победоносные капитаны вернулись в Афины, их политические противники сумели добиться в Ареопаге суда над ними за неисполнение священных обрядов. Родственники погибших моряков подливали масла в огонь, требуя возмездия. Сократ красноречиво выступал в защиту капитанов, но это не помогло. Все десять были осуждены и подверглись казни. Оставшись без своих лучших командиров, не имея кандидатов, которые рискнули бы занять их места, два года спустя Афинская коалиция проиграла Пелопонесскую войну.⁷ Преследование наиболее способных не ограничивалось сферой политики и военного дела. Вот как описывает положение дел замечательный французский историк 19 века Фюстель-де-Куланж:

*«Бедняк поднял против богатства настоящую войну. Война эта прикрывалась сначала законными формами: на богатых взваливали все общественные расходы, обременяли их налогами, велели им строить триремы, требовали, чтобы они давали народу представления. Потом усилили в судах денежные пени: за малейшую погрешность приговаривали к конфискации. Трудно сказать, сколько людей было осуждено на изгнание только за то, что они были богаты... Но число бедных всё росло. Тогда они воспользовались своим правом голоса, чтобы установить или уничтожение долгов, или сплошную конфискацию, и этим водворить всеобщее и полнейшее расстройство».*⁸

В эпоху Римской республики (5-2 века до Р.Х.) войны между городами, находившимися на Апеннинском полуострове, происходили чуть ли не ежегодно. Причём победа одной стороны отнюдь не означала исчезновения другой с политической карты. В 483-474 годах шла война между Римской республикой и Этрурским городом Вейи. Римляне признали поражение, но сохранили независимость. Им удалось взять реванш лишь в 396 году и присоединить Вейи к своему растущему государству.

*«Противоборство с самнитами длилось 37 лет, и только в 290 году Самниум согласился на мир. Римляне не предписали храброму народу никаких позорных или унижающих условий, не потребовали никаких территориальных уступок».*⁹

*«Рим — единственная из всех гражданских общин, умевшая войной приумножить своё население. Он держался политики, неведомой всему остальному греко-италийскому миру: он приобщал к себе то, что побеждал, побеждённых превращал понемногу в римлян».*¹⁰

Однако этот дальновидный политический расчёт переставал что-то значить, когда происходило военное столкновение с противником, угрожавшим самому существованию республики. А именно такая ситуация возникла, когда началось многолетнее противоборство Рима с Карфагеном.

Если строго придерживаться классификации Аристотеля, Карфаген, как и Спарту, следовало бы называть не республикой, а аристократией, в которой установилось правление меньшинства. Законодательная власть там принадлежала сенату из трёхсот человек, занимавших свои должности пожизненно. Над сенатом стоял Совет старейшин из тридцати членов. Для управления страной и командования военными силами совет назначал двух супетов, что соответствовало двум консулам в Риме или двум царям в Спарте.

Но в 237 году до Р.Х. карфагенский полководец Гамилькар Барка прибыл с войском на Пиренейский полуостров и покорил его южную часть. Не очень считаясь с распоряжениями из Карфагена, он создал там колонию, которая быстро стала приобретать черты независимой республики точно так же, как за пять веков до этого сам Карфаген отпочковался от Финикии. К тому моменту, когда эту новую республику Баркидов возглавил сын Гамилькара — Ганнибал, — она уже оказалась способна создать вполне боеспособную армию, с которой Ганнибал двинулся на Рим в 219 году, практически без санкции и помощи карфагенского правительства.

Силы были явно неравны. Но Ганнибал хорошо знал внутривосточную обстановку на Аппенинском полуострове и надеялся найти там много союзников. Он оказался прав.

Его заальпийские победы ошеломили современников. Он разбивает римлян при Тицине и Требии (218), при Тразименском озере (217) и, наконец, самая блестательная победа — на восточном берегу Италии, у местечка Канны (216). В этой битве Ганнибал разместил лучшие подразделения своей армии на флангах, а в центре поставил легковооружённых воинов, которые вскоре начале поддаваться фронтальной атаке римлян. Когда фронт карфагенян прогнулся, фланги смогли захлестнуть противника как клещами.¹¹ Римляне потеряли около семидесяти тысяч убитыми, включая одного консула и восемьдесят сенаторов.

После этого разгрома главнокомандующий римлян, диктатор Фабий Максим, старался избегать решительных сражений, но делал всё возможное, чтобы не допустить присылку подкреплений врагу из Испании и Африки. За свою осмотрительность он получил в народе прозвище «кунктор» — «медлитель». В свою очередь, Ганнибал старался использовать политические разногласия внутри Римской республики и привлечь на свою сторону те города, в которых бурлило недовольство главенствующим положением Рима. Он не поддался призывам своих генералов штурмовать столицу, но стал заключать союзы с недовольными.

После победы под Каннами эта политика начала приносить плоды.

«Произошла чудесная метаморфоза в стратегическом положении Ганнибала. Ещё недавно у него не было ни одного города на полуострове, ни одного рынка, ни одного порта, его солдаты питались лишь тем, что удавалось награбить в округе, ему некуда было отступать. И вдруг он стал повелителем многих городов в Италии, и даже Капуя, второй по величине и богатству город, перешла на его сторону».¹²

Многие эпизоды этой войны показывают, какое внимание Ганнибал уделял политическим аспектам и как хорошо был осведомлён о внутренней борьбе в Риме. Например, ему было известно, что некоторые сенаторы критиковали диктатора Фабия Максима за его осторожность и медлительность. Высказывались даже предположения, что он вступил в тайный сговор с врагом. Ганнибал приказал отряду, отправленному за фуражом в тот район, где находились поместья Фабия, разорить всю округу, только владения Фабия оставить нетронутыми. Естественно, это добавило правдоподобия подозрениям в измене.¹³

Конечно, римляне посыпали карательные экспедиции против городов, перекинувшихся на сторону врага. Война приобретала характер гражданской. Но глубинные корни конфликта оставались теми же, что и в Греции во времена Пелопонесской войны.

*«В бытность в Италии Ганнибала взволновались там все города; но дело шло тут вовсе не о независимости: в любом городе аристократия была за Рим, плебс — за карфагенян».*¹⁴

Видимо, поддержка, оказанная плебсом карфагенянам, была так серьёзна, что римлянам не удалось победить Ганнибала, пока он оставался в Италии. Только когда они послали консула Сципиона в Африку с большим войском, Карфаген был вынужден отзывать своего полководца для обороны столицы. Однако в битве при Заме (202) непобедимый Ганнибал был разбит Сципионом, и карфагенянам пришлось заключить мир, по которому они утрачивали все свои владения за пределами Африки.

Термины «патриции» и «плебеи» остаются в нашем сознании слишком привязанными к конкретной эпохе, к конкретной стране. Чтобы сравнивать и сопоставлять политические процессы в разных странах, было бы удобнее перейти к тем терминам, которые мы ввели в предыдущих главах: высоковольтные против низковольтных, дальновзоркие против близоруких. Тогда мы сможем условиться называть аристократическими те государства, в которых дальновзоркие, из страха перед близоруким большинством, установили жёсткие сословные и кастовые перегородки. Демократическими — те, в которых разрешён лёгкий переход из статуса управляемых в статус управляющих, в соответствии с природной одарённостью человека.

Дав себе эту терминологическую поблажку, мы можем теперь перенестись на тысячелетие вперёд.

Республики эпохи Возрождения

В конце 1 века до Р.Х. невероятно разросшаяся Римская республика превратилась в настоящую монархию с императором во главе, хотя сохранила многие внешние атрибуты правления большинства: регулярные формальные выборы, обсуждение законов в сенате, сменные судьи и так далее. Республикаанская форма правления исчезла с исторической арены почти на тысячу лет. Это произошло потому, что миллионам кочевников и мигрантов, переходивших в земле-

дельческую стадию цивилизации, было не по силам выстраивать и сохранять такую сложную социальную конструкцию. Верховный вождь отдаёт команду, его тысячечна-чальники и стоначальники передают её дальше, все подчиняются беспрекословно — такой порядок отношений был понятен и знаком закалённым воинам. И вся Европа покрылась новыми королевствами и княжествами, в которых порой даже не знали, что означает слово «выборы».

Больше десяти веков должно было пройти, прежде чем на Апеннинском полуострове вновь начали появляться независимые городские коммуны, постепенно превращавшиеся в республики: Болонья, Венеция, Генуя, Лукка, Пиза, Сиена, Флоренция и другие.

Военные конфликты начали вскипать между ними с такой же неизбежностью, как когда-то между греческими полисами или римскими городами. Если посмотреть на карту Флоренции в 1300 году, это маленькое пятнышко на берегу реки Арно. К 1377 году республика сумела присоединить к себе города Верния, Пистойя, Прато, Вольтера с прилегающими к ним территориями. К 1433 году к этому добавились Рокка, Кастигиорно, Ареццо, а главное, была завоёвана Пиза (1406) и куплено у Генуи Ливорно (1427), что дало выход Флоренции к Средиземному морю и превратило в морскую державу.¹⁵

Так же быстро расширялась Венеция. За господство на море она вела долгие войны с Генуей в 1353-55 и 1378-81 годах, из которых вышла полной победительницей.¹⁶ Расположенная на островах республика нуждалась в плодородных землях, чтобы не зависеть полностью от импорта продовольствия.

*«В начале 15 века она присоединяет к себе Верону, Виченцу, Падую, Беллуно и Фельтре. Разбив турецкий флот, смогла захватить всю Далмацию на восточном берегу Адриатического моря».*¹⁷

Войны велись постоянно, однако они никогда не достигали такой кровопролитности, как во времена античности. Как правило, республики нанимали для военных действий профессионального кондотьера с отрядом наёмников, и эти воины не спешили жертвовать своими жизнями. Латы,

кольчуги, щиты делались из очень прочной стали, так что нанести всаднику смертельный удар было нелегко. Об этом пишет Николо Макиавелли в своей «Истории Флоренции», и его саркастическая интонация не может ставить под сомнение подлинность информации:

*«При столь полном разгроме миланцев в 1440 году, при том, что сражение продолжалось четыре часа, погиб всего один человек и даже не от раны, а от того, что свалился с лошади и испустил дух под копытами коней... При осаде Кампильи в 1448 году двести человек перебежали к противнику, потому что в их лагерь не завозили достаточно вина... В битве флорентийцев с венецианцами в 1467 году ни одни воин не пал, ранены были только несколько лошадей...»*¹⁸

Внутренние раздоры в республиках приводили к более кровопролитным стычкам, чем война. С грустью сравнивает тот же Макиавелли нравы родной Флоренции с нравами Древнего Рима:

*«Противоречия, возникавшие в Риме между народом и нобилями, приводили к спорам; во Флоренции они выливались в уличные схватки... Народ римский стремился пользоваться той же полнотой власти вместе с нобилиитетом, флорендейский же народ хотел править один без участия нобилей... В Риме спорам ставило предел издание нового закона, во Флоренции они оканчивались лишь смертью и изгнанием многих граждан...»*¹⁹

Однако в истории многих итальянских республик были периоды, когда народное сознание демонстрировало настоящую политическую мудрость и прозорливость. В 13 веке городские коммуны Вероны, Тревизо, Болоньи, Флоренции и других одна за другой выносили декреты об освобождении крепостных и колонов и уплачивали их владельцам соответствующий выкуп.

«Ни в одной другой западноевропейской стране мы не знаем примеров, когда хотя бы отдельные крупные города заставляли отпустить на свободу боль-

шое число крепостных и сами вносили за них выкуп».²⁰

Думается, именно эта готовность расширять свободу труженика, делать его полноправным гражданином, открывать способным путь наверх сыграла огромную роль в увеличении богатства и военной силы итальянских республик в эпоху Ренессанса. В эти годы они подчиняли себе многие территории за пределами Апеннинского полуострова. Генуя имела колонии и торговые центры в Испании, Африке, Эгейском и Чёрном морях, захватила острова Корсику, Сардинию, Хиос. Так же далеко простирались владения Венеции. Эти две торговые супердержавы побеждали флотилии Византии и Турции. Их военное соперничество друг с другом протекало с переменным успехом. Только в 1381 году, после столетия конфликтов и победы над генуэзцами под крепостью Кьоджи, венецианцы заключили Туринский мир, дававший им серьёзные преимущества.

Пока в Средиземном море доминировали флотилии итальянских республик, в континентальной Европе всё большую роль и влияние начинали приобретать итальянские банки. Особенно в этой сфере преуспели флорентийцы. Все европейские монархи нуждались в деньгах для ведения своих войн, а пересылка крупных сумм была делом ненадёжным и долгим. Постепенно конторы итальянских банков появились в Лондоне, Париже, Цюрихе, Амстердаме и многих других городах. Банковское дело приносило Флоренции почти такой же доход, как производство и продажа сукна.

Не отставала от Флоренции и Генуя. Макиавелли так характеризует степень влияния, достигнутую в этой республике главным банком:

«Большая часть земель и городов, состоявших под управлением Генуи, перешла в ведение Банка Святого Георгия: он хранит в них, защищает их, и каждый год посылает туда своих открыто избранных правителей, в деятельность которых государство не вмешивается... Оттого в Генуе так легко происходят всевозможные перевороты, подчиняющие генуэзцев то власти одного из их сограждан, то даже чужеземца, ибо в государстве правление всё

время меняется, а в Банке Святого Георгия всё прочно и спокойно».²¹

Возможно, финансовые услуги итальянских банков сыграли свою роль в том, что европейские монархи редко вторгались на Апеннинский полуостров. Если это происходило, то не для завоевания тех или других республик, а для достижения какой-то конкретной цели. Так, например, в 1310 году император Священной Римской империи Генрих Седьмой прошёл с войском половину Италии только для того чтобы императорская корона была возложена на него в Риме. В 1494 году французский король Карл Восьмой, с 30-тысячным войском пересёк территории Миланского княжества, Флорентийской республики и владения Ватикана, чтобы реализовать свои притязания на королевский трон в Неаполе.²² В 1526 году император Карл Пятый оккупировал Рим, взял в плен папу Климента Седьмого и заставил его отказаться от союза с французским королём Франциском Первым.²³

Кроме того, политический опыт учил королей и императоров, что население вольных республик очень плохо подчиняется монархическим порядкам. Если их подчинить силой, опасный микроб свободолюбия может быстро распространиться внутри королевства и подточить устойчивость трона. Представляется весьма поучительным и многозначительным тот факт, что завоевать и покончить с независимостью Генуи, Флоренции, Венеции смогла только другая республика, послереволюционная Франция в 1790-е годы.

В 1649 году в Европе Вестфальским миром закончилась Тридцатилетняя война, а в Англии после окончания гражданской войны (1642-1647) и казни короля Карла Первого к власти пришёл Оливер Кромвель. На карте возникли две республики, Англия и Нидерланды, исповедующие протестантизм, имеющие давнишние дружеские связи, разделённые только Ла-Маншем. И что же? Уже в 1652 году между ними загорелась кровопролитная война на море.

Торговое соперничество, конечно, сыграло свою роль. Но повод для войны был смехотворный. Англичане стали требовать от иностранных судов в знак приветствия спускать корабельные флаги не только при встречах в от-

крытом море, но и в портах. Голландский адмирал Мартен Тромп отказался подчиниться этому правилу, и произошло сражение вблизи Дувра, за которым последовали многие другие. В решающей Схевингенской битве (1653) адмирал Тромп погиб, но англичане были вынуждены снять блокаду побережья.²⁴

Республики Нового света

Открытие американского континента в 1492 году и последовавшее освоение его внесли огромные перемены в расклад сил в мировой политике. Теперь перед европейскими государствами открылись бескрайние перспективы территориальных захватов. Испания, Англия, Франция, Голландия, Швеция, Дания, Португалия наперегонки стали осваивать колонии за океаном. Управлялись они губернаторами, назначаемыми короной, применявшими все приёмы монархического правления. Даже голландский губернатор Стёйвесант пытался править в Нью-Амстердаме как заправский деспот. Местные бюргеры не терпели этого и предпочли перейти под власть англичан, в связи с чем в 1664 году их город стал Нью-Йорком.

Первая независимая республика в Западном полушарии появилась только в 1776 году. Вряд ли американцам удалось бы победить в Войне за независимость (1775-1783), если бы им на помощь не пришла могучая Франция. Видимо, правительство Людовика Шестнадцатого плохо знало историю и забыло, каким заразительным бывает пример успешных республиканских переворотов. Оно видело только удачную возможность ослабить своего венного врага, Великобританию, и не смогло предугадать революционного взрыва в собственной стране, который во многом вдохновлялся Джефферсоновской «Декларацией независимости».

В 1824 году примеру США последовал их южный сосед, Мексика. Казалось бы, у двух новоявленных республик не было поводов для серьёзных конфликтов. По обе стороны разделявшей их границы лежали огромные слабозаселённые территории. В какой-то момент правительство Мексики даже пригласило американских фермеров селиться на

землях к югу от границы, сегодня составляющих штат Техас. Около тридцати тысяч американцев воспользовались этим приглашением и стали успешно возделывать плодородную почву.

Увы, после отделения от Испании многие образованные дальновидные оставили страну, и правительство Мексики формировалось из людей, имевших очень мало политического опыта. Они стали притеснять американских поселенцев, облагать их поборами и запретами, а в 1830 году закрыли границу для новых желающих. Терпения американцев хватило на шесть лет, после чего они взбунтовались и объявили Техас независимой республикой. Генерал Санта Анна двинул против них мексиканскую армию, но после первоначальных успехов (захватил форт Аламо и перебил весь его гарнизон) потерпел поражение от техасцев и даже попал в плен.

Независимая республика Техас просуществовала десять лет. За эти годы в Америке укрепились политические настроения, базирующиеся на вере в «Предназначение Америки».

*«Это означало, что Соединённым Штатом было назначено владеть всей северной частью континента. На выборах 1844 года Демократическая партия выступала не только за присоединение Техаса, но и за оккупацию Орегона и Калифорнии. Соблазн расширения, сулившего выгодную торговлю с Китаем, родил мечту о завоевании Тихоокеанского побережья».*²⁵

В 1845 году новый американский президент Джеймс Полк предложил мексиканцам договориться о новых границах, а также продать США Северную Калифорнию, тогда ещё почти не заселённую. Те отказались даже обсуждать эти предложения. Вскоре пограничные стычки перешли в полномасштабные военные действия. Сражения продолжались до тех пор, пока американцы не высадились в Вера-Круз и не взяли штурмом столицу Мехико-сити. После этого в феврале 1848 года был подписан мирный договор, по которому к американцам переходили все территории, запрошенные

президентом Полком, но Мексика получала компенсацию в размере 15 миллионов долларов.

В сущности, страшную братоубийственную войну 1861-1865 годов можно было бы интерпретировать как войну двух республик: одной — со столицей в Вашингтоне, другой — в Ричмонде. Но я предпочитаю рассмотреть её в соответствующей главе, о войнах гражданских.

Пока же хотел бы взглянуться в другой конфликт: войну США с Испанией в 1898 году. Правда, это была война, затеянная республикой против многонациональной империи. Но она представляется мне уникальной по отсутствию веских мотивов, убедительных стимулов, ясно сформулированных целей и причин. История этого военного пожара зафиксирована в таком количестве документов, отчётов, дневников, мемуаров, газетных и журнальных статей, что невозможно усомниться в подлинности простирающейся картины. И самой яркой и неприкрыто агрессивной фигурой на этом полотне высится фигура будущего президента, Теодора Рузельта.

Принять участие в какой-нибудь войне было его мечтой с детства. Причём, не очень важно — с кем и ради чего. Уже в 1889 году он писал другу:

*«Я был бы не против, если бы у нас затеялась ссора с Германией. Бомбардировка с моря Нью-Йорка и других прибрежных городов была бы хорошим уроком, подтверждающим необходимость усилить оборону нашего побережья».*²⁶

В другом письме выражал желание выбить испанцев с Кубы и британцев из Канады. Их флаги должны исчезнуть с карты Северной Америки, требовал он.²⁷

Рузельт был отнюдь не одинок в этих воинственных настроениях. Газеты Вильяма Хёрста выходили с передовицами, расписывающими жестокость испанских властей по отношению к кубинским сепаратистам, воевавшим за независимость острова. Испанцы пытались интернировать сельское население в специальных лагерях (такую же тактику США применяли потом во Вьетнаме), и фотографии измождённых женщин и детей печатались крупным планом. Поп-хальная ситуация сложилась и в другой испанской колонии —

на Филиппинах: партизанская война за независимость, зверства с обеих сторон, давление США на правительство в Мадриде.

Президент Уильям Маккинли находился в очень трудной ситуации. В его памяти были живы страшные картины войны Севера и Юга. Он был уверен, что ни кубинцы, ни филиппинцы не смогут создать устойчивое самостоятельное государство, что они станут очагами кровопролитий и беззаконий, какими стали Гаити и многие южноамериканские страны, получившие независимость в начале 19 века. Но, поддаваясь политическому давлению, он отдал приказ американскому крейсеру «Мэйн» отправиться с дружеским визитом в Гавану. Крейсер прибыл туда в январе 1898 года и бросил якорь рядом с торговыми судами и испанскими военными кораблями. А поздним вечером 15 февраля в порту раздался оглушительный взрыв, и «Мэйн» пошёл на дно, унося с собой 250 моряков, не успевших выбежать из кают и трюмов.²⁸

Что тут началось в Америке трудно описать! Призывы к войне теперь звучали с трибун и церковных кафедр, взвывали газетными заголовками, гремели в пивных и на стадионах. Президент Маккинли пытался утихомирить страсти, призывал, по крайней мере, дождаться результатов расследования — может быть, просто произошёл взрыв боеприпасов по небрежности кого-то из членов команды. Его обзывали трусом, сжигали его портреты, печатали карикатуры, на которых он был изображён в чепчике и переднике. Не выдержав этого натиска, в апреле президент объявил о призывае 125 тысяч добровольцев для усиления регулярной армии, насчитывавшей в мирное время всего 28 тысяч.²⁹

Теодор Рузвельт к тому моменту занимал пост помощника военно-морского министра. Казалось бы, в этой роли ему открывалась возможность внести максимальный вклад в победу своей страны. Но нет, он подал заявление об уходе с поста и возглавил кавалерийский полк волонтёров. Впоследствии он подробно описал в мемуарах бои на Кубе, раненых, убитых и умирающих от болезней, грохот пушек и свист пуль, атаки на испанские окопы и укрепления. Создался, что эти четыре месяца боёв отпечатались в его памяти

периодом, вызывающим наибольшую гордость и удовлетворение.³⁰ После войны демонстрировал знакомым пистолет, из которого он собственноручно застрелил испанского солдата.

Параллельно с высадкой десанта на Кубе американский флот нанёс решительное поражение испанскому флоту на Филиппинах. Война закончилась полным разгромом Испании, которая по договору, подписенному в Париже в декабре 1898 года, утратила Кубу, Пуэрто-Рико, Гуам и все острова Филиппинского архипелага. Правда, США обязались выплатить компенсацию в размере 20 миллионов долларов.³¹

Но одно дело — воевать за освобождение угнетённых, другое дело — научить их разумно воспользоваться полученной свободой. Колониализм и империализм оставались ругательными словами в американском политическом лексиконе. И всё же американское правительство, вопреки мощной оппозиции, объявило об аннексии Филиппин. Как и следовало ожидать, филиппинские повстанцы повернули оружие против новых иноземных повелителей. После убийства президента Маккинли анархистом в 1901 году его пост занял Теодор Рузвельт, и это ему довелось расхлёбывать результаты войны, которую он разжигал с таким энтузиазмом.

Партизанская война на Филиппинах отличалась зверствами с обеих сторон.

*«Тела американских солдат находили с гениталиями, отрезанными и запихнутыми в рот трупа. Подражая испанцам на Кубе, американские власти стали сгонять сельское население в лагеря, чтобы оно было лишено возможности помогать повстанцам... Один генерал отдал приказ стрелять по любому подростку, шатающемуся за пределами лагеря. За годы боев на Филиппинах погибло 4000 американцев, в пять раз больше повстанцев, а также 200 тысяч умерло от болезней в лагерях».*³²

Куба прошла через ещё более долгую и кровавую нестабильность и, в конце концов, в 1959 году сменила сурную диктатуру Батисты ещё более безжалостной диктатурой Кастро. Пуэрто-Рико и сто лет спустя остаётся не готовым

ни к полной самостоятельности, ни к превращению в один из американских штатов.

Однако все эти печальные последствия не могут поколебать убеждённость сторонника «справедливых войн». В своих мемуарах Теодор Рузвельт десятки раз использует оборот «честь нации».

*«Я ненавижу несправедливые войны, ненавижу насилие и кровопролитие... Я ратую за военные приготовления, потому что это лучший способ избегать войны... Я никогда не стану призывать к войне, если только она не окажется последним средством отстоять честь нации».*³³

Но мы хорошо знаем, каким растяжимым бывает понятие «честь нации». Гитлер и Муссолини в своих речах муссировали его бесконечно. У сегодняшних американцев таким же растяжимым оказывается выражение «борьба за демократические перемены». Идолопоклонство перед демократией ставит их перед неразрешимой дилеммой, когда им приходится устраивать судьбу народов, не созревших для неё. Спасать угнетённых от чьей-то тирании — такое увлекательное занятие! И вот сто лет спустя после изгнания «тиранов-испанцев» США, ничему не научившись, атакует тиранов талибов в Афганистане, тирана Саддама Хусейна в Ираке, тирана Каддафи в Ливии и оставляет эти страны в пожарах гражданских войн.

Два юных современника Теодора Рузвельта в начале 20 века тоже не считали нужным скрывать своё азартное увлечение войной. Молодой Уинстон Черчилль предпринимал немалые усилия, чтобы принять участие во всех битвах, которые вела Британская империя: в Индии, Судане, Трансваале. Эрнест Хемингуэй помчался воевать в Италию уже восемнадцатилетним, потом — военным корреспондентом на фронт греко-турецкой войны (1923), потом в осаждённый Мадрид (1937), потом — в охваченную войной Европу. Оттуда он писал возлюбленной в Лондон:

«У нас тут жизнь весёлая, полно трупов, немецкие трофеи, стрельба, пыльные дороги, холмы, поля пшеницы, мёртвые коровы, лошади, танки, фургоны, убитые американцы, есть порой нечего, спим под

дождём, на земле, в амбарах, на телегах и я не скучаю ни по чему — только по вам».³⁴

Примечательно, что все трое — Теодор Рузвельт, Черчилль и Хемингуэй — были также страстными охотниками. В Африке они перестреляли сотни крупных зверей, от буйволов и антилоп до львов и слонов. Если такую кровожадность демонстрируют три лауреата Нобелевской премии (Рузвельт — за мир, двое других — за литературу), то чего мы можем ждать от людей обыкновенных? Станут ли они откликаться на призывы пацифистов и искать других путей для утоления жажды самоутверждения?

Республики наших дней

После Второй мировой войны на Земле почти не осталось монархий. Арабские Эмираты, Иордания, Катар, Марокко, Саудовская Аравия, Таиланд — кто ещё? Любой тиран предпочтёт называть себя президентом республики. Формально это облегчает нашу сортировку: любая война нового времени может быть объявлена войной между республиками (например, Ирак против Ирана в 1980-е) и подвергнута анализу в этой главе. Не будем злоупотреблять открывшейся возможностью и ограничимся двумя странами, в которых, действительно, регулярно происходят выборы и сменяются правительственные органы на местном и федеральном уровне: Индию и Пакистан.

За свою короткую историю эти две республики вели уже три раза: в 1948, в 1965 и в 1971. Индия каждый раз побеждала. В 1998 году они, одна за другой провели испытания атомной бомбы. Но кроме открытых войн тысячи жизней с обеих сторон каждый год уносят акты террора и антитеррористические операции.

В декабре 2001 года пакистанские террористы атаковали индийский парламент в Дели, в мае 2002 устроили резню женщин и детей на индийской военной базе в Кашмире.³⁵ Две миллионные армии, вооружённые термоядерным оружием, замерли друг против друга по обе стороны границы. Такая же ситуация возникла в ноябре 2008 года после нападения десяти пакистанских террористов с моря на деловой

центр Бомбея (Мумбаи). Результат: 195 погибших, сотни раненых, сгоревшие отели и деловые конторы.

В своё время Первая мировая война началась из-за того, что Сербия отказалась выдать Австрии террористов, виновных в гибели эрцгерцога Фердинанда в Сараево. Сегодня Индия требует, чтобы Пакистан перестал укрывать террористов, совершающих нападения с его территории. Пакистан заявляет, что это не террористы, а геройские борцы против угнетения мусульманского меньшинства в Индии.

Разгул терроризма внутри самого Пакистана не оставляет надежд на стабилизацию в обозримые годы. Даже в те периоды, когда армия брала власть в свои руки, межплеменная и межрелигиозная вражда выплескивалась на поверхность кровавыми столкновениями. Талибы тоже находят приют в горных районах северо-запада и совершают оттуда атаки на американские войска в Афганистане. Усама Бен Ладен много лет скрывался в Пакистане после атак 11 сентября 2001 года, жил с семьёй в доме неподалёку от военной базы и, по слухам, даже лечился там.

Многими чертами конфликт между Индией и Пакистаном напоминает конфликты между народами, находящимися на разных ступенях цивилизации, описанные выше в Главе II-2. Есть много признаков, указывающих на то, что Индия ушла гораздо дальше по дороге, ведущей из земледельческой стадии в индустриальную. Пакистан же по ключевым критериям выглядит безнадёжно отсталым.

До сих пор почти половина его населения неграмотны. В сфере высшего образования доминируют религиозные медресе, их насчитывается около сорока тысяч. Именно там воспитывались кадры для движения талибан (один из возможных переводов слова «талиб» — «студент»), укрепившегося в Афганистане.³⁶

В юридической сфере древние верования и законы шариата имеют больший вес, чем римское право. Подозреваемого в убийстве могут заставить пройти по раскалённым углям в доказательство своей невиновности (не будет ожогов — значит, не убивал). Брат заподозрил сестру в том, что она вступила в связь с женихом до брака. Он убил обоих, и ему не было предъявлено никаких обвинений, ибо «убийст-

ва в защиту чести ненаказуемы».³⁷ Лучший способ избавиться от жены — обвинить её в прелюбодеянии, за что полагается смертная казнь.³⁸

Пакистанские интеллектуалы принимали активное участие в антибританском движении, но когда страна обрела независимость, они начали покидать её, ища в Европе и Америке спасения от нищеты и хаоса. Лидеры Пакистана один за другим погибли насильственной смертью: президент Зульфикар Бхутто свергнут военными и казнён в 1979, президент Зия-уль-Хак гибнет в подстроенной авиакатастрофе в 1988, премьер-министр Беназир Бхутто убита террористами в 2007. На президента Мушаррафа, правившего страной с 1999 по 2008, было совершено четыре покушения, он чудом избежал смерти.

Главным инструментом всех политических процессов в Пакистане стал автомат Калашникова. Город Караччи, по слухам, обогнал Бейрут по числу погибших в этнических и криминальных конфликтах, а также по числу погибших и похищенных иностранцев.³⁹

Всё содержание данной главы склоняет нас к простой и печальной мысли:

Учреждение республиканского правления не может гарантировать миролюбия государства.

Успешные республики начинали богатеть и увеличивать свою военную мощь, но само наличие военной силы соблазняло их пускать её в дело для решения международных конфликтов. За 70 лет, прошедших с конца Второй мировой войны, американские самолёты и вертолёты наносили бомбовые удары по многим столицам независимых государств: Пхеньян (Северная Корея, 1950-53), Ханой (Северный Вьетнам, 1963-1973), Пном-Пень (Камбоджа, 1969-1973), Сент-Джорджес (Гренада, 1983), Триполи (Ливия, 1986), Панама-сити (Панама, 1989), Могадишо (Сомали, 1993), Белград (Сербия, 1999), Кабул (Афганистан, 2002), Багдад (Ирак, 2003), снова Триполи (2011).

То, что Вил Дюрант написал об Афинской республике, можно отнести и к сегодняшним США: идолизируя свободу внутри своей страны, они обращаются с союзниками с имперской жёсткостью. Созданная Афинами Делосская лига

очень напоминает альянс НАТО. И также от членов этого альянса требуют активного финансового участия для нужд обороны.

Другое сходство республик Нового времени с республиками античности — неспособность народов ценить своих лидеров. Как только закончилась Вторая мировая война в Европе, победителя Черчилля проваливают на выборах 1945 года. То же самое в 1990: в Англии проваливают Маргарет Тэтчер, победившую в Холодной войне, а в 1992 в США — Буша-старшего, разбившего Саддама Хуссейна.

Судебным преследованием грозили Курту Вальдхайму в Австрии, Никсону, Рейгану и Клинтону в США, Берлускони в Италии, Жаку Шираку и Николя Саркози во Франции, Кристине Киршинер в Аргентине, Дилме Руссефф в Бразилии, Михаилу Саакашвили в Грузии, Кристиану Вульфу в Германии, Януковичу в Украине, Нетаньяху в Израиле. За решёткой оказались Беназир Бхутто в Пакистане, Юлия Тимошенко в Украине, Моше Кацав и Эхуд Ольмерт в Израиле.

Избиратели в США и Европе выражают недовольство растущими расходами на оборону. Пока существовал мировой коммунистический блок, он был серьёзной угрозой и оправдывал потраченные миллиарды. Но когда он распался, возникла необходимость создать образ могучего врага, представляющего опасность для свободного мира. С 1993 по 2004 годы с этой ролью неплохо справлялся Саддам Хусейн. Какое-то время попытки Ирана создать атомное оружие служили оправданием новых трат на противоракетную защиту. Но после переворота в Украине и присоединения Крыма к России на роль врага № 1 вышел опять безотказный Кремль и его «стремление восстановить империю».

Выражение «новая холодная война» всё чаще всплывает в газетных заголовках и речах политиков. Лидеры обеих сторон решительно заявляют, что не хотят повторения этого опасного явления. Но не может ли оказаться, что именно сорок лет холодной войны спасали мир от ужасов «горячей» термоядерной войны? Что противостояние НАТО и стран Варшавского договора утоляло все три главные страсти человеческой души?

Если позволить себе также утолить страсть нашего ума к широким обобщениям, можно сказать следующее:

Главным горючим материалом пожаров монархических войн является страсть монархов и их генералов к самоутверждению. Главным горючим материалом войн республиканских является жажды народов к сплочению.

Пришла пора взглянуться в те пожары, в которых сильнее всего полыхает жажда бессмертия: в религиозные войны.

Примечания

1. Durant, Will. *Our Oriental Heritage. The Story of Civilization. Part I* (New York: Simon & Schuster, 1965), pp. 223-224.
2. Green, John Richard. *A Short History of English People* (London: 1907), vol. 2, p.328).
3. Durant, Will. *The Life of Greece. The Story of Civilization. Part II* (New York: Simon & Schuster, 1966), pp. 439-40.
4. Kagan, Donald. *The Peloponnesian War* (New York: Viking, 2003), p. 16.
5. Aristotle. *Politics* (Oxford: 1885), p 111.
6. Ibid., p. 126.
7. Kagan, op. cit., pp. 456-66.
8. Fustel de Coulanges, Numas Denis. *The Ancient City* (Garden City, N.Y.: Doubleday, 1956), p. 390.
9. Mommsen, Theodor. *The History of Rome* (New York: Free Press, 1957), v. 1, p. 360.
10. Fustel de Coulanges, op. cit., p. 422.
11. Plutarch. *The Lives of the Noble Grecians and Romans* (New York: The Modern Library, 1964), p. 223.
12. Ibid., p. 224.
13. Ibid., p. 217.
14. Fustel de Coulanges, op. cit., p. 428.
15. *Encyclopedia Britannica* (Chicago: University of Chicago, 1988), vol. 22, p. 210.
16. Welpton, Eric. *A Concise History of Italy* (New York: Bay Publishing, 1965), p. 88.
17. Hibbert, Christopher. *The House of Medici. Its Rise and Fall* (New York: William Morrow & Co., 1975), p. 79.
18. Machiavelli, Niccolò. *A History of Florence* (New York: 1974), p. 198.
19. Ibid., p. 207.

20. Котельникова Л.А. Итальянское крестьянство и город в 11-16 веках (Москва: 1967), стр. 139, 319.
21. Machiavelli, op. cit., p. 330.
22. *Britannica*, op. cit., vol. 22, p. 215.
23. Hibbert, op. cit., p. 241,
24. *Britannica*, op. cit., vol. 11, p. 941.
25. Churchill, Winston S., arranged by Commager, Henry Steele. *History of the English Speaking Peoples* (New York: Barnes & Noble, 1994), p. 369.
26. Thomas, Evan. *The War Lovers* (New York: Little, Brown & Co., 2010), p. 59.
27. Ibid., p. 205.
28. Ibid., p. 207.
29. Ibid., p. 243.
30. Roosevelt, Theodore. *Autobiography* (New York: Charles Scribner's Sons, 1926), p. 253.
31. *Documents of American History since 1865* (New York: Appleton Century Crofts, 1948), p. 188.
32. Thomas, op. cit., pp. 386, 388.
33. Roosevelt, Theodore. *Autobiography*. Op. cit., pp. 206-7.
34. Hemingway, Ernest. *Selected Letters, 1917-1961* (New York: Charles Scribner's Sons, 1981), p. 562.
35. Weaver, Mary Anne. *Pakistan. In the Shadow of Jihad and Afganistan* (New York: Farrar, Straus and Giroux, 2002), p. 216.
36. Ibid., p. 93, 38.
37. Ibid., p. 89-90.
38. Ibid., p. 102.
39. Ibid., p. 216.

II-5. Религиозные войны

Равнина. Трубы. Входят двое. Лязг
сражения. «Ты кто такой?» — «А сам ты?»
«Я кто такой?» — «Да, ты». — «Мы протестанты».
«А мы католики». — «Ах, вот как!». Хряск!..
...Опять равнина. Полночь. Входят двое.
И всё сливаются в их волчьем вое.
Иосиф Бродский

Конечно, проводимая нами сортировка войн уязвима для серьёзных критических нападок. Квалифицированный историк может отыскать в любом реально случившемся военном конфликте элементы межплеменной вражды, монархические амбиции, экономические мотивы, националистические притязания. Особенно трудно провести границу между войнами религиозными и гражданскими.

Заранее прошу у читателя извинения за то, что буду опускать обороты «в какой-то мере», «до известной степени», «более или менее», «в конечном итоге» и тому подобное.

Вглядимся в те исторические конфликты, в которых религиозный пыл сражающихся был явно главным горючим материалом военного пожара.

Выберем те, что наилучшим образом изучены историками:

- А) Иудейская война 66-73 годов.
- Б) Вероисповедальные смуты Первого тысячелетия.
- В) Междуусобия мусульман.
- Г) Крестовые походы 12-13 веков.
- Д) Гуситские войны 15 века.
- Е) Католики и протестанты в 16-17 веках.

Иудейская война

В течение шести веков, предшествовавших дате рождения Христа, иудеи имели достаточно времени, чтобы научиться выживать под властью иноземных повелителей. В 6 веке до Р.Х. их покоряют вавилонцы, потом подчиняют

себе персы, потом Иерусалим захватывают греки под командой Александра Македонского, потом римляне под командой Помпея (63 до Р.Х.). В начале 1 века Палестина становится частью бескрайней Римской империи. Иудеям оставлены собственные цари, но верховная власть находится в руках губернатора и прокураторов, присылаемых из Рима. Прокуратор должен разбирать конфликты между различными этническими и религиозными группами, следить за поддержанием мира между ними. Но задача его делается трудно выполнимой, когда почитание римских святынь оказывается несовместимым с почитанием священных обычаев иудеев.

Историк Иосиф Флавий, свидетель и участник событий, так описал конфликт, произошедший между страстно верующими иудеями и прокуратором Пилатом (26-36 после Р.Х.):

*«Однажды утром проснувшиеся жители Иерусалима увидели, что ночью на улицах их города были установлены статуи императора. Большая толпа, возмущённая таким святотатством, бросилась в Кесарий и умоляла прокуратора убрать изображения, недопустимые в городе по их верованиям. Когда Пилат отказался, они упали ниц и пролежали так пять дней и ночей... Прокуратор приказал легионерам окружить толпу и обнажить мечи... Иудеи как один объявили, что они скорее умрут, чем смиряться с таким попранием священных заповедей. Изумлённый страстностью их религиозного пыла Пилат приказал убрать статуи».*¹

Следующий прокуратор, Петрониус (37-42), присланный новым императором Калигулой, не проявил такой терпимости. Непредсказуемый и неуправляемый подросток, оказавшийся на римском троне, категорически потребовал, чтобы его мраморные изваяния были установлены в Иерусалимском храме.

Уговаривая иудеев смириться с этим, Петрониус говорил, что статуи императора стоят в храмах всех народов, подчинённых Риму, и их протест представляет собой открытый бунт.

«Вы ссылаетесь на свои законы и подчинение своему Богу. Но мой бог — император, и он сурово покарает меня, если я не выполню его приказ».²

Конфликт казался неразрешимым и грозил войной. Тогда от кровопролития Иерусалим спасло лишь Провидение, подослав к Калигуле убийц.

В годы правления императора Клавдия (42-54) римская администрация старалась не провоцировать религиозные страсти без особой нужды. Но они не утихали, ибо иудеи были раздроблены на четыре главных религиозных течения: фарисеи, саддукеи, ессеи и зилоты. (Христианство тогда только зарождалось, и не участвовало в активном противоборстве.) Фарисеи были склонны к смягчению некоторых законов торы, выступали за сотрудничество с римлянами, готовы были даже разрешить финансовые операции и развод. Саддукеи настаивали на слепом повиновении букве закона. Ессеи по многим своим верованиям и правилам напоминали сегодняшних хасидов: абсолютный пацифизм, одинаковая одежда, неукоснительное выполнение обрядов, взаимопомощь, доходящая чуть ли не до отмены собственности.³

Зилоты были самым радикальным направлением, и год от года они набирали всё большую силу. К ним примыкали в основном люди из нижних слоёв общества, видевших в религиозном фанатизме возможность утолять все три главные страсти человека. Возвышенные цели так хорошо прикрывают упоение грабежом и насилием. Зилоты редко нападали на легионеров, но грабили и убивали всех, кто выступал за сотрудничество с Римом. Две тысячи лет спустя мы имеем возможность хорошо изучить этот человеческий тип, наблюдая подвиги итальянских карбонариев, французских анархистов, русских народовольцев и эсеров, ирландских террористов, американских «чёрных пантер», афганских талибов и прочих.

Римские прокураторы по мере сил противодействовали грабежам на дорогах. (Вспомним двух разбойников на крестах рядом с Христом.) Но вскоре зилоты перешли к новой тактике.

*«В Иерусалиме появились бандиты, которых называли сикурии. Они совершали множество убийств посреди белого дня в центре города. Замешивались в праздничную толпу, пряча под одеждой маленькие кинжалы, которыми незаметно наносили удар выбранной жертве. Сражённый падал, а убийца растворялся в толпе. Одним из первых от их рук погиб первосвященник Джонатан... Они сеяли такой страх, что каждый мог ждать смерти в любой момент, точно война уже началась».*⁴

Принято считать, что Иудея восстала в 66 году против невыносимого римского гнёта. На самом деле она восстала против власти, оказавшейся неспособной выполнять свою главную обязанность: защищать подданных от кровавого хаоса. Присылаемые императором Нероном (54-68) прокураторы использовали свою должность только для максимального личного обогащения. Прокуратор Альбинус (62-64) дошёл до того, что начал выпускать бандитов из тюрем, если их родственники вносили соответствующий выкуп.⁵ Поэтому и численность их, и наглость только возрастали.

В городах Палестины население было этнически неоднородным. Любое убийство, оставшееся безнаказанным, легко могло вызвать жажду мести, выплескивавшуюся очередными погромами. Греки, сирийцы, самаритяне, иудеи кидались убивать друг друга. Чтобы их утихомирить, римляне посыпали войска, и те уже казнили бунтовщиков без разбора.

Трудно установить, в какой степени приказ Нерона установить его статую в храме Иерусалима сыграл роль последней капли или той спички, которая зажгла пожар Иудейской войны. Партия умеренных, объединявшая церковную верхушку, фарисеев, зажиточных граждан, царя Агриппу Второго, весной 66 года всё ещё уговаривала толпу, ведомую зилотами, сдержать свой пыл, дождаться результатов переговоров с римским губернатором. В Иерусалиме дело дошло до настоящей гражданской войны. Умеренные, с помощью присланных царём кавалеристов, захватили Верхний город, зилоты удерживали Нижний и храм. Неделю тучи камней, пущенных пращами, летали над улицами, доходило

и до рукопашных.⁶ Лишь когда переговоры провалились, даже умеренные поняли, что войны с Римом избежать невозможно.

Ход этой кровопролитной войны (66-73) так детально описан участником её, Иосифом Флавием, что я могу с чистой совестью отослать читателя к его классическому труду «Иудейская война».⁷ Страдания, причинённые ею, масштабы убийств и разрушений превзошли самые страшные предчувствия тех, кто пытался примирить враждующих. Междуусобные побоища также продолжались, и от них гибло больше иудеев, чем от римских мечей.

Весной 70 года римский полководец Тит (будущий император) во главе четырёх легионов подошёл к Иерусалиму и начал осаду. С трудом римлянам удалось овладеть первой крепостной стеной, потом второй, но отчаянное сопротивление продолжалось. В городе свирепствовал голод, усугублённый тем, что во время внутренних конфликтов зилоты сожгли запасы зерна. По приказу Тита Иосиф Флавий обращался к осаждённым, предлагая им мягкие условия мира. Он обвинял лидера зилотов Иоанна Гискалу в том, что тот не только губит народ, но и оскорбляет Бога.

«Ты хочешь взвалить свои грехи на римлян, а между тем они до сих пор ещё уважают наши законы и настоятельно требуют, чтобы упразднённые тобой жертвоприношения опять возобновились. Чужие и враги хотят восстановить то, что ты безбожно разрушил; ты же, иудей, рождённый и воспитанный в законе, кощунствуешь хуже всякого врага... Но я ручаюсь тебе за прощение со стороны римлян. Вспомни, что я советую тебе как соотечественник и обещаю как иудей... Никогда не случится, чтобы я продолжал жить в плену, отрекаясь от своего народа и забывая свою отчизну».⁸

Но осаждённые отказались сложить оружие.

«Измученные голодом иудеи делали отчаянные вылазки, чтобы добыть еды; тысячи были пойманы римлянами и распяты на крестах... На последних стадиях осады улицы были завалены трупами; сообщается, что больше ста тысяч мёртвых были

сброшены со стен... Некоторые убивали друг друга, или закалывали себя, другие прыгали в пламя. 97 тысяч выживших были проданы в рабство или посланы сражаться в качестве гладиаторов на триумфальных торжествах, устроенных победителями в Кесарии и Риме».⁹

Так началась эпоха рассеяния иудеев, которая длилась почти две тысячи лет.

Вероисповедальные смуты первого тысячелетия

За три века, прошедшие со дня казни Христа, его учение продемонстрировало необычайную стойкость в борьбе с преследованиями. Оно завоёвывало миллионы сердец, жаждавших сплочения и надежды на бессмертие. Не только простой народ, но и образованные римляне, эллины, египтяне, сирийцы примыкали к нему и принимали крещение. Когда император Константин Великий (272-337) принял решение объявить христианство государственной религией, он, конечно, надеялся, что эта мера укрепит внутреннее единство многонационального государства. Мог ли он предвидеть ту лавину раздоров, побоищ, споров, кровопролитий, даже полномасштабных войн, которую породила его реформа?

На собор в Никее в 325 году, по приказу императора, съехалось больше трёхсот епископов. Им удалось выработать общехристианскую доктрину, дававшую ответы на все трудные богословские вопросы. Только священник Арий и несколько его сторонников отказались подписать документ и настаивали на своём истолковании вопроса о соотношении божественного и человеческого в личности Христа. Арий был предан анафеме, изгнан, книги его сжигались, а хранение их каралось смертью.¹⁰ Тем не менее число его последователей росло, а вскоре и сам император присоединился к ним и объявил арианство правильным истолкованием христианского учения.

Богословские споры вскипали среди первых христиан и во времена апостолов. Уже апостол Павел увещевает членов общины в Коринфе:

«Сделалось мне известно, братья, что у вас говорят я Павлов, я Аполлосов, я Кифин, а я Христов. Разве разделился Христос? Разве Павел распялся за вас? Или во имя Павла вы крестились?» (Коринф.-1, 1:11-13)

Но разделение и споры продолжались.

За сто лет, прошедших после Никейского собора, число осуждённых ересей перевалило за сотню. Оригенизм, манихейство, донатизм, присциллианство, аполлианаризм, пелагианство... Даже арианство было объявлено вне закона в 381 году. Богословские споры выплескивались на улицы городов схватками и побоищами. Но могли вылиться и в настоящую войну.

Взять, например, переход в христианство племени вестготов. Их главный проповедник Улфиле был рукоположен епископом в 341 году, перевёл Библию на готский язык, был инициатором переправы вестготов через Дунай (376) для воссоединения с братьями-христианами в Риме.¹¹ Проблема, однако, состояла в том, что вестготы приняли христианство в той форме, которая тогда доминировала в Константинополе, то есть в арианской. А когда арианство было объявлено ересью, вестготы успели сделаться незаменимой военной силой в армии императора Феодосия Великого. Этот император сурово преследовал ереси, но, ведя в 380-е годы тяжёлые войны с различными узурпаторами, обойтись без вестготов никак не мог. Таким образом, внутри Римской империи возникла сплочённая и хорошо вооружённая армия «еретиков».

После смерти Феодосия в 395 году вестготы пытались уговорить его наследников нанять их для охраны северных границ империи от нападающих варваров — аваров, аланов, вандалов, гуннов, свевов. По необходимости, императоры соглашались, вестготы сражались, отбивали врагов, но сталкивались с большими трудностями при получении платы. Придворные епископы-католики неутомимо интриговали, чтобы не допустить участия епископов-ариан в религиозной жизни страны. Император Западной части Гонорий укрылся в неприступной Равенне и отказывался платить, даже когда вестготы осадили Рим (408-410). Таким об-

разом, знаменитое взятие Рима вестготами под командой короля Алариха в 410 году нельзя считать результатом варварского вторжения. Имела место настоящая религиозная война между арианами и католиками. Победители, конечно, награбили в захваченном городе больше того, что им причиталось, но не причинили ему серьёзных разрушений и через три дня удалились.

Следующий пожар религиозной вражды запылал сорок лет спустя. Настоятель монастыря под Константинополем Евтихий начал проповедовать догмат, отрицавший двойственность природы Христа, признававший только его божественную сущность. Патриарх созвал собор, который объявил новое учение ересью. Она получила название «евхенианство», а позднее «монофизитство», и стала стремительно распространяться в Египте и Сирии, несмотря на все осуждения, преследования и казни. Когда католический епископ был прислан в Александрию, толпа монофизитов растерзала его прямо в церкви.¹²

Ересь оказалась настолько упорной, что и век спустя с ней пришлось вести борьбу императору Юстиниану (483-565) и его супруге, императрице Феодоре. Убедившись, что искоренить монофизитство невозможно, правители пошли на уступки, требовали от римского папы и константинопольского патриарха, чтобы они находили компромиссы в богословских спорах. В конце жизни сам император Юстиниан впал в ересь, многими чертами напоминавшую учение монофизитов.¹³ Весь 7 век прошёл в противоборстве христианской Византии с победоносным наступлением мусульман-арабов, завоевавших обширные территории на Ближнем Востоке. В начале 8 века они построили огромный флот и готовились к штурму Константинополя. Но на трон к тому времени взошёл энергичный император, Лев Третий Исаврянин. Кроме того, византийцы сумели создать зажигательную смесь — предшественнику напалма, — получившую название «греческий огонь». Этой смесью защитники города встретили флот арабов.

«Из приблизительно 2600 военных и транспортных судов, осаждавших Константинополь в 718 году, вернулось с этой войны только пять, а из 180 тысяч нападающих вер-

нулось, по слухам, только 40 тысяч. Это было самое серьёзное поражение ислама с момента его возникновения».¹⁴

Ободрённый успехом император Лев Исавр занялся упорядочением внутренней жизни государства. В сфере религиозной многих образованных людей тревожил кульп поклонения изображениям святых, распространившийся в народе. Выше уже говорилось о том, что в древности военные поражения объяснялись греховным поведением побеждённых. Не могло ли оказаться, что Господь даровал так много побед мусульманам именно потому, что они строже соблюдали запрет на изображения живого и поклонение идолам?

*«Почитание икон иногда превращалось в грубое суеверие; так, например, некоторые фанатики соскабливали с икон краску и бросали её в чашу, из которой причащались... Царский указ в 726 году осудил иконопочитание как своего рода идолопоклонство... Было приказано повесить иконы в церквях так высоко, чтобы их нельзя было касаться руками и лобызать... В ответ на эту меру в Греции вспыхнуло восстание, докатившееся до стен Константинополя, где флот восставших был уничтожен... Император выпустил новый указ (728), который повелевал удалить из церквей все изображения Христа, Богородицы, святых и мучеников, а нарисованное на стенах закрасить».*¹⁵

Но народная масса не была готова к тому, чтобы отказаться от почитания икон. Борьба за иконы была для неё гораздо осязательнее и понятнее, чем прежние догматические споры об отношении Сына к Отцу в природе Христа. К этому присоединялось то, что женщины всех сословий, вплоть до царских сестёр и жён, были ревностными последовательницами иконопочитания.¹⁶

Наследники Льва Исаврянина вели борьбу с иконами ещё более свирепо. Патриарх Константинопольский, посмевший протестовать, был обезглавлен. Сторонникам иконопочитания выкалывали глаза, отрезали языки, их пытали и изгоняли. Многие монастыри закрывались, их собственность конфисковали. В одной провинции губернатор собрал мона-

хов и монахинь и под страхом смерти приказал им жениться друг на друге.¹⁷

В конце 8 века на троне оказались двое: император Константин Шестой и его мать, императрица Ирина. В какой-то момент мать сумела отправить сыночка в тюрьму, предварительно ослепив его. Она правила страной умело, но не смогла заручиться поддержкой армии, и в 802 году её свергли и отправили в ссылку. Иконы были торжественно возвращены в храм Святой Софии и в другие церкви.

Есть большой соблазн сравнить эпоху иконоборчества с правлением коммунистов в России в веке 20-м. Тоже террор и пытки, преследования и казни священнослужителей, полный контроль государства над верованиями народа, то есть над путями, которые люди выбирают в поисках бессмертия. Символически совпадает даже длительность: и иконоборчество в Византии, и коммунизм в России длились ровно 74 года. Восстановление Храма Христа Спасителя в Москве (2000) после падения власти коммунистов было похоже на возвращение икон и вызвало слёзы счастья на глазах верующих россиян, предки которых приняли крещение от византийцев в 988 году.

Импульс к движению иконоборцев, конечно же, мог зародиться только среди дальновидных. Их способность к абстрактному мышлению облегчала для них веру в невидимого Бога, в чудо сотворённого им мира, в духовные связи человека с Творцом. Близорукому большинству, то есть народной массе, трудно было утолять свою жажду бессмертия такими умозрительными конструкциями. Оно яростно цеплялось за зримые иконы, осязаемые статуи, за моги святых, за легенды о чудесах и исцелениях, творимых избранными праведниками.

Междоусобия мусульман

Военные конфликты между суннитами и шиитами пронизывают всю историю ислама вплоть до наших дней. Их первая религиозная война началась вскоре после смерти пророка Мухаммеда (632) и закончилась в 661 году, когда лидер отколовшейся ветви магометанства, двоюродный брат

пророка Али, пал, от руки подосланного убийцы. Внук пророка, Хуссейн, возглавил шиитов во второй войне (680-692) и погиб в бою.¹⁸ Глядя на его отрубленную голову, один из ветеранов сказал печально:

*«Я видел, как эти уста целовал сам Мухаммед».*¹⁹

Трудность установления мира между различными группами мусульман усугублялась их абсолютной верой в то, что Аллах решает исход любой битвы. Для большинства из них попытки миротворцев найти условия примирения выглядят кощунственной попыткой отнять у Бога его священную прерогативу. Эта вера в божественную справедливость была сильна и среди христиан, которые веками разрешали устраивать судебные поединки и по их исходу выносили приговор.

Западному человеку очень нелегко понять разницу между верованиями суннитов и шиитов. Историк Игнац Гольдцигер попытался описать её так:

*«Ислам суннитов — это церковь, основанная на всеобщем согласии верующих; ислам шиитов — это церковь, основанная на авторитете».*²⁰

Но тот же историк указывает на одну важную лингвистическую особенность: в языках мусульманских народов нельзя найти слова, которое бы адекватно переводило наше понятие «совесть». Более того: этого слова мы не находим и в Ветхом Завете. В Евангелии оно появляется лишь в конце, в Деяниях и посланиях апостолов. То есть в текстах, создававшихся не иудеями, а римским всадником Савлом, принялшим христианство под именем «апостол Павел».

В конце 8 века, то есть тогда же, когда в Византии убирали иконы и статуи из храмов, в мире ислама возникло религиозное движение аналогичное иконоборчеству. Изображения у мусульман были запрещены, зато получили большое распространение антропоморфические представления об Аллахе как существе с руками, ногами, ушами, устами, имеющем дочерей, способном испытывать гнев и любовь. Богословы, начавшие борьбу с этими рецидивами язычества, получили название *мутазилитов* (аскеты, удаляющиеся). Они исходили из того, что человеку предоставлена неограниченная свобода воли в его деятельности, что он сам

творец своих поступков. Ведь иначе было бы несправедливо, что Аллах привлекает его к ответственности.

При последних халифах из династии Аббасидов влияние мутазилитов стало доминирующим. Халиф Мамун (813-833) как верховное священное лицо в государстве декретировал под угрозой тяжёлых наказаний, принятие верований в созвучность Корана. В этом отношении ему следовал и его преемник Аль-Мутасим Биллах (833-842). Ортодоксальные теологи и все те, кто не хотел признавать этого оттенка, подвергались мучениям, преследованиям и заключениям в тюрьму. Восстание «староверов» было сурово подавлено, лидеры его казнены (837-838).²¹

Господство мутазилитов длилось несколько десятилетий. Но при новой династии халифов они подверглись таким же гонениям, какие обрушивались на своих противников. Вскоре на халифат обрушилось нашествие тюркских племён, которые приняли ислам в его суннитской форме. Верования шиитов укрепились в Персии. Таким образом, долгие войны между турецкими султанами и персидскими шахами, заполняющие историю Средневековья, можно считать продолжением религиозных войн ислама.

В Европе эпоха Просвещения, ускорившая приход индустриальной эры, необычайно возвысила один из инструментов умственной деятельности человека: *сомнение*. Любая мысль, любое утверждение, любое верование должно было быть испытано этим инструментом, чтобы укрепиться в сознании человека новой эпохи. Мусульманство осталось в стороне от этих духовных исканий. Для верующего мусульманина подвергать сомнению Божественное происхождение Корана или какие-то детали жизнеописания пророка было бы немыслимым кощунством. Сомнение для него есть опаснейший микроб, которым заражены души христиан и иудеев. Общение с ними может быть чревато проникновением микробы в душу «правоверного». Именно поэтому сегодня любой террорист может видеть себя благородным защитником единоверцев от опаснейшей эпидемии, когда он идёт взрывать или убивать «неверных».

Крестовые походы

Толчком для них послужил отчаянный вопль о помощи, прилетевший в Рим из Константинополя. Византийский император Алексис Первый писал папе Урбану Второму о нашествии турок-сельджуков на его страну и призывал всех христиан объединиться, забыть о вероисповедальных разногласиях и дать отпор неверным на территории Азии, до того как они пересекут Босфор и хлынут через Балканы в Европу. Папа увидел в этой ситуации замечательную возможность поднять свой престиж и с энтузиазмом взялся за дело.

Он объехал десятки городов в Италии, Франции и Германии, призывая верующих отправиться на освобождение гроба Господня в Иерусалиме, захваченном турками. Превышая полномочия своего престола, он освобождал участников будущего похода от их прежних обязательств: вассалов — от службы своему сеньору, крестьян — от трудов на полях феодала. Толпы кинулись под знамёна священной войны. Рядом с истинно верующими, воодушевлёнными желанием спасать братьев-христиан от неверных мучителей, в поход отправлялись бродяги и проходимцы, преступники, выпущенные из тюрем, должники, спасавшиеся от кредиторов, торговцы, надеявшиеся проложить путь к богатым рынкам Востока, младшие сыновья богатых и знатных семей, которые не могли рассчитывать на наследство.²²

Первая волна крестоносцев, изголодавшихся в пути, достигла Константинополя в 1096 году и принялась грабить окрестности города. Император Алексис поспешил посадить их на корабли и, снабдив провизией, переправить в Малую Азию. Другие отряды присоединились к ним, приплывая на судах из итальянских и французских портов, и вся эта армия с боями начала продвигаться в направлении Палестины. В 1097 году они захватили Никую, в 1098 — Эдессу и Антиохию, в 1099 — Иерусалим. Сопровождавшие войска священники в посланиях на родину с восторгом описывали «подвиги» победителей в захваченном городе:

«Множество сарацин было обезглавлено, других убивали стрелами или вынуждали прыгать с высоты...»

*ких башен; некоторых пытали несколько дней, потом сжигали; улицы были завалены отрубленными головами, руками, ногами... Младенцев отрывали от матерей и швыряли через стену... 70 тысяч мусульман, проживавших в городе, были уничтожены... Иудеев загнали в синагогу и сожгли заживо».*²³

Крестоносцы создали своё королевство со столицей в Иерусалиме, которое просуществовало почти девяносто лет. Крестовые походы продолжались, но большого успеха не имели. В 1187 году контрнаступление мусульман, ведомых знаменитым полководцем Саладином, завершилось взятием священного города. Участники Четвёртого похода (1204) решили, что отбивать Гроб Господень от неверных — дело слишком хлопотное и опасное, и предпочли просто разграбить открывший им ворота Константинополь. Особенно отличились венецианцы. Торгую с этим городом много лет, они отлично знали, где хранятся самые ценные сокровища и произведения искусства. Статуи и ткани, золото и жемчуга, а также четыре бронзовых лошади переехали в Венецию и украсили площадь и собор Святого Марка. Много произведений античных греческих авторов, хранившихся в библиотеках, погибли в пожарах.

Цепь неудач военных экспедиций привела к возникновению странного поверья в Европе: Господь не дал удачи крестоносцам, потому что всё это были погрязшие в грехе взрослые, а победа будет дарована христианам, если в поход отправятся невинные дети. Несмотря на усилия священнослужителей и увещевания родителей, пытавшихся противодействовать поветрию, оно стремительно распространялось, в основном, по немецким городам, и в 1212 году около тридцати тысяч подростков (средний возраст 12 лет, попадались и девочки, переодетые мальчиками) проплыли по Рейну, пересекли Альпы, и те, кому повезло не умереть в пути, достигли итальянских портов. Не всех удалось уговорить вернуться домой. Многие поддались на уговоры бесчестных корабельщиков, пообещавших бесплатно отвезти их в Палестину, а на самом деле, доставивших в Тунис или Египет, где несовершеннолетние крестоносцы были с выгодой проданы в рабство.²⁴

В 1209 году папой Иннокентием Третьим впервые был объявлен крестовый поход против христиан. В южных провинциях Франции с конца 12 века широкое распространение получила ересь *катарам*. Они проповедовали скромный образ жизни для священников и мирян, воздержание, следование евангельским заветам и яростно критиковали католическую церковь, называли её Вавилонской блудницей, смеялись над индульгенциями, крестоносцев считали убийцами. Феодалы Лангедока и Прованса покровительствовали им, трубадуры Тулузы распевали песни, созвучные учению катаров.

Десять лет папа Иннокентий пытался бороться с ересью мирными средствами, но это не помогало. На его призыв к подавлению катаров откликнулись, в основном, северные бароны. Их войска вторглись в Южную Францию. Перед штурмом каждого города крестоносцы требовали выдать им еретиков, но жители, как правило, отказывались и предпочитали умереть, сражаясь на стенах.

«Как же нам отличать катаров от правоверных католиков?» — спрашивали солдаты у папского легата.

«Убивайте всех, — отвечал том. — Господь отличит своих от чужих».²⁵

Эпоха крестовых походов невероятно усилила власть и влияние папского престола. Теперь папа мог грозить любому непокорному монарху или феодалу не только отлучением от церкви, но и военным вторжением. И многие папы неоднократно пускали в дело и то, и другое.

Гуситские войны

Кажется, не было в истории «тёмного Средневековья» более «тёмного» века, чем четырнадцатый. Он начался с террора против рыцарского ордена тамплиеров, развязанного в Париже французским королём Филиппом Четвёртым. Этот же король сумел интригами и давлением переместить папский престол из Рима в Авиньон (Авиньонское пленение пап, 1307-1378). Потом запылала Столетняя война между Англией и Францией. Потом эпидемия чумы унесла чуть ли не треть населения Европы. В 1378 году папа вернулся в

Рим, но половина стран его не признала, и начался сорокалетний раскол, в процессе которого в какой-то момент три папы утвердились в разных городах и слали анафемы друг другу.

Когда происходят подобные сотрясения социальных и духовных основ, человеческий дух начинает искать альтернатив рухнувшему миропорядку. Одним из наиболее заметных, красноречивых и упорных реформаторов христианских доктрин сделался профессор богословия в Оксфорде Джон Уиклиф (1324-1384). Его влияние в Англии необычайно возросло, когда король Эдуард Третий привлек его к участию в спорах о финансовых обязательствах английского трона перед папским престолом.

Регулярные выплаты определённых сумм европейскими монархами «наместникам Петра» в Риме были делом обычным. Но с тех пор как папы переселились во Францию, ситуация в корне изменилась. Теперь получалось, что английский король должен слать деньги французам, с которыми он находится в состоянии войны. Эдуард Третий отказался платить, и по его поручению Уиклиф подготовил богословское и юридическое обоснование этого решения. Естественно, церковь объявила его еретиком и попыталась отдать под суд, однако сторонники и покровители Уиклифа не допустили этого.²⁶

Основными моментами в учении Уиклифа были требования отказа от иконопочитания, запрет на взимание платы с мирян за совершение религиозных обрядов, разрешение проповедовать Евангелие в церквях на родном языке прихожан. Его учение распространялось и в других странах. Особенный резонанс оно получило в Пражском университете, где с похожими призывами выступал чешский священник и богослов Ян Гус (1369-1415). На его проповеди, произносимые на чешском языке в большом здании Вифлеемской капеллы в центре города (она стоит там и до сих пор), стекались тысячи верующих.

Пражский архиепископ не мог оставить без внимания деятельность чешского реформатора. В 1411 году он добился его осуждения и отлучения, после чего Гус вынуж-

ден был укрываться в замках покровительствовавших ему чешских феодалов.²⁷

Тем временем в городе Констанце был созван собор, перед которым стояла задача покончить с церковным расколом, вернуться к правлению одного папы, очистить христианскую догматику от новых ересей. Инициатор собора, король Венгрии и Германии Сигизмунд (вскоре избранный императором Священной Римской империи), прислал Гусу приглашение принять участие, пообещав королевским словом безопасный проезд в Констанц и обратно в Богемию. Друзья уговаривали Гуса не ехать, но он не послушался их, воображая, что ему удастся увлечь собравшихся прелатов своим учением, доказать, что оно полностью вытекает из евангельских текстов и не содержит ничего еретического.

Увы, этого не случилось. Вопреки обещанию короля, Гус был арестован, брошен в тюрьму, отдан под суд. По свидетельству очевидцев, яростные крики в зале суда заглушали все объяснения и оправдания подсудимого. Приговор: виновен в самом страшном богохульстве, лишён сана священника, отлучён от церкви, приговорён к вечным мукам. 6 июня 1415 года Ян Гус был сожжён на окраине Констанца. Собор также вынес постановление выкопать останки Уиклифа в Англии, сжечь их и пепел развеять по ветру.²⁸

Вся Чехия была ошеломлена и разгневана подобным вероломством. Собрание видных представителей знати и духовенства в Праге выразило протест и сформулировало четыре главных статьи вероисповедания «гуситов»: 1) свобода проповеди; 2) причастие верующих осуществляется не только хлебом, но и вином, как было завещано Христом (отсюда название партии протестующих — «чашники»); 3) конфискация церковных земель и запрет взимания платы за религиозные обряды; 4) наказание тех, кто не подчинится.²⁹

В 1419 году умер чешский король Вацлав Шестой, и чехи предложили занять опустевший трон Сигизмунду, если он гарантирует им свободу вероисповедания по выработанным четырём «Пражским статьям». Вместо того, чтобы принять это предложение, Сигизмунд вступил в союз с новоизбранным папой Мартином Пятым, который объявил крестовый поход против гуситов.³⁰

Весной 1420 год южную и западную границу Чехии пересекли полки немецких, польских и венгерских рыцарей, итальянских наёмников, отряды из Бранденбурга, Кёльна, Майнца, Силезии. Эта армия подошла к Праге и начала осаду города. Крестоносцы были уверены в скорой победе. Но на выручку осаждённым из города Табора спешило войско гуситов, спешно собранное и обученное чешским дворянином Яном Жижкой. Оно было вооружено не только бомбардами, но и аркебузами и другими видами ручного огнестрельного оружия. Кроме того, гуситы необычайно эффективно использовали в боях повозки и фургоны. Они окружали ими свой лагерь и укрывались за ними от атак кавалерии. Закованные в броню всадники, замешкавшись перед неожиданным препятствием, делались лёгкой мишенью для пуль и картечии.

Повозки также делали армию гуситов необычайно мобильной. В течение лета бои шли на обширной территории, и Жижка умело рассыпал подкрепления туда, где положение делалось угрожающим. Он был первым, кто применил артиллерию на колёсах, — по сути, за пять веков до создания танков. Армия крестоносцев, изготавливавшаяся к атаке, могла вдруг увидеть перед собой цепь фургонов со спрятанными внутри пушками. Следовал залп, и воины в ужасе разбегались, оставляя на земле раненых и убитых.³¹

К изумлению всей Европы, первый крестовый поход против гуситов был отбит. В следующем 1421 году состоялся второй поход — и с тем же результатом. Войско гуситов демонстрировало доблесть и умелость, перед которыми оказывались бессильны рыцари и профессиональные солдаты. Но как это часто бывает во время революций, в победоносной армии начался внутренний раскол.

Радикальное крыло гуситского движения сделало центром своей активности город Табор, и отсюда получило своё название — табориты. Они требовали вернуться к тем правилам и обрядам христианской жизни, которые существовали во времена апостолов. Никаких специальных одеяний для священников, никаких алтарей, органов, икон в церквях. Только причастия, молитва, пение гимнов, проповедь. Никаких сословных разделений, полное равенство всех

со всеми. Доходило даже до призывов отменить собственность, объявить её грехом.

Умеренная часть гуситов получила название «чашники», потому что они принимали причастие не только хлебом, но и вином. Для них пропаганда раннего коммунизма была совершенно неприемлема. Между таборитами и чашниками начались военные стычки. Только новые вторжения немецких крестоносцев вынуждали противников вновь сплотиться для отражения общего врага. В какой-то момент гуситы перешли от обороны к контрнаступлению. «Они позаимствовали от своих противников тактику насаждения веры военной силой. Их отряды проносились по Моравии, Богемии, Силезии как шторм, грабя монастыри, убивая монахов... Немцам, желавшим остаться католиками, не было пощады».³²

В начале 1430-х умеренная партия гуситов (чашники) начала переговоры о примирении с католиками Швейцарии в Базеле. Но этому решительно воспротивились табориты. К тому времени Ян Жижка умер (1424), и не было фигуры способной восстановить единство внутри движения первых реформаторов. Конфликт обострялся, и дело дошло до открытой войны. Чашники вступили в союз с католиками и нанесли таборитам решительное поражение в битве при Липанах (1434).³³

Смута продолжалась ещё долгие годы и вынудила многих чехов покинуть родину. Только в 1451 году талантливый военный и политический лидер Георг Пodeбрад стал губернатором Богемии, а в 1458 — королём. Он утвердил вероисповедание, соответствовавшее четырём «Пражским статьям», что сделало его объектом проклятий и отлучений со стороны римских пап. Чехия оставалась неподвластной католицизму вплоть до начала Тридцатилетней войны (1618).

Примечательно, что в том же 15 веке, в далёкой Новгородской республике, возникло и укрепилось движение «нестяжателей». Они тоже считали взятие платы за церковные обряды грехом, отвергали поклонение иконам и мощам. К ним примыкал и знаменитый подвижник Нил Сорский (1433-1508), который решительно выступал против мона-

стырского землевладения. «Его возмущали, как он писал, эти монахи, кружасиеся ради стяжаний; по их вине жизнь монашеская, некогда превожденная стала мерзостной... Нил стал умолять Великого князя, чтобы у монастырей сёл не было».³⁴ Но собор, созванный в Москве в 1503 году, отверг эти призывы.

Войны протестантов с католиками

Великая религиозная революция, начатая Лютером в 1517 году и получившая название Реформация, вскоре стала дробиться на десятки отдельных потоков, как дробится река лавы, вытекающая из жерла вулкана. Но при всём многообразии этих потоков, в каждом можно обнаружить те же четыре главные требования, которые были выработаны гуситами в Праге уже в начале 15 века:

1. Для общения с Богом христианину не нужен посредник в лице священника.
2. Взимание платы за религиозные обряды, продажа индульгенций греховны и недопустимы.
3. Поклонение иконам, статуям, священным реликвиям есть идолопоклонство.
4. Чрезмерное богатство церковной иерархии, облагающей верующих налогами и поборами, несовместимо с учением Христа.

Сегодня нам трудно осознать или вообразить безмерность океана надежд, который открывала перед верующим проповедь Лютера. Ещё вчера Бог был где-то далеко-далеко, за стенами храмов и монастырей, *«за пределами бесчисленных миров, в шатре лазурном, в уснувшем памяти веков»*.³⁵ И вдруг Он оказывался близко-близко, и к нему можно было обратиться напрямую с простой молитвой или с выражением любви и благодарности, как это сделал на заре католицизма ещё Блаженный Августин, называвший Бога «О поздняя радость моя!» На зов надежды откликались тысячи и миллионы, от крестьян и батраков до графов, князей, даже священников и монахов.

Учение церкви претендовало на абсолютную истинность картины мира, предлагаемой верующим. Достаточно

было признать — допустить, — что земля круглая и вращается вокруг солнца, как и всё остальное тоже попадало под сомнение. Новое христианское вероисповедание стремительно разрасталось, обретало новых сторонников, вырабатывало новые формы богочтения. Но для миллионов верующих католиков, всем сердцем привязанных к священным традициям прошлого, лютеранство, а потом и кальвинизм выглядели кощунственным вторжением в святая святых, поруганием самого дорогочтимого, лишавшим шанса на воскресение и жизнь вечную. Удаление икон из церквей, разрушение алтарей и фресок, выбрасывание статуй было для них не просто вандализмом: это было попранием их надежды на бессмертие. Могли ли люди смириться с этим?

Обе враждующие стороны некоторое время пытались образумить противника словами и проповедями. Новый папа Адриан Шестой в 1522 году даже признал грехи и ошибки церковной иерархии последних десятилетий.

*«Святой престол злоупотреблял своими полномочиями, нарушал принятые постановления, не способствовал улучшению нравов. Немудрено, что недуг стал распространяться вниз, от головы к членам, от пап к священнослужителям... Поэтому нам следует, прежде всего, реформировать Римскую курию, ибо, возможно, что она является причиной всех нынешних бедствий».*³⁶

Но очень скоро словесные перепалки переросли в уличные стычки и погромы. Как во всякой революции, освобождение от традиционных запретов и ограничений выпустило на поверхность радикальные течения, готовые применять насилие и грабежи. Немецкий проповедник Томас Мюнцер призывал к уничтожению всех «безбожников», то есть католиков, к созданию «очищенного» общества, в котором всё имущество было бы общим и распределялось по потребностям каждого. Его последователи сумели собрать 30-тысячную армию, которая бесчинствовала в Южной Германии (1525).³⁷

«Шайки бунтовщиков, кидаясь на замки и монастыри, грабили их, жгли и разрушали. Маленькие города, не имея сил противиться восставшим крестьянам, открывали

им ворота. Соратник Лютера Меланхтон писал из Виттенберга: «*Мы здесь в большой опасности. Если Мюнцер победит, и Бог нам не поможет, то мы погибли*».³⁸

Многие обвиняли Лютера в начавшемся кровавом хаосе. Он отмежевывался от восставших, проклинал их, но знаменитый гуманист Эразм Роттердамский писал ему:

*«Ты не хочешь признать этих бунтовщиков своими учениками, но они-то признают тебя своим учителем».*³⁹

Отвечая на эти обвинения, Лютер опубликовал трактат «Против крестьянских шаек». В нём были такие призывы:

*«Всякий бунтовщик есть бешеная собака: если ты её не убьёшь, то она тебя укусит... Бей, коли, души, руби, кто может!.. Страшное дело: все свои злодейства они покрывают Евангелием. Правда, многое есть среди них и соблазнённых и увлечённых силою на путь греха».*⁴⁰

Восстание длилось восемь месяцев, унесло сотни тысяч жизней и было подавлено соединённой армией немецких князей с большим трудом.

В середине 1530-х среди проповедников протестантизма возникла фигура, сыгравшая огромную роль в Реформации: Жан Кальвин. Община франкоязычной Женевы избрала его своим духовным лидером и практически некоронованным повелителем республики. Во многом Кальвин следовал за Лютером, но было в его учении одно коренное отличие: вера в предопределение (predestination). В своих богословских исканиях он пришёл к убеждению, что Господь, в непостижимой мудрости Своей, заранее предопределил одних людей к спасению и вечной жизни, других — к осуждению и вечным мукам. Думать, что своими поступками в земной жизни ты можешь что-то изменить в Божественном замысле, есть кощунственное самомнение, принижающее всемогущество Творца.

Историк мировой цивилизации Вил Дюрант выразил оправданное удивление по поводу того, что доктрина предопределения была с энтузиазмом принята миллионами лю-

дей в Швейцарии, Франции, Шотландии, Англии и Северной Америке.

«Почему кальвинисты, гугеноты и пуритане так доблестно сражались за идею собственной беспомощности? И каким образом вера в предопределение могла породить такие сильные личности?.. Сам Кальвин, будучи по характеру одновременно застенчивым и решительным, был уверен, что ему досталась судьба избранного Господом, и это придавало ему непоколебимую уверенность в своей правоте».⁴¹

Проблема эта может проясниться, если мы вслушаемся в слова Лютера, с которыми он обратился в письме к курфюрсту Саксонскому:

«В Божьих делах мы не должны следовать нашему суждению и определять, что хорошо или зло, справедливо или несправедливо. Сколько бы добра ты ни делал, даже если ты проливал кровь, всё же твоя совесть волнуется и говорит: “Кто знает, угодно ли это Богу?”».⁴²

Волнение совести, неуверенность в своей правоте — вот от чего избавляет человека вера в предопределение. Зачем я буду переживать за свою греховность, слабость, ошибки, несовершенства? Всё в моей вечной судьбе предопределено Всевышним, я бессилен что-то изменить и не несу ответственности перед Богом за свои поступки — только перед людьми. А с людьми ведь можно бороться и даже побеждать их иногда.

На какое-то время крестьянский бунт ослабил вражду между протестантами и католиками. Но у многих европейских князей и монархов накопились свои причины искать ослабления прерогатив папского престола. Во Франции уже со времён Авиньонского пленения пап католическая церковь добилась автокефалии (самоуправления) и получила название «галликанской». В Англии Генрих Восьмой не побоялся отлучения и в 1534 году объявил себя главой церкви, которая с тех пор стала называться «англиканской». Германские князья, принявшие протестантство, создали военную лигу. Император Карл Пятый, сохранивший верность католичеству, пошёл на них войной, которая длилась с 1542 по

1555 год и закончилась победой лютеран. По условиям мира, с этого момента в каждом феодальном владении вера повелителя делалась обязательной для всех его подданных.

Однако католический мир не мог терпеть сосуществования с людьми, отвергавшими его святыни. В Европе началась столетняя эпоха религиозных войн, обзор которых невозможно уместить в одной главе. Мне остаётся лишь попытаться воскресить в памяти читателя отдельные картины, которые могли остаться там от прочтения исторических романов и драм, от просмотра фильмов и спектаклей.

Например, вторжение испанских католиков под командой герцога Альбы в протестантские Нидерланды в 1567-1573 годах великолепно воссоздано в романе Шарля де Костера «Легенда о Тиле Уленшпигеле». Вся мощь огромной испанской империи оказалась бессильной перед союзом маленьких северных провинций. Наместник, посланный туда королём Филиппом Вторым, писал своему монарху из Фландрии:

*«До приезда сюда я не мог понять, каким образом мятежники ухитряются создавать так много флотилий, когда Ваше Величество и один-то флот сдержит с трудом. Здесь я увидел, что люди, сражающиеся за свой домашний очаг, за свою веру, за свою собственность готовы служить за хлеб и воду, не получая никаких денег впридачу».*⁴³

Нидерландские моряки не только захватили все порты, отрезав испанскую армию от снабжения по морю. Они также совершали рейды в открытый океан и перехватывали караваны вражеских судов, везущих золото и серебро из американских колоний в метрополию.

Борьба французских протестантов, известных в истории под именем гугенотов, отражена во многих знаменных произведениях литературы. Мериме включил в свою «Хронику времён Карла Девятого» описание страшной резни гугенотов, устроенной католиками в Париже в 1572 году и получившей название «Варфоломеевской ночи». Дюма приводит героев романа «Три мушкетёра» под стены крепости Ла-Рошель, осаждённого оплота гугенотов на западном

побережье Франции. Но самую подробную летопись этого противоборства мы находим в двухтомной эпопее Генриха Манна, посвящённой судьбе короля Генриха Четвёртого, основателя династии Бурбонов.

В этом романе воссоздана не только непримириимость враждующих лагерей, но и сложное переплетение внешних военных сил, принимавших участие в борьбе. Так, Филипп Второй испанский посыпал свои войска из Нидерландов на помощь католической лиге во Франции. Наоборот, протестантская королева английская Елизавета Первая отправила лидеру гугенотов, Генриху Наварскому (будущему королю Генриху Четвёртому) 4000 солдат, 22 тысячи фунтов стерлингов, 70 тысяч фунтов пороха, продовольствие, обмундирование.⁴⁴

Генрих понимал, что несмотря на все военные победы, оставаясь гугенотом, он не сможет взойти на трон в стране, состоявшей на 90% из католиков. Ему пришлось для вида принять католичество (1593), после чего государство, измученное тридцатилетним раздором, приняло его и предоставило власть абсолютного монарха. Он использовал её, чтобы ввести законы, беспрецедентно расширяющие веротерпимость (Нантский эдикт, 1598 год). Многие историки считают, что именно эти законы позволили Франции в 17 веке стать самой могучей и процветающей страной в Европе.

Конфликт между католической королевой Шотландии, Марией Стюарт, и протестантской королевой Англии Елизаветой Тюдор, воспроизведён в бесчисленных романах, поэмах, драмах, кинофильмах. Гораздо меньше внимания уделено человеку, которому суждено было укрепить протестантизм в Шотландии, Джону Ноксу. Начав свою карьеру в качестве католического священника, он в 1545 году перешёл в протестантизм и принимал активное участие в религиозном противоборстве. В какой-то момент был арестован и на полтора года отправлен на галеры, но убеждений своих не изменил.⁴⁵

В 1553 году на английский престол взошла католическая королева Мария Тюдор, прозванная «Кровавой». Она начала такой террор против протестантов, что они были вы-

нуждены массами покидать страну. Нокс в эти годы нашёл приют у Кальвина в Женеве. Однако через пять лет Мария умерла, и занявшая трон Елизавета вернула протестантам те права и влияние, которые они имели при её отце, Генрихе Восьмом. В Шотландии же разразилась религиозная война (1559-1560), закончившаяся поражением католической партии. Парламент Шотландии, под влиянием проповедей Джона Нокса, объявил протестанство в его пресвитерианской модификации государственной религией королевства.⁴⁶

В 1930-е годы Голливуд многократно обращался к теме противоборства католической Испании Филиппа Второго и протестантской Англии Елизаветы Первой. Мы с детства запомнили Эрола Флина в фильме «Королевские пираты» (*Sea Hawk*). Но только много лет спустя, знакомясь по книгам с историей 16 века, смогли осознать, как велика была опасность, нависшая над Англией в 1588 году, когда к ней приближался огромный испанский флот, Великая Армада, которому было приказано покончить с протестантизмом на Британских островах раз и навсегда.

Заключительный этап войн между католиками и протестантами получил название Тридцатилетняя война (1618-1648). Она началась с побед католиков, армию которых возглавил знаменитый полководец Альбрехт Валленштейн (1578-1634). Шиллер воссоздал его образ в одноименной драме. Но в 1630 году на помощь немецким протестантам пришла шведская армия под командой короля Густава Адольфа и переломила ход войны. Боевые действия продолжались ещё долго, и в конце обе стороны были так измучены, что в 1648 году, после четырёхлетних переговоров подписали Вестфальский мир, перекроивший карту Европы.

Папский посол участвовал в переговорах, но подписать договор отказался. Папа Иннокентий Десятый объявил его «недействительным, проклятым и не имеющим никакого влияния на прошлое, настоящее и будущее».⁴⁷ Но Европа проигнорировала эти протесты. Все понимали, что возникновение мощных независимых протестантских государств стало реальностью. Вся северная Германия, Дания, Нидерланды, Норвегия, Швейцария, Швеция, Шотландия начали новую эпоху своей истории.

Возникает вопрос: не следовало ли включить в эту главу хотя бы краткий обзор тех войн, которые сегодня мир Ислама разжигает против мира «неверных»? Ведь горючим материалом этих пожаров явно является религиозный пыл нападающих.

После долгих размышлений я решил, что правильнее будет отнести эти конфликты к войнам Второго типа, описанным выше в Главе II-2: «Отставшие атакуют обогнавших». Ведь ни одно мусульманское государство ещё не достигло индустриальной стадии развития. Эти народы пока лишь импортируют автомобили, самолёты, нефтяные вышки, корабли, но оказываются не в силах совершить тот духовный и интеллектуальный скачок, то душевное движение, которое описывается словами, отсутствующими в их словарях и в их обиходе: *сомнение и совесть*.

В наш обзор не попали многие войны, в которых религиозная вражда играла хотя и существенную, но всё же не определяющую роль, их мы рассматриваем в других главах. И всё же один момент выяснился уже довольно ясно и представляется весьма многозначительным:

Религиозные войны загорались только там, где вероисповедание народа включало в качестве своей основы монотеизм.

Мы не находим религиозных войн в античности греков и римлян, не случалось их и в Египте, Индии, Китае, Японии. Когд़ человеку предлагают на выбор целый пантеон богов, он может приносить жертвы то одному, то другому, то сразу нескольким. Зачем же враждовать с соседом, который на своём домашнем алтаре сегодня воскуряет священный фимиам другому небожителю? Только иудеи, христиане и мусульмане были готовы безжалостно убивать друг друга, ревниво защищая исключительность своей формы слияния с Богом единым, Всемогущим и Всевидящим.

Пацифисты могут использовать это наблюдение и начать борьбу с монотеизмом так же, как они в своё время начали борьбу с монархиями. Увы, они скоро убедятся, что народы легко найдут другие поводы для войны.

Нам пришло время окинуть взором исследователя Шестой тип войн: братоубийственные гражданские войны, в которых противники не могли договориться о мирном выборе формы государственного правления, хотя они говорили на одном языке и имели одинаковую веру.

Примечания

1. Josephus. *The Jewish War* (London: Penguin Books, 1981), p. 138.
2. Ibid., p. 140.
3. Durant, Will. *Caesar and Christ. A History of Civilization, Part III* (New York: Simon & Schuster, 1944), pp. 536-37.
4. Josephus, op. cit., p. 147.
5. Ibid., p. 149.
6. Ibid., p. 165.
7. Иосиф Флавий. Иудейская война. Москва: Мосты культуры, 1992.
8. Josephus, op. cit., p. 318-19.
9. Durant, op. cit., p. 545.
10. Ibid., p. 660.
11. Durant, Will. *The Age of Faith. A History of Civilization, Part IV* (New York: Simon & Schuster, 1950), p. 46.
12. Ibid., p. 49.
13. Ibid., p. 116.
14. Герцберг Густав. История Византии (Москва: 1896), стр. 212.
15. Там же, стр. 94.
16. Там же, стр. 241.
17. Durant, *The Age of Faith*, op. cit., p. 427.
18. Esposito, John. *The Oxford History of Islam* (NY: Oxford Univ. Press, 1999), p. 16.
19. Durant, *The Age of Faith*, op. cit., p. 193.
20. Гольдцигер Игнац. Лекции об Исламе (Москва: 1912), стр. 27.
21. Там же, стр. 105.
22. Durant, *The Age of Faith*, op. cit., p. 588.
23. Ibid., p. 592.
24. Ibid., p. 606.
25. Ibid., p. 775.
26. Durant, Will. *The Reformation. A History of Civilization, Part VI* (New York: Simon & Schuster, 1957), p. 32.

27. *The New Encyclopedia Britannica* (Chicago: The University of Chicago, 1988), vol. 6, p. 169.
28. *Ibid.*
29. Durant, *The Reformation*, op. cit., p. 168.
30. *Britannica*, op. cit., vol. 6, p. 173.
31. Durant, *The Reformation*, op. cit., p. 168.
32. *Ibid.*, p. 169.
33. *Britannica*, op. cit., vol. 6, p. 174.
34. Ключевский В.О. Курс русской истории (Москва: Госполитиздат, 1957), том 2, стр. 283.
35. Струочки из стихотворения Владимира Соловьёва. См. В. Соловьёв. Стихотворения (Ленинград: Советский писатель, 1974), стр. 89.
36. Durant, *The Reformation*, op. cit., p. 381.
37. *Ibid.*, p. 383.
38. Мережковский Д.С. «Лютер». В книге «Реформаторы» (Брюссель: Жизнь с Богом, 1990), стр. 96.
39. Там же.
40. Там же, стр. 97.
41. Durant, *The Reformation*, op. cit., p. 465-66.
42. Цитируется по Лев Шестов, «Только верой» (Париж: 1966), стр. 241.
43. Durant, Will. *The Age of Reason Begins. A History of Civilization, Part VII* (New York: Simon & Schuster, 1961), p. 450.
44. *Ibid.*, p. 362.
45. Durant, *The Reformation*, op. cit., p. 608.
46. Durant, Will. *The Age of Reason Begins*, op. cit., p. 113.
47. *Ibid.*, p. 571.

II-6. Гражданские войны

Но к нам идёт жестокая пора,
идёт пора безумного огня.

О стилизованный галоп коня,
и пена по блестящим стременам,
и всадник Апокалипсиса — к нам!

Иосиф Бродский

Древний Рим в огне

Историки и политические философы, сравнивая законы различных государств, заслуженно отдают пальму первенства законодательству Римской республики. Уже первая конституция, принятая в 450 году до Р.Х. и получившая название «Законы двенадцати таблиц», позволила упорядочить взаимоотношения различных слоёв населения, в первую очередь патрициев и плебеев. Но по прошествии восьмидесяти лет эти рамки стали тесны, и после долгой борьбы патриции уступили и согласились на принятие нового свода законов, выработанных двумя трибунами плебейского происхождения, Лицинием и Секстии (367 год). Далее следуют два века, заполненных победными войнами, расширением границ, ростом богатства.

Но в мировой истории успех не проходит безнаказанным. Часто победная нация оказывается лицом к лицу с теми самыми проблемами, с которыми не смогли справиться побеждённые. Именно это случилось после окончательной победы Рима над Карфагеном в 146 году. Теперь под властью победителей оказались огромные территории в Северной Африке и Сицилии, на которых у карфагенян была успешно работавшая система сельского хозяйства, обслуживавшаяся трудом рабов. Эти земли сумели захватить римские богачи, и дешёвый хлеб хлынул в Италию. Римские крестьяне не могли конкурировать с этим потоком, они разорялись, бросали свои участки, убегали в города, где пополняли стремительно растущие ряды бедноты. Управлять

этим новоявленным пролетариатом делалось всё труднее. Необходимы были законодательные реформы.

За эту работу взялись молодые политики, полные либерально-уравнительных идей и юношеской решительности, братья Тиберий и Гай Гракхи. Тиберий был выбран на пост народного трибуна в 133 году до Р.Х. Он попытался изменить земельное законодательство, урезав гигантские латифундии до предельно допустимого размера в 333 акра, а освободившуюся землю разбить на участки по 20 акров и раздать беднякам, чтобы они трудились на них и уплачивали налог в государственную казну. Эта мера вызвала яростное сопротивление землевладельцев, сенаторов, патрициев. Начались уличные столкновения, в результате которых Тиберий был убит.¹

Гай Гракх, заняв пост трибуна в 123 году, пытался продолжать реформы погибшего брата. Он действовал более осторожно и сумел завоевать поддержку армии, а также части всадников и патрициев. Но его попытка предоставить права римского гражданства жителям итальянских городов и увеличить число сенаторов с трёхсот до шестисот оттолкнула от него многих сторонников. Снова политическая борьба переросла в уличную войну. Осознав неизбежность поражения, Гай покончил с собой. Победивший сенат присудил к смерти 3000 его сторонников.

Если в государстве начинались смуты, каким-то образом соседние народы ухитрялись узнавать об этом очень скоро даже до эпохи радио и телеграфа и смелее пересекали его границы. Думается, есть прямая связь между политическими бурями в Риме 120-х годов и начавшимися вскоре дерзкими вторжениями вражеских армий. Римские колонии в Африке подверглись в 115 году атаке нумидийцев, возглавляемых царём Югуртой. В 113 — вторгшиеся с севера кимвры разбили римскую армию в битве при Норике. На восточных границах активизировались парфяне. В Сицилии восставшие рабы разбивали римские войска, посылаемые на их подавление, раз за разом.²

Именно в противоборстве с этими вторжениями выдвинулись два знаменитых римских полководца: Гай Марий (156-86) и Корнелий Сулла (138-78). Они оба воевали с

Югуртой в Африке, и победа над ним принесла Марию первый триумф. Эти победы прославили его настолько, что, в нарушение всех традиций, римляне избирали его консулом семь раз. Но даже гениальному полководцу было не по силам разрешить глубинные политические конфликты, вызревавшие в государстве десятилетиями.

В значительной мере победы Мария оказались возможны потому, что, под давлением военной необходимости, сенат согласился на предложенные им реформы. Раньше в армии могли служить только римляне, владевшие какой-то собственностью. Но число таких граждан катастрофически уменьшалось. Марию разрешено было вербовать безземельную бедноту за плату и за обещание земельных наделов после конца службы. Он тренировал их неустанно, заботился о них, вёл от победы к победе. Эта армия сражалась не за Римскую республику, а за своего полководца. Именно с нею он смог разбить сначала огромное войско кимвров, вторгшихся в Италию с запада (102 до Р.Х.), а потом и тевтонов, вторгшихся с севера через Альпы (101 год).³

Увы, вскоре воинам Мария пришлось обагрить свои мечи в крови соотечественников. В девяностые годы началось восстание итальянских городов, жители которых требовали полного римского гражданства. Они образовали собственную федерацию со столицей в Корфинуме, создали свой сенат из 500 человек и вели с Римом упорную гражданскую войну в течение трёх лет, которая унесла 300 тысяч жизней.⁴

Новый порядок набора в римскую армию в корне менял природу исполнительной власти в республике. Раньше сенат и народное собрание решали, кто из двух избранных консулов поведёт войска на войну, и через год командование переходило к новым народным избранникам. Теперь же роль главнокомандующего делалась ключевой. Та партия, которой удавалось провести своего ставленника на этот пост, получала решительный перевес. В 89 году возникла необходимость отправить армию в Малую Азию для войны с парфянским царём Митридатом. Кто поведёт её — ставленник патрициата Сулла или ставленник плебса Марий?

Сулла, избранный вторым консулом, уже находился в армейском лагере и готовил солдат к походу. Но в это время партия популяров в Риме сумела добиться в сенате назначения Мария на пост главнокомандующего. Два трибуна были посланы в лагерь с соответствующими распоряжениями.

«Солдаты встретили их градом камней. Марий, узнав о гибели посланных, начал убивать сторонников Суллы в Риме и конфисковать их имущество. Оптиматы в панике бежали из города, а армия подошла к воротам».⁵

Силы были неравны, армия ворвалась в город, Марию с трудом удалось бежать.

Война между популярами и оптиматами длилась с переменным успехом шесть лет. В 86 году Марий умер, и его место занял его сын, Марий-младший. Только в 82 году Сулле удалось добиться окончательной победы, после чего он вошёл в Рим и объявил себя диктатором. Началась расправа с популярами при помощи проскрипционных списков.

«Тот, кто пытался укрывать попавших в проскрипции, наказывался смертью, даже если это был брат, сын, или отец обречённого. А тот, кто убивал такого, вознаграждался двумя талантами, даже если это был раб, убивший хозяина, или сын, убивший отца. Проскрипции действовали не только в Риме, но и во всей Италии. Людей убивали в объятиях их жён, детей — в руках матерей. Попасть в проскрипции можно было не только за принадлежность к партии популяров, но чаще за богатство. Даже сами убийцы сознавались, что “этот погиб из-за своего роскошного дома, этот — из-за чудесного сада, этот — из-за бассейна с горячей водой”»⁶

Для многих римлян вера в священность республиканских традиций заменяла религию. Возможно, ужасы правления Суллы возродили их отвращение к единовластию, и впоследствии это помогло Цицерону подавить заговор очередного честолюбца, Катилины (63-62). Однако внешние угрозы и внутренние потрясения вынуждали сенат и народное собрание снова и снова вручать верховную власть кому-то одному. В 52 году такая власть была вручена полководцу

Гнею Помпею, которого объявили «консулом без коллеги». Он возглавил армию оптиматов. Лидером популяров стал Юлий Цезарь, уже прославленный своими победами в Галлии, Германии, Британии. Начался второй период великой гражданской войны в Римской республике: Юлий Цезарь против Помпея и его сыновей (48-45).

Даже тот факт, что Помпей был женат на дочери Цезаря, не смог привести к примирению. Плутарх, взглянув на эту историческую драму, склонен объяснять её исключительно ненасытимостью человеческого властолюбия и тщеславия.

*«Как слепа и как безумна душа человека, охваченная страстью! Если бы два соперника стремились только управлять и мирно наслаждаться тем, что они покорили мечом, весь мир не мог бы устоять перед ними. Если им не хватало трофеев и триумфов, война с парфянами и германцами могла бы доставить и то, и другое. Ещё оставались незавоёванными Скифия и Индия, и покорение этих наций было бы окрашено благородным предлогом распространения цивилизации среди варваров. Кто мог бы противостоять семидесяти тысячам прекрасно вооружённых римских воинов, под командой таких генералов, как Помпей и Цезарь?! Но вот они сошлись в смертельной схватке и не могут отказаться от неё ни ради благоденствия собственной страны, ни ради сохранения своей славы ни разу не побеждённых».*⁷

Решительное поражение Помпей потерпел в битве при Ферсале (лето 48 года, Греция). Победивший Цезарь был объявлен пожизненным диктатором. Но сторонники республики в сенате не могли смириться с этим. Они составили заговор, в результате которого Цезарь был убит в марте 44 года. Начался третий заключительный период гражданской войны. Главными фигурами в нём выступили сторонник Цезаря Антоний и молодой политик и военачальник Октавиан Август.

Убедившись в беспомощности республиканского правления, сенат в 43 году учредил правление трёх, *триумвират*. В него вошли Антоний, Октавиан и Лепидус. Для

укрепления этого союза в 40 году Антоний женился на сестре Октаавиана. Однако в 36 году он так влюбился в Клеопатру, что бросил жену, оставил её в Риме, и сочетался браком с египетской царицей.⁸

Снова братоубийственные побоища прокатывались по территории всей страны: в Италии, Греции, Испании, Египте. Антоний явно превосходил своих противников личной отвагой и талантом полководца. Но похоже, что страстная влюблённость в новую жену, действительно, сыграла роковую роль в его судьбе. В 31 году две огромные армии и два огромных флота сошлись на восточном берегу Адриатического моря, вблизи мыса Акций. Генералы Антония советовали начать сражение на суше, где они были уверены в победе. Но Клеопатра настояла на том, чтобы главный удар по врагу был нанесён на море. Её корабли были крупнее — видимо, это внушало ей надежду на успех.

Однако на деле большие размеры кораблей уменьшали их манёвренность. Лёгкие и подвижные галеры Октаавиана могли кружить вокруг них, по три-четыре на одного, приближаясь и удаляясь, осыпая стрелами, дротиками, горшками с зажигательной смесью. Исход битвы оставался ещё нерешённым, когда вдруг египетская флотилия покинула место сражения и вместе со своей царицей стала удаляться в южном направлении.

*«Здесь Антоний, несомненно, показал, что он большие не обладал ни умом полководца, ни духом храброго человека, и вообще перестал подчиняться рассудку. Кто-то однажды сказал в шутку, что душа влюблённого живёт в чужом теле; так и Антония влекла к себе женщина, как бы составлявшая с ним одно существо и двигавшаяся вместе с ним. Лишь только он заметил, что её корабль удаляется, он забыл весь мир, предал тех, кто сражался и умирал за него, и последовал за ней на галере, оснащённой пятью рядами вёсел. Он готов был всюду следовать за женщиной, которая успела завлечь его в гибельные сети и которой суждено было окончательно погубить его».*⁹

Читатель, которому интересны подробности дальнейшей судьбы любовников, может снять с полки Шекспира и прочесть драму «Антоний и Клеопатра». Или заказать в «Нетфлексе» голливудский блокбастер «Клеопатра» (1964) с Ричардом Бартоном и Элизабет Тэйлор в главных ролях. Плутарх сообщает, что египетская царица и её возлюбленный, достигнув Александрии, провели там целый год, не столько готовясь к продолжению борьбы, сколько предаваясь веселью и развлечениям. Попутно Клеопатра занималась изучением разных ядов, испытывая их на приговорённых к смерти. По её наблюдениям, укус аспида действовал наиболее безболезненно, хотя и не очень быстро.

Когда армия Октавиана приблизилась к Александрии в 30 году, гражданская война уже перестала быть войной оптиматов с популярами. Все понимали, что вопрос лишь в том, кто из двух честолюбивых претендентов станет единственным повелителем Рима. И армия Антония «проголосовала ногами»: не вступая в бой, перешла на сторону его противника. После этого Антоний покончил с собой, а вскоре его примеру последовала и Клеопатра.

29 год до Р.Х. принято считать началом имперского периода римской истории. Августу Октавиану были вручены неограниченные полномочия, приравнивавшие его, по сути, к абсолютному монарху. После столетия гражданских раздоров страна смогла вернуться к созиданию. Строились храмы, акведуки, порты, дороги, упорядочивалось местное управление, создавалась постоянная армия, а также сеть государственных чиновников, служивших за плату. Эпоха Августа отмечена творчеством таких поэтов, как Вергилий, Гораций, Овидий, Тибулл, Проперций, историка Тита Ливия, созданием библиотек, покровительством наукам и искусствам, осуществлявшимся близким соратником императора Меценатом. Но наследники, всходившие на императорский трон в 1 веке по Р.Х., вскоре показали всему миру, как быстро власть одного может превратиться в разгул безжалостной тирании. Имена Калигулы, Нерона, Домициана сделались синонимами безграничного кровавого произвола.

Великий мятеж в Англии XVII века

В предыдущих главах мы касались многих внутренних раздоров в различных государствах, окрашенных этнической и религиозной враждой или социальными конфликтами. Договоримся впредь, что термином «гражданская война» мы будем обозначать лишь те исторические пожары, в которых народ раскалывался сверху донизу, когда во враждующих лагерях оказывались люди, принадлежавшие к одному и тому же сословию, говорившие на одном и том же языке, верующие в одного и того же Бога, равные по богатству и статусу, когда «брать поднимался на брата» часто в буквальном смысле. Именно это и произошло в Англии в середине 17 века, при власти династии Стюартов.

Мне довелось изучать этот исторический пожар в течение трёх лет, когда «Политиздат» заключил со мной договор на написание романа об активном участнике тех событий, Джоне Лилберне, для серии «Пламенные революционеры». Все мои выписки из документальных источников остались в России, поэтому я буду вынужден ссылаться только на страницы своего романа, вышедшего в 1977 году.¹⁰

Под властью первых двух Стюартов недовольство вызревало долго, растекалось по королевству, как болезнь или отрава растекается по жилам организма. Торговцы и сквайры втихую возмущались налогами, вводимыми королевским правительством без санкции парламента, а один, Джон Гемпден, даже отказался вносить налог на строительство флота («корабельные деньги») и заплатил за это заключением в тюрьму. Пуритане роптали против преследований, а проповедник Принн, не подчинившийся запрету на проповеди, заплатил за это не только тюрьмой, но и собственными ушами.

Знаменитый лидер парламента Джон Пим так охарактеризовал состояние английского королевства в конце 1630-х:

«Мистер спикер, за истекшие дни мы выслушали много речей, в которых бедственное состояние нашего несчастного королевства было представлено

во всей ужасающей полноте. Мы слышали о произволе судей, о жестокости тюремщиков, о разорённых семьях, об опустевших деревнях. Мы слышали о том, как незаконные монополии разрушают торговлю, как незаконные налоги служат обогащению бесчестных казнокрадов, как достойные люди вынуждены искать за морем спасения от произвола. Перед нами раскрылась та бездна, на грань которой была приведена наша церковь в угоду тицеславию и корыстолюбию высокопоставленных прелатов».¹¹

Не следует забывать, что в остальной Европе в эти же годы вовсю полыхала Тридцатилетняя война между католиками и протестантами. Миллионы людей показали, что они готовы идти на смерть за свою веру. Но король Карл Первый и его архиепископ Лод игнорировали этот грозный знак. В 1639 году королевское правительство утвердило новый молитвенник и отдало приказ, чтобы богослужения велись по нему не только в английских церквях, но и в шотландских. А к тому времени молитвенник, подготовленный проповедником Джоном Ноксом, за прошедшие восемь десятилетий сделался для шотландских христиан святыней. Они не могли смириться с таким покушением на свою веру и восстали.

Королевская армия двинулась на подавление бунта. Но похоже, что в её рядах многие солдаты и офицеры сочувствовали восставшим. Знаменитый политик тех времён Хайд-Кларендон, оставивший многотомную историю английской революции, так описал боевые действия лета 1640 года:

«Не успел ещё новый главнокомандующий, граф Страффорд, прибыть к армии в августе 1640 года, как она потерпела постыдное, непоправимое поражение под Ньюборном. Враг явился в том месте и в то время, где и когда его ожидали, пересёк реку достаточно глубокую, и двинулся вверх по склону холма, на гребне которого наша армия была выстроена в боевой готовности. Вопреки всем этим трудностям и невыгодам, не получив и не нанеся ни

одного удара, противник обратил всю нашу армию в позорнейшее замешательство и бегство».¹²

Неудачная война настолько истощила казну, что королю пришлось снова созывать парламент, который он распустил весной 1640 года. И в этот раз съехавшиеся депутаты были настроены гораздо более решительно. Также и городской совет города Лондона принял сторону Вестминстера. Когда король попытался арестовать пятерых наиболее активных ораторов, совет укрыл их в ратуше. Вскоре под охраной городской милиции пятеро обвинённых торжественно вернулись на свои места.

Теперь парламент перешёл в наступление. Он вынес постановление об аресте и предании суду главного министра короля, графа Страффорда и архиепископа Кентерберийского Лода. Король какое-то время отказывался подписать смертный приговор, вынесенный графу судом, но в мае 1641 года вооружённая толпа разъярённых лондонцев осадила дворец Уайтхолл и грозила взять его штурмом. Под угрозой оказалась жизнь королевской семьи. Видимо, именно это заставило короля уступить.

Становилось ясно, что оставаться в столице, перешедшей на сторону взбунтовавшегося парламента, небезопасно. В начале 1642 года двор и королевская семья покинули её и начали собирать своих сторонников в северных графствах. Однако мятежный дух проник уже и туда.

«23 апреля в сопровождении нескольких дворян король появился во главе небольшого отряда под стенами Гулля и потребовал впустить его. Но ворота оставались закрыты, а мосты подняты по приказу сэра Джона Готэма, члена палаты общин, которого парламент назначил быть комендантом этого города, содержавшего большие арсеналы. Сэр Джон Готэм вышел на стену и, опустившись на колени, просил короля не приказывать ему ничего такого, в чём он вынужден был бы ему отказать в настоящее время; ибо он не может впустить Его Величество, не нарушив тем самым доверия парламента... Король, получив отказ, пришёл в бешенство... Тщетно

прождав у стен города несколько часов, король объявил сэра Готэма изменником и вернулся ни с чем».¹³

Миллионы англичан вдруг оказались перед мучительным выбором: быть за короля или за парламент? Причём на первых этапах противоборства даже и речи не было о свержении королевской власти. Короли правили страной уже несколько веков, даже в парламенте никто не заикался об отмене монархии. Ораторы призывали только к расширению прав законодательной ветви власти. Король не может по своему произволу собирать парламент, когда ему нужны новые налоги, и потом, получив требуемое, распускать, не удовлетворив никаких просьб и жалоб своих подданных. Однако Карлу Первому это представлялось недопустимым умалением его власти, и он решился на полный разрыв с мятежным Вестминстером.

«22 августа 1642 года, королевский штандарт, призывающий всех вассалов на защиту своего государя, был поднят около шести часов вечера в Ноттингеме, при бурной штормовой погоде. Король в сопровождении небольшой свиты выехал на вершину занятого замком холма... Вся церемония свелась единственно к барабанной дроби и звукам труб... Ни один пехотный полк не был ещё набран, оружие и амуниция не были доставлены из Йорка... Штандарт в ту же ночь сорвало штормом...»¹⁴

Первое крупное сражение произошло в октябре 1642 года, близ местечка Эджхилл в графстве Уорвикишр. Обе армии продемонстрировали решимость и упорство, но исход битвы оставался неясен. Месяц спустя королевская армия попыталась с ходу взять Лондон, однако была отбита парламентскими полками и городским ополчением. Многим сторонникам парламента казалось, что дело всё ещё можно решить миром. Один из депутатов Палаты общин выступил с такой речью:

«Долго страшился я, что чаша ужасов, которая обошла на наших глазах все европейские народы, не минует и нас; вот она наконец между нами, и, может быть, нам суждено испить её до дна, испить самую страшную горечь... В этой палате было ска-

зано, что совесть обязывает нас не оставлять без наказания невинно пролитой крови; но кто даст ответ за всю ту невинную кровь, которая потечёт, если мы не добудем мира, беотлагательно приступив к переговорам?»¹⁵

Однако все попытки переговоров оканчивались неудачей. Война растекалась по всей стране. Мелкие стычки, осады и штурмы отдельных городов перемежались крупными битвами: под Ньюбери (сентябрь 1643), под Марстон-Муром (июль 1644), под Нэзби (июль, 1645). Впоследствии историкам-марксистам было нелегко вписывать эту смуту в схему противоборства классов, ибо против короля воевали многие видные представители знати: граф Эссекс, граф Манчестер, лорд Брук, лорд Ферфакс и другие.

В восточных графствах большого успеха добились подразделения парламентских войск, созданные Оливером Кромвелем. Их отличал высокий уровень религиозности и дисциплины, в их лагерях не случалось воровства, буйства, драк, божбы. Даже королевский канцлер Хайд-Кларендон отдавал должное этой «Армии нового образца»:

«С самого начала войны многими отмечалась разница между войсками короля и теми, что находились под командой Кромвеля. Хотя первый натиск королевской конницы бывал очень силен и, как правило, прорывал ряды противников, кавалеристы так увлекались преследованием и грабежом, что их уже невозможно было собрать для новой атаки; в то время как эскадроны Кромвеля, независимо от того, побеждали они или были рассеяны, немедленно собирались снова и в боевом порядке ожидали новых приказов».¹⁶

Религиозная вражда играла огромную роль в этой войне, но она не сводилась к противоборству католиков с протестантами. Хотя королева была католичкой и большую поддержку королю оказывали ирландские католики, главным для короля оставалась его роль главы англиканской церкви, его право назначать и смещать епископов, быть верховным арбитром в вопросах вероисповедания. Среди сторонников парламента были пресвитериане, пуритане, инде-

пенденты и множество представителей других ответвлений христианства, объединённых только ненавистью к любой церковной иерархии. Когда войска короля потерпели поражение и сам он сдался в плен шотландцам (1646), борьба перешла в следующую стадию: пресвитериане, захватившие большинство в Палате общин, против индепендентов, доминировавших в созданной Кромвелем армии.

Боевые действия на время затихли, но смута продолжалась. Никто не знал, как управлять страной без короля, а о том, чтобы вернуть ему власть, не могло быть и речи. Возникает впечатление, что решение судить короля и претендовать на казнь созрело в умах революционеров из желания достичь точки невозврата, обрести сплочённость в беспрецедентном акте казни законного монарха.

«30 января 1649 года под охраной полка пехоты король был доставлен из Сент-Джеймса в Уайтхолл. Его провели через банкетный зал дворца на эшафот, пристроенный вплотную к окну второго этажа, затянутый чёрной материей, где посредине уже стояла плаха, а на ней приготовленный топор.

Король произнёс небольшую речь к сопровождавшим его, потом повернулся к палачу и сказал: «Я прочту короткую молитву, потом выброшу руки вперёд. Мои волосы не помешают вам?» Палач попросил убрать их под шапочку. Король снял плащ, опустился пред плахой на колени и после короткой паузы дал условленный знак. Палач отсёк ему голову с одного удара».¹⁷

Англия превратилась в диктатуру, в которой вся власть сосредоточилась в руках одного человека, Оливера Кромвеля. Парламент — вернее то, что от него осталось после многих чисток и к чему прилипло название «огузок» (rump), — присвоил ему звание «lord-протектор». Страстная религиозность победивших пуритан начала проявлять себя в мелочном надзоре за поведением людей в повседневной жизни. Были запрещены все любимые народом развлечения от танцев и театра до петушиных боёв и ярмарочных увеселений. Любые украшения на одежде могли быть сорваны экзальтированными фанатиками. В Рождество солда-

ты обходили дома лондонцев и заглядывали в кастрюли, проверяя, не варится ли там мясо.

Уинстон Черчилль в своей книге так характеризует эпоху лорда-протектора:

«Диктатура Кромвеля сильно отличалась от диктатур, которые мы видим сегодня. Хотя на прессу была наложена цензура и роялистов притесняли, хотя на судей оказывали давление, голос республиканской оппозиции всегда был слышен. Не было попытки создать партию, подчинённую диктатуре. Частная собственность уважалась, и ни один человек не был брошен в тюрьму без суда. Веря, что евреи представляют собой ценный элемент общественной жизни, Кромвель разрешил им возвращаться в Англию после четырёхсотлетнего изгнания. Не было серьёзных преследований по религиозным мотивам, и даже католикам были оставлены многие свободы».¹⁸

Когда Кромвель умер в 1658 году, его сыновья, Ричард и Генри, попытались занять его место, но армия не поддержала их. После года закулисных переговоров между различными политическими и религиозными группировками страна решила вернуться к монархическому правлению, и изумлённый Карл Второй Стюарт въехал в ликийющий Лондон.

Снова у власти оказались король, лорды, общинны и епископы. Но это отнюдь не означало возврата к дореволюционному статус-кво. Новые английские короли прекрасно понимали, к чему могут привести попытки покушаться на власть и прерогативы парламента. Следующие сто лет английской истории были украшены ростом военной мощи, богатства, культуры.

Новый кризис случился только тогда, когда законодательная ветвь власти — парламент — попыталась распространить своё право налогообложения и на тех подданных короны, которые не голосовали на выборах в Палату общин, на жителей Американских колоний.

Война Севера и Юга в Америке

Американскую Войну за независимость (1775-1783) тоже можно было бы с полным правом включить в эту главу. Многими чертами она подпадает под определение «гражданской». Примерно треть четырёхмиллионного населения колоний была решительно против отделения от метрополии. Лоялисты вступали в полки, сражавшиеся на стороне британцев. В тысячах семей разыгрывались драмы аналогичные той, которую пережил Бенджамин Франклайн, когда его сын Вильям выбрал остаться верным службой английского короля в должности губернатора Нью-Джерси. И всё же мне кажется более плодотворным рассмотреть этот исторический катаклизм в главе «Войны за независимость».

Вплоть до наших дней, полтора столетия спустя, тема гражданской войны 1860-1865 годов остаётся кровоточащей раной, отзывающейся болью в сердцах американцев и смятением в умах. Каждый год публикуются новые исторические исследования, новые романы и фильмы, поэмы и пьесы, пытающиеся проникнуть в тайну этой великой исторической трагедии. Кто виноват в ней? Была ли она неизбежна? Давала ли конституция американским штатам право на отделение? Было ли у президента право отдать приказ о вторжении в южные штаты? Неужели белые южане шли на смерть только ради сохранения института рабовладения?

Избранный на пост президента Авраам Линкольн ещё не успел вступить в должность, не успел издать никаких указов, когда в южных штатах начался гул возмущения, сводимый к простой формуле: «Пусть выборы президента показали волю большинства, но под властью *такого большинства* мы жить отказываемся».

Многолетняя пропаганда аболиционистов в Северных штатах была пронизана презрением и ненавистью к защитникам такого бесчеловечного института как рабство, а рейд Джона Брауна, закончившийся кровопролитием, показал, что противники рабовладения не остановятся ни перед чем.

Гордые южане не были готовы мириться с таким отношением к себе. В их глазах идея дать свободу чёрным,

когда они находились на таком уровне невежества и дикости, выглядела безумием. Они слишком хорошо помнили, с какой жестокостью расправлялись негры с белыми хозяевами, получив свободу на острове Святого Доминика (1791-1803), помнили и восстание Ната Тёрнера в 1831. Слухи о заговорах чёрных, о собираемых ими запасах оружия и пороха муссировались, расползались, обрастили красочными и пугающими домыслами.

Конечно, новоизбранный президент не мог бы сразу отменить рабство своей волей. Но федеральное правительство имело большой арсенал приёмов, которые можно было использовать для ослабления власти рабовладельцев. Оно могло отменить цензуру почтовых отправлений, введённую южанами в своих штатах, после чего поток пропагандной литературы хлынул бы в их города. Оно могло назначать на должности федеральных судей активных противников рабовладения. Оно могло отменить законы, разрешавшие охоту за рабами, убежавшими в Северные штаты.

Законодательное собрание Южной Каролины первым проголосовало за отделение от Союза уже в декабре 1860 года. В январе его примеру последовали собрания Миссисипи, Флориды, Алабамы, Джорджии, Луизианы, Техаса.¹⁹ Конвенция, собравшаяся в Монтгомери (Алабама) 4 февраля 1861 года, объявила о создании нового государства: Конфедерации независимых южных штатов, со своим конгрессом, президентом, конституцией. Эта конституция категорически запрещала конгрессу Конфедерации принимать какие-либо законы, направленные против института рабовладения или ограничивающие права рабовладельцев.²⁰

Вирджиния некоторое время колебалась. Многие политики предпочли бы получить от Севера гарантии своих прав, статус автономного самоуправления. Генерал Джордж Пикет, вступивший в армию конфедерации, писал своей возлюбленной:

*«Я всегда решительно возражал против распада Союза, но никогда не сомневался в нашем праве на отделение. Так нас учили все учебники в военной академии в Вест-Пойнте».*²¹

В своей пропаганде южане уверяли, что конституция разрешает штатам выходить из Союза, что отделение произойдёт мирно и освободит Юг от политического и экономического доминирования Севера.

Линкольн оказался в крайне затруднительном положении. На территории отделившихся штатов находилось множество военных и гражданских учреждений, принадлежавших федеральному правительству. Военные форты, таможенные посты, почтовые и телеграфные отделения десятками переходили в распоряжение Конфедерации. Воспрепятствовать этому можно было только военным вмешательством. Однако для начала военных действий необходима была санкция Конгресса США. А по расписанию новый конгресс должен был возобновить свою работу только в июле. В течение весны 1861 года правительство предпринимало судорожные усилия в поисках компромисса, вело переговоры с южанами, пыталось избежать войны.

Всё было тщетно.

12 апреля 1861 года береговые батареи Чарльстона (штат Южная Каролина) открыли огонь по форту Самтер, отказавшемуся перейти под власть Конфедерации и осаждённому южанами. Это стало началом долгой кровопролитной войны, которой, казалось бы, никто не хотел, в возможность которой никто не верил. Обе стороны объявили призыв добровольцев на военную службу. Выпускники военной академии Вест-Пойнт должны были принять мучительное решение: на чьей стороне сражаться? Тем южанам, которые служили на Севере, правительство не препятствовало уволиться из армии и уехать на юг, в родные штаты.

Выбор «на чьей стороне воевать?» не предопределялся местом рождения, родственными связями, уровнем богатства. Как и в религиозных войнах, людьми двигала вера – на этот раз вера в те или иные политические и моральные идеалы.

«Семьи трагически раскалывались. Один сын сенатора Кримтендена сражался за конфедератов в чине генерал-майора, другой в таком же чине — за Союз. Издатель аболиционистского журнала в Луисвиле, Джордж Прентис, имел двух сыновей, всту-

тивших в армию южан. Три внука Генри Клэя записались в армию Союза, а четыре вступили в ряды конфедератов».²²

Первая крупная битва произошла 21 июля в Вирджинии. Армию северян, двигавшуюся от Вашингтона в направлении Ричмонда, сопровождали сотни штатских джентльменов и дам, пожелавших увидеть своими глазами разгром бунтовщиков. Их ожиданиям не суждено было сбыться. После упорного сражения северяне в беспорядке отступили, увлекая с собой толпу перепуганных зрителей.

В 19 веке ещё не существовало такого понятия «линия фронта». Большие армии и маленькие отряды перемещались на огромных территориях, нападали друг на друга, вступали в бой или осаждали города и форты. Генералам было нелегко координировать эти перемещения, нелегко оценивать правильно силы противника. Командовавший северянами генерал Макклеллан часто отказывался выполнять приказы президента о наступлении, заявляя, что силы противника превышают его вдвое. Проверить это было невозможно, и Линкольн долго не решался заменить нерешительного военачальника.

Уинстон Черчилль в своей книге отдаёт должное стратегическим талантам Макклеллана, но даже он признаёт, что во многих важных моментах войны тот проявлял непростительную нерешительность. Принадлежа к партии демократов, этот генерал очень дорожил её поддержкой в Конгрессе. Любая военная неудача могла разрушить его планы занять президентское кресло в 1864 году.

«Понимая, что каждая ошибка даст возможность политическим врагам пошатнуть его репутацию, он действовал с удвоенной осторожностью. Во время битвы при Харпер Ферри (сентябрь, 1862) он потерял день и упустил возможность разбить армию генерала Ли».²³

Политика постоянно вторгалась в военную стратегию. Демократическая партия составляла мощную оппозицию в Конгрессе США, военные поражения северян усиливали позиции того крыла демократов, которое призывало к мирным переговорам с Югом. В выборе генералов Линкольн

не мог исходить только из их боевых качеств, ему приходилось считаться с тем, какую поддержку тот или другой имел на Капитолии и в прессе.

Весной 1862 года Конфедерация, впервые в истории США, приняла закон об обязательном призывае в армию мужчин от 18 до 35 лет. Год спустя северяне последовали их примеру. Обе стороны разрешали призванному нанять за деньги человека, который займёт его место в рядах сражающихся. Кроме того, у южан многие профессии освобождались от военной службы: школьные учителя, священники, аптекари, почтальоны, телеграфисты, сапожники, кузнецы, мельники и многие другие. Также освобождались плантаторы и их надсмотрщики — считалось, что они незаменимы в качестве полицейской силы, контролирующей три с половиной миллиона чёрных.²⁴

Потери обеих сторон были ужасными, и они росли стремительно. Техническое оснащение армий использовало уже многие достижения индустриальной эры, а тактические приёмы всё ещё следовали образцам времён Войны за независимость. На поле боя солдаты перемещались густыми колоннами, никто и слыхом не слыхал о рассыпном строю. Такие колонны, попадая под огонь нарезных ружей и залпы картечии, теряли до половины своего состава.

Северяне превосходили южан численностью почти в четыре раза. Их экономическое и индустриальное превосходство было ещё более значительным. Пропаганда южан часто указывала на то, что их врагам помогали иностранные добровольцы. Современные историки считают, что в армии северян от 20 до 25% были люди, рождённые вне США. Но и в армии южан служили полки, составленные из ирландцев, немцев, поляков.²⁵

Конфедерация прилагала огромные усилия к тому, чтобы добиться дипломатического признания в Европе. Но никому за океаном не хотелось ссориться с могучей Америкой. Французский император Наполеон Третий попытался воспользоваться гражданской войной в США, чтобы подчинить себе Мексику и создать там монархию со своим ставленником на троне, но из этого ничего не вышло.

Война тянулась с переменным успехом, победы сменялись поражениями, Линкольн менял военачальников одного за другим, пока не остановился на генерале Улиссе Гранте. Президенту импонировало упорство этого полководца, стиль которого сравнивали с хваткой бульдога. Несудачи не расхолаживали его — он продолжал наступать, маневрировать, сражаться. Такими же свойствами обладал его друг и соратник, генерал Уильям Шерман. Именно Шерману в 1864 году было поручено выполнение смелого плана: повести армию вглубь вражеской территории с целью нанести как можно больший урон ресурсам, коммуникациям, промышленности противника.

Знаменитый марш-бросок Шермана через Теннеси, Алабаму, Джорджию, Южную Каролину сыграл ту же роль, какую в войнах 20 века стала играть бомбардировочная авиация дальнего действия. Армия северян оставляла после себя пустыню. Мало того, что 40 тысяч солдат и офицеров снабжали себя, реквизириуя у местного населения зерно, коров, овец, лошадей, мулов. Что нельзя было использовать — уничтожалось. Одновременно разрушались расположенные в важных стратегических пунктах укреплённые здания, предприятия, железнодорожные станции и сама колея.

Безжалостность обеих сторон ярко воссоздана в американской литературе: поэма Винсента Бене «Тело Джона Брауна», роман Маргарет Митчелл «Унесённые ветром», роман Эдгара Доктороу «Марш» и многих других. Не имея достаточно сил, чтобы остановить продвижение армии Шермана, конфедераты стали зарывать в землю на пути движения северян самодельные мины, на которых подорвалось несколько солдат. Тогда Шерман распорядился вести перед колоннами группы пленных, которых заставляли кирками и лопатами откапывать мины. Конечно, некоторые гибли при этом, но обвинения в намеренной жестокости Шерман отмечал, заявляя, что он просто спасает жизни своих солдат, а чужих он жалеть не обязан.

«Конец был близок. В 1865 году Шерман планировал подвергнуть Южную Каролину ещё более страшному опустошению, чем Джорджию. Ведь это был штат, который своей безрассудной дерзостью раз-

вязал войну, принёсшую столько страданий американскому народу. Некоторые министры в правительстве Линкольна предлагали разрушить Чарльстон до основания и символически посыпать развалины солью».²⁶

Отчаянное положение южан вынудило их искать мира. Но в своих предложениях они говорили «о достижении мира между нашими двумя странами». Такая формула была абсолютно неприемлема для северян. Они четыре года сражались за сохранение Союза. В случае возвращения южных штатов в Союз они обещали помочь в восстановлении разрушенного и амнистию участникам боевых действий.

«О какой амнистии идёт речь?! — с возмущением воскликнул президент южан Джонсон Дэвис. — Амнистировать можно преступников. Мы же сражались за свои законные права!»

Бои продолжались и в 1865 году, но силы были слишком неравными. В апреле Ричмонд пал, и Линкольн смог въехать в столицу врага. 9 апреля генерал южан Роберт Ли принял условия капитуляции, предложенные победоносным генералом Грантом. По этим условиям сдавшимся в плен конфедератам разрешено было вернуться в их дома, офицерам, даже с оружием. Грант разрешил побеждённым сохранить лошадей и мулов, чтобы их можно было использовать для весенних посевов.²⁷

14 апреля пуля убийцы оборвала жизнь президента Линкольна. Другой заговорщик сумел проникнуть в дом министра иностранных дел Уильяма Сьюарда и тяжело ранить его кинжалом. Уинстон Черчилль впоследствии писал, что все помыслы погибшего президента

«были направлены на врачевание ран, нанесённых его стране. Он обладал мудростью и силой духа, нужными для этого, а также огромным авторитетом. Другие могли пытаться имитировать его великолдушие. Но только он смог бы удержать под контролем бушевание яростной политической вражды, которая неизбежно выплеснулась наружу».²⁸

Гражданская война в России 1917-1921

Этот исторический пожар запечатлён в воображении каждого россиянина сотнями и тысячами романов, кинофильмов, поэм, пьес, мемуаров, живописных полотен. В школьные и университетские программы включились «Тихий Дон» Шолохова, «Хождение по мукам» и «Хлеб» Алексея Толстого, «Железный поток» Серафимовича, «Разгром» Фадеева, «Конармия» Бабеля и многое другое. После падения коммунизма стали доступны «Окаянные дни» Бунина, «Мои службы» Цветаевой, «Годы. Дни» Василия Шульгина, «Очерки русской смуты» Деникина, «Доктор Живаго» Пастернака, «Красное колесо» Солженицына, множество мемуаров русских эмигрантов. Всё это даёт мне право не касаться хронологической канвы событий, а сосредоточиться на внутренних коллизиях противоборства и главных векторах бушевавшей вражды.

В течение восьми месяцев нахождения у власти (март-октябрь 1917 года) Временное правительство во главе с Керенским стремительно теряло популярность. В глазах солдат его власть означала продолжение бойни под лозунгом «Война до победного конца!» В глазах офицеров это были безумцы, разрушившие армейскую дисциплину, выпустившие «Приказ № 1», позволявший рядовым привлекать к суду своих командиров и судить их. Для малых народов, мечтавших о независимости, министры, сидевшие в Зимнем дворце, были ничем не лучше царских министров. Для участников Корниловского мятежа (август-сентябрь 1917 года) социалист Керенский был ничем не лучше большевиков, которых он вооружил для защиты Петрограда от подступавшего казачьего корпуса.

Поэтому Октябрьский переворот, устроенный большевиками под эгидой Съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, не вызвал серьёзного сопротивления. Многие в России возлагали надежды на приближавшиеся выборы в Учредительное собрание, которое должно было выработать конституционные основы нового государственного здания. Однако результаты этих выборов явились шоком для культурного россиянина той поры. 41% мандатов получили эс-

ры, то есть партия, двадцать лет занимавшаяся террором, требовавшая отмены частной собственности на землю и проведения множества реформ чисто социалистического толка. В союзе с другими малыми партиями эсеры легко могли стать доминирующей силой в Учредительном собрании. Поэтому разгон его, произведённый большевиками в январе 1918 года, вызвал лишь слабые протесты в провинции и несколько демонстраций в столицах.

Задачей номер один для новых правителей России был выход из войны. Троцкий приехал в Брест-Литовск вести переговоры с представителями германского Генштаба о сепаратном мире. Подъезжая к городу, он мог увидеть своими глазами, что на русской стороне фронта окопы практически опустели — дезертирство было повальным. Тем не менее, он дерзко выдвигал то одни, то другие условия совершенно неприемлемые для немецкой стороны. Например, он требовал включить в договор пункт, запрещающий переброску германских войск с восточного фронта на западный. Конечно, немцы отказались.²⁹

Переговоры закончились диковинным гибридом — «ни мира, ни войны».

«Мы распускаем армию, но мирный договор не подписываем», — объявила большевистская делегация.

В этом, конечно, был свой политico-пропагандный расчёт: солдатская масса, получив демобилизацию от новой власти, должна была сильно качнуться в её сторону. Многие члены большевистского Политбюро также возлагали преувеличенные надежды на наступление мировой революции. Эти надежды подогревались большой стачкой в Австрии, усилением коммунистических движений в Финляндии, Венгрии, Баварии.

С другой стороны, государства Антанты, возмущенные выходом России из войны, начали отправку экспедиционных корпусов для свержения большевистского режима. В марте 1918 англичане высадились в Мурманске, в июне — в Архангельске, в апреле японские корабли вошли в гавань Владивостока, позднее французы оккупировали Одессу.³⁰ Одновременно из Сибири наступал легион, составленный из военнопленных чехов, который поддержал альтернативное

правительство правых эсеров, обосновавшееся в Самаре. Создание Красной армии делалось срочно необходимым.

Ленин поручил эту задачу Льву Троцкому, и тот показал себя великолепным организатором. В середине лета 1918 года военные силы большевиков были ничтожны. Они могли рассчитывать на пять тысяч штыков в Петрограде и столько же в Москве, ставшей к тому времени столицей. Когда в июле вспыхнуло восстание левых эсеров, его удалось подавить лишь с помощью батальона латышских стрелков и нескольких рот венгерских революционеров, возглавляемых Белой Куном. Но из Сибири надвигались соединённые силы чехов и Колчака, в конце лета они взяли Казань. Для отражения этой угрозы было необходимо возобновить мобилизацию.

Ключевым оказался вопрос: где взять командиров? Троцкий настаивал на том, чтобы привлекать бывших офицеров царской армии. Ему возражал Зиновьев и другие члены ЦК, включая Сталина.

«Всегда будет угроза, что офицеръё для вида согласится, а при всяком удобном случае станет перебегать к врагу», — говорили они.

Чтобы парировать эти возражения, Троцкий предложил проводить регистрацию членов семей мобилизованных офицеров.

«Пусть знают, что в случае измены их родные будут суроно наказаны!»³¹

Для усиления контроля за командным составом Красной армии в каждое подразделение назначался комиссар из проверенных большевиков. Это двуначалие было чревато многочисленными конфликтами. Комиссар и командир могли по-разному оценивать военную ситуацию и настаивать на прямо противоположных тактических решениях. Тем не менее дисциплина в Красной армии заметно укреплялась, и осенью 1918 года Троцкий и Каменев могли докладывать о первых победах: наступление Колчака и чехов было остановлено, Казань отбита.³²

Революция разрушила нормальную работу всех хозяйственных институтов в стране. Снабжение Красной армии и городского населения продовольствием осуществля-

лось путём откровенного грабежа сельчан. В деревни рассыпались вооружённые продотряды, которые конфисковали зерно, овощи, птицу, скот. Озлобленные крестьяне прятали свои запасы или убегали в партизанские отряды и в контрреволюционные формирования.

В 1919 году антибольшевистские армии набирали силу в виде трёх главных группировок, разделённых тысячами километров и не имевших возможности эффективно координировать свои действия. Весной Колчак возобновил наступление с востока, из Сибири. Летом армия Деникина успешно продвигалась с юга на Москву. Осенью корпус под командованием генерала Юденича, наступавший с запада, почти достиг Петрограда. В какой-то момент положение большевиков казалось безнадёжным. Некоторые историки считают, что главным спасительным канатом для них явилась их политика и пропаганда в национальном вопросе.

Для малых народов бывшей Российской империи большевики, с их интернационализмом, олицетворяли надежду на изменение статуса зависимости и второсортности. Колчак в Сибири и Приуралье мог находить опору только в русском населении. Для татар, мордвинов, чувашей, башкир, удмуртов, калмыков он олицетворял возврат к доминированию великороссов. Деникин, наступая с юга на Москву, должен был постоянно отвлекать большие контингенты своей армии для отражения атак с запада, со стороны украинских националистов Петлюры и анархистов батьки Махно. Тыловой базой для войск Юденича служили Эстония и Латвия, которые видели в разгроме большевиков конец своим мечтам о независимости и не хотели поддерживать наступление белых на Петроград.

Командующие тремя армиями белых имели разные политические взгляды, но в одном они были единодушны и непоколебимы: цельность Российского государства должна остаться нерушимой. В 1920 году остатки южных белогвардейцев оказались заперты в Крыму. Они судорожно искали союзников для продолжения борьбы с большевиками. Летом генерал Врангель получил известие о том, что поляки под командой Пилсудского успешно отбили красных под Варшавой, вошли в Украину, захватили Киев.³³ Он отправил в

Варшаву послов с предложением военного союза. Но что же он предлагал главе практически уже независимого польского государства? Он обещал в случае победы над большевиками *начать переговоры о предоставлении Польше большей автономии* внутри Великой и Неделимой России.

Надежды малых народов на освобождение не были тщетными. После окончания гражданской войны на карте появилось несколько новых независимых государств: Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, ненадолго Грузия. Семьдесят лет спустя вторая русская революция 20 века снова использовала тот же приём, словно признавая его установленным правилом: победить и удержать власть в Москве можно только дав независимость окраинным народам. Попытки удерживать их потребовали бы тягостного ужесточения центральной власти, обернулись бы Чеченским пожаром в удесятирённом масштабе.

Уместно задаться вопросом: почему белые армии, выиграв так много сражений в 1919 году, в итоге проиграли войну в 1920?

Думается, что два фактора оказались решающими.

Первый: невероятная сплочённость большевистской партии, превращённой Лениным в чисто военную организацию. При наличии телеграфной, телефонной, а потом и радиосвязи, приказ, посланный из Москвы, достигал ячейки коммунистов в далёких провинциальных городах и выполнялся неукоснительно. Приказано Екатеринбургскому комитету ликвидировать царскую семью — и всех Романовых вместе с детьми ведут в подвал и расстреливают. Белые армии не имели такой централизованной связи, не могли синхронизировать свои действия, поэтому красным удалось разбить по отдельности Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля.

Второй: маккиавелевское искусство, с которым большевики сумели привлечь и использовать значительную часть профессионалов старого режима, как военных, так и штатских. В течение всего 19 века российская интеллигенция жадно впитывала идеи равноправия, идеализировала народную массу, зачитывалась Герценом, Чернышевским, Толстым, Некрасовым, Горьким. Поначалу многим казалось,

что большевики и есть те долгожданные спасители народа от неравенства, гнёта, нищеты, несправедливости. Играя на этих чувствах, Троцкий сумел, вопреки противодействию многих членов ЦК, успешно завербовать в Красную армию около тридцати тысяч бывших царских офицеров.³⁴

Измены этих офицеров, конечно, имели место, но случались они не так часто, как повальное дезертирство рядовых. Реввоенсовет в июне 1919 года объявил амнистию тем, кто вернётся в строй, и пригрозил суровыми наказаниями тем, кто попытается уклониться. Эти меры подействовали, и к концу года численность Красной армии достигла полутура миллиона бойцов.³⁵

Страна была доведена до такого разорения четырёхлетней кровопролитной войной, что в 1921 году большевики были вынуждены пойти против своих идеологических догматов и разрешить половинчатое возвращение частной собственности и рынка. Введённые правила Новой экономической политики (НЭП) способствовали возвращению товарооборота и производства, голод отступил. Люди вздохнули с облегчением и надеждой, возобновились дипломатические отношения с остальным миром. Мог ли кто-нибудь предвидеть тогда, каким адом коллективизации, раскулачивания, лагерей, террора обернётся обещанный коммунистический рай?

По ком звонил колокол в Испании 1936-1939 годов?

Призрак коммунизма, бродивший по Европе и явивший себя Карлу Марксу в середине 19 века, после победы большевиков в гражданской войне обрёл плоть. Миллионы людей в обоих полушариях увидели, что да — это возможно! Разрушить старый мир до основания и устремиться к строительству нового мира. Каждый человек, чувствовавший себя обделённым, готов был рвануться к забрезжившей мечте. Мираж коммунистического рая манил неудержимо, потому что давал надежду на утоление всех трёх главных страстей. Революционная борьба обещала безграничные возможности самоутверждения в победах над «эксплуататорами и тиранами». Отмена собственности открывала сказоч-

ное счастье сплочения в абсолютном равенстве. Если коммунизм есть научно доказанное светлое будущее всего человечества, то, борясь за него, ты точно приобщаешься к чему-то бессмертному.

Весьма показателен тот факт, что всюду, где марксизм обретал силу, церковь подвергалась гонениям. Рай мог быть только один — либо коммунистический, либо христианский. Даже в таких традиционно католических странах, как Мексика и Испания, в 1930-х годах священнослужители подвергались жестоким преследованиям, арестам, конфискациям имущества почти в такой же мере, как и в СССР.

Борцам с коммунистическим интернационалом казалось, что это какая-то внешняя зараза, умело рассылаемая из Москвы кучкой заговорщиков-большевиков, засевших в Кремле. На самом деле коммунизм многим мешался единственной гарантией от повторения ужасов Первой мировой войны и спасением от Великой депрессии. Жадность буржуев была объявлена главной причиной войн, поэтому прогнать их казалось путём к миру во всём мире. Испании суждено было стать первой в длинном ряду стран, последовавших примеру России и рухнувших в гражданскую войну между «буржуями» и марксистами всех мастей.

Вглядываясь в гражданские войны 17-19 веков, мы уже отмечали приток иностранных добровольцев в ряды сражавшихся по обе стороны фронта. Но никогда раньше это явление не было таким массовым, как это случилось на Пиренейском полуострове. Демократические страны заняли позицию невмешательства, Америка, Франция, Англия наложили запрет на импорт оружия в Испанию. Но они не могли удержать тысячи молодых людей, рвавшихся сражаться с теми врагами свободы, которые уже показали своё лицо: фашистами, нацистами, фалангистами.

Сумевшие добраться до Мадрида американцы дали своему батальону имя Линкольна, итальянцы — Гарибальди, французы — Андре Марти, немцы — Тельмана, балканские славяне — Димитрова.³⁶ Увы, молодые идеалисты оказались в траншеях бок о бок с коммунистами и анархистами,

которые в середине 1930-х ещё умели прятать свою волчью суть под «человеческим лицом».

Лучше всего шок, пережитый бойцами интернациональных бригад, описан в книге Джорджа Оруэлла «Посвящается Каталонии». Также и в романе Хемингуэя «По ком звонит колокол» и в его же пьесе «Пятая колонна» испанская трагедия воссоздана ярко, незабываемо. Италия и Германия снабжали оружием и военной техникой войска Франко, республиканцы же получали помочь только от СССР. Поэтому влияние «военных советников», посылаемых из Москвы, было непропорционально сильным. Очень часто они настаивали на лобовых атаках хорошо укреплённых позиций франкистов, что оборачивалось тяжёлыми потерями.

Также республиканская армия скопировала большевистскую модель организации командного состава: при каждом командире подразделения назначался политический комиссар. Один американский доброволец писал, что

*«в войсках не было даже подобия армейской дисциплины. Военный командир мог арестовать своего комиссара и наоборот, комиссар мог арестовать командира».*³⁷

Внутри республиканского правительства и в армейском руководстве продолжалась яростная политическая борьба между социалистами, коммунистами, анархистами и другими партийными группировками. В стране шла стихийная коллективизация и национализация ферм и фабрик. Вся Каталония оказалась под властью анархистов, в мае 1937 года они подняли в Барселоне открытое восстание против мадридских властей. Внутренние раздоры, отсутствие централизованного командования войсками, уменьшение поставок оружия из Советского Союза привело к тому, что Правительство Народного Фронта потерпело поражение.

В марте 1939 года войска Франко вошли в Мадрид. Число погибших и эмигрировавших историки оценивают в миллион человек. Разрушены были тысячи промышленных предприятий, поместий и ферм, железных дорог и портов. Страна погрузилась в долгий процесс восстановления хозяйства и залечивания ран. По крайне мере, ей удалось избежать участия во Второй мировой войне. Более того: небла-

годарный диктатор Франко не разрешил войскам своего бывшего союзника Гитлера пройти через испанскую территорию, чтобы атаковать Гибралтар. Захват немцами этой важнейшей крепости, запирающей вход в Средиземное море, был бы чреват тяжёлыми стратегическими последствиями для Великобритании.

Гражданская война в Испании отдалась многими потрясениями в политичечкой жизни мира. Меня всегда занимал вопрос: случайно ли она хронологически совпала со вспышкой террора 1937-38 годов в России? Историки, изучавшие уничтожение Сталиным командного состава Красной армии, единодушны в том, что не было никакого заговора военных. Все обвинения против маршалов, генералов, дивизионных командиров были абсолютной ложью, их признания вины были вырваны пытками или угрозами расправиться с родными. Что же могло толкнуть всевластного тирана на такое кардинальное ослабление собственной армии в тот момент, когда угроза иностранного вторжения сделалась уже несомненной и реализовалась, когда начались бои с японцами у озера Хасан и реки Халкин-гол?

Я посмею высказать гипотезу: Сталина насмерть напугало успешное восстание военных в Испании. Когда войска Франко в конце 1936 года стремительно достигли Мадрида, он должен был прикинуть эту ситуацию на себя и понять, что у него нет никакой защиты от бунта собственных генералов. А кто стоял во главе армии? Все бывшие герои гражданской войны в России, его соперники и скрытые недруги: Тухачевский, Блюхер, Егоров, Якир, Уборевич и множество других. Звериный инстинкт самосохранения должен был сработать в Сталине и тут, и он обрушил опричников НКВД на командный состав РККА.

Опыт гражданских войн последних двух тысяч лет даёт нам право сделать важное обобщение:

Все они разгорались только там, где конструкция государственной постройки включала народное представительство в той или иной форме — сенат, вече, парламент, дума.

Кровавый опыт военного раздора после конца боёв каждый раз рождал в народе неудержимый импульс обрести

безопасность под стабильной властью самодержавного владельцы. Отсюда и возникали на исторической арене Октавиан Август, Кромвель, Наполеон, Сталин, Франко, Мао Цзедун. Кажется, только Соединённым Штатом удалось сохранить республиканское правление после гражданской войны. Но если бы Линкольн пережил покушение, не исключено, что конгресс вручил бы ему диктаторские полномочия, чтобы он смог справиться с хаосом послевоенной разрухи.

«Кто был ничем, тот станет всем!»

После конца Второй мировой войны началась длинная полоса войн гражданских, в которых фронт вражды отчётливо прошёл по идеино-классовым критериям: «марксисты» всех мастей против «буржуев». Если соотнести этот раскол с главными страстями человека, можно сказать, что в лагерь «марксистов» уносило людей, обуянных жаждой сплочения, а в лагерь «буржуев» — тех, кто больше всего ценил свободу самоутверждения.

Первой в Европе запылала Греция, там, в течение 1947-1949 годов, кипели упорные бои в горных районах. Англия помогала оружием правительенным войскам, Москва засыпала военное снаряжение «красным» через Албанию.

После разгрома Японии в Китае вспыхнула гражданская война между коммунистами, возглавлявшимися Мао Цзедуном, и националистами, ведомыми генералом Чан Кайши. Сталин помогал «красным», США — «буржуям». Остатки разбитой армии националистов укрылись на острове Тайвань (1949), и понадобилась вся мощь американского флота, чтобы оградить их там от полного уничтожения и дать время для создания собственного государства, не признанного до сих пор большинством стран.³⁸

В 1950-м запылала Корея. Но там очень быстро в войну между Северной и Южной частями страны вмешались две сверхдержавы: США и Китай. В сознании среднего американца эта тяжёлая трёхлетняя война запечатлелась длинным комедийным телесериалом МЭШ, изображающим будни полевого американского госпиталя. Этот голливудский

блокбастер ни в малейшей степени не отражает мужества и военного искусства, проявленными американцами в боях с противником, численно превосходившим их в несколько раз.

Мне довелось слушать лекцию американского полковника, ветерана корейской войны, описывавшего среди прочего: как эффективно использовалась там полевая артиллерия. Батареи устанавливались в одном-двух километрах за линией траншей и огневых точек. Всё пространство перед траншеями разбивалось на карте на квадраты и заранее при стреливалось. Когда китайская пехота кидалась на штурм, радиостанции в траншеях оставалось только передавать на батареи номера соответствующих квадратов, и шквал снарядов сметал половину наступающих ещё до того, как они попадали в сферу огня пулемётов.

Китайцы потеряли в этой войне около миллиона солдат, северокорейские коммунисты — полмиллиона. Потери американцев и их союзников — около ста тысяч.³⁹ После подписания перемирия в 1953 году произошёл обмен пленными между сторонами. В плен к американцам попало 150 тысяч северных корейцев и 20 тысяч китайцев. 23 тысячи пленных попросили не посыпать их обратно и начали новую жизнь в Южной Корее и на Тайване.⁴⁰

Американская сторона продемонстрировала в Корейской войне не только превосходные боевые качества, но и политическую мудрость. С самого начала командовавший войсками генерал Дуглас Маккартур, имевший огромный опыт отношений с народами Азии, обращался с южными корейцами как с союзниками, а не как с марионетками. Он не пытался сместь южнокорейского президента Сингмана Ри, несмотря на то, что его методы правления были далеки от американских представлений о демократии. Ри энергично руководил действиями южнокорейской армии, остался на своём посту и после войны вплоть до 1960 года.⁴¹

Совсем по-другому разворачивалось вмешательство США в гражданскую войну во Вьетнаме.

После ухода французов из Индокитая (1954) страна распалась на две части. В северной укрепились коммунисты во главе с Хошимином, в Южной к власти пришёл реши

тельный националист Нго Динь Дьем. Он приложил усилия к тому, чтобы помочь обосноваться на юге миллиону вьетнамцев, бежавших с севера от «красных». Его методы правления были вполне диктаторскими, однако при президенте Эйзенхауэре американская администрация смотрела на это сквозь пальцы и помогала Южному Вьетнаму деньгами и оружием.

Но правительство Джона Кеннеди, исповедовавшее либерально-демократические идеалы, воображало, что с мировым коммунизмом можно бороться, не нарушая принципов демократии. Оно поддержало заговор южновьетнамских генералов, и в первых числах ноября 1963 года Нго Динь Дьем был свергнут и убит. Ханой пришёл в восторг:

*«Мы не подозревали, что американцы могут быть так глупы, — вспоминал потом один из командиров Вьетконга. — Дьем был самым непримиримым и упорным врагом коммунизма».*⁴²

Видимо, «красные» учли опыт корейской войны. Они избегали боёв с американскими подразделениями на открытой местности, нападали из засад и быстро исчезали в джунглях. Вербовка местного населения производилась примитивным, но весьма действенным способом. Небольшая группа вооружённых вьетконговцев входила в деревню, выстраивала мужчин в ряд, первому в ряду задавали вопрос: «Ты записываешься во вьетконг?» Если спрошенный пытался отговориться по какой-нибудь причине, тут же получал пулю в голову. Понятно, что после этого второй, третий, четвёртый и все остальные отвечали «да». Отряд «новобранцев» выходил из деревни и пополнял ряды «красных».

Чтобы пресечь эту практику и лишить вьетконговцев источников снабжения продовольствием, американцы сгнали крестьян в большие огороженные поселения, вход в которые возможно было охранять и контролировать. Этот процесс обманчиво назывался «замирением» (pacification). Но выяснилось, что партизанские отряды вьетконга имели какие-то способы запугивать и тех, кто находился внутри этих резерваций. Поддаваясь угрозам, крестьяне посыпали деньги по почте в указанные адреса, то есть платили налог Северному Вьетнаму.⁴³

В своё время, после разгрома Японии, генерал Маккартур нанёс визит вежливости японскому императору. Это признание престижа национального лидера произвело огромное впечатление на весь народ. К сожалению, американские дипломаты во Вьетнаме не понимали, как важно беречь чувство собственного достоинства тех, кто сражается бок о бок с тобой. Генри Киссинджер обращался с президентом Южного Вьетнама Нгуэном Ван Тью не как с союзником, а как с марионеткой, вёл без его ведома и согласия секретные переговоры с посланниками Хо Ши Мина в Париже, делал им уступки, на которые президент Тью никогда бы не согласился.⁴⁴ Для американцев главным было покончить с войной, которая тянулась уже десять лет и вызывала бурю протестов в США. Они ушли из Вьетнама в 1973 году, а два года спустя Ханой нарушил все условия мирного договора, пересёк линию демаркации, 17 параллель, и водрузил своё знамя над Сайгоном.

Самой страшной оказалась гражданская война в Камбодже (1968-1975). Победившие под знаменем с серпом и молотом «красные кхмеры» уничтожали, в основном, горожан, национальные меньшинства, священнослужителей, интеллигенцию, объявляя их «эксплуататорами и пособниками империалистов». В стране с населением в 9 миллионов человек погибло от двух до трёх миллионов, то есть четверть.⁴⁵

Параллельно с гражданскими войнами в Азии коммунисты разжигали военные конфликты и в Западном полушарии: в Кубе, Доминиканской республике, Никарагуа, Сальвадоре, Перу, Гренаде, Колумбии. В Африке СССР засылал оружие и советников в Анголу, Южный Судан, Конго, а также использовал контингенты кубинских войск.

После распада СССР и решительного поворота Китая на курс рыночной экономики манящее сияние коммунистического рая заметно ослабло. Сегодня дракон вражды возвращается на привычные племенные и религиозные границы: курды против турок, тамилы против индусов, северные кавказцы против русских, шииты против суннитов. Серп и молот исчезли со знамён тех, кто сегодня сражается в

Южном Судане, Йемене, Сирии, Ираке, Сомали, Кашмире, Ливии, Афганистане.

Но есть одна общая черта, присутствующая почти во всех гражданских войнах нашего времени:

Они все происходят в странах, оказавшихся на рубеже между земледельческой эрой цивилизации и индустриальной.

Никакой народ не может преодолеть этот важнейший порог без потерь. Мера готовности к переходу у дальновидных и дальновидных всегда будет различной, и это всегда будет порождать вражду и конфликты. Если индустриальные страны и дальше будут вмешиваться в эту конфронтацию, хорошо бы, чтобы их вожди сначала взглянули в суть происходящего, а не лезли с «универсальной» панацеей демократии. Нельзя ускорить рождение ребёнка путём давления на живот беременной женщины. Так и ход цивилизации невозможно ускорить, засыпая отстающие народы бомбами, снарядами, ракетами.

Нам пришло время взглянуться в те пути, которыми ускорение процесса цивилизации осуществлялось на нашей планете до сих пор. Однако пути эти подвергаются сегодня такому всеобщему осуждению, что мне понадобится крайняя осторожность и такт, если я не хочу отпугнуть читателя первыми же фразами. Великий Франклайн Делано Рузвельт и его жена просто затыкали уши, когда их искренний друг и почитатель, великий Уинстон Черчилль, пытался указывать им на положительные стороны того «прискорбного» явления, которое обозначается словами, взятыми в качестве названия следующей главы.

Примечания

1. Durant, Will. *Caesar and Christ. A History of Civilization, Part III* (New York: Simon & Schuster, 1944), p. 113, 115.
2. Ibid., p. 120.
3. Ibid., p. 119.
4. Ibid., p. 122.
5. Plutarch. *The Lives of the Noble Grecians and Romans* (New York: The Modern Library, 1964), p. 552.
6. Ibid., p. 570.
7. Ibid., p. 790.
8. *Словарь античности*. Москва: «Прогресс», 1989, стр. 38.
9. Plutarch, op. cit., p. 1142,

10. Ефимов Игорь. «Свергнуть всякое иго». Москва: Политиздат, 1977. Далее СВИ. Среди источников на русском языке могу порекомендовать:
Гизо Франсуа. История Английской революции. СПБ, 1868.
Попов-Ленский И.Л. Лилберн и левеллеры. М.-П., 1928.
Савин А.Н. Лекции по истории Английской революции. Москва, 1924, 1937.
11. СВИ, стр. 55.
12. Там же, стр. 51.
13. Там же, стр. 120.
14. Там же, стр. 121.
15. Там же, стр. 134.
16. Там же, стр. 190.
17. Там же, стр. 333.
18. Churchill, Winston S., arranged by Commager, Henry Steele. *History of the English Speaking Peoples* (New York: Barnes & Noble, 1994), p. 202
19. Eaton, Clement. *A History of the Southern Confederacy* (New York: The Macmillan Co., 1956), p. 14.
20. Ibid., p. 44.
21. Ibid., p. 29.
22. Ibid., p. 35-36.
23. Churchill, op. cit., p. 403.
24. Eaton, op. cit., p. 8.
25. Ibid., p. 88-89.
26. Churchill, op. cit., p. 428.
27. Eaton, op. cit., p. 300.
28. Churchill, op. cit., p. 430.
29. Deutscher, Isaac. *The Prophet Armed. Trotsky: 1879-1921* (London: Oxford University Press, 1954), p. 354.
30. Volkogonov, Dmitry. *Lenin. A New Biography* (New York: Free Press, 1994), p. xxi.
31. Deutscher, op. cit., pp. 412, 414.
32. Volkogonov, op. cit., p. xxii.
33. Ibid.
34. Deutscher, op. cit., p. 429.
35. Volkogonov, op. cit., p. 199.
36. Brome, Vincent. *The International Brigades. Spain 1936-1939* (New York: William Morrow & Co., 1966), p. 106.
37. Ibid.
38. На сегодняшний день число стран, признавших Тайвань, достигло 22.
39. Roberts, Andrew. *A History of the English Speaking People Since 1900* (New York: Harper-Collins Publishers, 2007), p. 414.
40. Ibid.
41. *Britannica*, v. 22, p. 527.
42. http://en.wikipedia.org/wiki/Ngo_Dinh_Diem
43. Isaacson, Walter. *Kissinger. A Biography* (New York: Simon & Schuster, 1992), p. 120.
44. Ibid., p. 443.
45. https://ru.wikipedia.org/wiki/Красные_кхмеры

II-7. Колониальные захваты

Неукоснительно двигается корвет.
За кормою — Европа, Азия, Африка,
Старый и Новый Свет.
Каждый парус выглядит в профиль,
как знак вопроса.

И пространство хранит ответ.

Иосиф Бродский

Главу II-2 я назвал «Отставшие атакуют обогнавших». Одним из вариантов названий для главы II-7 было: «Обогнавшие покоряют отставших».

Уточним: будут рассматриваться только те покорения, в которых активную роль играл военно-морской флот, то есть заморские завоевания. Продвижение Российской империи на Восток и Юг или США на Запад, хотя и являлись, по сути, колонизацией, оставляем пока за рамками исследования.

Военные операции играли огромную роль в процессе колонизации, но они редко включали крупные сражения между армиями пришельцев и туземцев. Как правило, «обогнавшие» были вооружены намного лучше. Колумб в своих заметках писал, высадившись на острове Сан-Сальвадор:

*«Дикари очень неискусны в военном деле... Если у вас есть 50 солдат, их можно победить и полностью покорить».*¹

Битвы на суше и на море чаще разгорались между соперничающими экспедициями различных европейских завоевателей. Колонии переходили из рук в руки, использовались как объекты купли и продажи, предлагались даже в качестве приданного невесты в монархических браках. К концу 19 века примерно половина земной территории была поделена между различными колониальными империями. Проведём краткий обзор этих завоеваний.

Португальцы

Именно им суждено было стать пионерами колонизации. Имея сухопутную границу с одной только мощной Испанией, они ощущали мировой океан как единственные ворота, оставленные им для экспансии. Уже в середине 15 века Португалия завладела Азорскими островами и Мадейрой, начала вывозить оттуда сахар, который был тогда ценным продуктом в Европе. При правлении принца Генриха Мореплавателя (1394-1460) началось активное освоение западного побережья Африки, которое снабжало колонизаторов золотом, слоново костью, чёрными рабами.

Когда Колумб вернулся из своего первого плавания в 1492 году с сенсационным известием об открытии новых земель, соперничество португальцев с испанцами сделалось неизбежным. Чтобы дело не дошло до войны, обе стороны обратились к папе Александру VI с просьбой выступить арбитром в их споре. После долгих переговоров была принята демаркационная линия, проходящая с севера на юг примерно в трёхстах милях на запад от Азорских островов: всё, что находилось к востоку от этой линии, объявлялось владениями Португалии, к западу — Испании.² Таким образом, папа взял на себя функцию, которую пять веков спустя будет выполнять ООН.

В 1497 году в своё знаменитое путешествие отправился португальский мореплаватель Васко де Гама. Обогнув южную оконечность Африки, покрыв 10 тысяч миль, он через 300 дней достиг западного берега Индии. Оттуда его корабли вернулись с грузом ценных пряностей — перец, имбирь, корица, гвоздика, мускатный орех, а также с большой коллекцией драгоценных камней. На плавание обратно в Лиссабон у него ушёл почти год. Но морской торговый путь к сокровищам Востока, которые прежде доставлялись в Европу сначала караванами в порты мусульманских стран, и лишь потом — кораблями в порты итальянских республик, — был теперь проложен.

Португальцы очень внимательно изучали все доступные сведения о морских путешествиях и карты, составленные мореплавателями прежних веков. Однако иногда их

капитаны просто сбивались с пути, и их выносило к незнакомым берегам. Именно так Педро Кабрал, направлявшийся в Индию, заблудился в Атлантике и случайно открыл Бразилию, которая на 300 лет стала важнейшим достоянием португальской короны.³

Но главным направлением португальской экспансии оставались Африка и Азия. Чёрных рабов вывозили на рынки в мусульманские страны и на быстро растущие плантации сахара и кофе в Бразилии. Ангола и Мозамбик на много лет стали португальскими колониями, так же как и южная часть острова Мадагаскар. В Азии их торговые центры возникали на берегах Аравийского полуострова и Персидского залива, на западном побережье Индии и на островах Индийского океана. Самые смелые капитаны достигали даже Китая и Японии.

Конечно, это проникновение на Восток не могло осуществляться исключительно мирными средствами.

*«В 1509 году Альфонсо де Альбукерк стал первым губернатором Португальской Индии. Ведя упорные бои с мусульманскими и индийскими купцами, он захватил и укрепил Аден и Хормуз на арабском побережье, Гоа в Индии и Малакку на Малайском полуострове... Португалия стала на 150 лет хозяином европейской торговли с Индией».*⁴

Похоже, Альфонсо де Альбукерк обладал не только талантом мореплавателя и военачальника, но и безграничной фантазией. Достигнув берегов Абиссинии, он стал уоваривать христианского короля этой страны соединёнными усилиями прорыть канал от Нила до Красного моря. Если воды Нила перестанут течь в Средиземное море, мусульманский Египет превратится в пустыню — как славно!⁵ Проект не осуществился, и великая река текла без помех ещё 450 лет, вплоть до строительства Ассуанской плотины.

Создание португальской колониальной империи имело глобально-исторические последствия. Богатство итальянских торговых республик — Венеции, Генуи, Флоренции — держалось на том, что им удалось монополизировать торговлю с мусульманским миром в Средиземном море. Теперь же богатства Востока текли в Европу через Лис-

сабон. Торговые суда из Англии, Голландии, Франции, Скандинавии, Германии спешили туда, ибо там можно было закупать пряности, шелка, драгоценности, слоновую кость гораздо дешевле. Видимо, это сыграло свою роль в том, что с начала 17 века Италия начала беднеть, и её стали растаскивать по кускам французы, испанцы, австрийцы.

Чтобы покорённые территории начали приносить настоящий доход, население необходимо было превратить из охотников и кочевников в земледельцев. Как и все другие колониальные державы, именно этим и занимались португальцы в своих владениях в течение трёх веков. Но, как это часто бывает, достигнув новой ступени цивилизации, население колоний начинало тянуться к самостоятельности.

Например, в 1822 году Бразилия стала самостоятельной империей, а потом и республикой. Но в африканских колониях португальцам удавалось сохранять контроль над своими владениями, даже расширять территории.

В Мозамбике расширение продолжалось до 1918 года, в Анголе — до 1930, в Гвинее — до 1936.⁶ Эти страны получили независимость только в 1975 году. Конечно, в них сразу начались гражданские войны, но идейные борцы с колониализмом предпочли закрыть на это глаза.

Испанцы

Когда испанские каравеллы достигли Карибских островов, туземцы встретили пришельцев с необычайным радушием. В судовом журнале Колумба осталась такая запись:

*«Этих людей будет легче обратить к вере в Священное писание добрым отношением, а не силой. Я раздавал им красные шапки и бусы и много других пустяков, которые они принимали с большим удовольствием. Они подплывали к нашим лодкам и предлагали для обмена попугаев и хлопковую пряжу и были настроены очень дружелюбно».*⁷

Колумб долго лелеял надежду на то, что ему удалось достичь восточного побережья Азии. Высадившись на Кубе, он предположил, что это Китай, описанный Марко Поло, и

отправил послов с письмом к Великому хану. Послы не нашли ни хана, ни золота. Но ведь Мадрид ждал сообщений о сокровищах и успехах. Была снаряжена экспедиция, обратившая в рабство полторы тысячи туземцев. Из них 400 достались испанским поселенцам на островах, остальные были отправлены в Испанию и проданы на рынках в Севилье. Большинство из них умерло в непривычном климате, но для испанского двора эта скромная добыча показалась достаточным стимулом для снаряжения новых заокеанских плаваний.⁸

Серьёзное военное сопротивление испанцы встретили лишь тогда, когда Фернан Кортес с несколькими сотнями хорошо вооружённых солдат высадился на мексиканском побережье (1519). Историки до сих пор спорят о том, каким образом эта небольшая армия смогла так быстро покорить империю ацтеков, численность населения которой приближалась к двадцати миллионам. Приводят несколько возможных объяснений.

Во-первых, неведомые пришельцы, закованные в броню, извергавшие огонь и смерть из своих пушек и мушкетов, разъезжавшие на четырёхногих чудовищах, должны были внушать ужас туземцам.

Во-вторых, империю раздирали внутренние войны. Множество различных племён, покорённых ацтеками за два века до появления испанцев, продолжали поднимать восстания. Кортес легко находил среди них союзников и умело использовал их.

В-третьих, верования ацтеков включали пророчества о том, что когда-то придут люди-боги, которым надо будет покориться. Сам император, Монтесума Второй, вышел встречать Кортеса у ворот столицы и приветствовал его как бога Кветзакотля, объявив:

«Мы ждали тебя. Это твой дом».⁹

Не все подданные императора были настроены так миролюбиво. Его племянник поднял восстание, убил дядю, выгнал пришельцев из столицы. Кортесу пришлось брать её штурмом после долгой осады (1521). Зато оказалось, что золото и серебро имеются в избытке в новых владениях ис-

панской короны, а значит, дальнейшие завоевания будут хорошо оплачены.¹⁰

Десять лет спустя другой знаменитый конкистадор, Франциско Писсаро, во главе отряда в 200 человек достиг берегов Эквадора. Двигаясь на юг, эта крошечная армия вошла на территорию империи инка (нынешние Перу и Чили), тянувшуюся на 4000 километров вдоль западного побережья Южной Америки. Жители этой древней цивилизации умели строить города и дороги, умели орошать свои поля водой с гор, доставляемой по акведукам, разводили лам и гуанако. Но, как и в Мексике, империю терзали внутренние раздоры. Умело используя их, испанцы за два года подчинили себе страну и вошли в столицу Куско (1533).

Для управления новыми владениями Мадрид назначал губернаторов, наместников, вице-королей. Критерием их успеха был вес драгоценных металлов, которые они отправляли морем в метрополию. Поэтому эксплуатация местного населения велась безжалостными методами и в Перу, и в Мексике, и на Карибских островах. С этим пытался бороться знаменитый епископ Барталомео де Лас Касас, оставивший труд под названием «Разорение Индий», который хочется сравнить с «Архипелагом ГУЛАГом» Солженицына. Он описывал катастрофическую убыль населения новых территорий, обвинял конкистадоров в том, что своей жестокостью и близорукостью они наносили ущерб испанской короне.¹¹ По его оценке, от непосильного труда, голода и болезней погибло около 12 миллионов туземцев.

Большинство испанцев остались глухи к протестам и разоблачениям Лас Касаса. Его современник, Хуан Сепулведа, считал, что житель колоний так же отличается от европейца, как обезьяна от человека. «Наше завоевание может принести только пользу и оздоровление этим варварам... Они перестанут быть прислужниками дьявола и станут поклоняться истинному Богу».¹²

Колониальная империя испанских Габсбургов разрасталась. В Америке к ней вскоре были присоединены Гватемала, Чили, Венесуэла, Флорида, Калифорния; в Африке — Канарские острова, Северная Сахара, Марокко, Гвинея; в Азии — Гуам и Филиппины. Это расширение сопровожда-

лось серьёзными военными столкновениями с другими колониальными державами. В 1741 году испанцы отбили нападение мощного флота англичан на крепость Картагену (Венесуэла); в середине 18 века велись бои с Португалией за пограничные районы между Уругваем и Бразилией; во времена Американской войны за независимость испанцы поддержали колонии в их войне с англичанами.

«Империя, в которой никогда не заходит солнце» — этот титул был заслужен Испанией задолго до того, как на него стала претендовать Великобритания. Распад её начался в первых десятилетиях 19 века. В 1808 году весь Пиренейский полуостров был оккупирован войсками Наполеона, и это нанесло тяжёлый удар по престижу королевской власти. Следуя примеру США, колонии Испании начали отделяться от метрополии одна за другой: Аргентина — в 1816, Венесуэла — в 1817, Чили — в 1818, Перу, Гватемала, Панама — в 1821, Мексика — в 1822 году, Эквадор — в 1830. Завершающий удар по колониальному могуществу Испании был нанесён разгромом в войне с американцами в 1898 году, описанной выше в Главе II-4.

Сегодня на земле не найдётся политика, который осмелился бы сказать доброе слово в адрес такого явления как колониализм. На этической шкале истории он оказался где-то рядом с рабовладением. Но сумели бы народы, населяющие сегодня бывшие испанские колонии, самостоятельно достигнуть земледельческой стадии цивилизации так быстро без помощи извне?

На этот вопрос каждый историк ответит по-своему или постарается уклониться от ответа из страха нарушить правила политической корректности.

Голландцы

Если нация управляема монархом, как это было в Португалии и Испании, главные выгоды от колонизации дальних земель достаются короне. Поэтому правительство имеет стимул широко использовать армию и флот для сохранения заморских владений. Голландцы, будучи, по сути, республикой, не имели возможности посыпать войска на

покорение полудиких народов. Задачу экспансии брали на себя частные предприниматели и торговые компании.

К концу 16 века торговые пути в Индию вокруг Африки были под контролем португальцев. Голландские правительство объявило премию в 25 тысяч флоринов тому, кто проложит путь в Китай через Ледовитый океан. В 1584 году голландские корабли достигли Архангельска и начали вывозить оттуда пушнину и лес. Капитан Виллем Баренц, веря, что в летний период лёд растает и откроет проход вдоль сибирского берега, трижды пытался прорваться со своими кораблями на восток. В 1596 году он достиг Новой земли, но вынужден был зазимовать там и в следующем году умер от цынги, увековечив своё имя в названии моря, погубившего его.¹³

Пришлось вернуться к попыткам проложить путь вокруг Африки. Уже в 1601 году в Амстердаме была создана Восточно-Индийская торговая компания с огромным капиталом в 6,5 миллионов флоринов. В следующем году 65 голландских кораблей совершили плавание в Индию, обогнув Мыс Доброй надежды. Они достигли Сиама, Бирмы, Индокитая.¹⁴ Но главной их целью стали острова Индонезийского архипелага. Основав там колонию со столицей Джакартой на острове Ява, компания так преуспела на торговле пряностями, что вскоре смогла выплачивать своим вкладчикам 22% годовых.¹⁵

Не осталось без внимания и западное направление.

*«В 1609 году голландцы наняли английского капитана Генри Гудзона для исследования реки в Северной Америке, названной в его честь. Двенадцать лет спустя была основана торговая компания Голландской Вест-Индии. Её усилиями была создана колония Новые Нидерланды, включавшая территории сегодняшних штатов Коннектикут, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания, Делавер. В 1626 году они купили у индейцев за 24 доллара остров Манхэттен, находившийся в устье реки Гудзон и основали на нём поселение, которое назвали Новый Амстердам».*¹⁶

Город быстро рос и богател. В 1647 году генерал-губернатором Новых Нидерландов был назначен Питер Стёйвесант, герой войны с португальцами, потерявший ногу в боях. Процветанию колонии способствовало то, что другие колониальные державы, конкуренты голландцев, были слишком заняты своими войнами в Европе. Но в 1660 году в Англии была восстановлена монархия Стюартов, и её колониальная экспансия возобновилась.

Британский флот приблизился к Новому Амстердаму в 1664 году и потребовал передать город и колонию под власть британской короны. Тщетно губернатор Стёйвесон призывал своих сограждан сражаться, тщетно стучал по полу своей деревянной ногой. Зачем рисковать жизнью, если противник обещает сохранить главные для тебя вещи — протестантскую веру и право свободной торговли? Так, город в устье реки Гудзон превратился в Нью-Йорк.

Метрополия не могла прийти на помощь колониям. В середине 17 века она вела одну за другой три тяжёлых войны с Англией: в 1652-54, в 1665-67 и в 1672-74. В последней к английским Стюартам присоединились французские Бурбоны в лице Людовика Четырнадцатого. Голландская республика сумела отбиться все три раза, но на защиту американских колоний ресурсов уже не оставалось.

Зато в эти же годы укреплялись колониальные позиции голландцев в Африке. Восточно-Индийская компания нуждалась в морской базе для кораблей, плывущих в Индию, где бы они могли пополнять запасы продовольствия и пресной воды. Для этой цели была выбрана удобная гавань на Мысе Доброй Надежды в том месте, где сейчас находится Кейп-Таун. В основанное там в 1652 году поселение вскоре начали прибывать и французские гугеноты, бегущие от религиозных преследований на родине. Голландские протестанты легко находили с ними общий язык, колония расширялась. Но вскоре начались конфликты с местными туземцами.

Ближайшими к Кейп-Тауну были племена Хойхой и бушмены. Они находились на охотничьей стадии цивилизации, и их никакими уговорами нельзя было удержать от охоты на домашний скот поселенцев. Как и американские ин-

дейцы, они не признавали понятия «договориться о границах». Белые поселенцы, продвигаясь вглубь континента, вынуждены были постоянно вступать в вооружённые схватки с ними.¹⁷

Начиная с середины 18 века военные конфликты великих держав начали докатываться и до африканских колоний. Сначала это была Семилетняя война Англии с Францией (1756-63), потом Американская война за независимость (1775-83), потом Французская революция и Наполеоновские войны. Спрос на пряности в Европе упал, и в 1794 году голландская Ист-Индская компания объявила о банкротстве.¹⁸

После разгрома Наполеона Кэйп-Таун был аннексирован Великобританией. Но голландские поселенцы сумели на территории к северо-востоку от него создать собственное государство Трансвааль со столицей Преторией. Они станут известны миру под именем буров и в конце 19 века столкнутся с англичанами в тяжёлой войне, описание которой было бы уместно отнести в раздел «Войны республик». Англичане победили и объявили Трансвааль частью Британской империи. В этой войне они применили новшество, которое получит широкое распространение в XX веке под названием «концентрационные лагеря».

Французы

Они имели все шансы очень рано стать вровень с ведущими колониальными державами. Уже в 1535 году француз Жак Картье исследовал восточное побережье Канады и положил начало колонии Новая Франция.

В начале 17 века мореплаватель Самуэль Шамплейн, посланный Генрихом Четвёртым, достиг Новой Шотландии, поднялся по реке Святого Лаврентия до того места, где сегодня находится Монреаль, основал колонию Квебек, обследовал озеро, сегодня носящее его имя.¹⁹

Французская заморская экспансия продолжалась и в годы правления Людовика Четырнадцатого. В 1677 году королевский губернатор обосновался в Гаити; в 1682 мореплаватель Роберт Кавельер спустился по Миссисипи до Мексиканского залива и объявил берега этой реки владением

Франции. В устье был основан город Нью-Орлеан (1718), территория была названа Луизианой.

Колонизация американского континента французской короной начала буксовать, лишь столкнувшись с мощным соперником Великобританией. Семилетняя война англичан с французами закончилась Парижским миром (1763), по которому многие территории перешли к Англии. Французская революция и Наполеоновские войны требовали огромного напряжения от страны, на колониальные захваты не оставалось ресурсов. Египетская экспедиция 1799 года закончилась провалом. В 1802 году Гаити восстало и объявило независимость. Остро нуждаясь в деньгах, Наполеон продал Соединённым Штатам огромные территории по обоим берегам Миссисипи.

Второй период истории Французской колониальной империи принято обозначать датами 1815-1962. За эти полтора века произошло невероятное расширение её за счёт новых захватов в Африке и Азии. В начале 1840-х французская армия численностью в 100 тысяч человек вторглась в Алжир. Местное мусульманское население упорно сопротивлялось, искало помощи у единоверцев в соседних Марокко и Тунисе. Но французы повернули свои пушки на Танжер и Могадор, разбили марокканцев в битве при Изли (1844) и превратили Алжир в свою колонию, которой управляли больше ста лет.²⁰

В годы правления Наполеона Третьего Франция возобновила свои попытки укрепиться на Американском континенте. Воспользовавшись тем, что Мексику раздирали политические распри, а в США кипела гражданская война, французы в начале 1860-х послали за океан экспедиционный корпус, задачей которого было учредить мексиканскую империю, с французским ставленником на троне и под контролем Парижа. Видимо, они недооценили духа независимости мексиканцев, которые отбили вторжение, а навязанного им императора расстреляли.

Зато в Африке владения Франции только расширялись. В начале 20 века под её контролем оказался весь северо-запад континента: Алжир, Тунис, Морокко и территории от Атлантического побережья до озера Чад. Сенегал, Мав-

ритания, Верхняя Вольта, Нигер, Берег Слоновой Кости, Того, Камерун, Габон и множество мелких островов тоже стали французскими колониями. В 1905 году французы вытеснили англичан с острова Мадагаскар.²¹

Параллельно с колониальной экспансии шла напряжённая идейная борьба в интеллектуальной и политической сфере. Что делать с покоряемым туземным населением? Как им управлять? В какой мере оно созрело для самоуправления? Опыт показывал, что французская культура оставалась чуждой племенам, веками жившим по собственным законам и обычаям, что ассимиляция если и происходит, то крайне медленно.

С теми же проблемами французы сталкивались и в своих азиатских владениях. Их проникновение в Индокитай началось ещё в середине 19 века. Предлогом послужили преследования, которым вьетнамские императоры подвергали христианских миссионеров и своих подданных, принявших христианство. Дело дошло до открытой войны, и в 1859 году, разбив вьетнамскую армию, французы захватили Сайгон. По мирному договору, они получили несколько провинций.

Вторая война загорелась в 1883 году. Победоносная Франция объявила вьетнамского императора низложенным и всю территорию Индокитая подчинённой французскому генерал-губернатору (1891). В какой-то момент в борьбу включился соседний Сиам (ныне Таиланд), но был разбит и в 1893 году уступил Франции права на Лаос и Камбоджу.

Управлять народами, населявшими Индокитай, оказалось делом нелёгким. Этническая, религиозная, политическая вражда часто взрывалась восстаниями, бунтами, диверсиями. Во время Второй мировой войны ситуация осложнлась вторжением японцев, а после их разгрома, гражданская война в соседнем Китае способствовала поляризации аналогичных политических конфликтов во Вьетнаме: националисты против коммунистов. Поначалу и те, и другие видели во французах захватчиков и смогли на какое-то время объединиться и бороться с ними, образовав независимое государство Вьетмин. После почти десятилетнего противоборства в 1954 году французы ушли из Индокитая. И Вьетмин немед-

ленно раскололся на Северный и Южный Вьетнам, между которыми началась затяжная война.

Англичане

Если в Португалии, Испании, Франции колониальная экспансия осуществлялась силами монархических правительств, то в Англии она долго оставалась частным делом торговых компаний, смелых предпринимателей, религиозных общин. Пилигримы, достигшие берегов Массачусетса в 1620 году, нанимали и оснащали «Мэйфлауэр» на собственные средства. Освоение берегов Гудзона проходило под эгидой торговой компании «Хадсон Бэй», учреждённой в 1669 и создававшей торговые центры в Америке и Канаде. Колония Пенсильвания была основана богатым баптистом Вильямом Пенном в конце 17 века и стала прибежищем для многих европейцев, бежавших от религиозных преследований на родине.²²

На английских колонистах в Америке не лежала обязанность добывать сокровища и слать их своему монарху. Они могли развивать ремёсла, обрабатывать поля, разводить скот, вести торговлю с туземцами. У них был большой опыт самоуправления, они не нуждались в центральной власти для поддержания порядка внутри своих поселений. Король и парламент обеспечивали им военную защиту от нападений извне, поэтому они оставались лояльными подданными короны вплоть до 1775 года.

Аналогично протекала и английская колониальная экспансия в Восточном полушарии. В 1601 году флотилия из пяти судов, посланных Ист-Индской компанией, достигла Суматры. Привезённое ими для продажи сукно не нашло спроса у обитателей субтропиков, но железо, свинец, жесть были распроданы с такой выгодой, что корабли могли вернуться домой с большим грузом пряностей и с лихвой покрыли расходы на экспедицию.²³

Разрешения на торговлю выдавали местные правительства, и их приходилось ублажать подарками. Опасность грозила не со стороны индусов, а со стороны конкурентов: португальцев и французов. Военные стычки с ними на море и на

существо сделались неотъемлемой частью торговых операций. Пока Индия управлялась из Дели императорами династии «Великих моголов», европейцы могли, получив разрешение двора, устраивать свои торговые центры в прибрежных городах и не видели нужды в территориальных захватах. Английская торговая компания Ист-Индия имела капитал больше миллиона фунтов стерлингов и выплачивала своим вкладчикам 9% годовых.²⁴ Но когда империя моголов начала разваливаться в середине 18 века, безопасная торговля сделалась невозможной. Английские купцы оказались перед выбором: уплыть домой или сражаться. Они выбрали второе.

Лидером военного противостояния начавшемуся хаосу стал молодой клерк компании Роберт Клайв. Дирекция выделила ему немалые суммы для найма солдат, закупки пороха и пушек. Первые победы Клайв одержал в боях с французами в 1748 году. Кульминации военное противоборство достигло десять лет спустя. В январе 1757 года небольшой армии англичан удалось отбить Калькутту, а в июне она сошлась с большим войском индусов у местечка Пласси. Под командой Клайва было несколько сотен европейцев и полторы тысячи сипаев. Противник превосходил его в 17 раз. Но четырёхчасовая артиллерийская канонада рассеяла армию индусов, и она в панике бежала.²⁵ С этого момента доминирующее положение Великобритании в Индии утвердилось надолго.

Параллельно в Америке шла война с французами и индейцами. Поначалу англичане терпели одно поражение за другим. Летом 1755 года генерал Брэддок потерял две трети своего отряда, пытаясь взять форт Дукасне. Год спустя французы захватили форт Освего на озере Онтарио, а ещё год спустя — форт Вильям Генри на озере Джордж. Но к началу 1760-х подкрепления, прибывающие из Британии переломили, ход войны. Англичанам удалось войти в реку Святого Лаврентия, захватить Монреаль, покорить всю восточную Канаду. Мир был подписан в 1763 году, и многие колониальные территории, принадлежавшие Франции, перешли под власть Лондона.

Как уже говорилось выше, лояльность колонистов по отношению к метрополии подогревалась нуждой в военной защите. Когда французская угроза ослабла, тяга американцев к независимости получила сильный импульс в сторону реализации. Все копившиеся обиды и недовольство поведением парламента по отношению к колониям начали пульсировать всё сильнее. Попытки обложить налогами торговлю, подавление протестов вооружённой силой, деспотичное правление присылаемых губернаторов постепенно раздувались в бурю Американской революции 1775-1783 годов. Но ей мы уделим внимание в следующей главе.

После победы над Наполеоном Англия возобновила расширение колониальных владений в Восточном полушарии. В 1816 году британская торговая фактория появляется в Сингапуре, в 1834 — в Южной Австралии, в 1841 — в Гонконге и Новой Зеландии. Вплоть до 1858 года захватываемые территории становились доминионами торговых компаний — не короны. Но эти компании платили в казну такие большие налоги (до 10% от общего объёма поступлений), что королевское правительство всё чаще посыпало войска и военные корабли для защиты их владений в Азии и Океании.

Чем дальше расширялась империя, тем чаще возникали военные конфликты на её границах. В 1825 году загорелась полномасштабная война с Бирмой, которая стоила Великобритании 13 миллионов фунтов и 15 тысяч погибших в боях и от тропических болезней.²⁶ Бирманцы, гордые своей древней цивилизацией, не хотели признавать технического превосходства пришельцев, продолжали провоцировать их, и двадцать лет спустя война возобновилась. Английский флот расстреливал из пушек старинные пагоды Рангуна, вся южная Бирма была аннексирована.

С запада к границам Индии приближалась угроза со стороны далёкой Российской империи. В 1829 году она победила Турцию и Персию, прощупывала слабые места Афганистана. Чтобы опередить её, было принято решение захватить Кабул и посадить на трон проанглийского ставленника. Но эта кампания обернулась полной катастрофой. Вторжение колонизаторов сплотило сотни разрозненных

афганских племён и кланов, вдохновило их на восстание, и в 1841 году англичане и их сторонники вынуждены были бежать из непокорной страны обратно в Индию.²⁷

В конце 1830-х начались конфликты в отношениях Ист-Индской компании с Китаем. Импорт опиума в эту страну был издавна важной статьёй индийской экономики. Потребление этого наркотика китайцами начало стремительно расти с того момента, как его научились курить, смешивая с табаком. Императорское правительство в Пекине пыталось вести активную борьбу с наваждением, казнило торговцев и даже курильщиков, конфисковывало контрабандный опиум, доставляемый из Калькуты в Кантон, грозило англичанам, что будет топить их корабли, если на них обнаружатся наркотики.

Отношение китайской правящей элиты к европейцам в те годы было окрашено высокомерным презрением и полной неосведомлённостью об их достижениях. Все они представлялись императорскому двору варварами, явившимися неведомо откуда, заслуживающими в лучшем случае снисхождения и жалости. И речи не могло идти о том, чтобы установить с ними отношения на равных. Для получения аудиенции у императора их послы должны были упасть перед ним ниц девять раз, иначе их отсылали ни с чем.²⁸

Британское правительство занимало двойственную позицию. С одной стороны, оно не хотело открыто поддерживать торговлю наркотиком в своих владениях. С другой, большая часть доходов Ист-Индской компании оседала в казначействе в виде налогов, платимых ею. Министр иностранных дел Пальмерстон, веривший в «пушечную дипломатию», искал только повода, чтобы вмешаться. Китайский уполномоченный в Кантоне предоставил ему такой повод, конфисковав 20 тысяч ящиков опиума, находившихся на складах компании, и пригрозив арестом и казнью любому, кто будет пойман на котрабанде. Летом 1840 года двадцать британских фрегатов с четырьмя тысячами солдат на борту приблизились к берегам Китая.²⁹

Императорское правительство явно не имело представления о том, с каким противником ему предстоит столкнуться.

«У них есть мушкеты? Это означает лишь то, что они разучились пользоваться луками и арбалетами. Порох? Мы изобрели его много столетий назад, а наши города защищают пушки, отлитые уже в 13 веке. Кроме того, англичане одеты в такие тесные мундиры, что они вскоре начнут спотыкаться и падать и нам останется только отрезать им головы!»³⁰

Война спорадически тянулась два года и кончилась полным разгромом Китая. По мирному договору, подписанному в Нанкине в 1842 году, англичане получали компенсацию в 2 миллиона фунтов, право открыть торговые представительства в ещё четырёх городах, право превратить Гонг Конг в свой доминион. Опиум в договоре не упоминался, но его импорт за следующие двадцать лет возрос почти в три раза.³¹

Отразив внешние угрозы на границах Индии, Великобритания получила возможность уделить больше внимания проблемам административного управления многомиллионной страной, населённой десятками племён бесконечно далёких от европейской цивилизации. Их обычаи и верования уходили корнями вглубь веков, и любые попытки менять их могли вызвать серьёзные восстания. Но мог ли культурный выпускник Оксфорда или Кэмбриджа смириться с тем, что, по его понятиям, было проявлением дичайшего варварства?

Например, у многих индийских народностей глава семьи решал, оставлять ли новорожденную девочку в живых или тут же избавиться от неё. Выдавать дочерей замуж было дорогостоящим мероприятием, оно требовало серьёзных расходов на приданое, и не каждая семья могла себе это позволить. Английская администрация выпускала запрет за запретом на эти традиционные детоубийства, но как их проследить на деле и покарать нарушителей? Лишить новорожденную жизни и представить это смертью от естественных причин было слишком легко.³²

Другой страшный обычай: после смерти богатого или высокопоставленного человека сжигать вместе с ним его жён и наложниц. Формально считалось, что скорбящие

женщины уходят из жизни добровольно. Но опять же: как это можно проверить? Сохранились легенды о похоронах одного из вождей сикхов, за которым на тот свет отправились 10 жён и 300 наложниц. Но и среди бедноты считалось вопросом престижа, если вдова всходила на погребальный костёр вслед за умершим мужем. Для всей деревни это было возбуждающим зрелищем, а близкие родственники избавлялись от необходимости уделять вдове часть наследства.³³

Ещё один вид ритуальных убийств наносил большой вред внутренней торговле в стране. Легенда гласила, что ублажить богиню Кали можно, если поймать путешественника и задушить его полотняным ремнём без пролития крови. Естественно, находилось много желающих совершить это святое дело и получить багаж путника в виде компенсации. Первые указы против этой традиции были выпущены колониальной администрацией уже в 1829 году, но прошло ещё 20 лет, прежде чем они начали приносить какие-то результаты.³⁴

Однако самой трудноискоренимой оказалась практика работорговли. Британские религиозные деятели призывали к полной отмене рабства, правительство в Лондоне на словах поддерживало их, но колониальная администрация не решалась вступать в конфликт с богатыми работорговцами. Она ограничивалась полумерами, например, выпуском запрета на переправку рабов из одной провинции в другую. Только в 1858 году рабовладение было объявлено вне закона.³⁵

В течение всего 19 века происходило непрерывное расширение Британских владений в Африке. На западном побережье они включали Гамбию, Золотой Берег, Нигерию, Сиера-Леоне, Того. На северо-востоке — Египет и Судан. На восточном берегу — Занзибар, Кения, Танганьика. В глубине континента — Родезия, Свазиленд, Уганда.³⁶ В 1875 году премьер-министр Дизраэли настоял на покупке половины акций Суэцкого канала у турецкого сатрапа за 4 миллиона фунтов. Теперь морской путь в Индию сократился чуть ли не вдвое.³⁷

Карта континента делалась похожа на лоскутное одеяло. Филателисты всего мира гонялись за выпускаемыми каждый год красивыми марками колоний. Но оставалось ещё много белых пятен, которые в конце века попытались занять европейские государства, поотставшие в гонке за заморскими владениями.

Закат колониальной эры

Известный политолог Уолт Ростоу в своей книге «Стадии экономического роста» так описал политическую ситуацию конца 19 века:

*«Борьба за колонии велась по причинам, не имевшим смысла ни с экономической, ни с военной точки зрения. Соперничество возникало, собственно, потому что на мировой сцене господствовали воинственные национализмы, а колонии были признаны символом видного положения и силы держав».*³⁸

Однако, кроме военных и экономических стимулов, колонизация была окрашена ещё и моральными мотивами. Их имел в виду Киплинг, когда писал о

«бремени белого человека», их упоминает уже и Плутарх, когда указывает на «благородный предлог распространения цивилизации среди варваров».

Одна за другой европейские страны, поотставшие в этом азартном и престижном состязании, пускались на поиски ещё незахваченных территорий.

В 1865 году на бельгийский трон взошёл необычайно энергичный и талантливый монарх Леопольд Второй. Он был полон экспансионистских идей и проектов.

«Море омывает наши берега, — писал он, — весь мир открыт перед нами. Пар и электричество покорили расстояния. Все незанятые земли, особенно в Африке, должны стать местом наших операций и успеха».

Одним из незанятых участков в те годы оставался бассейн реки Конго. Он был покрыт непроходимыми тропическими лесами, реку во многих местах пересекали пороги. Король Леопольд пригласил на службу английского путеше-

ственника Генри Стэнли, который обследовал эти места. Был составлен сложный план освоения, нашлись торговые компании, согласившиеся вложить деньги в строительство железной дороги. Оказалось, что в лесах имеется много деревьев гевея, дающих каучук. Спрос на резину для велосипедных и автомобильных покрышек к тому времени начал стремительно расти, и вскоре на карте Африки появилась новая колония: Бельгийское Конго.

Следующим после бельгийцев у африканского «игорного стола» появился новый крупный игрок, Германия. После победы над Францией в 1871 году и успехов в индустриализации она сделалась силой, с которой все должны были считаться. В 1884 году Бисмарк созвал в Берлине международную конференцию, нацеленную на упорядочение африканских конфликтов. Искусно торгаясь и поддерживая то Британию, то Францию, он сумел выкроить для своей страны протекторат над Того и Камеруном на западе континента и над Танганьикой на востоке.

Единственным независимым государством в Африке в конце 19 века оставалась Эфиопия. В 1889 году императором этой христианской страны стал Менелик Второй, умело маневрировавший между колониальными державами и энергично скупавший у них огнестрельное оружие и боеприпасы. Это помогло ему разгромить итальянцев в битве при Адова (1896), когда те попытались превратить его империю в свою колонию.

Поражение не обескуражило Италию. В 1911 году она отвоевала у Османской империи Триполитанию и Киренаику. Преодолевая вооружённое сопротивление мусульманских племён, она, в конце концов, превратила всю Ливию в свою колонию. Под властью Муссолини она возобновила атаку на Эфиопию и завоевала её в 1936 году невзирая на протесты Лиги Наций.

Первая треть 20 века характеризовалась переменами, сильно ослабившими интерес европейских держав к колониальной экспансии. С одной стороны, в мире нарастал хор голосов, осуждавших с моральных и религиозных позиций угнетение отсталых народов. Колониальные владения представляли быть фактором престижа, наоборот клеймились как

несправедливость и жестокость. США, как было описано в Главе II-4, даже затеяли войну с Испанией под девизом освобождения её колоний. В Англии тоже либерально-гуманные настроения превращались в реальную политическую силу.

С другой стороны, индустриализация приводила к необычайному повышению эффективности сельского хозяйства. В Европе и США трактора, комбайны, сенокосилки, механические молотилки позволяли десятку работников обрабатывать поля, на которых раньше приходилось трудиться сотням. Население большинства колоний, находившееся на земледельческой или даже скотоводческой стадии, не могло конкурировать с фермерами индустриального мира, не могло произвести продокуцию, стоимость которой хотя бы покрывала расходы на колониальную администрацию. Колониализм переставал быть выгодным и после Второй мировой войны начал стремительно исчезать из мировой политики.

Оставался, правда, ещё человеческий фактор. Белые поселенцы, связавшие свою судьбу с колониями, занимавшие в них престижные позиции в верхних слоях, вдруг оказывались лицом к лицу с враждебным большинством туземцев, переставших признавать власть белого человека. В нескольких странах белое меньшинство попыталось восстать против своих правительств, когда те объявили о предоставлении независимости своим владениям. В Алжире, Родезии, Индокитае военное противоборство растянулось на несколько лет. Но, в конце концов, белым пришлось смириться с исторической неизбежностью.

Хаос и гражданские войны, начавшиеся в бывших колониях после ухода «угнетателей», превращали многие города и посёлки в дымящиеся развалины, заваленные трупами. Одно только отделение Индии от Пакистана сопровождалось массовыми убийствами, исчисляемыми семизначными числами. Кровопролитие в Азии и Африке продолжается и сегодня и будет тянуться ещё очень долго. Но, конечно, закоренелый «гуманист» объявит и эти жертвы «проклятым наследием колониализма». Признать его цивилизаторскую роль в истории он не согласится никогда.

Примечания

1. Durant, Will. *The Reformation. A History of Civilization, Part VI* (New York: Simon & Schuster, 1957), p. 262.
2. Ibid., p. 264.
3. Ibid., p. 194.
4. Ibid., p. 195.
5. Ibid. Bennett, Norman R. *Africa and Europe. From Roman Times to the Present* (New York: Africana Publishing Co., 1975), p. 100.
6. Durant, op. cit., p. 262,
7. Ibid., p. 265. Fuentes, Carlos. *The Buried Mirror. Reflection of Spain and the New World*. New York: Houghton Mifflin Co., 1992. p. 114.
8. Ibid.
9. Ibid., p. 130.
10. Ibid., p. 126. Durant, Will. *The Age of Reason Begins. A History of Civilization, Part VII* (New York: Simon & Schuster, 1961), p. 477.
11. Ibid., p. 589.
12. Ibid., p. 477.
13. Ibid.
14. Bennett, op. cit., p. 52.
15. Ibid., p. 53.
16. Durant-7, op. cit., p. 590.
17. Bennett, op. cit., p. 72.
18. Ibid., p. 125, 137. Churchill, Winston S., arranged by Com-mager, Henry Steele. *History of the English Speaking Peoples* (New York: Barnes & Noble, 1994), p. 215. Sears, Stephen W. (editor). *History of the British Empire* (New York: Heritage Publishers Co., 1973), p. 44.
19. Churchill, op. cit., p. 284.
20. Ibid.
21. Sears, op. cit., p. 150.
22. Ibid., p. 155.
23. Ibid., p. 160.
24. Ibid., p. 163.
25. Ibid.
26. Ibid., p. 167.
27. Ibid., p. 142.
28. Ibid., p. 144.
29. Ibid.
30. Ibid.
31. Bennett, op. cit., p. 143.
32. Churchill, op. cit., 434. Rostow, Walt W. *The Stages of Economic Growth* (Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1960), p. 147.
33. Plutarch. *The Lives of the Noble Grecians and Romans* (New York: The Modern Library, 1964), p.790.
34. Oliver, Roland and Atmore, Anthony. *Africa Since 1800* (Cambridge: University Press, 1972), p. 109.
35. Ibid.
36. Ibid., p. 111.
37. Ibid., p. 93.
38. Ibid., p. 185.

II-8. Войны за независимость

В этот час, в этот час, в этот миг
над карнизами кружится снег.
В этот час мы уходим от них,
в этот час мы уходим навек...

На чужбине отцы голосят:
«Никаких возвращений назад!»

Иосиф Бродский

Вплоть до Века Просвещения порыв человека к бессмертию повсюду реализовался в его религиозной жизни. Мой Бог, моя вера — это то, что было до меня и пребудет после. Пока я принадлежу своей церкви и сражаюсь за неё, я могу повторять за поэтом: «*Нет, весь я не умру*». Но научные открытия 16-17 веков пошатнули многие догматы христианства. Под их напором церковь начала дробиться, утрачивать былую цельность, терять монополию на обладание абсолютными истинами, на причастность к вечности. Душа человека начала искать новых путей к бессмертию, и отсюда вырастало новое мистическое осознание важности национальных корней.

Твоё племя, твой народ, говорящий на твоём языке, бережно хранящий заветы предков, традиции, обычаи и, в то же время, глядящий с надеждой на бескрайние горизонты грядущего, — вот что давало надежду продлить индивидуальное существование за могильную черту. Именно поэтому начиная с 18 века религиозные войны сходят на нет, и их место — по частоте, свирепости, кровопролитности — занимают войны за национальную независимость.

В этих войнах почти исчезает загадочный иррациональный элемент. Мы видим народ, племя, национальное меньшинство, обуреваемое естественным порывом, имеющее ясную цель. Оно было бы радо достичь этой цели мирным путём, но так как верховная власть в государстве, по разным причинам и под разными предлогами, препятствует освобождению, народ берётся за оружие.

Первой в ряду европейских стран, возникших в результате войны за независимость, стоит Голландия, сражавшаяся за выход из Испанской империи чуть не сто лет — об этой войне вкратце было рассказано выше, в главе «Религиозные войны». Попробуем теперь взглянуться в несколько других исторических примеров долгих освободительных войн, приведших к образованию самостоятельных государств наших дней. Возможно, такой обзор поможет нам глубже понять природу сепаратистских войн, полыхающих сегодня.

Соединённые Штаты Америки

Выше уже говорилось о том, что обе главные войны, протекавшие на территории Северной Америки, можно отнести и в разряд «гражданских», и в разряд «сепаратистских».

Попробуем задаться вопросом:

а что бы произошло, если бы правительство в Лондоне 1776 года и правительство в Вашингтоне 1861 года позволило недовольном районам своих стран мирно отделиться?

Скорее всего, в обоих случаях войны удалось бы избежать. История знает такие примеры: мирно отделилась Псковская республика от Новгородской в 14 веке; Швейцарские кантоны порвали свои связи с германскими княжествами; в 20 веке без войны распалась на два государства Чехословакия; а Россия так просто отпустила на волю вольную 15 народов. Но в Америке всё произошло так, как произошло. Поэтому оставим обе войны в тех категориях, к которым их отнесли историки.

Читателя, желающего расширить свои знания о возникновении США, я отсылаю к своим документально-историческим романам «Бунт континента» и «Джефферсон».¹ Здесь же мне хотелось бы выделить несколько важных моментов, не получивших до сих пор должного освещения в исторических исследованиях.

Первый момент: религиозный аспект противоборства. Он остался в тени, потому что на первый план вышли

речи, призывы, трактаты, статьи, дебаты отцов-основателей и участников первых конгрессов, которые, в большинстве своём, чаще посещали масонские ложи, чем церкви. Но народная масса крепко держалась верований своих отцов и дедов, то есть пуритан, пресвитериан, гугенотов, баптистов. Для неё доминирующее положение епископальной церкви, поддерживаемое королевским губернатором, было в тягость. Тем более что Лондон часто отправлял в колонии священников не первого сорта, с подмоченной репутацией, в чём-то проштрафившихся или даже спивающихся.

Другой малоосвещённый повод для недовольства: попытки парламента регулировать отношения колонистов с индейцами. Лондонские гуманисты, начитавшиеся трактатов Руссо о равенстве и уверовавшие в сочинённого им «естественного человека», то есть доброго и благоразумного дикаря, понятия не имели о том, что представляет собой жизнь поселенцев на западной границе. Коварные и безжалостные нападения племён, убийства женщин и детей, сдирание скальпов они интерпретировали как естественную реакцию на иноземное вторжение. Они даже не знали, что индейцы не имели такого понятия: «провести границы и не пересекать их». Делить территорию для них было такой же нелепостью, как делить свет, дождь, воздух.

Многим колонистам, участвовавшим в войне с французами в 1755-1763 годах, обещаны были в виде вознаграждения незанятые земельные участки на необжитых территориях. Но эти вознаграждения оставались только на бумаге. Вступить во владение участками колонистам запрещалось, если королевский чиновник объявлял это нарушением прав туземного населения.

Вся декада, предшествовавшая началу войны, была заполнена отправкой жалоб и петиций королю и парламенту, демонстрациями против введения налогов, организацией различных обществ и бойкотов импортных товаров и другими мирными акциями протesta. В парламенте хотя и раздавались голоса в поддержку американцев, они оставались в меньшинстве. А когда в Бостоне был выброшен в море с кораблей груз чая, обложенный ввозной пошлиной (1773), правительство решило, что пора применить силу. В колонию

были присланы войска, а бостонский порт закрыт, что лишило торговый город средств к существованию.

Четвёртое июля 1776 года принято считать датой основания США, ибо в этот день была торжественно оглашена «Декларация независимости», подготовленная Джефферсоном и утверждённая конгрессом, собравшимся в Филадельфии. Но на самом деле к этому моменту война уже тянулась больше года, в основном на территории Массачусетса. Когда в апреле 1775 года британское командование послало полк солдат в Лексингтон и Конкорд для захвата арсеналов колонистов и ареста «главарей бунтовщиков», оно не ожидало, что перед посланными подразделениями как из-под земли вырастут отряды ополченцев и полку придётся отступить после кровопролитных стычек с ними.

Осенью того же года в Массачусетс прибыл генерал Джордж Вашингтон с войсками, набранными в других колониях, и осадил британский гарнизон в Бостоне. Не могло быть и речи о том, чтобы штурмовать хорошо укреплённый город. Армия американцев состояла из необученных добровольцев полных энтузиазма, но понятия не имевших о том, что такое дисциплина. Вольнолюбивые охотники, фермеры, рыбаки, ремесленники совершенно не привыкли к тому, чтобы кто-то с утра до вечера говорил им, что следует делать.

У осаждавших не хватало пороха, оружия, продовольствия, зимнего обмундирования. Окрестный лес скоро вырубили на дрова, и солдаты мёрзли в наспех вырытых землянках. Если доброволец получал из дома какое-нибудь тревожное известие, он считал себя вправе устроить себе отпуск, да ещё прихватить с собой ружьё, чтобы подстрелить какую-нибудь дичь по дороге. С наступлением весны можно было ожидать прибытия мощных подкреплений из Британии. Необходимо было что-то срочно предпринять до этого момента.

Из всех предлагавшихся ему планов Вашингтон выбрал тот, который содержал элемент внезапности. За триста миль к западу от Бостона, в отбитом у британцев форте Тикандерога были захвачены в качестве трофеев великолепные мортиры, гаубицы, кулеметы — всего около шестидесяти

стволов. Полковник Генри Нокс с небольшим отрядом и с бескоростной помощью жителей городков, расположенных на пути следования, сумел провести через заснеженные горы караван тяжёлых саней, нагруженных грозной артиллерией.

Теперь предстояло осуществить второй этап задуманного плана. К юго-западу от Бостона находились Дорчестерские высоты, с которых открывался вид на гавань, где зимовал британский флот. Было ясно, что любая попытка захватить эту выгодную позицию и начать устанавливать батареи вызовет убийственную контратаку осаждённых, которую будет невозможно отбить на неукреплённых позициях. Решено было использовать приём, описанный в английской книге по фортификации: *переносные бастионы*.

Делались они так: из двенадцати брёвен длиной в человеческий рост сколачивался пустой куб, который заполнялся связками хвороста. Такую конструкцию можно было легко разобрать, погрузить на подводы, доставить в нужное место и собрать заново. Удара ядра подобный бастион выдержать не мог, но вполне защищал от пуль и картечии.

В глубокой тайне три тысячи солдат были отправлены в окрестные горы заготавливать фортификационную новинку. В разобранном виде бастионы подвозили по ночам к Дорчестерским высотам. Чтобы заглушить стук колёс, в назначенную ночь начался массированный артиллерийский обстрел города. И наутро изумлённые британские моряки увидели нечто непостижимое: на вчера ещё голых холмах выросли вражеские редуты, ощетинившиеся пушечными стволами.

«Немедленно атаковать!» — приказал адмирал Хоу.

Но его офицеры указали ему на то, что холмы слишком высоки и ядра корабельных пушек их не достигнут, а без мощной артподготовки атака по голым склонам холмов под огнём картечии обернётся бессмысленным кровопролитием. Было решено вступить в переговоры с осаждавшими.

«Если вы дадите флоту и гарнизону уплыть беспрепятственно, мы не станем сжигать город», — предложили британцы. Осаждавшие согласились на эти условия, и в марте 1776 года английский флот, перегруженный войсками и

семьями тех американцев, которые остались верны королю (лоялисты), покинул гавань Бостона.²

В дальнейшем ходе войны Вашингтону тоже удавалось одерживать победы над регулярной британской армией только тогда, когда можно было напасть на неё врасплох. В боях за Нью-Йорк осенью 1776 года это оказалось невозможно, и британцы смогли захватить город, в котором лоялисты встретили их с восторгом. Во время отступления через колонию Нью-Джерси американская армия таяла не только от вражеских пуль и ядер, но и оттого, что у ополченцев кончались сроки службы и они уходили домой. В декабре осталось лишь две с половиной тысячи солдат, отброшенных за реку Делавер. Британцы считали, что эта оборванная, замерзающая толпа не представляет никакой угрозы и в течение зимы она растает сама собой. Этой самоуверенностью врага и воспользовался Вашингтон.

Из сообщений лазутчиков он знал, что в городе Трентон расположился отряд гессенских наёмников числом в полторы тысячи. В Рождественскую ночь с 25 на 26-е декабря, под прикрытием снежного бурана американцы, расталкивая льдины вёслами, пересекли Делавер, проделали восьмимильный марш-бросок по лесистому левому берегу и на рассвете обрушились на спящий город. После недолгого боя они захватили 900 пленных, большие запасы пороха, фураж, мушкетов, несколько орудий. Этот успех необычайно поднял дух восставших, вернул им надежду на возможность победы.

Сражения продолжались несколько лет и в северных, и в южных колониях. В 1778 году Франция вступила в союз с американцами и объявила войну Англии. Это дало возможность Вашингтону подготовить и осуществить осенью 1781 года блистательную операцию по окружению и разгрому британской армии под Йорктауном, в Вирджинии. И снова элемент внезапности оказался ключевым в этой победе.

Американцы начали с того, что имитировали подготовку штурма Нью-Йорка. В их палаточный лагерь на берегу Гудзона ежедневно прибывали гружёные подводы и уезжали пустые, суда подтягивали понтоны, строились де-

сантные баржи, по ночам горели костры. На самом же деле десятитысячная армия незаметно покинула свои позиции и быстрыми маршами двигалась на юг. Там, в Вирджинии, британский корпус под командой генерала Корнвальяса неосторожно запер себя между устьями двух рек: Джеймс и Йорк. Французский флот, вошедший в Чезапикский залив, отрезал возможность отступления морем. После кровопролитной двухмесячной осады Йорктаун был взят, и британцы капитулировали.

Это было последним крупным сражением Войны за независимость. Мир подписали в Париже летом 1783 года. Но выработка конституции нового государства, восстановление разрушенного хозяйства, залечивание ран тянулись ещё долго. В какой-то момент хаос достиг такой степени, что близкие соратники Вашингтона просили его взять бразды правления в свои руки, даже принять корону. Но Вашингтон, отслужив два срока на посту президента, ушёл в отставку. Когда об отказе от короны узнал английский король Георг Третий, он воскликнул:

«Это величайший человек нашего века».³

Греция

Турки-османы, покорившие Византию и завоевавшие Константинополь в 1453 году, три с половиной века господствовали над народами Балканского полуострова. В глазах победоносных кочевников эти земледельцы, питавшиеся тем, что растёт из земли, не знавшие «истинного Бога», говорившего устами пророка Мухаммеда, были людьми низшего сорта. Все они обозначались словом *tayah* — «райя», то есть «скот». Им запрещено было носить оружие и ездить верхом. Они должны были платить налог с каждой головы — за это им разрешалось сохранять голову на плечах и даже молиться своему Христу.⁴

Православный патриарх в столице Османской империи и назначаемые им епископы выполняли для турецких султанов роль местной администрации, управлявшей христианскими подданными. Так как Коран запрещал финансющую деятельность, банкирами и купцами становились греки,

армяне, евреи. Но ограничения, накладываемые на них, приводили к тому, что экономика страны оставалась крайне отсталой. Британский посол в Стамбуле писал, что за шесть дней пути в провинции ему не попалось ни одной деревни, в которой путешественник мог бы купить еды, он питался только собственными запасами.⁵

На крестьян, трудившихся в долинах, часто нападали шайки грабителей, укрывавшихся в горах. Также и корсары всех сортов устраивали налёты на приморские города и деревни. Явление это сделалось таким распространённым, что турецкое правительство, наконец, разрешило грекам иметь оружие для самообороны. Ведь ограбленный и разорённый крестьянин не мог уплатить налог, а казна остро нуждалась в постоянном притоке средств для войн, которые Турция вела с Австрией, Россией, Персией и итальянскими республиками.

Наполеоновские армии обошли Балканский полуостров с другой стороны. Но веяния Французской революции проникали в Грецию через многочисленные колонии греков-эмигрантов, обосновавшихся в европейских городах. Также и в Российской империи православные греческие беглецы находили приют, особенно на берегах Чёрного моря и в Крыму, аннексированном у Турции в 1783 году.

*«Образованные греки в Европе были восприимчивы к идеям либерализма и национальной независимости... В создаваемых ими общинах строились церкви и школы, открывались библиотеки и издательства».*⁶

Внутри Османской империи религиозные чувства тоже усиливали националистические тенденции, подогревали враждебность к угнетателям-мусульманам. Недаром восстание в Пелопонесе началось сзыва, брошенного турецким властям митрополитом Патроса: вопреки их запрещению он водрузил крест на своей церкви 25 марта 1821 года, и этот день до сих пор отмечается в Греции как праздник независимости.⁷

В том же марте небольшая армия греков проникла на территорию империи с востока. Её вёл бывший флигель-адъютант русского царя, грек Александр Ипсиланти. Он надеялся поднять восстание в Молдавии и Валахии, но надеж-

ды эти не оправдались. Турецкая армия отразила вторжение, а на подавление восстания в Пелопонессе был направлен большой корпус из Египта. Взбешённый султан Мехмед Второй потребовал, чтобы патриарх Грегори Пятый подверг бунтовщиков анафеме. Патриарх подчинился, но несмотря на это вскоре был повешен на воротах своего дворца в Стамбуле.⁸

Жестокость, с которой подавлялось восстание греков, вызвала шумные протесты в Европе. С осуждениями выступали Гёте, Шиллер, Гюго, Перси Шелли, лорд Байрон. Французский художник Делакруа нарисовал картину «Резня на Хиосе»⁹, которая произвела такой же эффект, как сто лет спустя — «Герника» Пикассо. Но у греков не было политического единства. Простой народ ненавидел турок и при любой возможности отвечал резней на резню. Верхние же слои купечества и церкви считали, что Османская империя на дёжнее защищает их привилегии, чем это будут делать революционно настроенные националисты, если им удастся добиться независимости.

Карательный корпус из Египта высадился на Пелопонессе в феврале 1825 года. Один за другим он завоевывал города, захваченные повстанцами. Афины держались дольше других, но и они капитулировали после долгой осады.¹⁰ Зато на море война продолжалась. Небольшие манёвренные бриги греков, базировавшиеся на островах, смело нападали на турецкие суда, затрудняли работу морских коммуникаций. Они часто применяли диверсии с использованием брандеров — подожжённых кораблей, которые команда направляла на вражеский флот и покидала лишь в последний момент.

Летом 1826 года султан Мехмед Второй зачем-то попытался провести реформу корпуса янычар. Маскируя её ссылками на Коран и другие священные тексты, он, по сути, попытался расколоть эту элитарную гвардию на две части. Янычары воспротивились, подняли восстание в Стамбуле, начали грабить и жечь дома, охотиться за министрами, которых они считали инициаторами реформы. Для подавления бунта султану пришлось использовать регулярные войска, численность которых историки оценивают в 20 тысяч и

больше. Артиллерия открыла огонь по казармам янычар, множество восставших погибло в начавшемся пожаре.¹¹

Можно задать себе вопрос:

почему в момент тяжёлой борьбы с восставшими греками султан решился на военные реформы, которые наверняка должны были спровоцировать янычар на вооружённый протест? Не было ли это связано с тем, что весной 1826 года до Стамбула должны были дойти вести о восстании декабристов в Петербурге?

Бунт собственной гвардии — вот главная угроза, всегда висящая над головой единовластного повелителя, и ради отражения её он готов на время забыть все остальные.

Войны за независимость редко достигают успеха без мощной военной помощи извне. Но кто мог бы прийти на помощь грекам? Для католиков Австрии и Италии православные жители Османской империи были еретиками, не стоявшими того, чтобы защищать их от мусульман. Всё же российским дипломатам удалось создать антитурецкую коалицию, и в 1827 году к берегам Греции подошёл соединённый флот Франции, Британии и России.¹²

Монархи, пославшие этот флот, дали своим адмиралам довольно расплывчатые инструкции: приугнуть турок и заставить их уйти из Пелопонеса. Но гордый командир турецкого экспедиционного корпуса отказался подчиниться и открыл огонь по шлюпу с парламентёрами. Это уже был явный предлог для начала военных действий. Объединённая армада вошла в Наваринский залив и 27 октября 1827 года, там завязалось морское сражение, в котором турки потеряли 60 кораблей, а нападавшие ни одного.¹³

В следующем году Россия начала войну с Турцией на Кавказе, закончившуюся полной победой российской армии под командой генерала Паскевича. Пользуясь ослаблением Османской империи, Дмитриус Ипсиланти прошёл со своим войском через Аттику и Беотию и осенью 1829 года разбил турок под Фивами. В 1830 году в Лондоне был подписан протокол, объявлявший Грецию независимым государством.¹⁴

Первым лидером новой республики стал Иоанн Каподистриас, который в своё время был министром ино-

странных дел российского императора Александра Первого (совместно с Нессельроде). Ему досталось управлять народом, представлявшим бурлящую массу враждующих и соперничающих группировок, не имеющих никакого опыта свободной жизни под властью законов. Страна оказалась на грани гражданской войны. Внешним силам снова пришлось вмешаться. Франции, Британи, России и Баварии удалось договориться, и они совместными усилиями объявили Грецию королевством. На трон в 1833 году был возведён семнадцатилетний баварский принц Отто Первый. Столицей стали Афины, где вскоре построили королевский дворец и университет.¹⁵ После двухтысячелетнего перерыва греки вернулись в семью независимых народов.

Польша

Лондонский протокол, объявлявший об этом событии, был обнародован в 1830 году. Можно ли считать случайным совпадением то, что в этом же самом году вспыхнуло восстание на польских землях, находившихся под властью Российской империи? Независимая Греция, конечно, добавила решимости полякам. Но ещё больше должна была их вдохновить июльская революция во Франции, покончившая с правлением династии Бурбонов.

Описанию долгой борьбы поляков за независимость, мы должны предпослать хотя бы краткий обзор того, как они эту независимость утратили. Что должно было произойти, чтобы страна, простиравшаяся в 17 веке от Балтийского моря до Чёрного, побеждавшая Россию, Турцию, Австрию, Швецию, вдруг исчезла с карты Европы?

Политическое устройство Польши с самого начала представляло собой уникальный гибрид монархического и аристократического правлений, немного напоминающего венецианский вариант. Знатная верхушка страны, шляхта, собиралась на свои сеймы для обсуждения важных государственных дел и для выборов очередного короля. Однако решение большинства не делалось обязательным для меньшинства. Любой шляхтич имел «право вето», он мог встать на собрании и выразить свой протест, что аннулировало

принятое решение. Это открывало возможность для иностранных правительств вмешиваться в борьбу за власть. Так, например, в 1733 году сейм избрал королём Станислава Лещинского. Но Россия и Пруссия поддержали меньшинство, выступавшее за угодного им претендента, Августа Третьего Саксонского, победили в разразившейся «Войне за польское наследство», и Август Третий сделался их послушной марионеткой на 30 лет своего правления.¹⁶

Если описывать политическую трансформацию Польши 17-18 веков в терминах нашего исследования, можно сказать, что порыв польской шляхты к самоутверждению настолько пересилил порыв к сплочению, что государство утратило контроль над своей судьбой, как утрачивает его человек, слишком склонный следовать своим минутным капризам. Русский историк Ключевский имел полное право сказать, что

*«польская конституция была узаконенной анархией».*¹⁷

Польша, ослабленная политически и экономически, стала игрушкой дипломатических интриг своих грозных соседей.

*«После второго раздела (1793) десятимиллионная Речь Посполитая... сократилась в узкую полоску между средней и верхней Вислой и Неманом... Восстание 1794 года с объявлением войны России и Пруссии и с диктатурой Костюшко было предсмертной судорогой Польши... Конвенция трёх держав, поделивших между собой остаток страны, закрепила международным актом падение польского государства (13 октября 1795 г.)».*¹⁸

Вторжение в эти страны Наполеоновских войск вернуло полякам надежду на независимость. Они смело сражались за Бонапарта под Мадридом и под Москвой, но в 1815 году все надежды были окончательно разбиты.

Правда, следует отдать должное тому, как повела себя победившая Россия. На Венском конгрессе, где решались послевоенные судьбы стран и народов, царь Александр Первый настоял на предоставлении полякам широкой автономии.

мии внутри монархий, в которых они проживали. В российской части

*«была выработана конституция, по ней законодательная власть принадлежала избираемому сейму... Так случилось, что завоёванная страна получила учреждения, более свободные, чем какими управлялась страна-заповедница».*¹⁹

Воцарение Николая Первого положило конец либеральным преобразованиям его предшественника. Напуганный восстанием декабристов (1825) и революционным брожением в Европе, он считал своим долгом подавлять все свободолюбивые порывы в своей империи. И когда поляки, ободрённые Французской июльской революцией, восстали в ноябре 1830 года, он без промедления отдал приказ своим войскам подавить этот мятеж.

Как это всегда бывает, в рядах восставших не было единства. Дальнозоркие, провидя безнадёжность чисто военного противостояния, склонялись к выдвижению умеренных требований и лозунгов. Близорукие рвались покончить с властью захватчиков и объявили своей целью свержение российского императора.²⁰

«Чем мы хуже французов, свергнувших своего монарха?!»

Они начали с атаки на резиденцию российского губернатора, великого князя Константина, брата царя. Во главе польского правительства встал князь Адам Чарторыйский, пользовавшийся большим авторитетом в своей стране и в Европе.

Военные действия продолжались в течение года. Поляки не раз проявляли отменное мужество, но их разрозненные отряды не могли противостоять регулярным русским войскам, ведомым опытным генералом Паскевичем. В октябре 1831 года осаждённая Варшава капитулировала, и начались аресты, казни, высылки в Сибирь, конфискации и усиленная русификация покорённых территорий. Были закрыты университеты, прекращена деятельность сейма, запрещены любые военные организации.²¹

Европейское общественное мнение выступало с бурными протестами, на которые Пушкин откликнулся знаменитым пророссийским стихотворением «*О чём шумите вы, народные витии?*» Но никакой реальной военной помощи польское восстание не получило. Франция, так активно помогавшая американцам и грекам в их борьбе за независимость, здесь ограничилась дипломатическими нотами. И причина этой сдержанности была очевидна: прямая помощь означала бы конфронтацию не только с Россией, но и с Австрией и Пруссией, которые отнюдь не желали пробуждать надежды на независимость у поляков, проживавших внутри их границ.

То же самое произошло и тридцать лет спустя, во время Польского восстания 1863 года. Франция, Англия, папа римский направляли ноты в Санкт-Петербург, но не пушки и порох в Варшаву. Туда прибыл с большим войском генерал Муравьёв, который своими суровыми карами заслужил прозвище «вешателя». Но общественное мнение в России было настроено решительно против поляков. Поэты Тютчев и Некрасов приветствовали строгости Муравьёва, поэт Фет писал Толстому, что он готов снять саблю со стены и идти «рубить ляха без жалости». Один Герцен в лондонской эмиграции вступился за восставших, но после этого популярность его «Колокола» в России резко пошла вниз.

Только разгром Австрии и Германии в Первой мировой войне дал Польше реальный шанс на обретение независимости. Но и тут, чтобы это произошло, молодая польская армия под командой генерала Юзефа Пилсудского должна была отчаянно отбиваться от большевистских корпусов Будённого и Тухачевского, подступавших к Варшаве в 1920 году. Конечно, за последовавший двадцатилетний период между мировыми войнами страна не могла набрать достаточно сил, чтобы выдержать одновременное вторжение полчищ Гитлера и Сталина в 1939 году. Ещё полвека должно было пройти, прежде чем распад коммунистического лагеря дал Польше возможность стать по-настоящему самостоятельным государством, завершающим сегодня вступление в индустриальную эру.

Оглядывая два последних столетия в истории польского народа, мы имеем право сделать немаловажное наблюдение:

Прочную государственную конструкцию невозможно выстроить там, где жажда сплочения в народной жизни не получает достаточных возможностей для реализации, потому что слишком теснима жаждой самоутверждения, объявляющей себя жаждой свободы.

«Польская спесь», «заносчивая шляхта», «гордые ляхи» — эти выражения не зря утвердились в русском языке. Так же утвердились в мировом общественном мнении представления о России как о «тырье народов», о вечно «угнетателе», о враге всего талантливого и своеобразного. Но есть один фактор в истории двух соседних славянских народов, который заслуживает внимания: невероятное число польских фамилий в пантеоне русской славы 19 века.

Конечно, родословную всех проследить невозможно, польские корни часто теряются во мраке ушедших веков, но само такое сгущение не может быть случайным. Должно было существовать в устройстве Российской империи какое-то благотворное начало, чтобы в ней могли созреть и творить литераторы Баратынский, Гоголь-Яновский, Достоевский, художники Генрих Семирадский, Михаил Врубель, Казимир Малевич, учёные Николай Лобачевский, Софья Ковалевская, Константин Циолковский, исследователи Николай Пржевальский и Леон Барщевский, философы Николай Лосский и Василий Зеньковский. Число офицеров и генералов польского происхождения, прославившихся на службе русским императорам, перевалил за тысячу, даже знаменитый Григорий Потёмкин был из известного польского рода Потемпковских.

Думается, это «благотворное начало» напрямую связано с тем, что Пётр Первый, в своей борьбе с засильем знатного боярства, ввёл в начале 18 века так называемую «Табель о рангах». Это была система, позволявшая неродившимся, но одарённым и энергичным молодым людям подниматься по лестнице чинов как военных, так и статских, в соответствии с проявленными способностями и исполнительностью. Переход в православие сильно помогал карьере,

но вообще иностранцы и иноверцы не подвергались дискриминации, костёлы, кирхи, мечети имелись в обеих столицах и других крупных городах. В дворянском сословии множество родов вели свою историю от татар, ливонцев, шведов, шотландцев, немцев, греков и, конечно, поляков, поступавших на службу к русским царям. Не здесь ли таится разгадка могущества Российской империи, только возрас-тавшего на протяжении двух веков?

Италия

В сознании русского читателя слова «История Италии» вызовут первым делом блестательную эпоху Возрождения, потом воображение сразу перенесёт его в век двадцатый: Муссолини, Вторая мировая война, расцвет «неореализма» в кинематографе — Висконти, Феллини, Антониони, Бертолуччи. А что же было в промежутке, хотя бы в 19 веке? Кажется, там бунтовали какие-то карбонарии, геройствовал Артур из романа «Овод», Жерар Филипп печально смотрел на двор тюрьмы из окна «Пармской обители». Ещё русские художники обучались живописному мастерству, а Гоголь в добровольном изгнании сочинял «Выбранные мес-та из переписки с друзьями».

Было бы несправедливо обвинять россиянина в пло-хом знании истории. Ибо в первой половине 19 века не было на карте Европы такой страны — Италия. Весь Аппенин-ский полуостров и прилегающие острова были поделены между соседними империями так же основательно, как и Польша. Даже итальянский язык с трудом выживал в образованном слое, а народ общался при помощи местных ди-алектов, и житель Калабрии лишь с большим трудом мог бы понять жителя Ломбардии. 75% были неграмотны.²²

Всё же после потрясений Наполеоновской эры новое поколение итальянцев заразилось мечтой вернуть народу былое единство и славу, утолить жажду национального сплочения. Среди революционеров большой авторитет приобрёл Джузеппе Манзини, создавший организацию «Моло-дая Италия». Этим мечтателям приходилось вступать в про-тивоборство с могучим и безжалостным полицейским аппа-

ратом двух империй, Австрийской в северных районах и Испанской в южных.

*«Обладание оружием или распространение республиканской пропаганды каралось смертью. Многие патриоты были повешены, брошены в тюрьму, подвергнуты бичеванию. Оккупационная полиция австрийцев избивала даже женщин».*²³

Тем не менее спонтанные бунты вспыхивали то в одном месте, то в другом: в Генуе в 1835 году, в Сицилии в 1837, в Калабрии в 1844, в Римини в 1845. В 1848 году волна революций прокатилась по всей Европе, не обошла она и Италию. В марте восстали жители Милана, изгнали австрийский гарнизон. Вскоре их примеру последовали венецианцы, они провозгласили создание республики. Итальянцы, жившие в независимом Сардинском королевстве (Пьемонт) объявили войну Австрии, которая в это время была отвлечена подавлением восстаний в Чехии, Венгрии, даже в столице Вене.²⁴

Как и следовало ожидать, европейские монархии выступили единым фронтом против революционных движений. Им было гораздо легче находить общий язык, чем разненным сторонникам республиканского правления. Умеренный средний класс в Италии с большим подозрением относился к идеям Манзини, который призывал к всеобщему избирательному праву и чуть ли не к социализму в духе герцога Сен-Симона. Республиканцы вынуждены были отступать на всех фронтах, восстание в Риме было подавлено. Сицилия снова стала частью Неаполитанского королевства, в котором правили испанские Бурбоны. Венеция после шестинедельной осады капитулировала перед австрийцами. Первая война за независимость Италии закончилась поражением патриотов.²⁵

Дальше следуют десять лет брожения, сортирования новых сил, поисков новых союзников. В эти годы только северо-запад Апеннинского полуострова оставался итальянским и назывался Королевством Сардиния или Пьемонтом, со столицей в Турине. Премьер-министром там, в 1852 году, стал талантливый политик, Камилло Кавур. Он сумел поднять международный престиж Пьемонта, присоединившись

к англо-французской коалиции в Крымской войне. Войдя в секретные переговоры с Наполеоном Третьим, Кавур заручился поддержкой Франции и в 1859 году решил на борьбу с Австрией за освобождение Ломбардии. Так началась вторая война за независимость Италии.

Пьемонтцы выдерживали натиск австрийцев достаточно долго, чтобы французы подоспели к ним на помощь. Австрийская армия была разбита при Монтеццолло, при Магенте, при Солферино, также удалось освободить Милан. Но на мирных переговорах Наполеон Третий не проявил достаточно твёрдости в отстаивании интересов своих союзников — итальянцев. Тем более что в это время Пруссия пригрозила вмешаться в войну на стороне Австрии. Только Ломбардия была присоединена к Пьемонтскому королевству.²⁶

Зато в центральной Италии, ободрённые победами на Севере, подняли успешное восстание карбонарии. Эта секретная организация была самой сильной из подпольных группировок. Структура её напоминала масонские ложи, но, в отличие от интернациональных устремлений масонов, карбонарии нацеливали свою деятельность исключительно на Италию и оставались в рамках христианских идеалов и вероучения. Король Пьемонта, Виктор-Эммануил Второй, двинулся во главе своей армии в направлении Рима.

В эти же месяцы революционные события разворачивались в Сицилии. Там Гарибальди собрал армию из тысячи патриотов, которые называли себя «краснорубашечники». С невероятной лёгкостью это войско завоевало весь остров, пересекло пролив, взяло Неаполь и тоже двинулось на Рим. Гарибальди был последователем Манзини, пьемонтцы с большой опаской относились к его радикальным идеям. Политическая рознь грозила перерасти в вооружённое противоборство, когда две армии стали друг против друга в окрестностях Рима.

Многие сторонники Гарибальди настаивали на том, чтобы он объявил южную Италию республикой. Он колебался, но, в конце концов, решил, что единство страны важнее. Он признал Виктора Эммануила королём объединённой Италии. Пьемонтцы завершили разгром армии Неаполитанского королевства. 17 марта 1861 года в Турине было торже-

ственno провозглашено создание королевства Италия, парламентской монархии.²⁷ Правда, избирательные права в новом государстве предоставлялись только тем жителям, которые платили значительные налоги. Это привело к тому, что, по данным 1870 года, в выборах участвовали только 2% населения.²⁸

Ирландия

В своих отношениях с Ирландией в веках 17-18 Англия была похожа на богатое семейство, которому приходится терпеть бедную и скандальную родню, живущую за ручьём: совсем порвать с нею будет как-то не по-божески, а пригласишь в гости, так и жди свары, драки, разбитых окон, оскорблений гостям и хозяевам. Но потеря заокеанских колоний в Америке в 1783 году подтолкнула Вестминстер принять решительные меры по улучшению отношений: было объявлено о создании отдельного Ирландского парламента, которому вручалась вся законодательная власть на острове. Исполнительная власть оставалась в руках губернатора, присыпаемого из Лондона.²⁹

Эта реформа утихомирила сепаратистские настроения, но ненадолго. Вдохновлённые французской революцией радикалы в 1791 году создали общество «Объединённые ирландцы», возглавленное Вольфом Тоном. Снова начались бунты, стычки, поджоги поместий. Посреди войны с Наполеоновской Францией всё это представляло серьёзную опасность. Премьер-министру Питту-младшему удалось в 1800 году провести новую реформу: объединить британский парламент с ирландским. Ирландцы получили 100 мест в Палате общин и 32 — в Палате лордов.³⁰ Но как примирить разницу религий? В 1829 году лидер ирландских националистов О'Коннелл был избран в парламент. По закону, при вступлении в депутатскую должность он обязан был присягнуть английскому монарху, признавая его главой церкви. Формально это означало, что депутат-католик признает главой своей церкви не папу римского, а британского короля. О'Коннелл отказался присягнуть и был исключён из парламента. Вся католическая Ирландия ответила взрывом воз-

мущения, шаткий союз между двумя народами снова затрещал.

В середине 19 века к политическим и религиозным поводам для раздора добавились и экономические. Англия быстро входила в индустриальную эру, её сельское хозяйство оснащалось механическими сеялками, молотилками, веялками, паровыми мельницами, химическими удобрениями. Отсталая Ирландия не могла конкурировать с ней. Экспортировать ей удавалось только продукты животноводства и шерсть. Это означало расширение пастбищ и сокращение территории для посева. Мелкие арендаторы беднели, не могли выплачивать ренту, с трудом выживали на картошке. И тут, как казни египетские, их единственный источник пропитания был поражён загадочной эпидемией.

По-английски это заболевание картофеля называется blight, на научном русском — «кальтернариоз» или «раннее увядание». Возбудитель образует множество спор, которые распространяются ветром или брызгами дождя. В 1845 году в Ирландии погиб почти весь урожай картофеля, и это бедствие повторилось ещё три раза. «Великий голод» остался страшным пятном в истории страны.

Британское правительство пыталось прийти на помощь, но без большого успеха. Население почти не пользовалось деньгами, в сельской местности не было сети лавок, где можно было бы купить продовольствие. Крестьянин обычно оплачивал ренту своим трудом, а питался тем, что выращивал в огороде. Благотворительные организации отправляли маис из США, но ирландцы не знали: как превращать твёрдые зёрна в муку. По разным оценкам от голода погибло больше миллиона человек.

Другим следствием этого бедствия сделалась массовая эмиграция в Америку и Канаду.

«Они набивались в любое судёнышко, какое подвернётся. К этим кораблям прилипло название “плавучие гробы”. Каждый девятый эмигрант умирал в пути. К 1851 году уровень эмиграции достиг четырёх миллиона в год, и это продолжалось и в последующие годы».

Конечно, народное сознание должно было отыскать виновного в такой катастрофе. И оно нашло его. Даже сегодня девять из десяти опрошенных ирландцев скажут вам, что голод был нарочно устроен англичанами.

Во второй половине 19 века терроризм становится частью политической жизни Европы. В Италии террористы стали известны под именем карбонариев, во Франции — анархистов, в России — народовольцев, потом эсеров, в Ирландии — фениев, фенианцы, потом ИРА (Ирландская революционная армия). В английском парламенте всё громче раздавались голоса, призывающие предоставить острову полное самоуправление. Премьер-министр Гладстон несколько раз выносил на голосование этот билль, но его проваливали раз за разом.

Трудность состояла в том, что протестанты и католики успели тесно перемешаться в Ирландии. Перспектива оказаться под властью католического большинства внушала ужас протестантскому меньшинству. Как правило, землевладельцы были протестантами, это они взимали ренту с крестьян и становились объектами ненависти, нападений, остракизма. Шумная компания против одного из них превратила его фамилию в новое слово в английском языке: «бойкот» (Чарльз Бойкот).

Пока в парламенте продолжались дебаты, враждующие стороны готовились к вооружённой борьбе. В северных графствах протестантами была создана бригада «Волонтьёры Ольстера», и многие офицеры английской армии объявили, что они скорее уйдут в отставку, чем станут воевать против ольстерских добровольцев. Впротивовес этим отрядам на юге формировались подразделения «Республиканского братства» — «Волонтьёры Ирландии». Деньгами и оружием им активно помогали ирландские общины, обосновавшиеся в США. Летом 1914 года все ждали начала военных стычек. Они не случились только потому, что в августе вспыхнула Первая мировая война.

Это событие на какое-то время притушило внутреннюю вражду. Многие ирландцы смело сражались в рядах британской армии на континенте, их потери за четыре года войны оценивают в 50 тысяч. Но радикальная часть анти-

британского движения, наоборот, попыталась воспользоваться удачным стечением обстоятельств и в апреле 1916 года подняла восстание в Дублине. Возглавить его должен был сэр Роджер Кэймант, которого немецкая подводная лодка тайно высадила на берег вместе с партией оружия. (Невольно вспоминается доставка в Петроград в запломбированном вагоне другого политического радикала, осуществлённая немцами год спустя.)

Апрельское (или «Пасхальное») восстание не получило широкой народной поддержки. После недели боёв в Дублине и окрестностях бунтовщики были разбиты, их лидеры схвачены и казнены, включая и сэра Кэймента. Но вражда не угасла и вспыхнула новым пожаром сразу после капитуляции Германии в ноябре 1918 года.

21 января 1919 года 73 депутата английского парламента, объявившие себя полномочным парламентом Ирландии, приняли декларацию о суверенитете Ирландии, провозгласили Ирландскую республику и потребовали немедленного вывода английских войск с территории острова. Было сформировано временное ирландское республиканское правительство. Президентом республики был избран лидер националистической партии Де-Валера. Вскоре начались террористические акты ИРА против английских властей. Английская полиция противодействовала им, что часто выливалось в боевые действия.

В 1922 году новорожденная республика была разделена на две части: 26 южных графств были объявлены саморукляемым доминионом со столицей в Дублине; шесть северных графств остались в составе Британского королевства со своим парламентом в Белфасте. После этого «протестантов, живших на юге, начали грабить, теснить, лишать имущества и земли. Дома, церкви, учреждения поджигали. Случались и массовые убийства... Массовое бегство на север достигло маштабов, каких Британия не знала с 17 века.

Раздор проник и в ряды католиков. Партия Шин-Фейн раскололась: одна часть поддерживала новое национальное правительство в Дублине, другая — радикалов ИРА. Она требовала полного разрыва с Англией и оккупации шести северных графств. Летом 1922 года война за независимость

зависимость переросла в гражданскую войну, в которой уже католики убивали католиков.

Английский писатель Рой Керридж так охарактеризовал особенности ирландского национализма:

«У них с незапамятных времён существовала каста воинов, которая сегодня называется ИРА. Их нельзя назвать патриотами, потому что в прошлом они были готовы призывать на роль правителей испанцев, французов, немцев — лишь бы навредить Англии. Мы, англичане, останемся навсегда врагами в глазах касты воинов, что бы мы ни делали».

История терроризма, развязанного ИРА в Ольстере в годы после Второй мировой войны, подтверждает это печальное наблюдение. Казалось бы, что стоит радикалам-католикам просто переехать из ненавистного протестантского Ольстера в соседнюю независимую католическую Ирландию? Нет, они предпочитают оставаться там, убивать протестантов и провоцировать их на ответные убийства. Иррациональность такого поведения даёт нам основания для того, чтобы перенести этот пожар в разряд войн, описанных в главе II-2; «Отставшие атакуют обогнавших».

Помню, после очередного теракта в Белфасте сострадательная англичанка горячо говорила мне:

— Мы должны уйти, уйти оттуда!

— Мэри, — сказал я, — там 70% населения — англичане, которые в ужасе от перспективы оказаться под властью католического большинства в Ирландии.

— Неважно! — воскликнула сердобольная Мэри. — Главное, чтобы мы не отвечали за всю эту кровь.

Экзамен на суверенность

После окончания Второй мировой войны новые независимые государства стали возникать на карте земного шара чуть ли не каждый месяц. И почти все эти «рождения» сопровождались свирепыми военными конфликтами или террором. Выход Индии и Пакистана из Британской империи (1947) унёс около полутора миллионов жизней, потом к этому добавились ещё сотни тысяч при отделении Бангла-

деша от Пакистана (1971). Создание Израиля (1948) вызвало такую волну возмущения в мусульманском мире, что война израильтян за независимость, по сути, длится до сих пор. Возникновение независимых государств в Африке затянуло весь континент кровавым туманом так, что наш мысленный взор уже не поспевает следить за заголовками новостей, сообщающих каждое утро о новых боях, вторжениях, свержениях правителей, терактах.

При своём возникновении Организация Объединённых Наций насчитывала 50 членов (1945). Сегодня их число достигло 193. Развал СССР и Югославии вызвали рождение двух десятков новых государств и беспрецедентное число военных столкновений и погромов. Выше уже говорилось о несовместимости двух лозунгов, двух доктринах, утвердившихся в правилах международных отношений наших дней: *ненарушимость границ и право любого народа на создание независимого государства*. Каждая супердержава может извлекать тот или иной доктрина по мере надобности и украшать им свою политическую демагогию. Так и получается, что два месяца бомбить сербов ради создания независимого албанского Косова — дело похвальное и гуманное, а бескровное и добровольное присоединение двух миллионов этнических русских, живущих в Крыму, к своей исторической родине — это такое грубое нарушение неприкосновенности границ независимой Украины, что прощения ему не может быть никогда.

Из нашего исторического обзора мы имеем право сделать такой вывод:

Чтобы достичь статуса суверенности, каждому народу приходится на деле доказывать свою способность создать жизнеспособную социальную постройку, оснащённую политическими, экономическими и военными атрибутами независимого государства.

Далеко не всем это удавалось. У международной дипломатии нет критериев, по которым можно было бы принимать у разных этносов «экзамен на зрелость». Именно поэтому им так часто приходится прибегать к вооружённой борьбе. Долго тянулась война тамилов за выход из Шри-Ланки (Цейлон), но кончилась поражением. Чеченцы дважды

ды воевали в 1990-е за отделение от России и тоже тщетно. Скоро исполнится сто лет упорной борьбы курдов за создание своего государства, но для этого необходимо отнять какую-то часть территории у Турции, Сирии, Ирака — а кто же согласится на это добровольно? Конца не видно борьбе за создание государства для палестинцев.

В студенческие годы мы знали, что исход экзамена может быть троеким: провалил, сдал или «сдал условно». Сегодня на карте мира есть несколько образований, имеющих статус «условной независимости». Им как бы дан испытательный срок: выживут или нет? Таков армянский Нагорный Карабах посреди Азербайджана. Таково Приднестровье, зажатое между Украиной и Молдавией. Таков Северный Кипр. Таковы Абхазия и Южная Осетия, отделившиеся от Грузии с помощью России. Возможно, такая же судьба ждёт и две республики в Донбассе, пытающиеся отделиться от Украины. Независимость Тайваня сегодня признают только 22 других государства.

Феодально раздробленная Европа средних веков постепенно заполнялась крупными монархиями. Немецкие княжества и графства держались за свою независимость дольше других. Но постепенно и они увидели, что рядом с могучей Францией, Австрией, Турцией, Россией это будет невозможно, и поддались на pressure Пруссии в сторону создания единой Германии.

Сегодня, похоже, в мире происходит обратное движение. При усилении гуманных и миролюбивых идеалов малые народности утрачивают нужду в военной защите государства-сюзерена и легче поддаются сепаратистским настроениям. Сильный импульс к отделению мы видим в Шотландии, Каталонии, Басконии, Квебеке, Тибете, Кашмире. Даже в Калифорнии поговаривают об отделении от США, в интернете можно уже найти и эскиз будущего флага новой республики. Если эта тенденция будет продолжаться, зданию ООН в Нью-Йорке скоро придётся перестраиваться, чтобы вместить делегации удвоившегося и утроившегося числа независимых наций.

Нам же пора взглянуться в военные пожары, раздутые людьми, не имевшими ясной цели, но тем не менее сражавшимися с диким иррациональным упорством и оставившими после себя бескрайние захоронения и пепелища.

Примечания

1. Игорь Ефимов. «Бунт континента», журнал «Звезда» №4, 2014; «Джефферсон», Москва: Молодая гвардия, 2015.
2. Chernow, Ron. *Washington. A Life* (New York: The Penguin Press, 2010), page 226.
3. Ibid., p. 757.
4. Eliot, Alexander. *Greece* (New York: American Heritage Publishing Co., 1972), p. 183.
5. Ibid., p. 188.
6. Finkel, Caroline. *Osman's Dream. The Story of the Ottoman Empire 1300-1923* (New York: Basic Books Group, 2005), p. 431.
7. Ibid., p. 429.
8. Ibid., p. 430.
9. Ibid., p. 432.
10. Ibid., p. 435.
11. Ibid., op. cit., p. 195.
12. Ibid., p. 198.
13. Ibid., p. 199.
14. Halecki, Oscar. *A History of Poland* (New York: Roy Publishers, 1966), p. 185.
15. Ключевский В.О. *Курс русской истории* (Москва: Госполитиздат, 1956), том 5, стр. 53.
16. Там же, стр. 59.
17. Ibid., p. 231.
18. Halecki, op. cit., p. 233.
19. Ibid., p. 235.
20. Shinn, Rinn. *Italy. A Country Study* (Washington: American University, Foreign Area Studies, 1986), p. 32.
21. Whelpton, Eric. *A Concise History of Italy* (New York: Roy Publishing, Inc., 1964), p. 175.
22. Ibid., p. 171.
23. Ibid., p. 173.
24. Shinn, op. cit., p. 29.
25. Whelpton, op. cit., p. 181-82.
26. Shinn, op. cit., p. 32.
27. Sears, Stephen W. (editor). *History of the British Empire* (New York: Heritage Publishers Co., 1973), p. 404.
28. Ibid., p. 405.

23. Ibid., p. 406.
24. Ibid., p. 408. Churchill, Winston S., arranged by Commager, Henry Steele. *History of the English Speaking Peoples* (New York: Barnes & Noble, 1994), p. 456.
25. Sears, op. cit., p. 409.
26. Ibid., p. 411. Roberts, Andrew. *A History of the English Speaking People Since 1900* (New York: Harper-Collins Publishers, 2007), p. 118.
27. Ibid., p. 113.
28. Sears, op. cit., p. 411.
29. Roberts, op. cit., p. 166.
30. Ibid., p. 112.

II-9. Бунты и восстания

Памятью убитых, памятью всех,
если не забытых, то всё ж без вех
лежащих беззлобно — пусты уста,
без песенки надгробной, без креста.

Иосиф Бродский

История оседлых народов хранит нам описания сотен социальных взрывов, в которых тысячи людей вдруг разом отказывались подчиняться установленным государственным порядкам и брались за оружие. Если властям удавалось своевременно погасить такой взрыв, он входил в летописи под названием «бунт». Если не удавалось, и взрыв приводил к изменению государственного строя, его переносили в разряд «революций».

В этой главе я попытаюсь дать краткий и выборочный обзор тех восстаний, которые не переросли в революцию, но привели к долгому военному противоборству. От гражданских войн эти пожары отличаются тем, что раскол проходил не сверху донизу, а совпадал — на радость Марксу и его последователям — с социальным расслоением: низы против верхов.

За пределами такого обзора останется также множество военных переворотов, удавшихся и провалившихся, устроенных военной верхушкой. Хотя они играют немаловажную роль в ходе мировой истории, им трудно найти место в исследовании «феномена войны». Пutsch, как и политическое убийство, оставляет в истории свой след, но в сравнении с войной он как след смерча в сравнении с опустошениями, причинёнными ураганом.

Из таких «ураганов» я выбрал пять: восстание Спартака в Древнем Риме (73-71 годы), Крестьянская война в Германии (1525), Пугачёвщина в России (1773-74), восстание сипаев в Индии (1857), Парижская коммуна (1871).

Спартак

В соответствии с марксистскими доктринаами, в советской школе нас учили смотреть на ход истории в свете борьбы классов. «Низы больше не хотят, а верхи не могут жить по-старому» — и вспыхивает бунт, в котором угнетённые пытаются освободиться от власти угнетателей-эксплуататоров. Но «низы» и «верхи» есть в любом осёдлом государстве, как в любой постройке есть крыша, стены и фундамент. Говорить, что гнёт верхов есть причина восстания, так же бессмысленно, как объяснять провал крыши здания наличием земного тяготения.

Я склонен думать, что в эпоху, предшествовавшую изобретению радио и телевидения, что-то другое должно было случаться, чтобы десятки тысяч людей вдруг поддавались разрушительному порыву и кидались жечь, грабить, убивать представителей верхов, а нередко и друг друга. И, чаще всего, этим толчком являлись события, демонстрировавшие ослабление верховной власти: поражение в войне, обрыв династии, либеральные реформы, финансовый кризис, чреватый введением новых налогов.

Спартак не был ни организатором, ни инициатором кровопролитной войны, которая в исторических анналах обозначена его именем. Он был просто одним из толпы гладиаторов (Плутарх сохранил нам точно их число — 78)¹, которые весной 73 года до Р.Х. решились бежать от жестокого хозяина. Они проникли на кухню гладиаторской школы, вооружились вертелами и кухонными тесаками, перебили охрану и вырвались на улицы города. Здесь им сказочно повезло: они наткнулись на несколько фургонов, нагруженных оружием для отправки в другую школу. (А может быть, знали о готовящейся перевозке?) Вооружённые настоящими мечами и копьями, они выбрали себе предводителей и исчезли в окрестных горах. Там к ним начали присоединяться окрестные крестьяне и беглые рабы.²

Военный комендант Капуи снарядил в погоню отряд из трёх тысяч легионеров. Этот отряд обнаружил восставших, укрывшихся на горном плато, окружённом с трёх сторон непроприступными скалистыми обрывами. Решено было

перекрыть единственную дорогу, ведущую наверх, и ждать, когда голод и жажда вынудят беглецов сдаться. Но те слишком хорошо знали, что им грозит, если их вернут под власть хозяина гладиаторской школы. Под покровом ночной темноты они сплели из виноградных лоз и лиан длинные лестницы, тихо спустились по ним вниз и внезапно напали на спящий римский лагерь. Победа была полной, ряды бунтовщиков начали пополняться ещё быстрее.³

Нам нетрудно понять, что двигало изначальной группой беглецов: отчаянный порыв на волю, последняя надежда одолеть злую судьбу, сбросившую их на дно жизни. Но что побуждало сотни и тысячи окрестных жителей присоединяться к восстанию? Где был тот знак слабины верховной власти, который, как мне кажется, является необходимым условием для начала серьёзного мятежа?

Чтобы отыскать его, мы должны взглянуться в десятилетие, предшествовавшее 73 году до Р.Х. Оказывается, гражданская война между популярами и оптиматами не закончилась с победой Суллы в 82 году. На Пиренейском полуострове её продолжил сторонник популяров Квинт Серторий (122-73). Хорошо зная обычай и верования местного населения, он сумел привлечь его на свою сторону, установил контроль над огромной территорией и отбивал все карательные экспедиции, посылаемые из Рима.⁴ Дошло до того, что против легионов Сертория было в 73 году послано войско в 130 тысяч воинов под командой самого Гнея Помпейя. Понятно, что внутренние гарнизоны в Италии были ослаблены, и это придавало смелости всем недовольным, как рабам, так и свободным, устремившимся в ряды армии Спартака.

Сам он, если верить Плутарху, и в мыслях не держал «освобождение низов». Спартак был фракийцем, из кочевого племени, одарённым необычайной силой и военными талантами. Всё, к чему он стремился: вырваться из Италии, пересечь Альпы, и вернуться в родную Фракию. В его войске были галлы, германцы, хельветы, которые разделяли его стремления. Они пробивались с боями на север, но их военные успехи привлекали к ним всё больше местных крестьян и ремесленников, которые вовсе не хотели покидать родные

места, а хотели только разбойничать в них в своё удовольствие.⁵

Численность римских подразделений, посылаемых на подавление восстания, всё возрастала. В долине реки По десять тысяч легионеров под командой претора Кассиуса были наголову разбиты, потеряв множество воинов и весь обоз.⁶ Напуганный сенат назначил Марка Красса главнокомандующим, его армия была усиlena добровольцами из знатных семей и выступила навстречу неприятелю. Но Спартак, избегая сражения, повернулся на юг, обошёл Рим сзади и устремился к Тиррентскому морю. Достигнув побережья, он попытался нанять пиратов для переправки своей армии в Сицилию, но те обманули его — взяли деньги и исчезли.⁷

В римских источниках не сохранилось упоминаний о каких-нибудь политических или экономических требованиях или лозунгах, выдвигавшихся восставшими. Похоже, это была стихия в чистом виде, не имевшая ясно выраженной цели. Нам остаётся только воображать масштабы опустошения, производимого в стране стотысячной армией, не имевшей других источников снабжения, кроме грабежа.

В какой-то момент Крассу удалось запереть армию Спартака на полуострове Региум. За короткое время перешеек был перегорожен высокой стеной длиной в шесть километров и рвом глубиной и шириной в пять метров. Казалось бы, у осажденных не оставалось надежды на отступление. Но восставшие опять проявили свою невероятную способность ускользать от противника. Воспользовавшись штормовой ночью, они выбрали укромное место, завалили ров землёй и сучьями, проделали брешь в стене и вырвались из осады.⁸

Армия Спартака не уменьшалась, но многие отряды отказывались подчиняться предводителю. Они отделялись, увлекались разбоем и становились объектами нападений римских легионов. В 71 году из Испании в Италию вернулось победоносное войско Помпея, оно присоединилось к армии Красса, и это решило судьбу мятежа. В последнем сражении сам Спартак попытался прорваться к римскому полководцу, убил двух центурионов, но был изрублен на

куски, так что его тело не смогли опознать после битвы. Разбежавшихся бунтовщиков ещё долго ловили в окрестных лесах и горах, шесть тысяч пойманных были распяты на крестах вдоль Аппиевой дороги.⁹

Крестьянская война в Германии в XVI веке

У этого взрыва не было единого руководителя, которого можно было бы назвать лидером восставших. В различных районах южной Германии на передний план выходили проповедники и вожди самых разных устремлений и верований, от анабаптистов Ганса Денка, которых можно считать предшественниками квакеров и толстовцев, до свирепых последователей Томаса Мюнцера, призывающих к уничтожению собственности и собственников задолго до коммунистического манифеста.

Как уже говорилось выше, в Главе II-5, многие объявили Лютера виновником пожара. Во всяком случае, крушение церковного авторитета, вызванное реформацией, безусловно, было тем знаком ослабления верховной власти, которое стимулировало бунтарские настроения. Тезисы, прибитые Лютером к дверям его церкви в Виттенберге в 1517 году, могли прочесть лишь немногие. Но опубликование в 1522 году сделанного им перевода Нового завета на немецкий произвело настоящий взрыв в общем сознании.

В воспоминаниях Лютера есть характерный эпизод. Архиепископ Майнский во время заседаний одного из соборов открыл наугад какую-то книгу и начал читать.

«Что вы читаете, ваше преподобие?», — спросил один из его помощников.

«Не знаю, обложка оторвана, — ответил тот, — но вижу, что тут всё против нас».

Оказалось, что он читал Евангелие. Монахов учили пользоваться только трудами отцов церкви, которые «извлекли из Священного Писания мёд истины, ибо само оно производит лишь смуты и распри».¹⁰

Опубликование Нового Завета на немецком превращало каждого обывателя в богослова.

«Люди всех чинов и званий, богатые и бедные, знатные и простые, учёные и невежды, сидя за столом в харчевне или собираясь кучами на площадях и улицах, спорили о Вере... Пахари, угольщики, пастухи, дровосеки, лоскутники, нищие ходили из города в город, из селения в селение, проповедуя Евангелие. “Все люди равны перед Богом, — учили они. — Когда Адам пахал, и Ева пряла, то где были господа?” Больше всего волновало то место в “Деяниях апостолов” 4:32, где говорилось, что у первых христиан всё было общее, и никто ничего из имения своего не называл своим».¹¹

Лозунг «Всё станет общим» и был взят на вооружение Томасом Мюнцером. Его «Тайное общество — то малое горчичное зерно, из которого некогда вырастет велическое дерево, Третий Коммунизм, Третий Интернационал... “Начинайте битву Господню, ибо час наступил... Бей, бей, бей!.. Куй железо, пока горячо!.. Раздувай огонь, не давай мечу простыть от крови, не щади никого... Всех богатых и сильных мира сего надо избивать как бешеных собак”, — гласили его воззвания к крестьянам»¹².

Лютер предупреждал о назревающем восстании уже в 1523.

«Вашего произвола большие не хотят и не могут терпеть крестьяне. Крайней степени достигло в народе презрение к вам, государям... Главная ответственность за восстание падёт на вас и ещё большие на вас — епископы, священники, монахи, потому что в вашем слепом ожесточении вы не перестаёте гнать Евангелие... Нож к вашему горлу приставлен, а вы всё ещё думаете, что сила за вами и что вас никто не победит».¹³

Свои жалобы и просьбы трудовой народ собрал в воззвание, с которым обратился к господам в марте 1524 года.

«Мы — не бунтовщики и не мятежники, мы — проповедники Евангелия, — говорилось во вступлении. Далее следовали двенадцать просьб: избрание священников сельскими общинами, дозволение рыбной

ловли, охоты и рубки леса на господских землях, уменьшение податей и барщины, отмена крепостного права и другие».¹⁴

Но миролюбивый настрой скоро исчезает из протестов.

«В августе 1524 года последователи Мюнцера в Стюлингене объединились в Евангельское Братство и поклялись освободить всех крепостных в Германии. К концу этого года в южных районах около тридцати тысяч вооружённых крестьян отказалось уплачивать налоги, церковную десятину и другие феодальные подати. Их лозунгом стало “Освобождение или смерть”... Предвидя атаку имперских армий, Мюнцер организовал войско из восставших и отливал пушки в захваченном монастыре».¹⁵

Полномасштабная война запылала весной 1525 года. *«Только в одной Швабии разбойничья орда мятежников достигла трёхсот тысяч человек. 295 монастырей и замков было разрушено и разграблено... Все дворяне, монахи и священники перебиты или в жесточайших пытках замучены... “Лютер погрузил всю Германию в такое безумие, что надежда не быть убитым кажется нам уже спокойствием и безопасностью”, — писал один очевидец».¹⁶*

Сам Лютер отчаянно отмежевывался от бунтовщиков, выпустил книгу «Против крестьянских шаек, убийц и разбойников», в которой призывал расправляться с ними без жалости. Но причиной восстания он объявлял близорукость и жадность правителей и священнослужителей. При этом он отвергал и коммунистическую пропаганду Мюнцера:

«Евангелие не призывает к отмене собственности, оно лишь повествует о тех, кто отказывался от владения имуществом по собственной доброй воле, как это делали апостолы и их ученики, см. Деяния-4. Они не требовали, как это делают в их бешенстве наши безумные крестьяне, чтобы другие раздавали своё достояние... Хороши христиане! Полагаю, что

в аду не осталось чертей, — они все переселились в наших крестьян».¹⁷

Тем временем война полыхала на обширных территориях Южной Германии.

«В Эльзасе восстание распространялось так быстро, что к концу апреля каждый католик и каждый землевладелец мог ожидать смерти. Армия в 20 тысяч крестьян атаковала Заберн, резиденцию Страсбургского епископа, и разрушила монастырь. 13 мая они захватили город, заставили каждого четвёртого присоединиться к ним, отменили уплату десятины, постановили, что каждый чиновник отныне будет избираться на свой пост открытым голосованием... Люди порядочные боялись выйти на улицу... В Фрейбурге крестьяне грабили замки и монастыри и заставляли жителей вступать в Евангельское Братство».¹⁸

Контрнаступление феодалов не заставило себя ждать. Первая победа над восставшими крестьянами была одержана графом Альбертом Мансфельдским 5 мая под Остерхаузеном. 12 мая соединённые силы ландграфа Филиппа Гессенского, графа Мансфельда, герцога Брауншвейгского и герцога Георга Саксонского одержали победу в Бёблингене... Против закованной в железо рыцарской колонны, с аркебузами и бомбардами, выступали беспорядочные толпы крестьян с вилами, косами, топорами, самодельными луками и копьями... Несколько пушечных залпов разметало их укрепления, сделанные из опрокинутых телег и песком набитых кулей, и в ужасной бойне погибли все, кто не успел бежать. Мюнцер был обезглавлен.

«Я хотел установить равенство всех христианских народов, — говорил он, идя на казнь. — Нашим главным исповеданием был лозунг “Всё будет общим”».¹⁹

Одним из результатов Крестьянской войны в Германии было то, что широкие слои благонамеренных граждан на какое-то время отшатнулись от Реформации. Несмотря на многократные выступления Лютера с осуждением восставших, его идеалы и проповедь были дискредитированы. Экспроприация церковных владений протестантами и ограбле-

ние монастырей крестьянами выглядело революционным свержением установленных отношений. Борьба за Евангелие оборачивалась борьбой за уравнительный коммунизм. Многие колебавшиеся князья и феодалы вернулись в лоно католицизма. Началось преследование сторонников Лютера. В течение многих лет после восстания сам он едва осмеливался покидать Виттенберг.²⁰

Пугачёвщина

Если Лютера обвиняли в пожаре Крестьянской войны в Германии, то на французских философах эпохи Проповеди принято взваливать вину за Великую французскую революцию, якобинцев, гильотину, террор Робеспьера и Дантона. Как это ни парадоксально, тем же философам можно вчинить иск и за Пугачёвщину. Разве не Вольтер, д'Аламбер и Дидро своими письмами к Екатерине Второй вдохновили её на попытки перехода от абсолютизма к конституционной монархии, выражавшиеся в её «Наказе» 1766 года?

Российская историография не отдала должного опубликованию этого документа и созыву избранных депутатов в Комиссию, которая должна была заняться упорядочением имперских законов. А между тем 564 депутата от всех слоёв населения, съехавшиеся в Москву в 1767 году, составили, по сути, зародыш первого российского парламента за полтора века до созыва Думы в 1905 году. Впервые самодержавие, в лице Екатерины обратившееся с речью к собравшимся, не требовало беспрекословного подчинения власти, дарованной помазанникам самим Господом, а спрашивало:

«Как я могу послужить вашему благоденствию и процветанию?»

Свой «Наказ» Екатерина сочиняла в течение двух лет, не выпуская из рук знаменитого труда Монтескье «О духе законов», который она называла «молитвенником государей, имеющих здравый смысл».²¹ Когда она зачитывала статьи «Наказа» перед депутатами, её слушали

*«с восхищением, даже с жадностью. Особенно поразила статья о том, что гонение человеческие умы раздражает, что лучше, чтобы государь ободрял, а законы угрожали. “Вопреки ласкателям, которые ежедневно говорят государям, будто народы для них сговорены, мы думаем и за славу себе вменяем сказать, что Мы сговорены для нашего народа”. Многие плакали, восторг достиг высшей степени».*²²

Но реакция глубинной окраинной Руси оказалась совсем другой. Было подано

*«больше шестисот челобитий, большая часть которых была наполнена жалобами крепостных крестьян на тяжесть господских поборов... На увещания властей челобитчики упрямо отвечали, что оставаться у помещиков своих в послушании они не хотят. Это показалось тревожным признаком, и Сенату предписано было придумать против этого благопристойные средства. Сенат придумал только два: указом запретил крепостным жаловаться на своих господ, а челобитчиков о свободе публично наказать плетью».*²³

Недовольство бурлило и в казацких станицах. Пока депутаты обсуждали в Москве «Наказ» императрицы,

*«казаки начали жаловаться на различные притеснения, ими претерпеваемые от членов канцелярии, учреждённой в казацком войске правительством: на удержание определённого жалованья, самовольные налоги и нарушение старинных прав и обычаяев рыбной ловли. Чиновники, посыпаемые к ним для рассмотрения их жалоб, не могли или не хотели их удовлетворить». Их подавляли военной силой, зачинщиков казнили.*²⁴

Видимо, правительство Екатерины недооценило силу внутреннего брожения в стране. В 1770 году оно начало войну с Турцией, и это при том, что постоянно требовались войска на подавление волнений в польских губерниях, а также на карантин для борьбы с чумой. Яицкие казаки всерьёз взбунтовались уже в 1771 году.

«Они требовали отрешения чиновников канцелярии и выдачи задержанного жалованья. Генерал-майор Траубенберг пошёл им навстречу с войском и пушками, приказывая разойтись; но ни его повеления, ни увещания войскового атамана не имели никакого действия. Траубенберг велел стрелять; казаки бросились на пушки. Произошло сражение; мятежники одолели. Траубенберг был убит у ворот своего дома».²⁵

Судя по материалам следственного дела, проведённого впоследствии, Емельян Пугачёв был донской казак, дезертировавший в 1772 году из своего полка, участвовавшего в подавлении польских восстаний. По возвращении домой он был арестован в своей станице, отправлен в тюрьму в Казани, но сбежал оттуда и появился на берегах Яика. Неизвестно, кому пришла в голову идея объявить его чудом спасшимся государем Петром Третьим. Скорее всего, в народной памяти хранились воспоминания о Смутном времени, когда Лжедмитрию удалось воцариться на Москве. Почему бы не повторить заманчивую авантюру с перевоплощением?

По задуманному сценарию, «спасшийся государь» не собирался претендовать на российский трон. Его целью якобы было возложить корону на наследника Павла.²⁶ Возможно, расчёт бунтовщиков строился на том, что при петербургском дворе найдутся тайные оппозиционеры власти Екатерины Второй, которые захотят воспользоваться шансом на её свержение и вступят в союз с мятежниками.

18 сентября 1773 года Пугачёв с тремя сотнями своих сторонников явился под Яицкий городок и потребовал впустить «законного государя». В городе началось волнение. Комендант послал против мятежников несколько сотен казаков, но половина из них тут же перешла на сторону симована. С этого момента он начинает захваты второстепенных крепостей, с каждым разом усиливаясь за счёт перебегавших к нему казаков, солдат, крестьян и всякого сброва.

То, что в документах и мемуарах 18 века называлось крепостями, на самом деле представляло собой укреплённые деревни, наподобие описанной Пушкиным в «Капитанской

дочке». В лучшем случае они были обнесены бревенчатым тыном и рвом. Небольшой гарнизон имел на вооружении две-три пушки. Этого было достаточно, чтобы отбивать нападения кочевников. Но выдержать штурм казачьего войска, оснащённого артиллерией, они, конечно, не могли.

В возваниях Пугачёв обещал избавить народ от притеснений, вернуть пастбища и рыбные угодья, жаловать деньгами, солью и порохом, а также разрешать носить бороду, что было очень важно казакам-раскольникам. Тем же, кто не подчинится, грозил всячими карами и, действительно, «украшал» свой путь многочисленными виселицами.²⁷

В своём труде «История Пугачёвского бунта» Пушкин с невероятной добросовестностью описывает весь ход восстания, скрупулёзно перечисляя перемещения мятежников и правительственные войска, схватки, осады, манёвры, минные подкопы и зверства,чинимые обеими сторонами. В ноябре 1773 года 25-тысячная армия Пугачёва осадила Оренбург. Его лагерь, устроенный в Бердской слободе, стал «вертепом убийств и распутства. Он полон был офицерских жён и дочерей, отанных на поругание разбойникам. Казни происходили каждый день. Овраги около Берды были завалены трупами расстрелянных, удавленных, четвертованных страдальцев. Шайки разбойников устремлялись во все стороны, пьянясь по селениям, грабя казну и достояние дворян, но не касаясь крестьянской собственности».²⁸

Мятеж разливался всё шире:

«губернии Казанская, Нижегородская, Астраханская были наполнены шайками разбойников. Даже Москва была охвачена страхом. «Жители, недавние свидетели бунта и чумы, трепетали в ожидании нового бедствия. Множество дворян бежало в Москву из губерний, уже разоряемых Пугачёвым или угрожаемых возмущением. Холопья, ими навезённые, распускали по площадям вести о вольности и об истреблении господ. Многочисленная московская чернь, пьянясь и шатаясь по улицам, с явным нетерпением ожидала Пугачёва»».²⁹

Обе враждующие армии пытались привлечь на свою сторону и использовать в боях кочевые племена: башкир,

киргизов, калмыков, татар. Но эти воины были крайне ненадёжны, легко переходили на сторону противника. Военная канцелярия в Ставрополе приказала пяти сотням калмыков и тысяче башкир поспешить на помощь царским войскам, но это приказание не было выполнено. Посланные оренбургским губернатором башкиры окружили мятежников в Яицком городке. Но Пугачёв выехал им навстречу и без боя перекинул на свою сторону.³⁰

Между тем в городах, осаждённых мятежниками, голод делался невыносимым. В Оренбурге стали жарить бычачьи и лошадиные кожи и, мелко изрубив, подмешивать их в хлеб.

В Яицкой крепости

*«лошадиного мяса, раздававшегося на вес, уже не было. Стали есть кошек и собак... Стали изобретать новые способы к пропитанию. Нашли род глины, отменно мягкой и без примеси песку. Попробовали её сварить и, составя из неё какой-то кисель, стали употреблять в пищу. Солдаты совсем обесселили. Некоторые не могли ходить. Дети больных матерей чахли и умирали».*³¹

В отличие от Крестьянской войны в Германии, религиозный элемент, похоже, не играл решающей роли в Пугачёвщине. Хотя большинство казаков были раскольниками, они опасались оттолкнуть от себя крестьянскую массу приверженную православию. Сам Пугачёв в церковь не ходил, однако понимал, что роль государя Петра Фёдоровича требует от него каких-то знаков почтения к священнослужителям. Парадоксальный оборот ситуация принял, когда случилось ему влюбиться. Пушкин так описывает этот эпизод:

«Пугачёв в Яицком городке увидел молодую казачку Устинию Кузнецовой и влюбился в неё. Он стал её сватать. Отец и мать изумились и отвечали ему: “Помилуй, государь! Дочь наша не княжна, не королевна, как ей быть за тобою? Да и как тебе жениться, когда матушка-государыня ещё здравствует?” Пугачёв, однако, в начале февраля женился на Устинию, наименовал её императрицей, назначил ей штатс-дам и фрейлин из яицких казачек и хотел,

чтобы попы поминали после государя Петра Фёдоровича супругу его, государыню Устинью Петровну. Попы его не согласились, сказывая, что не получили на то разрешения от синода. Отказ их огорчил Пугачёва, но он не настаивал на своём требовании».³²

Собирая материалы для своего исследования, Пушкин объездил Казанскую и Оренбургскую губернии, опросил стариков, помнивших мятеж, прочёл горы архивных документов и воспоминаний. Остаётся только пожалеть, что ему не попались «Записки» Державина (они были опубликованы только в 1860), который сражался с мятежниками в чине гвардейского унтер-офицера, руководя целым пучком разведовательно-диверсионных операций. Доводилось ему выступать и в роли карателя. Этой роли он отнюдь не стыдился и красочно описывает, как ему довелось с отрядом гусар ворваться в деревню, примкнувшую было к Пугачёву:

«Гусарам приказал с обнажёнными саблями разъезжать около селения... и кто будет бежать, тех не щадя рубить. Учредя таким образом, повёл с зажжёнными свечами и с колокольным звоном через всё село преступников на место казни... Главнейших троих злодеев, прочтя приговор, приказал повесить... и двести пересечь плетью».³³

Осада Оренбурга была снята в марте 1774 года. Но войско Пугачёва, многократно разбиваемое и рассеиваемое, обладало невероятной способностью снова возрождаться и умножаться в другом месте. Весной 1774 года объектом нападения стала Казань. Мятежникам удалось ворваться в город, остатки гарнизона укрылись в крепости и оттуда могли в бессилии наблюдать зверства победителей. Грабежи и поджоги продолжались несколько дней, сгорело больше двух тысяч домов, 25 церквей и три монастыря.³⁴

По счастью, к захваченному городу вскоре подоспел подполковник Михельсон с отрядом в тысячу человек гусар и карабинеров. Пугачёв выступил ему навстречу во главе толпы мятежников, достигавшей 25 тысяч. Но численное превосходство не смогло перевесить дисциплину и стойкость регулярных войск. Армия бунтовщиков была рассеяна. Река «Казанка была запружена мёртвыми телами; пять ты-

сяч пленных и девять пушек остались в руках у победителя. Убито в сражении до двух тысяч, большей частью татар и башкирцев. Михельсон потерял до ста человек убитыми и ранеными. Он вошёл в город при кликах восхищённых жителей, свидетелей его победы».³⁵

После победы под Казанью начался заключительный этап войны. Михельсон неустанно преследовал Пугачёва, который 18 июля перебрался на правый берег Волги и продолжал свои нападения на города и посёлки.

*«Переправа Пугачёва произвела всеобщее смятение. Вся западная сторона Волги восстала и передалась самозванцу. Господские крестьяне взбунтовались; иноверцы и новокрещёные стали убивать русских священников. Воеводы бежали из городов, дворяне из поместий; чернь ловила тех и других и отовсюду приводила к Пугачёву. Он объявил народу вольность, истребление дворянского рода, отпущение повинностей и безденежную раздачу соли».*³⁶

Но Михельсон со своим отрядом преследовал мятежников неотступно, разбил их под Саранском, под Пензой, под Саратовым, под Царицыным. В августе Пугачёв переправился на левый берег Волги и пытался укрыться в калмыцких степях. Но его ближайшие сообщники, потерявшие надежду на победу, решили заслужить прощение от властей ценой предательства. В сентябре они схватили самозванца, связали его и отвезли в Яицкую крепость, где сдали офицером царских войск.

Пушкин подробно воссоздаёт разные этапы расследования, допросы Пугачёва и его соратников, перевозку «Петра Фёдоровича» в Москву и суд над ним. В приложениях к своему труду он отдаёт дань памяти замученных, включив в Примечания длиннейший (на 25 страниц) список повешенных, зарезанных, расстрелянных, утопленных, сожжённых.

Казнь была совершена 10 января 1775 года.

«Пугачёв, сделав с крестным знамением несколько земных поклонов, обратился к соборам, потом стал прощаться с народом; кланялся на все стороны, говоря прерывающимся голосом: “Прости народ пра-

вославный; отпусти, в чём я согрубил пред тобою, прости народ православный!» При сём слове экзекутор дал знак; палачи бросились раздевать его; сорвали белый барабаный тулул... Тогда он, сплеснув руками, повалился навзничь, и вмиг окровавленная голова уже висела в воздухе».³⁷

Бунт оставил в России такие мучительные воспоминания, что были приняты меры стереть его из народной памяти.

«Повелено было всё дело предать вечному забвению. Екатерина уничтожила древнее название реки, коей берега были первыми свидетелями возмущения [она стала называться Урал]. Яицкие казаки переименованы были в уральских, а городок их назвался Уральск... Толковать и писать о Пугачёве было запрещено, и этот запрет имел силу закона до самого восшествия на престол императора Александра Первого».³⁸

Возможно, запрет позднее был возобновлён, потому что в пятитомном издании «Лекций по русской истории» В.О. Ключевского нет даже упоминания имени Пугачёва.

Если Крестьянская война в Германии затормозила прогресс Реформации, то Пугачёвское восстание в России надолго парализовало всякие попытки отмены крепостного права.

Державин, видевший своими глазами кровавый разгул пугачёвщины, впоследствии, получив пост министра юстиции при Александре Первом, так объяснял царю опасность преждевременных реформ:

«Черни опасно твердить о вольности... Государство понесёт убыток, ибо возникнут трудности в сборе рекрут и денежных повинностей... Нижние земские суды или сельская полиция... удержать крестьян от разброда не смогут без помещиков, которые есть наилучшие блюстители или полицмейстеры, следящие за благочинием и устройством поселян в их селениях».³⁹

Восстание сипаев в Индии

Причины этого восстания созревали долго. В начале 19 столетия в Индию прибыло новое поколение британских администраторов и военных, людей, подчинявшихся строгим моральным принципам, читавших Библию, намеренных внести христианскую и европейскую цивилизацию в этот субконтинент. Некоторое время успех казался возможным. До сих пор англичане, как в своё время римляне в своих провинциях, старались сохранять нейтральное отношения к религиозным проблемам. Но в Англии крепчал дух миссионерства, а уважение к верованиям туземцев постепенно уступало место стремлению исправлять их. Началась борьба с такими пережитками, как сжигание вдов, удушение путешественников, убийства новорожденных девочек. Предпринимались шаги, открывавшие богатым и знатным индусам доступ к английскому образованию. Всё это расшатывало традиционный порядок и правила взаимоотношений людей.

Также сыграла свою роль цепь поражений, которые Британия потерпела в годы, предшествовавшие восстанию. Выше, в Главе II-7, был описан разгром в Афганистане в 1841. Позже случился другой, на этот раз в Пенджабе. Там воинственные сикхи подчинялись своему знаменитому лидеру, Раджит Сингу. Когда он умер, англичане попытались передать управление своему ставленнику. Но сикхи не приняли его, восстали в 1848 году, вторглись на территорию Ост-Индской компании и в битвах при Гуджрате и Чилианвале нанесли тяжёлые потери британцам.⁴⁰

В 1850-е в Индии шло активное строительство железных дорог и шоссе, учреждались почтовые и телеграфные конторы, открывались школы. Многие индусы считали, что все это представляет угрозу их древним устоям, прочность которых держалась на строгом соблюдении кастовых взаимоотношений. Если каждый будет ездить в одних и тех же поездах и посещать одни и те же школы, как может сохраниться система кастового разделения? Расползались слухи о том, что британцы намерены насильственно обратить индусов в христианство.

В этой напряжённой атмосфере случилось событие, от которого поначалу трудно было ждать беды. В подразделения сипаев было доставлено новое ружьё «эн菲尔д», заряжавшееся патронами нового образца. Порох и пуля находились в цилиндре, вставлявшемся в дуло ружья. Но перед этой операцией необходимо было удалить пробку, затыкавшую открытый конец цилиндра. Проще всего это можно было сделать зубами. Однако снаружи на цилиндре имелась смазка, облегчавшая движение патрона внутри ствола. Среди сипаев прошёл слух, будто эта смазка содержит жир коровы или свиньи. Корова была священной у индусов, к свинье не имели права прикасаться мусульмане.

Несколько десятков солдат-кавалеристов в городе Мирут отказались прикасаться к патронам. Их выстроили на плацу, окружённом четырьмя тысячами сипаев под командой британских офицеров. Пушки и заряженные новые ружья были нацелены на арестованных. Британские солдаты приблизились к ним, срезали пуговицы с их формы, сорвали мундиры, заковали в кандалы. Казалось бы, порядок был восстановлен. Но на следующий день пронёсся слух, будто англичане собрались разоружить всех сипаев. Неожиданно озлобленная толпа вооружённых индусских солдат перебила своих офицеров. К ней присоединились и местные жители, они набросились на дома европейцев в городе, принялась убивать их без разбора. Бунтовщики освободили арестованных из тюрьмы, и вооружённые толпы двинулись в сторону Дели, находившегося всего в сорока милях от Мирута.⁴¹

Маленький британский контингент столицы не мог противостоять мятежникам, к которым присоединились три полка сипаев местного гарнизона. Всё, что удалось сделать, — взорвать большой арсенал в городе, чтобы он не попал в руки восставших.⁴²

Мятеж стремительно распространялся. 4 июля взбунтовались сипаи в городе Каумпур. У коменданта для обороны было только 60 артиллеристов и несколько десятков сипаев, оставшихся верными своим командирам. Вместе с ними, в форте, окружённом земляным валом, укрылись четыре сотни женщин и детей. Оборона продолжалась три

недели, и лишь когда кончились вода, продовольствие, порох, комендант вступил в переговоры с мятежниками.

Осаждённым разрешено было покинуть крепость. Но стоило колонне выступить из ворот, как мятежники открыли огонь. Вспыхнул бой, в котором все мужчины-британцы были перебиты. Уцелевших женщин и детей поместили в тюрьму. Однако в июне пришло известие о приближении правительственные полков. Тогда отдан был приказ покончить со всеми заключёнными. Сипаи не захотели стрелять в женщин и детей и поручили мясникам, пригнанным с базара, зарезать их ножами. Трупы побросали в колодцы.⁴³

Только в сентябре крупный отряд британцев из Пенджаба подступил к Дели. Артиллерийская подготовка длилась неделю, потом начался штурм. Под градом пуль и картечии атакующие врывались через бреши пробитые в стене, и яростный бой продолжался на улицах. Жажда мести обуревала войска, и они не пытались отличать бунтовщиков от местных жителей.⁴⁴

В ноябре двадцатитысячная армия мятежников подошла к стенам города Канпур. Но генерал Колин Кэмпбел, только что освободивший другой город, поспешил на помощь и рассеял нападавших. Освобождение городов ещё не означало конца войны. Военные операции продолжались вплоть до мая 1858 года. Многим лидерам мятежа удалось ускользнуть. Мятежникам, попавшим в плен, устраивали показательные казни: под звуки военного оркестра их приводили на площадь, привязывали к дулу заряженной пушки и производили выстрел. Других просто вешали без суда и церемоний.⁴⁵

В результате мятежа в Индии погибло около 11 тысяч британцев. Число погибших индусов определить невозможно. Страна была покрыта разрушенными городами, сожжёнными деревнями, опустевшими полями. Решено было произвести серьёзную реформу в управлении колонией. Всё командование войсками, включая и теми, которые были назначены Ост-Индской компанией, переходило к губернатору. Соотношение численности британских солдат и сипаев устанавливалось один к двум (70 тысяч и 140). Вся артиллерия передавалась под контроль европейцев.⁴⁶

Во время восстания индийская знать, владевшая землёй, оставалась лояльной или нейтральной. Британское правительство всячески старалось показать этим князьям и принцам, что их благоденствие входит в круг задач колониальных властей. В своём манифесте королева Виктория объявила, что

*«твёрдо веря в истинность христианского учения, мы никогда не станем навязывать наши религиозные верования другим подданным».*⁴⁷

Впоследствии индийские историки склонны были изображать мятеж 1857 года как первую войну за независимость. Им возражал Уинстон Черчилль, указывавший на тот факт, что «три четверти сипаев оставались лояльными к своим командирам и участвовали в боях против мятежников... Должно было пройти почти сто лет, чтобы возникла идея единого и независимого государства Индия».⁴⁸

Парижская коммуна

Есть ли другая столица на свете, кроме Парижа, которой довелось бы пережить столько кровавых потрясений? Осады, революции, штурмы, перевороты, террор... Начало 14 века — пытки и казни рыцарского ордена Тамплиеров; потом — Столетняя война с Англией; в 16-м — война с гугенотами и Варфоломеевская ночь; в 17-м — Фронда, а затем террор после отмены Нантского эдикта; в 18-м — Великая революция и якобинцы с гильотиной; в 19-м — русские казаки на набережных Сены, а потом революции в 1830, 1848, 1851. И вот, наконец, в 1871 — победоносная прусская армия идёт по Елисейским полям парадом, а месяц спустя, ей на смену являются коммунары, которые грозят разрушить весь фундамент государственного здания.

Внешним толчком для франко-прусской войны 1870 года послужили опять династические споры и опять из-за опустевшего испанского трона. Ещё в июне атмосфера в Европе была вполне мирной, британский министр иностранных дел заявлял, что «не видит ни облачка на горизонте». Ему вторил французский премьер-министр Оливье:

*«Не могу припомнить момента, когда бы мир был столь надёжно обеспечен».*⁴⁹

Да, Франция была недовольна тем, что Пруссия предложила посадить на испанский трон представителя немецкой династии Гогенцолернов. Но ведь прусский король Вильгельм Первый и его канцлер Otto фон Бисмарк сразу сняли это предложение. Так из-за чего же воевать?

Некоторые историки взваливают вину на жену Наполеона Третьего, императрицу Евгению (принадлежавшую знатному испанскому роду), которая подстрекала своего супруга заставить пруссаков горько пожалеть о бестактной дипломатической попытке. Другие наводят обвиняющий палец на жадную до новостей парижскую прессу, разжигавшую воинственные страсти толпы, маршировавшей по улицам с криками «На Берлин! На Берлин!» Так или иначе, в середине июля 1870 года Франция объявила войну Пруссии.⁵⁰

Со времени разгрома Наполеона Первого в 1815 году иностранные армии не вступали на французскую землю. Война 1854-55 года в далёком Крыму или вторжение в далёкую Мексику в 1863 не могли оставить в народной душе отрезвляющих ран и шрамов, какие производит война на родных полях. В отличие от Франции, Пруссия всю предыдущую декаду вела войны на своих границах, нацеленные на создание единой Германии. Благодаря им в Северо-Германский союз удалось включить Саксонию, Гановер, Гессен, Шлезвиг-Гольштинию. Для новой войны Бисмарк смог мобилизовать миллионную армию, хорошо обученную и оснащённую новейшим вооружением.⁵¹

Поражение Франции было стремительным и полным. В начале сентября — разгром под Седаном, сто тысяч французов и их император в плену. Империя свергнута, поспешно объявлена республика, но тщетно. В октябре ещё 173 тысячи сдались под Мецем; прусская армия осадила Париж.⁵² Город был абсолютно не готов к такому повороту событий, запасы продовольствия стремительно исчезали. Скоро начали есть лошадей, собак, кошек, крыс. Лондонский журналист, застрявший во французской столице, сообщал в декабре своим читателям:

*«Сегодня я получил на обед кусочек спаниэля... Чувствовал себя людоедом... Встретил человека, который откармливает кота к Рождеству, чтобы подать его на блюде, окружённым зажаренными мышами».*⁵³

Тяжёлые орудия пруссаков вели регулярные обстрелы города, снаряды попадали в школы, церкви, больницы. Жители замерзали в нетопленных домах, бессильная ярость выплескивалась в спонтанных вспышках насилия. 28 января 1871 года Париж капитулировал. 8 февраля состоялись выборы в новое Национальное Собрание, премьер-министром стал известный политик и историк Адольф Тьер. Его правительству пришлось подписывать мир с пруссаками, условия которого оказались крайне тяжёлыми. Франция теряла провинции Эльзас и Лотарингию и должна была выплатить reparations в размере пяти миллиардов франков. Плюс победители получали право пройти торжественным маршем по улицам покорённой столицы, что и было осуществлено 1 марта.⁵⁴

Параллельно с выборами в Национальное Собрание прошли выборы в муниципальный совет Парижа, на которых победу одержали представители всевозможных радикальных течений. Некоторые историки считают, что термин «Парижская коммуна» был выбран для того, чтобы воскрепить якобинские традиции, что он не был связан с «призраком коммунизма», описанным Карлом Марксом. Во времена Средневековья каждая городская община называлась *comune*.⁵⁵ Но так или иначе парижские радикалы очень скоро вступили в непримиримый конфликт с национальным правительством, обосновавшимся в Версале.

Первое кровопролитие случилось 18 марта. Премьер-министр Тьер послал полк своих солдат (их называли «версальцы») вывезти из Парижа 200 орудий, спрятанных от пруссаков на Монмартре. Но парижская национальная гвардия воспротивилась этой операции. Началось братание гвардейцев с версальцами. Двое генералов, командовавших полком, были расстреляны. Конфликт стремительно превращался в гражданскую войну между столицей и остальной страной.⁵⁶

То, что происходило в последующие два месяца, раскололо историков на два лагеря, условно: «буржуазный» и «марксистский».

В книгах «марксистов» Парижская Коммуна представлена как первое масштабное восстание революционного пролетариата. В них подробно описано всё, что было сделано для облегчения участи парижан, страдавших теперь от второй осады, как перестраивалась жизнь на основах полного равенства, как много внимания уделялось развитию образования и искусств. Подумать только! Буквально накануне вражеского штурма во дворце Тюильри был устроен открытый концерт, в котором приняло участие 1500 музыкантов.⁵⁷ И прямо с концерта зрители ринулись на баррикады и геройски их защищали.

Но главный упор делается на зверствах версальцев. Как они морили голодом осаждённый город, расстреливали пленных без суда, как пускали в дело артиллерию в бедных кварталах, как устраивали массовые расстрелы на кладбище Пер-Лашез. Не щадили даже женщин из батальона, возглавленного легендарной Луизой Мишель, защищавшей Монмартр.⁵⁸

*«Серьёзные историки считают, что число погибших колеблется от 20 до 25 тысяч... Парижская Коммуна до сих пор остаётся священным символом для французских левых. Её вспоминали и участники Народного фронта в 1930-е, и политические лидеры, организовавшие союз социалистов и коммунистов, который позволил прийти к власти Миттерану (1981). В годовщину последнего расстрела на кладбище Пер-Лашез тысячи демонстрантов приходят, чтобы возложить памятные венки».*⁵⁹

Совсем по-другому опишут этот пожар историки-антимарксисты. Они, прежде всего, укажут на разнородность группировок, вошедших в состав правительства Коммуны, их нескончаемые распри. В создаваемых рабочих комиссиях бок о бок приходилось сидеть революционерам якобинского толка, анархистам, социалистам, последователям Бланки, иностранным авантюристам всех мастей и просто уличным ораторам, не имевшим ни политического

опыта, ни ясных идей. В военных операциях все пытались отдавать команды, но мало кто выполнял их.⁶⁰

Революционный пыл искал выхода и находил его в самых непредсказуемых действиях. Мало того что были арестованы в качестве заложников священники во главе с парижским архиепископом, который был потом расстрелян; по обвинению в измене и шпионаже могли бросить в тюрьму самых способных командиров, только что вернувшихся из боя. Вдруг была разрушена Вандомская колонна как символ империи.

*«Да, я из варваров, — говорила Луиза Мишель. — Я люблю пушки, запах пороха, свист пуль».*⁶¹

Во время уличных боёв с версальцами отступающим коммунарам было приказано поджигать или взрывать каждое оставляемое здание, что и выполнялось всюду, где версальцы не успевали воспрепятствовать разрушению.

Как и в других революционных взрывах, Парижской Коммуне предшествовал сначала сдвиг в сторону либерализации (созыв Национального собрания в 1869 году), а потом военный разгром и возникновение вакуума власти. Видимо, унижение, произведённое в душах поражением, вызвало неконтролируемую ярость с обеих сторон и беспрецедентную кровопролитность связки. Около 17 тысяч было убито, 20 тысяч арестовано, брошено в тюрьму, отправлено на каторгу. В последующие годы политики правого толка при всяком удобном случае могли пугать благонамеренных избирателей призраком коммуны.⁶²

Бунты наших дней

В Америке их принято объяснять теми или иными несправедливостями, допущенными местными властями, произволом полиции, борьбой с неравенством и расизмом. Обычно такие бунты тянутся два-три дня, и после них остаются десятки разграбленных магазинов, сотни сожжённых автомобилей, несколько раненых и убитых. Беспорядки на студенческих кампусах стали традицией.

Бунты в тюрьмах могут быть более кровавыми, особенно если восставшим удаётся захватить заложников и их приходится освобождать военной силой. Именно это произошло в тюрьме в городе Аттика (штат Нью-Йорк, 1971), где в результате штурма погибло 10 заложников и 33 заключённых. Заключение в тюрьме лишает человека почти всех возможностей утолять жажду самоутверждения и жажду сплочения, отсюда повсеместное распространение банд заключённых и вспышек насилия между ними. И все же по числу погибших американцев на первом месте до сих пор остаются протестные выступления религиозных сект, выразившиеся не в нападениях на других, а в самоубийствах: Джима Джонса в Гайане (1978 год, около 900 погибших), Дэвида Кореша в Вэйко Тексас (1993, около 90).

В других странах многие бунты последних десятилетий начинались с захвата центральной площади или какой-нибудь улицы в столице. Часть из них властям удалось подавить довольно скоро: демонстрацию на площади Тянь-аньмэн в Пекине (1989), на Болотной площади в Москве (2013), на площади Таксим в Анкаре (2013). Но другие разрослись в настоящую революцию: на площади перед Белым Домом в Москве (1991), на площади Тахрир в Каире (2011), на Майдане в Киеве (2014).

Благодатная почва для бунтов возникла в Европе и США в связи со спорами вокруг иммиграционной политики: открывать границы для новых волн иммигрантов или закрывать? Демонстранты той и другой стороны шествуют по улицам, ввязываются в перепалки и потасовки, к ним присоединяются толпы прирождённых бузотёров, которых хлебом не корми – дай потешить душу дракой и разбоем. Пожары ниспровержения сплачивают людей безотказно.

Победа Дональда Трампа на президентских выборах в США в 2016 году привела к опасной поляризации двух лагерей. Его попытки закрыть въезд в Америку гражданам нескольких мусульманских стран вызвали бурю протестов, наткнулись даже на прямое неподчинение судебного аппарата. Для миллионов людей новый американский президент стал новым символом мирового зла. Дружная общая ненависть — самый сильный соединяющий наркотик, толкаю-

ший массы на сплочение в бунте. Оставить решение дилемы законодателям означало бы лишить себя удовольствия «защитить справедливость» — кто же согласится на это?

Ну, и конечно, расовый конфликт остаётся самым сильным вулканом в США, извергающим лаву вражды и не слабеющим с годами. Когда от рук белых полицейских погибает очередной чёрный, волна бунтов прокатывается по многим городам. Белые почему-то не выходили на демонстрации, когда чёрный расист расстрелял белых пассажиров в вагоне пригородного поезда (1993) или два чёрных снайпера три недели убивали прохожих, спрятавшись в багажнике автомобиля (2002). Но и в них тлеет мстительный протест и прорывается порой кровавыми нападениями на чёрных.

Любопытный феномен представляют собой драки футбольных болельщиков. В них отсутствует какой-нибудь оправдательный резон — в чистом виде происходит угтоление жажды самоутверждения (ох, я ему врежу!) и жажды сплочения (знай наших!). Причём не нужно думать, будто это исключительно новое явление. В Византии политическая борьба была запрещена, но зрители конских ристалищ разделялись на две партии, синих и зелёных, и устраивали массовые схватки на улицах. Император и его семья болели за одних возниц, его скрытые оппоненты за других, и их вражда могла выплеснуться в уличные побоища. С таким же пылом враждовали зрители конских состязаний на центральной площади в Средневековой Сиене, и эта традиция сохраняется в городе и в наши дни.

Изобретение интернета открыло новые возможности для возникновения международных объединений бунтарей. Самый яркий пример этого — ИГИЛ. Вербовка, пропаганда, отдача приказов, сбор средств, организация снабжения — они всё осуществляют через интернет. Их попытки захватывать города и укрепляться на территориях делают их уязвимыми для контрударов индустриального мира. Но укрывшись в гуще мирного населения, они смогут ещё долго совершать террористические атаки и щеголять отрезанием голов на экранах компьютеров.

Уместно вспомнить прозорливую строчку Пастернака из поэмы «Спекторский»: «*Он был мятежник. То есть деспотом*».⁶³

Порыв принять участие в мятеже живёт в людях до получения обид, он ждёт только проблеска надежды на безнаказанность. Конечно, порыв этот клокочет в душах с разной силой. Большинство готово удовлетвориться спокойным течением жизни или испытывает такое отвращение к открытому насилию, что предпочтёт остаться от него в стороне при любых обстоятельствах.

Зато неуёмное меньшинство будет по-прежнему откликаться на призывы «бороться за справедливость, за веру, за свободу, за халифат» и мчаться за тысячи миль, чтобы вступить под красные, зелёные, чёрные знамёна неистребимых фанатиков бунта ради бунта.

Примечания

1. Plutarch. *The Lives of the Noble Grecians and Romans* (New York: The Modern Library, 1964), p. 655.
2. Ibid.
3. Ibid.
4. Durant, Will. *Caesar and Christ. A History of Civilization, Part III* (New York: Simon & Schuster, 1944), p. 136.
5. Plutarch, op. cit., p. 656.
6. Ibid.
7. Ibid.
8. Ibid., p. 657.
9. Duran, op. cit., p. 138.
10. Мережковский Д.С. «Лютер». В книге «Реформаторы» (Брюссель: Жизнь с Богом, 1990), стр. 88.
11. Там же, стр. 94.
12. Там же, стр. 96.
13. Там же, стр. 95.
14. Там же.
15. Durant, Will. *The Reformation. A History of Civilization, Part VI* (New York: Simon & Schuster, 1957), p. 384.
16. Мережковский, ук. ист., стр. 96.
17. Durant, op. cit., p. 386.
18. Ibid., p. 389.
19. Мережковский, ук. ист., стр. 98.
20. Durant, op. cit., p. 393.
21. Ключевский В.О. *Курс русской истории* (Москва: Госполитиздат, 1956), т. 5, стр. 76.
22. Там же, стр. 93.
23. Там же, стр. 92.

24. Пушкин А.С. «История Пугачёвского бунта». Собрание сочинений в 8 томах (С.-Петербург: Тов-во «Просвещение», 1909), том 7, стр. 85.
25. Там же, стр. 87.
26. Там же, стр. 93.
27. Там же, стр. 94.
28. Там же, стр. 110.
29. Там же, стр. 119.
30. Там же, стр. 101.
31. Там же, стр. 148.
32. Там же, стр. 137.
33. Державин Г.Р. «Записки» (Москва: «Русская беседа», 1860), стр. 91.
34. Пушкин, ук. ист., стр. 169.
35. Там же.
36. Там же, стр. 173.
37. Там же, стр. 191.
38. Там же, стр. 192.
39. Державин, ук. ист., стр. 487.
40. Churchill, Winston S., arranged by Commager, Henry Steele. *History of the English Speaking Peoples* (New York: Barnes & Noble, 1994), p. 347.
41. Sears, Stephen W. (editor). *History of the British Empire* (New York: Heritage Publishers Co., 1973) p. 169,
42. Ibid., p. 170.
43. Ibid.
44. Ibid.
45. Ibid., p. 172.
46. Ibid., p. 174.
47. Ibid.
48. Churchill, op. cit., p. 348.
49. Horne, Alistair. *Seven Ages of Paris* (NY: Alfred A. Knopf, 2003), p. 248.
50. Ibid., p. 249.
51. Ibid.
52. Guerard, Albert. *France. A Modern History* (Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1959), p. 324-25.
53. Horne, op. cit., p. 260.
54. Ibid., p. 264.
55. Guerard., op. cit., p. 327.
56. Ibid.
57. Horne, op. cit., p. 269.
58. Ibid., p. 271.
59. Ibid., p. 275.
60. Ibid., p. 268.
61. Ibid., p. 268-69.
62. Guerard, op. cit., p. 328.
63. Пастернак Борис. Стихотворения и поэмы (М.-Л.. Совпис, 1965), стр. 325.

II-10. Войны машиностроителей

А в небесах летят, летят,
летят во все концы,
а в небесах свистят, свистят
безумные птенцы,
и белый свет, железный свист
я вижу из окна,
ах, Боже мой, как много птиц,
а жизнь всего одна.
Иосиф Бродский

Первая мировая

Они всё делали правильно.
Или так им казалось.

Монархи, министры, генералы, дипломаты прилагали все усилия, чтобы подавлять вспышки вражды между своими подданными и между разными народами. Это их неустанная забота о мире хранила спокойствие в Европе вот уже больше сорока лет. Случались, правда, войны на Балканах. Но балканским народам необходимо было время, чтобы отвыкнуть от диких турецких способов правления, овладевать принципами цивилизованной жизни.

Европейские правители имели основания гордиться своими достижениями в деле поддержания мира. Ибо им противостояли враги коварные, кровожадные, непредсказуемые и совершенно безжалостные. От их пуль, бомб и кинжалов гибли не только рядовые защитники права и порядка, не только градоначальники, полицмейстеры, губернаторы, но и главы государств и их семей: русский царь Александр Второй (1881), французский президент Сади Карно (1894), премьер-министр Испании Антонио Канова (1897), австрийская императрица Елизавета (1898), король Италии Умберто Первый (1900), президент США Маккинли (1901), король Португалии Карлуш Первый (1908), российский премьер Пётр Столыпин (1911). И вот 27 июня 1914 года дошла очередь до наследника австрийского престола, пле-

мянника императора Франца-Иосифа, эрцгерцога Фердинанда и его жены.

Он приезжал в Боснию наблюдать за манёврами армии. Закончив свою миссию, направился на обед в резиденцию губернатора провинции в Сараево. На пути туда террористы сумели метнуть бомбу в кортеж. Взрыв ранил офицера охраны. Но разве мог наследник трона показать, что он боится террористов? Час спустя он снова ехал по улицам города в открытом автомобиле, чтобы навестить раненого в больнице. Здесь и подкараулил его сербский националист Гаврила Принцип, который расстрелял наследника и его супругу из револьвера.¹

Хотя убийство произошло на территории Австро-Венгерской империи и совершено было подданными австрийского императора, полиция очень скоро установила, что преступники получали инструкции и оружие из Белграда. Нет, австрийское правительство не объявило тут же Сербии войну, не отдало приказ о вторжении. Оно лишь отправило дипломатическую ноту, включавшую разумные требования: чтобы правительенная сербская газета опубликовала официальное осуждение деятельности националистов; чтобы была запрещена поддержка террористов; чтобы сербский король в приказе по армии присоединился к осуждению.²

На составление ноты ушло три недели, потому что текст необходимо было согласовать с Будапештом. К этому времени Австрийская империя превратилась в Австро-Венгерскую, венгры имели своего премьер-министра. Он попросил убрать из текста ультиматума угрозу отторжения от Сербии каких бы то ни было территорий. Венграм очень не хотелось, чтобы в империи возросло число славян.³

Копии текста были отправлены правительствам России, Германии, Англии, Франции. В Белграде документ был получен 23 июля. Вскоре туда же пришли послания из Лондона и Парижа, призывающие сербов выполнить требования австрийцев. После некоторых споров сербские министры признали, что военная конфронтация с Австро-Венгерской империей не имела шансов на успех и что следует, по возможности, подчиниться ультиматуму, срок которого истекал вечером в субботу 25 июля.

Однако позднее в тот же день пришла телеграмма от сербского посланника в Санкт-Петербурге, извещавшая о том, что при царском дворе настроение весьма воинственное, что дух защиты братьев-славян доминирует, как и в 1877 году, и царь вот-вот готов объявить мобилизацию армии.⁴

С этого момента колесо судьбы стало вращаться неумолимо. Ободрённые сербы отвергли самые главные пункты ультиматума, внесли поправки в остальные. 28 июля, во вторник, Австрия объявила войну Сербии. В течение среды шёл обмен паническими телеграммами между двумя кузенами, кайзером Вильгельмом Вторым и царём Николаем Вторым (они общались на английском), пытавшимися найти мирный выход из кризиса. Но начальник немецкого генштаба Мольтке одновременно писал своему австрийскому коллеге: «Объявляйте мобилизацию против России. Германия последует вашему примеру».⁵

Логика генералов сводилась к простой арифметике. По их стратегическим расчётом получалось, что тот, кто запаздывает с мобилизацией, тем самым заранее отдаёт противнику 20-25 километров своей территории за каждый потерянный день.⁶ Русские генералы давили на царя, грозя утратой всякого влияния России на Балканах и, возможно, лишением права выходить из Чёрного моря через Босфор и Дарданеллы. Он нехотя 30 июля отдал приказ о мобилизации. Германия, как и предупреждала, после этого объявила войну России. Но это втягивало в войну и Францию, которая подписала с царём договор о военном союзе ещё в 1882 году. Круг замкнулся.

Улицы многих европейских городов заполнились ликующими толпами. Похоже, это была классическая вспышка эпидемии «пассионарности», наподобие той, которая прокатилась по Америке в 1898 году и толкнула её на войну с Испанской империей. Видимо, долгий период мирной жизни вымывает из памяти людей ужасы войны, оставляет лишь лихорадочное возбуждение перед очень, очень большим приключением. Один из участников военных демонстраций в Мюнхене вспоминал потом:

«Всёцело захваченный бурлящим энтузиазмом я упал на колени и переполненным сердцем благодарил небеса за то, что они даровали мне возможность жить в такие времена».

Звали молодого двадцатипятилетнего энтузиаста Адольф Гитлер.⁷

В судорожных поисках мирного решения конфликта, протекавших в эти дни, все участники дипломатических переговоров часто использовали оборот:

«Нет, мы не можем этого сделать, ибо это было бы нес совместимо со статусом великой державы».

Все ясно понимали, что речь идёт не о реальных угрозах со стороны соседей, даже не о захвате чужих территорий, а исключительно о защите и раздувании престижа. Монархи запрещали дуэли в своих странах, но сами вели себя как дуэлянты, идущие на смертельную схватку ради расплывчатых идеалов чести.

«Не разойтись ли нам, пока не обагрилась рука?» — поют Онегин и Ленский в знаменитой опере и не расходятся. Так и европейские державы не разошлись в августе 1914 года и начали войну, которая оказалось самой кровавой в мировой истории последних трёх тысячелетий.

Генералы гордились своими познаниями в сфере законов военной стратегии и тактики. Но у них не было ясных представлений о том, как далеко зашёл технический прогресс индустриальной эры. Они радовались новинкам военной техники, но не хотели думать о том, что и у противника уже есть такие же, если не страшнее. Внедрение машин во все ответвления производства необычайно увеличивало его эффективность. Но ведь это означало также и невероятное возрастание эффективности производства трупов. В частности, при помощи машины, получившей название «пулемёт».

Машиной принято называть аппарат, в котором энергия газа, пара или электричества преобразуется в кинетическую энергию движущихся частей. Формально можно объявить машиной даже старинный аркебуз или пищаль. Ведь в них энергия горящего пороха превращается в движение вылетающей пули. Но раз уж мы рассматриваем здесь войны *машиностроителей*, мы оставим ранние виды огне-

стрельного оружия земледельческой эпохи и будем рассматривать только те модели, в которых имеется возвратно-поступательное или вращательное движение элементов.

Первые попытки создать пулемёт относятся ко времени гражданской войны в Америке. Изобретатель Джордан Гатлиг создал конструкцию, на которой было укреплено несколько стволов, по очереди стрелявших при вращении барабана. В 1880-е другой изобретатель, Хайрам Максим (американец, живший в Англии), разработал одноствольную модель, автоматически перезаряжавшуюся после каждого выстрела. Механизм перезаряжения частично использовал энергию пороховых газов. Так машинный век вторгся в индустрию вооружений.⁸ В английском языке эта машинизация подчёркнута лингвистически: «пулемёт» — «machine gun».

Похожая революция произошла и в сфере артиллерии. Раньше мощность заряда нельзя было увеличивать беспрепятственно — сила отдачи отбрасывала орудие слишком далеко назад, грозила оторвать от лафета. Новая конструкция закрепляла ствол на лафете не намертво, а на металлических полозьях. Он скользил назад, а гидравлический тормоз, к которому он был прикреплён, гасил энергию отката и потом возвращал ствол на место («откатник» и «накатник»). Это позволило увеличить размеры орудий и мощность снарядов во много раз, особенно на военных кораблях.

Ещё один вид вооружений, на вид примитивный, но сыгравший огромную роль в войнах 20 века, был создан при помощи машинного производства: колючая проволока. Полевые укрепления земледельческой эры, все эти бастионы, флеши, редуты были слишком уязвимы для тяжёлой артиллерии нового века. Но колючую проволоку, натянутую на вбитые в землю колья, можно было быстро вернуть на место даже после тяжёлой канонады. А если в сотне метров за неё иметь траншеи с несколькими пулемётными гнёздами, получалась позиция непреодолимая для вражеской пехоты и кавалерии.

Эти нововведения кардинально изменили характер боевых действий. Только в первые месяцы осени 1914 года произошло несколько сражений привычного типа — армия

маневрирует, сближается с другой, вступает в бой, побеждает или терпит поражение. Вскоре враждующие стороны перестали перемещаться по отношению друг к другу как на западном, так и на восточном фронтах. Впервые в военной истории возникло понятие «линия фронта». На сотни километров тянулись траншеи, перед ними — ряды колючей проволоки, дальше — полоса «ничейной земли», и снова — проволока, траншеи противника, пулемётные гнёзда и где-то сзади — батареи полевых пушек.

Однако эту ситуацию никак нельзя было назвать «затишьем». Привычная истина в умах генералов гласила: «Чтобы победить, надо наступать». И приказы наступать отдавались обеими сторонами с бульдожьим упрямством. Подчиняясь им, солдаты высказывали из трашней, бежали в атаку, начинали резать колючую проволоку врага, попадали под кинжаленный огонь пулемётов, откатывались назад, оставляя позади убитых и раненых.

Потери обеих сторон были ужасающими, несравнимыми с самыми кровавыми войнами прошлого. Уже в первый день битвы на Сомме (1 июля 1916) британцы потеряли 20 тысяч убитыми и 40 тысяч ранеными. Эта битва длилась до ноября 1916 и унесла больше миллиона жизней, но почти не сдвинула линию фронта.⁹

Безнадёжность лобовых атак в окопной войне стала ясна командованию союзников уже в начале 1915 года. Начали строить планы обходных манёвров. Что если нанести удар по союзнику Германии, Турции? Если отбить у неё Босфор и Дарданеллы, это откроет русскому флоту проход из Чёрного моря и облегчит доставку русского хлеба, который так нужен союзникам.

Северный берег пролива Дарданеллы образован длинной полосой земли, носящей название полуостров Галлиполи. На нём турецкая армия имела укреплённые форты с тяжёлой артиллерией, а также множество подвижных батарей. В феврале 1915 года большой флот союзников приблизился к устью пролива и открыл огонь по турецким позициям. 18 марта большая эскадра, предшествуемая минными тральщиками, вошла в пролив и двинулась в направлении Стамбула. Но оказалось, что турки успели перегородить

Дарданеллы несколькими линиями мощных мин, произведённых в Германии. В результате в первый же день вторжения союзный флот потерял четыре больших корабля, погибло около 700 моряков. Был отдан приказ отступить.¹⁰

Подвижные батареи турок не могли нанести серьёзного ущерба броненосцам. Но тральщики были очень уязвимы для их огня и не могли выполнить очистку пролива от мин, пока эти батареи имели возможность осыпать их снарядами. Стало ясно, что для победы необходимо высадить наземный десант.

Эта задача выпала на долю подразделений, прибывших из Австралии и Новой Зеландии, а также нескольких французских дивизий. Турецкими войсками командовал талантливый военачальник Кемаль-паша, впоследствии ставший президентом страны под именем Ататюрк. Тяжёлые бои на полуострове длились до ноября 1915 года. По приблизительным подсчётам, турецкая армия потеряла около 300 тысяч, союзники – 265.¹¹ В декабре было принято решение свернуть операцию и эвакуировать экспедиционный корпус.

Примечательно, что за всё время боёв в Галлиполи не было сделано никаких попыток привлечь к компании российские вооружённые силы. Если бы черноморский военный флот хотя бы приблизился с востока к Стамбулу, эта угроза заставила бы турецкое командование перебросить часть своих войск с полуострова на оборону столицы. Но, видимо, во Франции и Англии были ещё сильны догматы geopolитической стратегии 1854 и 1878 годов: ни в коем случае не допустить перехода проливов под власть России.

В военные действия на море машинная эра ворвалась уже в середине 19 века. Русские парусные фрегаты, ещё недавно побеждавшие турецкий флот, оказались бессильны перед французскими и британскими паровыми крейсерами, осадившими Севастополь в 1854 году, — их пришлось просто затопить на входе в бухту. В американской гражданской войне обе стороны уже применяли первые модели броненосцев. К началу 20 века европейские страны наперегонки строили линкоры, эсминцы, торпедоносцы, которые вскоре и были пущены в дело во время Первой мировой войны.

Крупнейшее морское сражение между британским флотом и немецким произошло 30 мая 1916 года вблизи полуострова Ютланд (пролив Скагеррак). Англичане потеряли в этом бою 14 кораблей из 150 и около семи тысяч моряков. Потери немецкого флота были меньше, но он был вынужден вернуться в порт, не достигнув решительной победы. Британия осталась «владычицей морей» и продолжала морскую блокаду Германии до конца войны.¹²

Зато *под водой* немцам удалось взять страшный реванш. Изобретение двигателя внутреннего сгорания в соединении с электрогенератором, аккумулятором и электрическим мотором позволило добавить к арсеналу вооружений подводные лодки. Германия сумела производить их в больших количествах, а средства борьбы с ними были ещё весьма примитивными. Торговый флот союзников нёс огромные потери от немецких торпед. В последнем квартале 1916 года были потоплены сотни судов общим водоизмещением 617 тысяч тонн, в следующем квартале — 912 тысяч, а наихудший квартал пришёлся на апрель-июнь 1917 — 1,362 тысячи.¹³

Машинизация позволила распространить военные действия не только под воду, но и в воздушный океан. Первые бомбёжки осуществлялись не с самолётов, а с дирижаблей. Немецкие цеппелины бесшумно появлялись в небе над Англией ночью и сбрасывали свой смертоносный груз на спящие города. Для борьбы с ними использовались прожектора и малокалиберные пушки. Но оказалось, что наиболее эффективный способ: самолёт поднимался над дирижаблем и сбрасывал на него бомбу. Первый британский пилот, совершивший подобный манёвр, получил орден Крест Виктории. Немцам пришлось летать на высотах недостижимых для истребителей, что, конечно, уменьшило прицельность бомбёжек.¹⁴

Также дирижабли и воздушные шары активно использовались для слежения за противником и для корректировки артиллерийского огня. В ясную погоду наблюдатель в кабине воздушного шара, вооружённый хорошим биноклем, мог видеть взрывы снарядов за несколько километров и по

телефонному проводу передавать информацию на батарею внизу: «недолёт, перелёт».¹⁵

Обе враждующие стороны наращивали также производство боевых самолётов, постоянно улучшая их конструкцию и увеличивая мощность моторов. Летом 1917 года английская армия в битве за Фландрию имела уже около пяти сотен истребителей. Их главная задача была уничтожать наблюдательные шары противника. Но, конечно, им приходилось вступать и в индивидуальные схватки с немецкими лётчиками. Вскоре обе стороны имели своих прославленных героев воздушных боёв, на счету которых были десятки сбитых самолётов врага.¹⁶

Индустриальная эра поставляла сражающимся всё новые виды оружия. Ясным апрельским днём 1915 года, в районе города Ипр, большое серо-зелёное облако поползло со стороны немецких позиций на французские окопы, гонимое лёгким ветерком. Когда оно достигло их, пехотинцы алжирского полка начали кашлять, хвататься за горло, падать на землю с посиневшими лицами, выскакивать из укрытий, бежать в тыл. Ядовитый газ, получивший название «иприт», состоял в основном из хлора, который стимулирует наполнение лёгких жидкостью, и человек захлёбывается ею. Через час газовой атаки в линии французского фронта образовалась дыра длиной в восемь километров.¹⁷

Различные виды боевых отравляющих веществ применялись в дальнейшем обеими сторонами. Параллельно разрабатывались методы защиты от них, срочно создавались модели противогазов. Если их не было под рукой, солдат инструктировали дышать через тряпку, смоченную в воде. Даже те, кто выжил после газовой атаки, могли остаться инвалидами на долгие годы.

Последним заметным нововведением Первой мировой войны явился танк. К концу 1917 года британцам удалось изготовить несколько сотен этих грозных машин и доставить их к месту готовившегося наступления в районе Камбре. Внезапная атака прорвала немецкую оборону на флангах и позволила проникнуть внутрь на шесть километров. Но центральной группой командовал офицер, не доверявший новому оружию, считавший, что оно привлечёт масси-

рованный артиллерийский огонь. Он приказал своей пехоте следовать за танками не вплотную, а метрах в двухстах сзади. Не прикрытие ружейным огнём пехотинцев танки становились жертвой немецких гранатомётчиков и артиллерии, и наступление захлебнулось.¹⁸

Использование новых видов оружия непредсказуемо влияло на ход войны. Но ещё сильнее действовали неожиданные политические бури внутри государств. Британцам удалось подавить восстание ирландцев в 1916 году, а вот бунты во французской армии летом 1917 года грозили полным развалом западного фронта. Февральская революция 1917 года в России поначалу провозгласила лозунг «*Война до победного конца!*» Однако после большевистского переворота в октябре всё изменилось. Новое российское правительство подписало Брестский мир с Германией и Австрией в марте 1918 года, эти страны смогли перебросить огромные контингенты войск с восточного фронта на западный. Если бы не вмешательство Америки, финал войны мог бы оказаться совсем другим.

Американский президент Вудро Вильсон долго пытался проводить политику нейтралитета. Даже на торпедирования торговых судов, при которых гибли американцы, он реагировал лишь дипломатическими нотами. Но в стране нарастало возмущение немецкими зверствами, теснившее традиционный американский изоляционизм. А в начале 1917 года стало известно, что германский министр иностранных дел Зиммерман тайно пытался вовлечь Мексику в военный союз против США, обещая ей, в случае победы, вернуть Техас, Аризону и Нью-Мексико. Это переполнило чашу терпения, и Америка объявила Германии войну в апреле 1917 года.¹⁹

В этот момент численность американских вооружённых сил едва достигала ста тысяч. Понадобилось больше года, чтобы мобилизовать, обучить, вооружить миллионную армию, вступившую в бой на французской территории в июне 1918 года. Немцы, усиленные войсками, переброшенными с восточного фронта, сопротивлялись упорно, однако вынуждены были отступать перед превосходящими силами противника.

Австро-Венгерская империя затрещала первой. В октябре 1918 года входившие в неё народы начали один за другим объявлять о создании независимых государств. Сербы, хорваты и словенцы объединились в республику Югославия. Поляки присоединились к своим соплеменникам на землях Германии и России, чтобы создать независимую Польшу. Чехи и словаки вступили в союз, из которого выросла Чехословакия. Венгрия откололась 1 ноября.²⁰

Кайзер Вильгельм Второй до последнего момента не хотел поверить, что армия отказывается подчиняться его приказам, что его солдаты не выполняют данную ими священную присягу. Когда ему докладывали о революционных толпах на улицах городов, о том, что лидеры коммунистов, Карл Либкнехт и Роза Люксембург, уже провозгласили республику большевистского типа, он требовал подавить их военной силой.

Томас Манн записал в своём дневнике 10 ноября:

*«По слухам, революция расползается по всему рейху. Красный флаг развевается над королевским дворцом в Берлине».*²¹

С трудом маршалу Гинденбургу и другим военачальникам удалось убедить императора в том, что война проиграна, и единственный выход для него отречься от престола.²²

Перемирие было подписано 11 ноября 1918 года. В марте 1919 собралась конференция, обсуждавшая условия мирного договора, а также создание международной организации Лиги Наций.

«Это была война за то, чтобы войн больше не было никогда!» — таков был общий клич.

Отношения между странами должны подчиняться строгим правилам, тогда военное решение конфликтов сделается ненужным. Одним из таких правил предложено было сделать нерушимость существующих границ.

Уже тогда многим трезвым умам была очевидна невыполнимость этого требования. Видный американский политик, лауреат Нобелевской премии мира за 1912 год, Элиу Рут писал:

«Перемены и рост — это закон жизни. Ни одно поколение не должно накладывать свою волю в вопросах роста наций на последующие поколения... Это будет не только невыполнимо, но и несправедливо».²³

По условиям мира, подписанного в Версале, Германия должна была утопить собственный военный флот и уничтожить артиллерию.

*«Для поддержания внутреннего порядка ей было разрешено иметь армию, не превосходящую 100 тысяч военнослужащих. Были включены статьи, ограничивавшие размеры офицерского корпуса. Военная авиация запрещалась совсем. Также запрециались подводные лодки, а водоизмещение военных судов не должно было превышать 10 тысяч тонн».*²⁴

К двадцати миллионам погибших на полях сражений добавилось ещё никем не сосчитанное число умерших от эпидемии загадочной лихорадки, получившей название «испанка». Человечество взглядалось в отпылавший пожар глазами политиков, историков, философов, лучших писателей.

Американец Хемингуэй прославился романом «Прощай, оружие!» Немец Ремарк запомнился миллионам своей книгой «На Западном фронте без перемен». Француз Анри Барбюс — романом «Огонь». Михаил Шолохов — «Тихим Доном». Англичанин Роберт Грейвс описал свои годы на фронте в книге, которой он дал обнадёживающее название: «Простимся со всем этим».

Увы, проститься удалось всего на двадцать лет.

В 2013 году американский писатель Ричард Рубин выпустил книгу, основанную на интервью, которые он брал у ветеранов, помнивших Перову мировую войну. Большинству его собеседников перевалило за сто, но память их была ещё свежа. Среди рассказанных ими историй мне особенно запомнилась та, которую поведал бывший артиллерист Джордж Брайан. Ему было всего пятнадцать, когда он начал попытки записаться в армию. Вербовщики видели, что ему ещё нет восемнадцати, но решили закрыть на это глаза.

«Зачем вы так рвались на войну?» — спросил Рубин.

«Как зачем? — ответил Брайан. — Чтобы почувствовать себя мужчиной».

Летом 1918 года он, вместе со своей батареей, попал под тяжёлую бомбёжку. Когда его израненного доставили в госпиталь, врачи насчитали девять ран на его теле, некоторые — тяжёлые. После излечения командование собиралось отправить его домой — он категорически отказался и добился, чтобы его снова отправили на фронт.

«Помните ли вы последний день войны?» — спросил Рубин.

«Конечно, — ответил ветеран. — Мы получили известие, что подписано перемирие, которое вступит в силу в 11 утра, 11 ноября. И что же мы сделали утром этого дня? Как только рассвело, и мы, и немцы открыли страшный огонь из всех пушек. Мы будто спешили использовать все снаряды, остававшиеся на батарее. Спросите меня — зачем? Не знаю. Довольно много солдат погибло от этой стрельбы за несколько минут до наступления мира».²⁵

В этой истории мне мерещится микро-взрыв той таинственной силы, которая манит людей на войну. Джордж Брайан не видел себя героем, не питал никакой вражды к немцам, не защищал свою страну, которой ничего не грозило. В его душе кипели те же страсти, что и в душах миллионов других добровольцев, спешащих на фронты разных войн: «Чтобы почувствовать себя мужчиной». В терминах нашего исследования: «Чтобы утолить жажду самоутверждения».

Уместно спросить: «Почему же жители свободных стран не предпочтут утолять эту жажду на многих других открытых им путях?» Ответ: да потому что на всех мирных путях ты вступаешь в состязание с другими людьми, и у тебя девять шансов из десяти на то, чтобы потерпеть поражение, остьаться в толпе проигравших, отставших. Как это ни парадоксально, на войне поражение тебе не грозит. Даже если твоя армия будет разбита, а самого тебя разорвёт на куски снаряд или бомба, ты уже утолил свою страсть к самоутверждению тем, что встретил смертельную опасность лицом к лицу.

По этой же причине молодёжь с такой готовностью ввязывается во всякие рискованные затеи, гоняется на автомобилях, мотоциклах, самолётах, карабкается по отвесным скалам, швыряет камнями в полицию, вступает в тайные общества, преступные шайки, сатанинские культуры. Страх смерти у неё слабее страха поражения. Именно поэтому её так легко увлечь политическим манипуляторам на всевозможные провокации — чем опаснее, тем лучше. Думается, это прекрасно понимали те, кто выступил в роли поджигателей Второй мировой войны.

Вторая мировая

Детишки шли, поскольку осень, в школу.

А немцы открывали полосатый
шлагбаум поляков. С гуденьем танки,
как ногтем — шоколадную фольгу,
разгладили улан. Достань стаканы
и выпьем водки за улан, стоящих
на первом месте в списке мертвцевов,
как в классном списке.

Иосиф Бродский

Конец Первой мировой войны был ознаменован одновременным крахом пяти великих империй: Австро-Венгерской, Германской, Испанской, Российской, Турецкой. Миллионам людей нужно было срочно строить новые государственные здания, а как это делается подданные бывших монархий не знали. Их первым выбором была попытка скопировать государственный строй победителей — Англии, Франции, США. Но конструкция парламентской демократии оказалась настолько сложной, что многие народы вскоре погрузились в хаос внутренних раздоров, бунтов, даже гражданских войн. Спасаясь от этого хаоса, народы Европы один за другим возвращались к привычному единовластию: в Польше воцарился Пилсудский (1920), в Италии — Муссолини (1922), в Турции — Ататюрк (1923), в России — Сталин (1930), в Португалии — Салазар (1932), в Германии — Гитлер (1933), в Испании — Франко (1939).

Индустриальная эра тем временем совершенствовала не только все виды вооружений, но и новые системы коммуникаций. И среди её достижений конца 1920-х годов появились два, которым суждено было сыграть огромную роль в истории 20 века: радиовещание и кинохроника. Человеческая жажда сплочения получила неслыханные ранее возможности утоления. Теперь не тысячи сливались в уличной демонстрации или в зале, где происходил политический митинг, а миллионы, припавшие к своим радиоприёмникам или заполнявшие кинозалы.

Труднее было утолить жажду бессмертия. Религия, теснимая научными открытиями, не могла насытить томление новых поколений, получавших образование в светских школах и колледжах. В своих поисках эта молодёжь раскололась на две огромные армии: одна объявляла священным национальные корни, другая — интернациональный коммунизм.

Страстный национализм восторжествовавший в Германии, Италии, Японии, Венгрии и нескольких других странах, был, по сути, возвратом к племенной ментальности. Моё племя, мой род, могилы предков — вот главная моя святыня, за которую я буду сражаться не щадя жизни. Само существование других племён представляет угрозу моей святыне, поэтому они должны быть либо покорены, либо уничтожены. Именно к этому сводилась религия двух народов, выступивших главными поджигателями пожара Второй мировой войны: немцев и японцев.

Коммунистическая идеология объявила священной борьбу за освобождение трудового народа во всём мире от гнёта «эксплуататоров». В этой устремлённости человека манила мечта о небывалом сплочении всего человечества в единую семью свободных тружеников. Теперь не Бог и Священное писание, а марксистская наука монополизировала истину и обещала жизнь после смерти — в трудовых свершениях.

Так как сплочение было ключевым элементом обеих религий, там, где они побеждали, немедленно начинался процесс подавления, изгнания, даже физического уничтожения дальновидных. Ведь дальновидный, видя дальше других,

неизбежно вносит раскол, представляет собой угрозу делу сплочения большинства в полном единодушии. Но жажда самоутверждения, хотя и в меньшей степени, живёт также и в близоруких. Оставить её без утоления не могли ни националисты, ни коммунисты. А как можно совместить сплочение и самоутверждение? Племенная ментальность могла предложить только один путь: войну. Поэтому и те, и другие делали войну и подготовку к ней главным элементом, краеугольным камнем своей пропаганды.

Лидеры демократического лагеря не могли осознать этого. Воспитанные в традициях, ставивших жажду человека самоутверждаться, то есть жажду свободы, превыше всего, они интерпретировали вознесение Муссолини, Сталина, Гитлера как политические недоразумения.

«Никто в мире не может хотеть войны!» — этот Чемберленовский лозунг представлялся неопровергаемой истиной людям, помнившим траншеи, залипавшие кровью и ядовитым газом. Англия и Америка поспешили разоружаться, чтобы у немцев не возникло ощущения угрозы, вскоре и Франция последовала их примеру.²⁶

На президентских выборах 1932 года в Германии главными соперниками маршала Гинденбурга были двое: глава национал-социалистов Гитлер и глава коммунистов Тельман. Чего можно ждать от коммунистов, немцы уже знали на примере большевистской России: раскулачивание, лагеря, принудительный труд, аресты и главное — отмена частной собственности и рыночных отношений чреватая общим обнищанием. А Гитлер? Он, по крайней мере, не призывал к уничтожению собственников как класса. И ведь он так простодушно и честно рассказал о себе в книге «Майн Кампф», ставшей бестселлером!

Как уже в десять лет он зачитывался рассказами о героях франко-прусской войны 1870 года. Как учитель истории в школе вдохновенно увлекал учеников картинами жизни доблестных германских племён, смело противостоявших Древнему Риму и Византии. Да, в юном Адольфе рано зародился дух революционера. Да, он бунтовал уже против отца, хотевшего навязать ему карьеру послушного чиновника Ав-

стрийской империи. Но ведь это была та самая империя, которая не умела ценить германскую исключительность, пытаясь перемешивать немцев со славянами, со всеми этими чехами, сербами, хорватами, словаками, болгарами.²⁷ Разве мог с этим смириться человек, видевший в своей принадлежности к германской расе — и ни в чём другом — гарантию своего бессмертия?!

Конечно, он сильно преувеличивал зловещее всевластие евреев в мире, с несоразмерной яростью взваливал на них вину за моральную, политическую, эстетическую деградацию человечества. И большевизм он также объявлял частью еврейской кампании по завоеванию господства над миром.

*«Еврей Карл Маркс проницательным взглядом пророка разглядел загнивание мира, выделил из него главные ядовитые вещества, и, как колдун, приготовил из них смертельную смесь для уничтожения независимых наций. Всё это было проделано с целью вознесения его расы».*²⁸

Немецкие дальновидные, оказавшись перед выбором «Гитлер или Тельман», пытались закрывать глаза на параноидальную фанатичность лидера национал-социалистов. Наверное, это лишь эксцессы предвыборной пропаганды, — думали они. Наверное, талантливый юноша, которого не приняли в Академию художеств, которого недооценивали еврейские дельцы, продававшие его акварели, просто озабочился и искал виновников его жизненных неудач и невзгод. Наверное, это пройдёт, когда он достигнет власти и почувствует груз ответственности на своих плечах.

А разве другие немецкие лидеры не проповедовали похожие идеи? Адмирал Альфред фон Тирпиц уже в 1917 году, выйдя в отставку, создал партию «Отечество» (Fatherland Party) и в своей речи так охарактеризовал противоборство двух начал:

«Это борьба не на жизнь, а на смерть между двумя философиями: германской и англо-американской... Грандиозная борьба решит судьбу не только Германии, но и всего европейского континента: останут-

ся ли его народы свободными или попадут под всеобщую тиранию англо-американизма».²⁹

Да и сам президент Гинденбург говорил о том, что Германия проиграла войну из-за предательства евреев. А Мюнхенский путч в ноябре 1923 года, за участие в котором демобилизованный капрал Гитлер попал на два года в тюрьму, по сути, возглавлял не кто-нибудь, а бывший начальник немецкого генштаба, генерал Людендорф.³⁰

Поляризация политических сил в мире к концу 1930 годов может быть описана в терминах нашего исследования таким образом: в Германии, Италии, России, Японии победила жажда сплочения; во Франции, Великобритании, США и многих других странах — жажда самоутверждения.

В обычной терминологии первый лагерь принято называть тоталитарным, второй — демократическим. Главная разница между двумя лагерями: тоталитаризм объявляет гуманность, сострадание, чувство справедливости, отзывчивость не достоинствами, а позорными слабостями. «*Верить, подчиняться, сражаться!*» — вот лозунг, взятый на вооружение итальянскими фашистами. И с небольшими модификациями он мог бы быть подхвачен в нацистской Германии, большевистской России, милитаристской Японии.

Когда видишь в документально-исторической хронике тех лет военные парады, марши физкультурников, колонны танков на площадях, сверкающие трубы оркестров, лица ликующих демонстрантов, не сразу понимаешь, где это происходит: на улицах Берлина, Рима, Москвы или Токио. Только плывущий лес знамён посыпает нам подсказку: вот свастика, вот ликторский пучок, вот серп и молот, вот восходящее солнце.

В начале 1930-х годов французская армия считалась самой мощной в мире. Но военная доктрина страны была нацелена только на оборону. Линия Мажино, состоявшая из множества бетонированных дотов и артиллерийских позиций, соединённых проложенной в подземном туннеле узко-колейной железной дорогой, была чудом инженерного искусства. Она тянулась вдоль границы с Германией от Бельгии до Швейцарии. Эти две страны занимали позиции нейтралитета. Французских политиков, выражавших сомнение в

том, что Гитлер станет уважать их нейтралитет, и призывающих протянуть оборонительную линию до Ла-Манша, обвиняли в раздувании межнациональной вражды, в провоцировании немцев на агрессию.

Политический разброд во Франции достиг своего апогея к концу 1930-х. Социалисты, коммунисты, правые радикалы, профашистские националисты играли на брожении умов, вызванном Великой депрессией. Чехарда смены правительства порождала смуту и неуверенность. Англия была не в лучшем состоянии. Обе страны были похожи на человека, внезапно застигнутого параличом воли.

Именно поэтому они никак не прореагировали на захват Гитлером Австрии в марте 1938. Именно поэтому дали своё согласие на частичный захват Чехословакии в ноябре того же года. А затем не воспрепятствовали вторжению в Польшу в сентябре 1939. Да, они объявили войну Германии. Но целых восемь месяцев не предпринимали никаких военных операций. Это дало вермахту возможность перегруппировать свои армии с восточного направления на западное, нарастить авиацию и танковые дивизии и обрушить их на Францию, нанеся удар в мае 1940 года в обход линии Мажино, через нейтральную Бельгию.

Если Польшу немецкая армия оккупировала за три недели, то на разгром Франции у неё ушло немногого больше, почти пять недель. Моральное состояние французов было таким низким, что целые роты и батальоны сдавались в плен, ведомые своими офицерами. Возникла угроза, что французский средиземноморский флот попадёт в руки немцев. Чтобы этого не случилось, англичане предложили французским адмиралам отправить все корабли в порты нейтральных стран или в колонии или утопить их. Те отка-зались принять ультиматум, и британские линкоры в начале июля атаковали эскадры, базировавшиеся в Оране, Александрии и других гаванях. Разгром был полным, только нескольким судам удалось ускользнуть и укрыться в Тулоне. Погибло больше тысячи французских моряков. Черчиль писал впоследствии, что это было самое тяжёлое решение из всех, которые ему довелось принять во время войны.³¹

Гитлер торжествовал. Его оценка моральной неготовности французов и англичан к войне оказалась верной. В 1918 году, в чине капрала, он болезненно пережил поражение Германии. Теперь в чине главнокомандующего он мог взять реванш. В том самом вагоне, в окрестностях Компьена, в котором немецкие генералы подписали капитуляцию Германской империи, он принял капитуляцию французской республики. Снова, как и в 1871 году, победные немецкие батальоны прошли торжественным маршем по Елисейским полям. Северная часть Франции была оккупирована, южная превратилась в союзника Германии, с прогерманским правительством маршала Петена в городе Виши.

Англия осталась один на один с победоносной Германией, получившей в своё распоряжение почти всю индустриальную мощь оккупированной Европы. Британский экспедиционный корпус оказался прижат на материке к южному берегу Ла-Манша в районе города Дюнкерк. Для его спасения пришлось срочно мобилизовать сотни военных и торговых судов, включая даже рыбакские баркасы и прогулочные катера. В первых числах июня около 300 тысяч солдат и офицеров удалось переправить в Англию. Но в руки врага попало всё брошенное вооружение: 475 танков, 38 тысяч автомобилей, 400 противотанковых пушек, тысяча тяжёлых орудий, 90 тысяч ружей, семь тысяч тонн боеприпасов.³²

Уже в 1588 году вторжение в Англию пытался осуществить Филипп Второй испанский. В 1803 — Наполеон Первый французский. В 1940 году настала очередь Адольфа Первого немецкого. Он понимал, что для высадки на остров и завершения операции «Морской лев» необходимо сначала завоевать господство в воздухе. 15 августа первая армада немецких бомбардировщиков и истребителей общим числом около тысячи появилась в небе над южной частью острова. Они были встречены эскадрильями британских «спитфайеров», и началось воздушное сражение, которое длилось месяц и вошло в учебники под названием «Битва за Англию».

Немецкая авиация имела численный перевес, но англичане компенсировали это тем, что их путь на перезаправку был короче и каждый самолёт мог дольше участвовать в

боях. Стратегия командира истребительной авиации, лорда Даудинга, состояла в том, чтобы концентрировать главные силы на защите аэродромов, даже если это ослабляло оборону Лондона. Параллельно британские бомбардировщики наносили бомбовые удары по портам, в которых немцы готовили десантные и транспортные суда для высадки. За месяц боёв Люфтвафе потеряло почти 2000 самолётов (англичане вдвое меньше), и 17 сентября Гитлер был вынужден отдать приказ об отсрочке на неопределённое время операции «Морской лев».

Сотни тысяч британцев могли с замиранием сердца следить за воздушными боями. Но скрытыми от их взора оставались не менее важные, ни на секунду не прекращавшиеся состязания, которые часто определяют исход войн между машиностроителями: состязания рабочих у станков и конвейерных линий заводов и фабрик, производящих все виды вооружений индустриальной эры. Сколько новых «спитфайеров» и сколько новых «мессершмиттов» будет вылетать в день из сборочных цехов британских и германских заводов, было таким же важным фактором, как мужество и искусство пилотов.

Дальнейший ход Второй мировой войны подробнейшим образом описан в тысячах исторических исследований, мемуаров, документальных и художественных фильмов, воссоздан в романах, спектаклях, живописных полотнах. Я не могу претендовать на роль очевидца, мне было всего восемь лет, когда она закончилась. Но, по крайней мере, я оказался современником многих ветеранов и слышал их устные рассказы. В том числе и рассказы о том, как строго Сталин выполнял условия пакта Риббентроп-Молотов, как в течение двадцати месяцев пресекал всякие попытки укреплять оборону на западной границе, как арестовывал и отправлял в лагеря людей «за антигерманские настроения».

А ведь Гитлер честно описал свои планы насчёт России уже в 1924 году, в книге «Майн Кампф».

«И пусть никто не обманывает себя утверждениями, что, заключая союз с Россией, мы не должны тут же думать о перспективе войны с ней... Союзы заключаются только для борьбы... и всякое государ-

ство только так и рассматривает их... Не следует также забывать, что сегодняшние лидеры России понятия не имеют о том, что условия договоров следует честно выполнять... Это обычные уголовники, по уши в крови; это подонки человечества, которые воспользовались удачным стечением обстоятельств, захватили великую страну, уничтожили и изгнали тысячи лучших представителей её интеллигенции и установили тианический режим, которого не было во всей истории человечества... Они также принадлежат к расе, которая сочетает неслыханную жестокость с непостижимым искусством вранья, и сегодня считает своей миссией подчинить весь мир своей кровавой диктатуре».

Но Сталин вряд ли читал «Мейн Кампф». Его вполне устраивало то, что Гитлер, выполняя условия пакта, позволил ему оккупировать южную Финляндию, восточную Польшу, восточную Румынию, всю Прибалтику. Главная военная опасность ему виделась на Дальнем Востоке. Он ухитрялся не замечать миллионную немецкую армию, собранную на западной границе России весной 1941 года. Немецкие бомбы уже падали на Киев, Львов, Брест, Минск, а из Москвы неслись приказы: «Не открывать огонь!» Почти вся советская авиация в приграничных районах была уничтожена на земле.

Писатель Виктор Суворов (бывший разведчик, перебежавший на Запад) попытался в своей книге «Ледокол» доказать, что Сталин сам планировал превентивное нападение на Германию и просто замешкался, а Гитлер опередил его и летом в пух и прах разбил Красную армию, готовившуюся к нападению, но не готовую к обороне. Эта идея пришла невероятно по сердцу миллионам читателей, книга имела огромный успех.

В глазах сталинистов образу любимого вождя был возвращён титул военного гения. В глазах поклонников рационализма все глупости, совершенные Сталиным за 25 лет правления, были трудно совместимы с надеждой на то, что только развитый и сильный ум приводит к победе. Они были благодарны Суворову за то, что он своими фантазиями уме-

ло затуманил простую и печальную истину: Сталин был мафиозный пахан, не блиставший умом, которого другой пахан — Гитлер — обошёл в коварстве и жестокости и переиграл в первый год войны.

Здесь будет уместно вспомнить один малоизвестный эпизод Второй мировой войны, сыгравший, как мне кажется, немаловажную роль. По плану «Барбаросса», вторжение в Россию было намечено на первую половину мая 1941 года. Для этого было необходимо предварительно нейтрализовать Югославию, чтобы британцы не могли ударить через Грецию и Балканы в тыл армиям, наступающим на СССР. 25 марта югославский премьер-министр в Вене подписал пакт о ненападении с Германией. Однако в Белграде группа патриотически настроенных офицеров во главе с генералом Симовичем совершила бескровный переворот и аннулировала пакт.

Гитлер пришёл в ярость. Он отдал приказ своим войскам вторгнуться в Югославию и безжалостно сокрушить любое сопротивление. 6 апреля начались бомбёжки Белграда, в которых за три дня погибло 17 тысяч жителей. Силы были неравны, и после недели боёв Югославия капитулировала. Весь апрель и май у немцев и их союзников ушёл на операции на Балканах. Именно это привело к перенесению даты вторжения в СССР.

Черчилль писал в своих мемуарах:

«В мае 1941 года 25 немецких дивизий были отвлечены боевыми действиями на Балканском полуострове. Учитывая огромность предстоявшей кампании против Сталина, было неразумным отвлекать такие значительные силы на побочные операции. Сегодня ясно, что наше сопротивление на Балканах, и особенно революция в Югославии, отсрочили вторжение в Россию на пять недель. Без такой отсрочки немецкая армия могла бы достичнуть Москвы до наступления зимних холодов».

Выше, в главе I-2, я уже писал о том, что перелом в ходе войны, совершенный русскими в 1942 году, нужно считать одним из тех чудес военной истории мира, в которых

неожиданное сплочение народа опрокидывает все законы стратегии, экономики, даже арифметики.

Потеряв половину своей территории, удвоить и утроить производство вооружений — я не могу припомнить, чтобы какая-нибудь другая страна могла совершить нечто подобное. Например, огромный многомиллионный Китай только отступал и отступал перед Японией в 1930-е годы.

И всё же, отдавая должное стойкости, мужеству и даже военному искусству русских, справедливость требует, чтобы мы не забывали об участии союзников в победах Красной армии. Если бы 300 тысяч немецких и итальянских войск не были вовлечены в битву при Аламейне в Северной Африке осенью и зимой 1942-43 года, Гитлер мог бы отправить их на спасение армии Паулюса под Сталинградом. Если бы американцы и англичане не высадились в Италии летом 1943, немцам не было бы нужды перебрасывать 20 дивизий с восточного фронта на итальянский, и русская победа на Курской дуге могла бы обернуться поражением.

Сталин постоянно требовал от союзников открытия *второго фронта* и не хотел признавать, что «второй фронт» уже существовал с лета 1942 года, когда американцы высадились в Северной Африке. Да и постоянная угроза вторжения англичан через Ла-Манш сковывала огромную немецкую армию на территории Франции.

Также следует помнить о щедрых поставках оружия, доставлявшихся союзниками. Американские и британские торговые суда, неся большие потери от немецких подводных лодок и авиации, прорывались в порты Мурманска и Архангельска, откуда эти грузы переправлялись на фронты. Всего было доставлено за годы войны 18300 самолётов, 11900 танков, 13000 зенитных и противотанковых орудий, 427000 автомашин, большое количество боеприпасов, взрывчатки и пороха.

Объявляя себя защитником цивилизованного мира от коммунизма, Гитлер, видимо, не допускал возможности союза между Сталиным и Черчиллем. Я не исключаю, что экстравагантный прилёт ближайшего помощника фюрера, Рудольфа Гесса, в Шотландию в мае 1941 года был дипломатической попыткой предложить англичанам перемирие на

время, необходимое для разгрома СССР. Но, как мы знаем, в глазах Черчилля «для победы над Гитлером можно было заключить союз и с дьяволом». Вторжение Германии в Россию дало Великобритании передышку, которая была так необходима ей для наращивания военной индустрии.

Уже первые годы войны сделали очевидной неумолимую истину: в индустриальную эру воевать и побеждать можно только в том случае, если у вас есть авиация, танки и подводный флот. А эти виды вооружений не могут оперировать, если у вас нет постоянных источников снабжения нефтью. Историки, рассматривающие природу войн как борьбу за ресурсы, могут справедливо указать на то, что расклад противоборства произошёл именно по этому ключевому параметру: страны, не имевшие нефти (Германия, Италия, Япония), напали на страны, её имевшие (Англию, США, Россию).

Муссолини сознавался, что если бы Лига Наций наложила на Италию нефтяное эмбарго за вторжение в Абиссинию в 1935 году, он вынужден был бы прервать агрессию. Эмбарго на нефть и каучук, наложенное на Японию Америкой, парализовало её наступление в Китае. Ещё в ноябре 1941 Токио предпринимал отчаянные дипломатические усилия, чтобы добиться отмены его. Только когда дипломатия не сработала, японцы решились напасть на Перл-Харбор. Также и германские и итальянские армии в 1942 году направляли свои удары в сторону территорий богатых нефтью: в Северной Африке в сторону Ливии и Туниса; в России — через Кавказ и Волгу к каспийским месторождениям в Баку и Иране.

В памяти европейцев надолго останутся названия знаменитых битв, приведших к концу Второй мировой войны для них: высадка в Сицилии (июнь, 1943), танковая битва под Курском (июль), прорыв блокады Ленинграда (январь, 1944), Монте Касино в Италии (февраль, 1944), высадка в Нормандии (июнь, 1944), взятие Парижа (август), битва в Арденнах (декабрь), взятие Берлина (апрель, 1945).

Но время размывает, стирает важные детали, которые сохраняются только в воспоминаниях очевидцев. Меня, например, поразила история, рассказанная американским

врачом, которому довелось бинтовать раненого немецкого лейтенанта во время битвы в Арденнах. Тот заговорил с американцем на отличном английском и стал расспрашивать, откуда врач родом.

— Да, я понимаю, что из Америки. Но какой штат?.. Коннектикут?.. А какой город?.. Денвери?.. Ага, это рядом со штатом Нью-Йорк.

— Откуда вы всё это знаете? — изумился врач.

— Я окончил курсы администрации.

— Администрации чего?

— Оккупированной Америки.⁴⁰

Неужели Гитлер всерьёз верил, что ему удастся захватить и Америку? Если так, то это подтверждает мнение многих психологов: его паранойя не знала границ. И, на счастье остального человечества, порой наносила серьёзный ущерб военной мощи Германии.

Преследование евреев привело к тому, что в стране не осталось физиков, способных создать атомную бомбу. Запрет на предоставление рабочих мест на фабриках и заводах немецким женщинам сократил чуть ли не вдвое ресурсы рабочей силы. Охрана и транспортировка миллионов узников в лагеря смерти считалась важнейшей задачей рейха и отвлекала даже те поезда, которые позарез были нужны для переброски войск.

После капитуляции Германии война на Тихом океане продолжалась ещё четыре месяца. Выше, в Главе I-2 «Жажда сплочения», я попытался дать краткий очерк японской национальной ментальности, столь непохожей на то, что мы наблюдаем у других народов. В сокровенной глубине её лежит лозунг-догмат: *«Дух выше и сильнее плоти»*.

В огромной степени этот лозунг определяет уникальное презрение японца к своим и чужим страданиям. Даже их форма достойного ухода из жизни — харакири — связана с адской невообразимой болью, которую человек испытывает при вспарывании живота. Пример древних римлян, которые вскрывали себе вены и уютно ложились в тёплую ванну, скорее всего, вызвал бы у самурая презрение.

В одной из бесчисленных пропагандных радиопередач японского радио в годы войны было рассказано о командире эскадрильи, который приземлился на своём аэродроме, вылез из самолёта, вошёл в штаб, доложил о выполнении задания и вдруг упал на пол. Штабные офицеры поспешили ему на помощь и обнаружили, что тело его было абсолютно холодным. Позже в груди героя нашли и пулю, убившую его в бою.

Эта история подносилась радиослушателям как очередное чудо торжества духовного начала над бренной плотью: мёртвое тело пилота силой духа совершило все необходимые действия, прежде чем упасть.

Именно такая ментальность народа позволила Японии создать воинскую силу, которой не было у других наций: армию самоубийц. Японские солдаты не сдавались в плен, даже раненые; они поджидали приближения врага, чтобы убить его или взорвать себя вместе с ним. Кончать с собой считали своим долгом и простые крестьяне; кинохроника запечатлела женщин с детьми, которые прыгали в море с высоких утёсов. И конечно, самым опасным и эффективным подразделением этой армии были пилоты-камикадзе.

В переводе это слово означает «божественный ветер». По легенде так называли бурю, которая разметала флот монголов, пытавшийся высадиться в Японии в 13 веке. Маленький самолёт, нагруженный взрывчаткой, врезался в американский корабль, и это было равносильно попаданию крупной бомбы. Зенитные орудия и пулемёты встречали камикадзе стеной огня. Тогда японцы сменили тактику и начали атаковать группами по пять-шесть самолётов. Хоть один прорывался и достигал цели.

Главная тяжесть войны с таким противником легла на плечи американцев. В их памяти до сих пор кровоточат названия битв, гремевших на Тихом океане: Мидвей, Гвадалканал, Иво Джима, Сайпен, Окинава. Среди европейцев только очень образованные люди смогут объяснить, что значат эти слова.

Но слова Хиросима и Нагасаки знает и помнит весь мир.

После конца Второй мировой войны человечество снова, как и в 1919, кинулось искать путей к прочному миру.

Как и Вудро Вильсон за 25 лет до него, Франклин Делано Рузвельт сделал своей важнейшей задачей создание международной организации, которая должна была тушить мелкие пожары, не давать им разрастись в новое всемирное пожарище.

ООН получила право и возможность посыпать миротворцев в голубых касках в горячие точки на земном шаре.

И тут же горячие точки местных войн начали разгораться в Азии, Африке и даже в обескровленной Европе с пугающей скоростью.

Примечания

1. Ibid., p. 55. Keegan, John. *The First World War* (New York: Alfred A. Knopf, 1999), p. 49.
2. Ibid.
3. Ibid., p. 58.
4. Ibid., p. 64.
5. Ibid., p. 68. Kershaw, Ian. *Hitler. A Biography* (New York: W.W. Norton & Co., 2008), p. 52. Roberts, Andrew. *A History of the English Speaking People Since 1900* (New York: Harper-Collins Publishers, 2007), p. 104.
6. Ibid., p. 115.
7. Keegan, op. cit., p. 97.
8. Ibid., p. 248.
9. Roberts, op. cit., p. 110.
10. Ibid., p. 100.
11. Ibid., p. 92.
12. Keegan, op. cit., p. 197.
13. Ibid., p. 359.
14. Ibid., p. 198.
15. Ibid., p. 370.
16. Roberts, op. cit., p. 127.
17. Keegan, op. cit., p. 416. Mann, Thomas. *Diaries 1918-1939* (New York: Harry N. Abrams, Inc., 1982), p. 20.
18. Keegan, op. cit., p. 418-19.
19. Roberts, op. cit., p. 147. Churchill, Winston. *Memoirs of the Second World War* (Boston: Houghton Mifflin Co., 1987), p. 11. Rubin Richard. *The Last of the Doughboys* (New York: Mariner Books, 2013), p. 215.

20. Churchill, op. cit., p. 9. Hitler, Adolf. *Mein Kampf* (Boston: Houghton Mifflin Co., 1999), pp. 8, 14, 16.
21. Ibid., p. 382.
22. Roberts, op. cit., p. 131.
23. Churchill, op. cit., p. 26.
24. Ibid., p. 332.
25. Roberts, op. cit., p. 213.
26. Churchill, op. cit., p. 359.
27. Ibid., p. 365.
28. Hitler, op. cit., p. 660-61.
29. Churchill, op. cit., p. 423.
30. Ibid., p. 461.
31. <http://war20.ru/article/35/> Encyclopedia Britannica (Chicago: University of Chicago, 1988), vol. 8, p. 452. Geoffrey C. Ward and Ken Burns. *The War* (New York: Random House, 2007), p. 240. Benedict, Ruth. The Chrysanthemum and the Sword. Patterns of Japanese Culture (Boston: Houghton Mifflin Co., 1948), p. 25.
32. Ibid., p. 24.

Часть третья. В поисках Земли Обетованной

III-1. Борьба за мир

Кошмар столетья – ядерный грибок,
но мы привыкли к топоту сапог...

Всегда и терпеливы и скромны,
мы жили от войны и до войны,
от маленькой войны и до большой,
мы все в крови — в своей или чужой.

Не привыкать. Вот взрыв издалека.

Ещё планета слишком велика,
и нелегко всё то, что нам грозит,
не то что осознать — вообразить.

Иосиф Бродский

«Мы старый мир разрушим до основанья...»

Если мы теперь вернёмся к наблюдателям-инопланетянам, мелькнувшим на первой странице этой книги, и дадим им приблизиться к Земле где-то в середине 19 века, что им удалось бы разглядеть? Наверное, они заметили бы, что главные поселения землян состоят из крупных каменных построек. А в самых обширных поселениях есть, по крайней мере, четыре здания, превосходящих размерами все другие: дворец, крепость (она же часто — тюрьма), базар (или биржа), храм. Пролетая, например, над Санкт-Петербургом они бы в первую очередь разглядели Зимний Дворец, Петропавловскую крепость, здание Биржи, Исаакиевский собор.

Эти четыре здания соответствуют и символизируют четыре главные функции земледельческого государства: верховная власть, оборона и судопроизводство, товарообмен, миропостижение. Возникновение и совершенствование этих функций в процессе развития цивилизации осуществлялось путём наложения определённых границ-запретов на индивидуальные человеческие воли. Чтобы возник институт власти, каждый человек в племени должен был подчиниться

приказам вождя или племенного совета. Чтобы возникла армия и суды, каждый должен был подчинить себя военной дисциплине и племенным традициям и обычаям, впоследствии кодифицированным в свод законов. Установление упорядоченного товарообмена было бы невозможно без строгого разделения на «твоё» и «моё», без появления понятия частной собственности. Религиозные правила часто накладывали самые тесные границы на свободную волю, которые охранялись всеобщим осуждением и строгими карами.

Нет ли тут противоречия? В первой главе я писал, что жажда самоутверждения в человеке не знает границ, а получается, что весь ход цивилизации был возможен только там, где эти границы устанавливались и успешно удерживались. Приходится признать, что конфликт этот вечен и что он всегда будет вызывать в людях страдание. Страдание будет вызывать протест. Протест выражаться индивидуальными нарушениями границ, то есть преступлениями, или массовыми — бунтами и восстаниями. Как правило, эти взрывы возмущения долго оставались вполне стихийными. Но 19 век впервые ознаменовался появлением мыслителей и философов, которые начали разрабатывать теоретические обоснования необходимости бунта и разрушения четырёх главных опор цивилизации, ради уменьшения страданий человечества.

На идею обмана института центральной власти и всей структуры государства первым обрушился француз Пьер Прудон (1809-1865). В своих многочисленных трудах он красноречиво доказывал ненужность и аморальность государственного устройства как такового.

«Находиться под властью какого-нибудь государства, — писал он, — означает, что за тобой постоянно следят, проверяют, направляют, контролируют, опутывают законами, регулируют, накаچивают пропагандой, взвешивают, цензуруют, шпионят, проповедуют, оценивают — и кто?! Люди, не имеющие на это ни прав, ни знаний, ни добродетели!»¹

У Прудона было много последователей в других странах: Бакунин и Кропоткин в России, Макс Штирнер в Германии, Бенджамин Такер в США. Все они доказывали, что добровольные объединения свободных тружеников могут гораздо вернее обеспечить мирное процветание людей на Земле. Многие из них возлагали большие надежды на Парижскую комунну.

«Просто город Париж управляет сам собой... О, как это прекрасно! Город сам ведёт свои дела, имея одинаковую цель для каждого, одинаковую шкалу, одинаковое правосудие, одинаковое братство».²

На идею частной собственности обрушился в своих трудах немецкий еврей Карл Маркс (1818-1883). Он был вполне согласен с лозунгом, выдвинутым Прудоном: «Собственность это воровство». Вдобавок к этому в его трудах картина отношений между работодателем и работником представляла как злонамеренное ограбление собственником, обманом, присвоившим себе средства производства, бесправного пролетария, превращённого в объект эксплуатации. Насильственное революционное свержение сложившегося миропорядка объявлялось единственным способом спасения человечества, предопределённым всем ходом мировой истории.

На военную службу, суды и казни, на всех генералов, министров, судей обрушил свои проклятия русский писатель Лев Толстой (1828-1910). Но главным виновником и вдохновителем всех злодеяний, разрушителем всех моральных устоев была представлена в его писаниях православная церковь. Это она извратила ясное и светлое учение Христа, она благославляла оружие, которым люди убивали друг друга, она не выражала протesta по поводу ежедневно совершаемых казней.

Получив из 19 века теоретические обоснования и моральные оправдания, бунты 20 века превзошли по силе и кровопролитности всё, что случалось в истории до сих пор, даже то, что описано в Главе II-9.

Движение последователей Прудона получило название «анархизм». Оно полностью отрицало допустимость подчинения одного человека другому, поэтому поначалу

ему не удавалось создать эффективную организацию, и оно заявляло о себе лишь сотнями актов индивидуального террора. Защитникам порядка было трудно бороться с ним, трудно принимать превентивные меры. Только после Первой мировой войны анархисты начали создавать военные формирования, которые сыграли немаловажную роль на полях сражений гражданских войн, особенно в России и Испании.

Проповедь Карла Маркса получила наибольший резонанс в истории 20 века. Идея отмены собственности неудержимо манила мечтой о полном равенстве людей. Жадность богачей и эксплуататоров казалась таким убедительным мотивом для разжигания всех войн прошлого и будущего. Если прогнать всех толстосумов, войны на земле должны прекратиться. Под красными знамёнами с серпом и молотом сражались и умирали миллионы людей самых разных наций и вероисповеданий.

Казалось бы, убеждённый пацифист и непротивленец Лев Толстой никак не мог стать вдохновителем кровавых потрясений. Но его проповедь сыграла огромную роль в разрушении Российской монархии, а на её развалинах не могло вырасти ничего, кроме свирепого деспотизма. Победившие большевики выполнили почти всё, к чему призывал Толстой: прогнали генералов и министров, отменили словное неравенство, право владения землёй, загнали в подполье православную церковь, поставили под контроль искусство. Недаром они посмертно вознаградили его изданием 90-томного Собрания сочинений.

Даже непротивление злу насилием, к которому призывал Толстой, обернулось морями крови. Когда вы разрушаете стены и опоры цивилизации, невозможно предсказать: сколько народу погибнет под развалинами. И последователь русского писателя, непротивленец Махатма Ганди, не мог предвидеть: сколько индусов и мусульман перебьют друг друга, когда «революция непротивленцев» разрушит власть Великобритании в Индии.

Теоретическое развенчание четырёх опорных колонн цивилизации рождало бунты и хаос. Люди бросались искать спасения от хаоса и обретали его в фигуре того или иного

диктатора. В России Ленин и Сталин объявляли себя убеждёнными марксистами, но при нужде расширяли теоретические догматы «Капитала», чтобы обосновать террор и конфискации. В Италии на роль верховного правителя прорвался прирождённый бунтарь Бенито Муссолини, сознание которого жадно впитывало окрошку из разрушительных идей Маркса, Кропоткина, Каутского и многих других «потрясателей основ».

Ну а каким теоретиком бунта вдохновлялся самый страшный разбойник 20 века, Адольф Гитлер?

Неоднократно делались попытки объявить Фридриха Ницше его идейным наставником. Думается, эти попытки могли опираться только на страстные атаки Ницше на доминировавший в его время культ равенства. Вряд ли Гитлеру мог прийтись по вкусу мыслитель, который писал:

*«Евреи, без сомнения, самая сильная и чистая раса теперь в Европе. Они умеют пробить себе путь даже при самых дурных условиях, благодаря, главным образом, твёрдой вере, которой нечего стыдиться перед современными идеями... Европа обязана им высоким стилем в морали, страхом и величием бесконечных требований... всей романтикой и возвышенностью моральных вопросов».*³

Можно было бы сказать, что на Гитлера повлияли все волны рассудочного атеизма, бушевавшие в 19 веке. Но я готов пойти дальше и назвать его «Бунтарём против Десяти заповедей».

«Не убий, не укради, не лги, не пожелай чужого» выглядели в глазах человека, вернувшегося в лоно племенной ментальности, недопустимыми оковами, наложенными на свободную волю дикаря, рвущегося к обожествлению собственного клана. А кто наложил эти оковы? Злоказненное племя, которое вот уже три тысячи лет заражает человечество противостоящей пропагандой мира и взаимной любви. За это оно и подлежит полному уничтожению.

Исследователь Тимоти Снайдер убедительно показал, как упорно Гитлер отыскивал во всех враждебных ему идейных и политических течениях корни иудаизма. В его глазах, Творение было создано для победоносной расы.

*«Рай был не садом, а траншеей... Первозданным грехом, приведшим человека к падению, было не подчинение плоти, а подчинение разуму и душе... Способность думать было нашей несчастной слабостью, которая толкала нас видеть в других человеческих существах подобных себе... Любое нерасистское мировоззрение было еврейским, считал Гитлер, и любая универсальная идея становилась механизмом еврейского доминирования. И капитализм, и коммунизм были одинаково порождены евреями... Свой долг он видел в том, чтобы освободить мир от цудейской духовности и вернуть его в рай плоти и крови».*⁴

В 1945 году, после небывалой опустошительной войны были разрушены разом три вулкана зла и вражды: итальянский фашизм, немецкий гитлеризм, японский милитаризм. Как же могло случиться, что уже год спустя мир снова раскололся на два непримиримых лагеря, ощетинившихся друг против друга всеми изобретениями индустриальной эры?

Эпоха «Холодной войны»

«Ничего себе — холодная!» — скажут историки будущего, когда засядут изучать мировые события 1946-1991 годов. В военных конфликтах этой поры погибло никем не сосчитанное число миллионов солдат и мирных жителей, говоривших на десятках разных языков и поклонявшихся разным богам. И всё же в дыму и огне, продолжавшем застилать Землю, притаилось одно маленькое чудо, на которое страстные пацифисты могут указать как на луч надежды: при свирепой вражде между двумя лагерями за все 45 лет не возникло момента, когда бы русский и американский солдат стреляли друг в друга. (Разве что зенитчик сбивал ракетой самолёт-шпион, летевший слишком низко.)

Играло ли здесь какую-то роль наличие термоядерного оружия у обеих сторон? Вполне возможно.

Когда многомиллионный Китай вмешался в Корейскую войну осенью 1950 года, генерал Маккартур настаивал на использовании атомной бомбы. Понадобилась мудрая

сдержанность президента Трумана, чтобы не дать разрешения на это. Во время Карибского кризиса 1962 года снова раздавались голоса воинственных ястребов. Один генерал даже заявил:

*«Если после термоядерной войны, останутся в живых два американца и один русский, я буду считать, что мы победили».*⁵

27 октября 1962 года конфликт по поводу советских ракет на Кубе достиг своего пика. Советник Хрущёва, Фёдор Бурлацкий, позвонил из Кремля жене и сказал: «Бросай всё и уезжай из Москвы». Американский министр обороны, Роберт Макнамара вспоминал потом, что в этот день он вышел из Белого дома, залюбовался закатом и подумал:

*«А ведь это может быть последний закат, который я вижу в жизни».*⁶

Кубинская конфронтация была лишь одной из многих. Блокада Западного Берлина в 1948-49, восстание в Венгрии (1956), возведение Берлинской стены (1961), вторжение СССР в Чехословакию (1968), в Афганистан (1979), подавление польской Солидарности (1981) – во всех этих кризисных ситуациях США и СССР продемонстрировали сдержанность, которая и позволила назвать их полуверковое противостояние «холодной войной».

Но «горячие» войны продолжались во всём мире. Стрельба и кровопролития происходили не между машиностроителями, а только там, где земледельческие народы вступали в индустриальную эру. Конечно, обе индустриальные сверхдержавы вмешивались в эти конфликты, поставляли оружие воюющим, обучали персонал. Войны в Корее, Вьетнаме, Африке, на Ближнем Востоке служили своего рода испытательными полигонами для новых типов вооружений. В войнах Израиля с арабскими соседями многое зависело от того, насколько американские и французские «фантомы» и «миражи» окажутся мощнее и эффективнее советских «мигов», поставляемых арабам.

Чтобы получить военную поддержку Москвы, необходимо было изобразить готовность «вступить на путь социалистического развития». Поддержку Вашингтона было трудно получить странам, которые нарушали основные

принципы демократического правления. Политическое мышление эпохи холодной войны склонялось к упрощённой модели: все местные конфликты и войны рассматривались в контексте «кто за красных и кто за буржуев». Первые же войны между коммунистическими государствами — Вьетнам против Камбоджи и потом против Китая — внесли трещины в эту схему. Но обе сверхдержавы некоторое время ещё цеплялись за неё и часто попадали впросак.

Раз коммунистический Вьетнам был традиционно врагом буржуев, значит, в его конфликте с Камбоджей американцев поначалу относило на сторону «красных кхмеров». То есть людей, превзошедших по мере дикости каннибалов, когда-то съевших капитана Кука.

На чью сторону становиться в конфликте Ирака и Ирана? Оба противника одинаково ненавидели и СССР, и Америку, но пытались приобретать оружие у обоих. Раз Ирак закупал танки и авиацию у СССР, значит, американцы видели свой долг в том, чтобы как-то поддерживать тот самый Иран, в городах которого толпы шли по улицам, выкриkая лозунг «смерть Америке!» Обе сверхдержавы спешили удовлетворять нужды воюющих, опасаясь, что иначе оппонент расширит своё влияние в данном регионе.

На территории Афганистана война полыхает уже почти сорок лет. Когда СССР ввёл туда свои войска в 1979 году, США кинулись помочь оружием муджахидам, начавшим партизанскую войну против захватчиков. Десять лет спустя русские ушли, но оружие осталось и попало в руки талибов, захвативших власть в стране. Именно этим оружием встретили талибы американское вторжение в 2002 году и используют его до сих пор.

И Россия, и США пытались в Афганистане опираться на те силы, которые были готовы начать переход с земледельческой ступени на индустриальную. Политолог Самуэль Хантингтон обозначил такие конфликты термином «транзационные войны» (transition wars).⁷

Этот тип войн характерен для многих конфликтов эпохи «холодной войны». До кровавого гротеска он был до-

ведён в Камбодже. Там разделение прошло по самому простому принципу: крестьяне кинулись убивать горожан.

«Режим Пол Пота отбросил саму идею экономического прогресса, стремясь вернуть страну в доиндустриальную, дорыночную, докапиталистическую утопию... Города подвергались опустошению, рынки закрывались, деньги были отменены. Каждому надлежало трудиться в сельскохозяйственных кооперативах, где частная собственность запрещалась. Каждый должен был одеваться в чёрное. Есть в общих столовых. Камбоджа должна была превратиться в коммунистическую деревню».

Конец Холодной войны в 1991 году был встречен с восторгом по обе стороны границы, отделявшей страны НАТО от стран Варшавского договора. Никто не мог ожидать, что за этим событием тут же последует резкий подскок числа и кровопролитности «горячих» войн.

Развал Югославии вызвал на поверхность взаимную ненависть балканских народов, тлевшую десятилетия под колпаком Титовской диктатуры. На постсоветском пространстве разгорелись конфликты между русскими и чеченцами, киргизами и узбеками, грузинами и абхазами, азербайджанцами и армянами в Нагорном Карабахе. В Африке запылали Дарфур, Руанда, Сомали, Конго, Эритрея. Началось то, что было предсказано в популярном анекдоте советских времён: *«Армянское радио спрашивают, будет ли война? Отвечают: войны не будет, но будет такая борьба за мир, что камня на камне не останется».*

Экспорт надувной демократии

Сегодня проповедники и политики в исламском мире всё чаще используют термин «крестовые походы» для обозначения военных вторжений Западного мира на их территории. Если крестоносцы Средних Веков объявляли своей священной целью распространение христианской веры, то сегодняшние всюду идут под знамёнами новой святыни: Демократии.

Начало этому движению было положено уже в 1898 году, когда Америка затеяла войну против Испанской империи, не сделавшей ей ничего худого (см. выше Главу II-4). Целью этой войны было объявлено освобождение народов, находившихся под властью испанских колонизаторов, открытие им пути к неисчислимым благам демократического правления. Ни в коем случае США не пытались подчинить себе освобождаемые народы — нет, нет и нет! Мы не ставим своей целью завоевание Кубы, Пуэрто-Рико, Филиппин, Гаваев. Освобождённые должны сами выбрать свою судьбу, свободно войти в семью независимых наций. Колониализм был объявлен абсолютным злом, торжеством тирании. Считалось, что, освободившись от захватчиков, любой народ неизбежно выберет возвышенные идеалы демократии, которые неизбежно ведут к процветанию.

Эта модель свободы слова доминирует в Америке и Европе и сегодня. Все отношения с другими странами должны подчиняться единственному критерию: есть там демократическое правление или нет? Если нет, наш долг помогать тем силам, которые борются за введение демократических принципов: всеобщее голосование при выборе правителей, свободу слова и печати, собраний и шествий, независимые суды, свободный рыночный товарооборот, наличие оппозиции. Говорить, что не каждый народ готов к такой сложной форме правления, есть недопустимая идеяная ересь, лишающая тех, кто придерживается её, права на участие в политической жизни.

Демократию будут навязывать даже племенам, ещё не расставшимся с радостями кочевой жизни, огнепоклонством и каннибализмом. В погоне за «помощью развивающимся странам», щедро распространяемой США и ООН, народы напяливают на себя демократические одеяния, устраивают фанерные избирательные урны, в которых половина опущенных бюллетеней будет украшена не подписью, а крестиком или птичкой — избиратели не успели овладеть грамотой.

Великие империи прошлого выживали так долго, потому что они обеспечивали десяткам враждующих между собой племён и народов бесценный и «дефицитный» товар:

институт прочной верховной власти. Даже власть Золотой Орды русские княжества терпели, ибо знали, как они станут терзать друг друга без её надзора. Pax Romanum в переводе означал: *«Мир под властью Рима»*.

Американцы впервые в истории, оказавшись «де-факто» империей, отказываются брать на себя эту важнейшую функцию. Они как бы объявляют покорённым народам: *«Сохранять внутренний мир остаётся вашей задачей. Но вы должны справляться с ней исключительно методами демократии»*.

Такая политика сработала по отношению к странам, которые имели долгий опыт жизни под властью монархов, использовавших для управления законодательные рычаги: Германия, Италия, Япония. Оккупационные власти США в послевоенный период дали этим народом реализовать накопленный опыт и создать устойчивую демократию. Но почти все бывшие колонии в Азии и Африке такого опыта не имели и, после получения независимости, проходили один и тот же путь: короткая и беспомощная демократия, затем — хаос, гражданская война, диктатура.

Невольно вспоминаешь, что перед вторжением в Нормандию весной 1944 года союзники изготовили множество надувных резиновых танков, пушек, самолётов и разместили их на юго-востоке Англии, чтобы имитировать подготовку пересечения Ла-Манша в районе Кале. Немцы попались на эту дезинформацию и сосредоточили свои главные силы в этом районе. Но кого пытаются обмануть сегодня Западный мир, создавая недолговечные «надувные» демократии в странах Африки, Южной Америки, Ближнего Востока? Самих себя? Чтобы доказать универсальность выбранной политической модели?

Надувному демократическому правлению не по силам справиться с главной задачей верховной власти: защищать подданных друг от друга. Когда волна погромов, грабежей, убийств достигала опасного пика, страны, не созревшие до власти закона, возвращались к правлению силы. В разные моменты военные хунты воцарялись в Аргентине, Гаити, Гватемале, Греции, Египте, Пакистане, Панаме, Турции, Чили. Западные страны и США немедленно выражали

осуждение, прилагали усилия к свержению хунт, способствовали возврату недееспособной надувной демократии.

Расплата за преждевременную демократизацию всюду была тяжёлой. По оценкам историков и политологов, в гражданских смутах и войнах конца 20 века погибло в Боснии от 50 до 200 тысяч, Восточном Тиморе — 200, Кашмире — 20, Судане — от 500 тысяч до полутора миллиона, Таджикистане — 100 тысяч, Тибете — 100, Филиппинах — 50, Хорватии — 50, Шри Ланке — 50-100.⁹ И всюду число беженцев превышало число погибших в несколько раз.

Даже там, где дело не доходило до хунты или гражданской войны, повседневное насилие делало жизнь людей невыносимой. Сегодня в Мексике, Сальвадоре, Колумбии в некоторых городских кварталах жители организуют отряды самообороны. Массовое бегство жителей этих стран становится главной политической проблемой наших дней. США оказались захлестнуты миллионами мексиканцев, гаитян, пуэрториканцев, колумбийцев, перуанцев и прочих. Европа переполнена турками, ливанцами, пакистанцами, ливийцами, алжирцами, египтянами, сомалийцами. В Россию бегут киргизы, узбеки, таджики, казахи, азербайджанцы, молдаване, украинцы.

Пускать или не пускать иммигрантов — этот вопрос сделался темой самых жарких политических дебатов в индустриальных странах. Наиболее строгие правила на въезд пока существуют в Швейцарии, Японии, Израиле, Венгрии. Остальные страны, поддаваясь прекраснодушной вере в равенство и «права человека», распахивают свои границы многомиллионным потокам людей, абсолютно не готовых к подчинению правилам и законам демократического миропорядка.

Эпоха «варвары у ворот» подходит к концу. Наступает эпоха «варвары внутри крепости».

У наблюдателя, склонного искать заговоры в любых исторических событиях, может возникнуть сакриментальная теория: западный мир нарочно навязывает развивающимся народам недееспособное республиканское правление, чтобы они рушились в политический хаос и не имели возможности вступить в индустриальную эру. Благодаря этому они не

превратятся в серьёзных соперников, а останутся источником дешёвой рабочей силы. Для рациональных умов привлекательность подобной теории будет состоять в том, что она придаёт хоть какой-то смысл происходящему. Иначе придётся допустить, что западный мир обезумел.

Контраступление земледельцев

То, что принято называть Третьим миром, по сути представляет из себя народы, находящиеся в процессе перехода из земледельческой стадии цивилизации в индустриальную. Выше уже говорилось о том, что процесс этот похож на родовые муки, сопровождается гигантскими политическими катаклизмами, чреват войнами и кровопролитиями. Так же, как когда-то кочевник видел в земледельце виновника надвинувшихся на него перемен и унижений, так и сегодня земледелец видит в машиностроителе злонамеренного захватчика, планирующего воцариться над ним. Отсюда и рождается мощный импульс сопротивления, который реализует себя в терроре, партизанщине, саботаже, бунтах.

Атаки террористов, происходившие после Второй мировой войны, имели одну интересную особенность: их жертвами почти всегда становились жители демократических стран, то есть машиностроители. Я не могу припомнить ни одной атаки на советских, китайских, кубинских, вьетнамских дипломатов. У многих возникало впечатление, что террор инспирируется и оплачивается исключительно красными.

На самом деле, причина здесь в том, что правительства тоталитарных стран ни в грош не ставят жизнь своих граждан, и их гибель не оказывает никакого воздействия на них. Атаки на россиян начались только после 1991 года. Террористы как бы признали переход России в мир индустриально-демократический и выдали ей кровавый «сертификат» убийствами школьников в Беслане, зрителей в московском театре, пассажиров в Петербургском метро.

Но, конечно, главными объектами нападений оставались США, Европа, Израиль. Необъявленная война земледельцев с машиностроителями только набирает силу. Пока

она имеет характер «рассыпных» пожаров, вспыхивающих то там, то тут, напоминающих горение торфяников под землёй, время от времени прорывающихся на поверхность. Я убеждён, что эти пожары питает вражда и гнев «отставших к обогнавшим», описанные выше в главах I-4 и II-2.¹⁰

Главная проблема остаётся в том, что идолопоклонники демократии отказываются увидеть: насколько их ценности и принципы неприемлемы и ненавистны миру ислама.

Права человека? То есть равноправие женщин? То есть вы потребуете, чтобы женщина молилась рядом со мной в мечети? Задрав зад к потолку? А потом получила право на развод? Могла разрушить мою семью, забрать детей и заставить меня через суд оплачивать её существование?

Мой ответ на это может быть только один: автомат и динамит.

Свобода слова? То есть свобода любого проходимца насмехаться над всем, что для меня дорого и священно? Рисовать карикатуры на пророка Мухаммеда?

Вы уже получали кровавую плату за это не раз и будете безотказно получать впредь.

Веротерпимость? Чтобы мы терпели в своих городах церкви, костёлы, кирхи, буддийские храмы и даже синагоги? Ох, хватит ли у нас взрывчатки, чтобы управиться со всем этим!

У русских коммунистов хватило, наверное, хватит и у нас.

Свобода собраний и демонстраций? То есть я должен буду терпеть на своих улицах шествия полуоголых феминисток, разрисованных гомосексуалистов, ортодоксальных евреев?

На этих и пули тратить жалко, хватит булыжника.

Власть закона? То есть таких правил жизни, которые каждый год сочиняют люди, не признающие единственный правильный закон, оставленный нам пророком? В том числе и закон, лишающий меня власти над женой и детьми?

Да я лучше взорву себя вместе с десятком-другим таких законодателей.

Западный мир упорно декларирует универсальность своих этических и политических идеалов. Усама Бэн Ладен, получивший образование в Англии, имел возможность оценить всю меру этого самоослепления и пришёл к убеждению: здесь не о чём диспутировать. Именно поэтому он призывал своих сторонников:

«Ни каких переговоров с крестоносцами. Только Коран и автомат».

Попытки воинствующего ислама закрепиться на каких-то территориях и образовать зародыш будущего халифата пока не имели большого успеха. Аль-Кайда, талибы, ИГИЛ оказались достаточно уязвимы для военной мощи индустриального мира. Скорее всего, контрнаступление земледельцев будет применять ту же тактику, что применяли скифы, кельты, готы, норманы, индейцы: внезапно напасть, произвести кровавый сумбур и потом укрыться опять в своих степях, лесах, прериях, фьордах, пустынях. Тем более что теперь им так легко укрываться в «джунглях» больших городов, в гуще мирного населения.

К услугам воинствующих исламистов, живущих в индустриальных странах, оказываются все чудеса технического прогресса. Они уже врезались на Боингах в небоскрёбы, таранили крейсера моторками, нагруженными взрывчаткой, давили беззащитных прохожих грузовиками, превращали в бомбу то кассетный магнитофон, то кастрюлю-скороварку. Уверен, что их планировщики сейчас в тишине разрабатывают новые сюрпризы для новых «крестоносцев».

Как насчёт устроить потоп путём взрыва дамбы? Или аварию поезда, оставив в последний момент грузовик на железнодорожном переезде?

Некоторые фирмы в Англии предлагают доставку пакетов с покупками, сделанными по интернету, при помощи миниатюрных дронов. А что если нагрузить такой дрон гранатой и направить его прямиком на играющего в гольф президента Трампа? Никакая охрана не успеет перехватить малозаметный аппарат, управляемый издали невидимым оператором.

До овладения ядерным оружием террористам ещё далеко. Но теракты с применением бактериологических компонентов не за горами.

Известный журналист и политолог Тони Бланкли в своей книге «Последний шанс Запада» разрабатывает возможный сценарий того, как это произойдёт. В трёх-четырёх больших универмагах в разных городах распыляется вирус оспы. Так как симптомы этого заболевания появятся только через трое суток, заболевшие люди успеют заразить десятки других. Эпидемия начнёт распространяться по стране с невероятной скоростью.¹²

Не только исламский мир сопротивляется переходу на более высокую ступень. Вся Латинская Америка скоро будет отмечать 200 лет независимости, но ни в одной стране республиканское правление не привело к стабильности и процветанию. Отставший хочет найти виновника своих неудач и легко находит его в обогнавшем. Индивидуальный террор здесь не получил такого распространения, как на Ближнем Востоке. Но контрнаступление земледельцев осуществляется по-другому.

Один путь — политico-экономический: путём конфискаций промышленных фирм, имевших неосторожность вести бизнес на территории латиноамериканских стран. Эти конфискации сделали национальными героями Джакобо Арбенца в Гватемале (1952), Фиделя Кастро на Кубе (1959), Сальватора Альенде в Чили (1973), Мануэля Норьегу в Панаме (1983), Даниэля Ортегу в Никарагуа (1985), Уго Чавеса в Венесуэле (1998).

Другой путь — вселение и вытеснение. Перепись 2000 года показала, что впервые белое население Калифорнии превратилось в меньшинство. Рождаемость среди латиноамериканцев высока; даже ребёнок, родившийся у незаконных иммигрантов, получает американское гражданство. От молодых мексиканцев второго поколения иммиграции американец может услышать:

«А это наша земля. Вы украдли её у нас полтора века назад. Скоро мы всё заберём назад».

То, что такая трансформация возможна, показывает пример отделения Косова от Сербии. Там тоже в течение 1950-80-х происходило бегство албанцев с нищей родины в относительно благополучную Югославию, баланс населения менялся, сербы превратились в меньшинство. Албанским беженцам было не по силам добиться отделения путём партизанской войны, но помогла американская авиация, которая «ради восстановления политической справедливости» два месяца бомбила мирную Сербию (1999).

Тот же процесс имеет место и в остальной Европе. Миллионы турок, обосновавшихся в Германии, создают в городах свои анклавы, куда немецкая полиция старается не соваться. Арабское меньшинство в городах Южной Франции недолго будет оставаться меньшинством. В Голландии, например, в Роттердаме мусульмане уже составляют 40%.¹⁴ А в Англии мэром Лондона впервые избран мусульманин.

Ввоз наркотиков из стран Третьего мира в Европу и Америку, конечно, нельзя интерпретировать как сознательную агрессию. Но стоит задаться вопросом: почему этот поток идёт только в одну сторону?

Я вижу объяснение в том, что наркотик есть главное лекарство от депрессии, а эпидемия депрессии — удел богатых стран, в которых человеку трудно утолить жажду самоутверждения. В бедных же странах борьба за выживание отнимает все силы и не оставляет времени на то, чтобы скучать и депрессировать.

Кроме того, противоборство с индустриальным миром оказывается прекрасным способом утолять все три главные страсти. На днях по телевизору показали выступление нового лидера Хамас в секторе Газа. Глаза его сверкали, лицо светилось, речь была полна страсти. Прямыми текстом он объяснял: какая это великая цель — уничтожение Израиля, изгнание всех евреев с Палестинской земли. Он самоутверждается этой борьбой, он обретает счастливое сплочение с миллионами соплеменников, он приобщается к бессмертию. Нужно быть бессердечным сионистом, чтобы попытаться отнять у него это счастье.

Неважно, что пока Израиль легко сбивает большинство самодельных хамасовских ракет, ловит убийц, засы-

ляемых через подземные туннели, выстроенные, кстати, из бетона, поставляемого в Газу программой помощи для восстановления домов. Важно то, что ненависть к «оккупантам» стала наполнением жизни для миллионов палестинцев. Искоренить её невозможно никакими политическими или экономическими подачками.

При всём богатстве Древнего Китая, его императорам нелегко было выделять средства для строительства Великой Китайской стены, тянувшейся на сотни километров. И римскому императору Адриану недёшево обошлась оборонительная стена, которой он перегородил Англию от моря до моря (2 век после Р.Х.). Похоже, что и восьмиметровая стена, которой Израиль поспешно отгораживается от мира ислама, — единственный способ замедлить контраступление земледельцев.

Дальнозоркие индустриального мира осознают опасность и в своих книгах и статьях призывают к укреплению обороны. Но в любой стране дальновидные составляют меньшинство, поэтому их предостережения не могут определять политику демократических стран. Президент Трамп привлек голоса многих избирателей, пообещав отгородить страну от потока иммигрантов из Латинской Америки. Но ещё неизвестно, удастся ли ему выполнить своё обещание и добиться от Конгресса финансирования этого огромного проекта. Так что к угрозе Мексико может вскоре добавиться угроза Мексиризоны, Тексиско, а у штата Нью-Мексико достаточно просто заменить приставку «Нью» на «Олд».

Примечания

1. Ibid., p. 96. Joll, James. *The Anarchists* (Cambridge: Harvard Univ. Press, 1980), pp. 118-19.
2. Ницше Фридрих. «По ту сторону добра и зла» С.-Петербург: 1905. Snyder, Timothy. “Hitler’s World”. In *New York Review of Books*, Sept. 24, 2015. Ferguson, Neill. *The War of the World* (New York: Penguin Books, 2006), p. 602.
3. Ibid., p. 599. Huntington, Samuel P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order* (New York: Simon & Schuster, 1996), p 246.

4. Ferguson, op. cit., p. 623.
5. Huntington, op. cit., p. 253.
6. Подробнее эту коллизию я рассматриваю в книге «Грядущий Аттила» (С.-Петербург: «Азбука», 2008), где отставшие народы обозначены термином «бетинцы», а обогнавшие – термином «альфиды». Bergen, Peter I. *The Osama bin Laden I Know* (New York: Free Press, 2006), p. 370. Blankley, Tony. *The West Last Chance. Will We Win the Clash of Civilizations?* (Washington: Regnery Publishing Inc., 2005), p. 161. Hanson, Victor Davis. *Mexifornia* (San Francisco: Encounter Books, 2003), p. 40.
7. Blankley, op. cit., p. 95.

III-2. Что там впереди?

Новобранцы, новобранцы, новобранцы!
Ожидается изысканная драка,
принимайте новоявленного братца,
короля и помазанника из мрака...
Как вам нравится ваш новый полководец?
Как мне нравится построенный народец,
как мне нравятся покойники и дети,
саксафоны и ударник на рассвете.
Потому что в этом городе убогом,
где отправят нас на похороны века,
кроме страха перед дьяволом и Богом,
существует что-то выше человека
Иосиф Бродский

Из-за чего происходят войны?

Долгое время философы обходили стороной этот вопрос. Они как бы оставляли его в ведении историков. И те охотно брались объяснять истоки и причины каждой войны. В Пунических войнах Рим и Карфаген боролись за господство над Средиземноморским регионом. Тридцатилетия война 17 века была порождена непримиримой враждой протестантов с католиками. Наполеоновские войны — бесконечным честолюбием французского императора. Борьба народов за жизненное пространство признавалась самым главным и естественным поводом для военных конфликтов.

Карл Маркс первым попытался уйти от конкретных примеров и взглянуться в корни массовых кровопролитий. Его вывод: так как увеличение личного богатства является главной жизненной задачей собственника-эксплуататора, всякая война служит просто одним из способов обогащения. Поэтому уничтожение института собственности должно неизбежно покончить с войнами на земле.

Невероятный успех марксистских идей был в огромной степени связан с тем, что они таили в себе обещание

мира. Или, по крайней мере, указывали на виновника войн, которого можно было ненавидеть, с которым можно и нужно было бороться. Когда две сверхдержавы, в которых собственники были упразднены (СССР и Китай), оказались на грани войны в середине 1960-х, теоретический марксизм дал трещину. Но и сегодня убеждённый марксист скажет вам:

«Вот потому и не дошло до настоящей войны, что собственников там не осталось».

А от вопроса о войнах коммунистического Вьетнама с коммунистической Камбоджей и потом с тем же Китаем он просто отмахнётся.

Философы пацифистского направления были склонны рассматривать войну как результат заблуждений и невежества. Самый знаменитый из них, Берtrand Рассел (1872-1970), за свои активные антивоенные выступления даже был посажен в тюрьму на шесть месяцев в 1918 году. Но и он во время Второй мировой войны должен был признать, что тотальный пацифизм не может гарантировать мир на земле.

Новое поколение послевоенных мыслителей, обременённое страшным опытом всемирного побоища, взглядалось в феномен войны под разными углами. Большой успех имел труд американского философа Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории».

Будучи последователем Гегеля и Маркса, он тоже видит ход мировой цивилизации как поступательный процесс, стремящийся к логичному завершению. Но если Гегель считал, что этим завершением явилась Прусская парламентская монархия, Маркс — что им станет всемирный коммунизм, то Фукуяма верит, что пик развития достигнут в либеральной демократии наших дней, и дальше идти некуда.

«На протяжении всей истории человек искал только одного: признания (recognition). Либеральная демократия дала ему это, заменив отношения господства и подчинения универсальным и равным признанием [самоценности каждого человека].»¹

То, что Фукуяма называет «признанием» приближается к тому, что я обозначил словами «жажды самоутверждения». Но в его глазах «признение» — это цель, которой можно достигнуть и удовлетвориться, что и происходит в

либерально-демократических странах сегодня. В моём анализе «самоутверждение» есть *процесс*, не имеющий завершения. Человек не может наесться раз и навсегда — так же не может он раз и навсегда утолить жажду самоутверждения.

По вопросам, связанным с войной, Фукуяма менее оптимистичен.

*«В отсутствии какого-то международного повелителя, каждое государство представляет собой потенциальную угрозу для остальных государств. Поэтому каждое вынуждено иметь какие-то средства обороны. Соперничество и война есть неизбежные побочные продукты системы международных отношений независимо от того, является ли государство теократией, рабовладельческой аристократией, полицейским фашизмом, коммунистической диктатурой или либеральной демократией».*²

Другой труд, вызвавший большой резонанс, был написан Гарвардским профессором Самуэлем Хантингтоном. Он называется «Схватка цивилизаций».

В начале автор уточняет свою интерпретацию термина «цивилизация»:

*«Это самая широкая форма объединения людей. Деревня, область, этнические группы, нации, вероисповедания имеют свои специфические черты. Культура деревни в Южной Италии может отличаться от культуры в Северной, но обе остаются принадлежащими к итальянской культуре, которая отличает их от культуры германской деревни. Европейские общины, в свою очередь, будут иметь общие черты, которые отличают их от китайских или индусских. Китайская, индусская, европейская общность не является частью чего-то большего. Они представляют собой цивилизации».*³

С необычайной скрупулёзностью Хантингтон исследует военные конфликты, полыхавшие на земном шаре в конце XX века.

«Мусульмане и индуисты регулярно устраивают побоища на всей территории Индии, которые прово-

цируются подъёмом националистических движений в обеих религиях... В Малазии и Индонезии мусульмане регулярно бунтуют против китайцев, которые там доминируют в экономике... В южном Таиланде мусульманское меньшинство восстаёт против буддийского правительства, в то время как в Южных Филиппинах такое же меньшинство сражается за независимость от католического государства».⁴

Хантингтон признаёт, что в большинстве военных конфликтов мусульмане выступают в роли зачинщиков. Исламская цивилизация земледельческой эры отличалась от других многими чертами, возведёнными в ранг религиозных догматов и запретов. Мусульманин не имел права искать самоутверждения в финансовой деятельности, в научных исследованиях, в спортивных состязаниях, в свободном поиске невесты, в музыкальных и изобразительных искусствах, в азартных играх. Искать спасения от неизбежной при таких условиях депрессии в алкоголе и наркотиках ему тоже было запрещено. Война оставалась для него единственной возможностью самоутверждаться. Подсчёт газеты «Нью-Йорк Таймс» показал, что из 59 военных конфликтов 1993 года, половина была инспирирована мусульманами.⁵

Сегодня эта традиционная воинственность дошла до такой свирепой экзальтации, что в ряды террористов-смертников рвутся тысячи добровольцев. Но Хантингтон только регистрирует повышение агрессивности, не пытаясь связывать его со спецификой мусульманской религии.

Солидное семисотстраничное исследование природы войны вышло из-под пера израильского исследователя Азара Гата. Он погружается в изучение военных конфликтов далёкого прошлого, в войны между племенами, находившимися на охотничьей и кочевой стадии. Когда перед учёным распахиваются бескрайние пространства мировой истории, ему трудно удержаться от соблазна выбирать из них только эпизоды, подтверждающие его концепцию, и оставлять в тени всё, что её опровергает. Изначальный тезис Гата, который он честно формулирует уже в первой части своей книги:

«Война есть часть процесса эволюции точно так же, как борьба за выживание в животном мире».⁶

Иrrациональному не оставлено места в исследовании Гата. Тотальное уничтожение побеждённых китайцев монголами он объясняет их стремлением расширять пространство для пастбищ. Их наступление на Запад якобы было вызвано местью за убийство монгольских посланников в Хорезме.⁷ Вспышка национализма в странах Европы в 19-20 веках также объясняется законами эволюции, дающими стадному существованию лучшие шансы на выживание.

«В конченом счёте, решение загадки войны состоит в том, что никакой загадки не существует. Противоборство с применением насилия мы наблюдаем повсюду в природе. Нехватка ресурсов всегда возникает как следствие успешного размножения... Приспособливаясь к этой реальности, организмы прибегают к кооперации, соперничеству и конфронтации. Законы эволюции управляют стратегией борьбы за выживание».

Видимо, существуют уже или появятся в ближайшее время другие теории, предлагающие иные объяснения феномена войны. Однако я не думаю, что ментальность либерально-гуманистической цивилизации, унаследовавшей гегелевскую веру во всесильность рационального мышления, готова сегодня принять систему взглядов, возлагающую ответственность за войны на самые глубинные иррациональные страсти человеческой души.

«Человек добр и разумен, поэтому никто не хочет войны» — этот догмат долго будет оставаться неприкосновенным.

Избиение дальновидных — «война на уничтожение»

Двадцатый век ознаменовался первыми войнами между машиностроителями. В нём же имело место другое беспрецедентное явление мировой истории, «холодная война». И ещё по разным странам прокатились кровавые конфликты, аналогов которым невозможно найти в веках минувших. Их можно было бы назвать «войнами» особого рода, такими, в которых потери несёт только одна сторона. До сих пор мы обозначаем эти катастрофы всем понятным словом «тер-

рор». Однако использование этого термина может ввести в заблуждение.

Анналы мировой истории хранят множество трагических эпизодов, когда всемогущий повелитель обрушивал всю мощь государственного аппарата на социальную верхушку собственной страны. Проскрипции Суллы залили кровью Древний Рим и пополнили казну диктатора конфискованным имуществом казнённых. Разгром рыцарского ордена Тамплиеров обогатил французского короля Филиппа Фальшивомонетчика. Казни бояр в правление Ивана Грозного были главным источником его доходов. Безостановочная работа гильотины поставляла Робеспьеру достаточно средств, чтобы затеять войну со всей Европой.

Случались и массовые репрессии против подданных по религиозному или этническому признаку. Испания в 1492 году изгнала евреев, а в 1609 году — морисков. Французский король Людовик Четырнадцатый в 1685 казнил и изгнал гугенотов. Турки устроили резню армян в 1915, а Гитлер превзошёл всех тиранов, бросая в крематории евреев и цыган. Но по какому признаку отбирали жертв, погибших в террорах, устроенных в странах «победившего социализма»?

В этих катастрофах исчезает понятный нам мотив — обогащение за счёт казненных и отправляемых на каторгу. Если собственность отменена, всё имущество подданных и так принадлежит государству. Чем же отличались от прочих люди, за которыми по ночам приезжали «чёрные маруси» в Сталинской Москве, которых публично избивали на стадионах в Пекине, которым надевали на голову голубые пластиковые мешочки и бросали умирать на полях Камбоджи? Всё это были лояльные режиму подданные, так или иначе поднявшиеся над средним уровнем социальной пирамиды, проявившие способности и энергию на службе «бесклассовому государству» в самых разных областях: в сельском хозяйстве, промышленности, армии, образовании, науке. Но зачем, зачем государственная машина уничтожала столь полезных граждан?

Двадцать лет назад в книге «Стыдная тайна неравенства» я выдвинул гипотезу о том, что горючим материалом

«войны на уничтожение» в коммунистических странах была извечная вражда близоруких к дальновидным. Сваливать эти гигантские трагедии исключительно на кровожадность Сталина, Мао Цзедуна, Хо Ши Мина, Пол Пота, Кастро невозможно. Чтобы погубить и замучить миллионы людей, необходимо, чтобы другие миллионы принимали в этом самое активное участие. И делали бы это с азартом, с убеждённостью, со страстью.

К сожалению, именно дальновидному очень трудно принять мою гипотезу. Представить себе, что его ум и образованность, которыми он так привык гордиться, могут вызвать в ком-то недоброжелательность, враждебность, даже желание уничтожить, — пугающая перспектива. Пока дальновидный живёт в стабильном обществе, защищающем его от враждебности близорукого большинства, он склонен истолковывать проявления этой враждебности как зависть к успеху и благородству. Он даже готов видеть несправедливость в своём привилегированном положении, впадать в покаяние, призывать к равенству.

Лев Толстой был абсолютно искренним, когда говорил, что ему мучительно видеть, как прачка стирает его бельё, а старый крестьянин косит сено для его коровы, чтобы он мог спокойно надеть чистую рубаху утром и получить свежие сливки к завтраку. Но если бы он дожил до революции, он имел бы шанс увидеть: что станет не только с ним самим и его близкими, но и с прачкой, и с крестьянином, и с любым другим тружеником, когда слепая жажда сплочения в равенстве разрушит социальную иерархию в государстве.

Также дальновидному трудно признать, что он от рождения был «одарён пятью талантами». Всякий дар обязывает, а окружающие требуют от тебя «куплаты процентов». Гораздо приятнее видеть себя просто «способным учеником», своим умом и трудом доходящим в любом деле до самых правильных решений и на этом основании имеющим право вести и поучать остальных. Если же этого не происходит, причина может быть только одна: злонамеренные правители государства, цепляясь за власть, не дают самим умным стать лоцманами и вести корабль государства правильным курсом.

Избиение дальновзорких не могло ограничиться одним поколением. Во время Культурной революции Мао-Цзедун публиковал инструкции и на будущее:

«Великое смятение, прокатившись по всей стране, создаёт великий порядок... Выпустите маленьких демонов. Они будут выпрыгивать на поверхность каждые семь-восемь лет... Полиция должна снабжать хунвейбинов информацией о людях пяти категорий: бывшие землевладельцы, богатые крестьяне, реакционеры, вредные элементы, правые уклонисты».¹¹

На всём протяжении мировой цивилизации мы видим ожесточённое противостояние дальновзоркого меньшинства с властьимущими. Дальнозоркому нравится воображать близорукого своим угнетённым братом, призывать его к союзу в священном противоборстве с тиранами. Лишиться этой благородной роли, признать себя опасным разрушителем спокойствия и душевного уюта близорукого было бы для него равнозначно краху картины мира. Именно поэтому идея — а вернее, очевидный факт — врождённого неравенства людей будет отбрасываться дальнозорким с иррациональным упорством.

Сословные и имущественные барьеры в разных странах возникали именно для того, чтобы оградить дальновзорких от завистливой враждебности близоруких, позволить им занимать места в верхних этажах государственной постройки. Восстания и бунты, в которых первыми гибли богатые и знатные, принято объяснять гневом «угнетённых масс». «Войны на уничтожение», прокатившиеся по коммунистическим странам, не поддаются такому объяснению, они обнажают глубинную суть вражды.

Да, не каждый россиянин принимал участие в раскулачивании и Большом терроре. И не каждый китаец шёл в хунвейбины и избивал палками профессоров, журналистов и «правых уклонистов». И не каждый камбоджийский крестьянин становился красным кхмером и натягивал пластиковый мешок на голову соплеменника-горожанина. Но в обожествлении Сталина, Мао, Пол Пота, Кастро, всех трёх Северокорейских Кимов их народы были абсолютно единодушны.

Примечательно, что последующие вожди коммунистических стран, не прибегавшие к массовым репрессиям, обожествления не удостоились.

Результаты раскопок

Увы, наше исследование не увенчалось разгадкой феномена войны или открытием хотя бы теоретической тропинки к вечному миру. Наоборот, связав корни военных конфликтов с глубинными страстями человеческой души, мы должны быть готовы признать, что эти пожары будут вспыхивать снова и снова. Однако даже негативный результат поисков драгоценных металлов в толще горных пород иногда приносит свою пользу: он говорит, что надо рыть шахту в другом месте или под другим углом.

Когда флот древних греков готовился отплыть на войну с Троей, богиня Артемида препятствовала этому, посылая штормы и ураганы. Прорицатель Калкис объяснил грекам, что богиня была обижена царём Агамемноном, который на охоте убил её священную лань. Чтобы искупить вину царя, необходимо принести в жертву Артемиде его дочь, Ифигению.

За три тысячи лет, прошедших с Троянской войны, мы так и не научились предотвращать штормы и ураганы. Но, по крайне мере, мы теперь точно знаем, что человеческие жертвоприношения в этом деле не помогут. И то, что мы теперь умеем хотя бы предсказывать бури за несколько дней, — немалая победа цивилизации.

Попробуем же перечислить те выводы, которые вытекают из концепции военных конфликтов, предложенной в данной книге.

1. Нам придётся расстаться с утешительным тезисом «никто не хочет войны». Проведённый обзор ясно показывает, что жажда утоления трёх главных страстей может привести племя или народ в состояние «пассионарности», когда соображения безопасности или выгоды отступают, когда он станет выискивать угрозы или обиды со стороны соседей

или даже станет искать объект для нападения в далёких странах, ничем ему не грозивших.

2. Мы должны будем признать, что народ, находящийся на той или иной ступени цивилизации, всегда будет проявлять враждебность по отношению к народу, поднявшемуся на следующую ступень. Бесполезно искать причины этой враждебности в дискриминации, эксплуатации, ошибках дипломатов, строительстве поселений на спорных территориях — она изначально задана, онтологична, неодолима, как неодолима зависть в отношениях отдельных людей. Альфиду не дано умиротворить бетинца — только защищаться от него.

3. Необходимо пересмотреть два принципа, положенные в основу структуры международных отношений, ибо они продемонстрировали свою полную несовместимость. Нельзя объявлять священными одновременно и неприкасновенность границ государства, и право каждого народа на самоопределение. Каким образом могут получить самоопределение курды, тамилы, тутси, чеченцы, баски без нарушения границ тех стран, в которых они сейчас проживают?

4. Такой же нежизнеспособной оказалась «охрана прав человека». Она могла бы существовать как религиозно-этический идеал. Но когда одни страны начинают использовать её как оправдание для вмешательства в дела других наций вплоть до вторжения, отнятия территорий, ракетно-бомбовых ударов, возвышенная идея превращается в кровавый фарс.

5. Дальнозоркий в своём идолопоклонстве перед идеей свободы не хочет увидеть, как дорога и важна для близоруких возможность утолять жажду сплочения. Он страстно нападает на любое правительство, охраняющее колонны государственной постройки, объявляет его тираном, душащим свободу, призывает близоруких к бунту. Хотелось бы, чтобы он усвоил уроки истории и помнил, что после успешного бунта его ждут проскрипции, гильотины, подвалы НКВД, газовые камеры, голубые пластиковые мешочки.

Но, конечно, самым главным остаётся вопрос: *сумеет ли человечество избежать большои термоядерной войны?*

Ядерный грибок

Вот какой виделась наша судьба Иоанну Богослову, взглядывавшемуся в мрак грядущего две тысячи лет назад:

«...Я взглянул, и вот, произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь; и звёзды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои; и небо скрылось свившись как свиток: и всякая гора и остров двинулись с мест своих; и цари земные и вельможи, и богатые и сильные, и всякий раб и всякий свободный скрылись в пещеры и ущелья гор» (Откровения Иоанна Богослова, 6:12-15).

Сумеем ли мы избежать этой судьбы? Что можно и нужно делать, чтобы предотвратить термоядерную войну? Какой из конфликтов может явиться тем последним камешком, который даёт толчок горной лавине, сметающей всё на своём пути?

На первый взгляд, самой опасной видится ситуация: атомная бомба в руках террориста-смертника. Или диктатора, которому не жалко ни своей жизни, ни чужих. Северокорейский лидер Ким Чен Ын выглядит сегодня почти созревшим для безумных непоправимых шагов. Угроза превентивного удара по его стране не сможет удержать его. Подданных ему не жалко, а сам он надеется уцелеть в своём бункере.

С другой стороны, не мешает вспомнить начало Первой мировой войны. Лидеры, развязавшие её, не были ни безумцами, ни извергами. Их переполняла уверенность, что всё делается для блага их стран. Они выступали с заявлениями и ультиматумами, выглядевшими вполне разумными и оправданными. Как всё это могло обернуться неслыханной бойней, — современники понять не могли.

К сожалению, похожий процесс мы видим и сегодня. Дипломаты и правители демократических стран выработали некий код «правильного» политического поведения, которому пытаются подчинить все страны и племена. Есть множество народов, для которых «правильное» поведение может оказаться гибельным. Ничего не поделаешь — подчиняйтесь или мы вас накажем. Малые народы вынуждены терпеть карательные бомбёжки и вторжения. Но что делать, когда политический код будут нарушать государства, уже имеющие на вооружении термоядерный арсенал?

Северная Корея открыто угрожает своим соседям и американским военным базам межконтинентальными ракетами с атомными бомбами. Пакистан даёт приют террористам, совершающим с его территории рейды в Индию и Афганистан, но никому и в голову не придёт пригрозить термоядерной державе бомбёжками за нарушение кода. Китай расширяет свои территориальные воды за счёт освоения мелких необитаемых островов, и на это приходится закрывать глаза. И, конечно, самым злостным нарушителем кода на сегодняшний день объявлена Россия.

Антироссийская истерия на Западе сегодня достигла уровня паранойи. Развитие электронных коммуникаций вдруг вернуло нас на уровень мышления глухого Средневековья. Тогда все беды можно было приписывать колдунам и ведьмам, сегодня таким же тайным могуществом наделяют «российских хакеров». Нет нужды объяснять, какой именно вред был нанесён. Слова «хакерная атака» приобрели такой же зловещий смысл, какой в старину таился за словами «наслала порчу». Обе Палаты американского Конгресса наперегонки состязаются в охоте за «русскими ведьмами», какой не бывало со времён Маккарти.

В такой атмосфере трезвые голоса, призывающие к установлению предохраниительных контактов между американскими и русскими военными службами, звучат всё глуше из-за страха попасть под обвинение «в связях с врагом». Уже невозможно разобрать: кто в кого стреляет на Ближнем Востоке, как близко пролетают друг к другу русские и американские бомбардировщики. Ракетоносные корабли двух стран только что не стукаются бортами. Если визит в Рос-

сию или разговор с русским дипломатом могут быть представлены чуть ли не преступлением, о каких мирных переговорах может идти речь?

Эта истерия сильно подогревается силовыми ведомствами США. Пентагон, ЦРУ, ФБР, Национальная служба безопасности всегда стремятся к увеличению своего финансирования. Такое увеличение возможно получить от Конгресса лишь при нарастании внешней угрозы. Международный терроризм набирает силу с каждым годом, но борьба с ним не требует строительства новых авианосцев и межконтинентальных ракет. И вот американские военные лидеры, а вслед за ними и политики, один за другим выступают с заявлениями:

«Главная угроза Соединенным Штатам — Россия».

Новый министр иностранных дел недавно заявил, что «с Кремлём надо разговаривать языком силы». То же самое повторил новый военный министр, отставной генерал, заслуживший в своё время прозвище «бешеный пёс». С державой, имеющей тысячи термоядерных боеголовок, не лучше ли попытаться говорить «языком разума»?

На сегодняшний день восемь государств имеют на вооружении атомные бомбы. Есть сведения, что имеет их и девятое, — Израиль. Нет сомнения, что число «членов атомного клуба» будет расти. Следовательно, будет расти и риск применения термоядерного оружия в очередном конфликте. А дальне возможность цепной реакции сделается реальностью.

Земная цивилизация впервые в своей истории оказалась перед угрозой полного разрушения. В этой ситуации успех борьбы за мир становится не просто желательным, но превращается в вопрос «жизни и смерти». В мире, переполненном враждой, мы должны упорно искать глубинные нити, соединяющие людей, возвращающие им способность слышать друг друга. Их всё ещё много, их необходимо беречь и укреплять. Чтобы закончить книгу «нотой надежды», приведу отрывок из письма Томаса Манна, написанного после Второй мировой войны:

«Соединяет нас вера в несколько вещей, не имеющих ни малейшего отношения к старости или молодости, и для этих вещей слово “культура” — обозначение сегодня слишком вялое и вычурное. Это вера в духовное и божественное начало в человеке, отрицая и попирая которое можно побеждать, но нельзя победить. Если божественного начала и нет над нами, то в нас оно есть, оно есть в человеке, оно непреложно, неотторжимо и нерушимо. Правда, свобода и право — это не “идеи среднего сословия”, не исторические бренности, которые увядают и могут быть заменены ложью, рабством, насилием. Это самые прочные человеческие реальности, против них не изобретено ещё ни танков, ни бомб, и стойкость их покажет ещё чудеса “новому миру”».

Примечания

1. Ibid., p. 247. Fukuyama, Francis. *The End of History and the Last Man* (New York: Free Press, 1992), p. xxi. Huntington, Samuel P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order* (New York: Simon & Schuster, 1996), p. 43.
2. Ibid., p. 256.
3. Ibid., p. 257. Gat, Azar. *War in Human Civilization* (Oxford: University Press, 2006), p. 133.
4. Ibid., p. 386.
5. Ibid., p. 540.
6. Ibid., p. 663. Ефимов Игорь. Стыдная тайна неравенства. Тенафлай: Hermitage Publishers, 1999; Efimov, Igor. *Five Talents or One? The Shocking Secret of Inequality*. Tenafly, N.J.: Hermitage Publishers, 2004. Salisbury, Harrison E. *The New Emperors. China in the Era of Mao and Deng* (Boston: Little, Brown & Co., 1993), p. 248.
7. Манн Томас. Письма. Москва, 1975.

Библиография

- Abbot, Henry Jack. *In the Belly of the Beast*. New York: Random House, 1981.
- Aburish, Said. *Arafat. From Defender to Dictator*. London: Bloomsbury, 1998.
- American Indian Myths and Legends*. Selected and edited by Richard Erdoes and Alfonso Ortiz. New York: Pantheon Books, 1984.
- Андерсон И. История Швеции. Москва: 1951.
- Aristotle. *Politics*. Oxford: 1885.
- Armstrong, Karen. *Muhammad. A Biography of the Prophet*. San Francisco: Harper Collins Publishers, 1992.
- Augustin, Saint. *The City of God*. London: Penguin, 1972.
- Barber, Benjamin R. *Jihad vs. McWorld*. New York: Random House, 1995.
- Белянский В. А. *Вавилон*. Москва: «Мысль», 1971.
- Benedict, Ruth. *The Chrysanthemum and the Sword. Patterns of Japanese Culture*. Boston: Houghton Mifflin Co., 1948.
- Bennett, Norman R. *Africa and Europe. From Roman Times to the Present*. New York: Africana Publishing Co., 1975.
- Bergen, Peter L. *Holy War, Inc. Inside the Secret World of Osama bin Laden*. New York: The Free Press, 2001.
- Bergen, Peter L. *The Osama bin Laden I Know*. New York: Free Press, 2006.
- Библейский словарь. Toronto: World Christian Ministries, 1980.
- Bin Laden, Carmen. *Inside the Kingdom. My Life in Saudi Arabia*. New York: Warner, 2004.
- Blankley, Tony. *The West Last Chance. Will We Win the Clash of Civilizations?* Washington: Regnery Publishing Inc., 2005.
- Blumenfeld, Laura. *Revenge. A Story of Hope*. New York: Simon & Schuster, 2002
- Breasted, James Henry. *A History of Egypt*. New York: Charles Scribner's Sons, 1937.
- Brisard, Jean-Charles. *Forbidden Truth*. New York: Thunder's Mouth Press, 2002.
- The New Encyclopedia Britannica*. Chicago: The University of Chicago, 1988.
- Бродский Иосиф. Сочинения в 5 томах. С.-Петербург: Пушкинский фонд, 1992.
- Brome, Vincent. *The International Brigades. Spain 1936-1939*. New York: William Morrow & Co., 1966.
- Buber, Martin. *On the Bible*. New York: Schocken Books, 1968.

- Burke, Edmond. *Selected Writings on Reform, Revolution, and War*. New York: Alfred A. Knopf, 1967.
- Burman, Edward. *The Assassins*. England: Crucible, 1987.
- Buruma, Ian. *Murder in Amsterdam*. New York: The Penguin Press, 2006.
- Busch, Noel F. *Japan. History*. New York: American Heritage Co., 1972.
- Caesar, Julius. *The Battle for Gaul*. Boston: David R. Godine, 1980.
- Chambers, James. *The Devil's Horsemen*. NY: Atheneum Books, 1979.
- Chernow, Ron. *Washington. A Life*. New York: The Penguin Press, 2010.
- Churchill, Winston S., arranged by Commager, Henry Steele. *History of the English Speaking Peoples*. New York: Barnes & Noble, 1994.
- Churchill, Winston. *Memoirs of the Second World War*. Boston: Houghton Mifflin Co., 1987.
- Clark, Thomas D. *Frontier America*. New York: Charles Scribner's Sons, 1969.
- Clarkson, Jesse D. *A History of Russia*. New York: Random House, 1969.
- Conquest Robert. *The Great Terror*. New York: Oxford University Press, 1990.
- Corera, Gordon. *Shopping for Bombs*. Oxford University Press, 2006.
- Cunliffe, Barry, editor. *Prehistoric Europe*. New York: Oxford Univ. Press, 1994.
- Cunliffe, Barry. *The Ancient Celts*. New York: Oxford Univ. Press, 1997.
- Cyriax, Oliver, Wilson, Colin & Damon. *Encyclopedia of Crime*. Woodstock & N.Y., Overlook Press, 1993.
- Danisi, Thomas C., & Jackson, John C. *Meriwether Lewis*. New York: Prometheus Books, 2009.
- Дашкова Е.Р. *Записки*. Ленинград: «Наука», 1985.
- Демосфен. *Речи*. Москва, 1954.
- Dershowitz, Alan. *The Case for Israel*. Hoboken, N.J. John Wiley & Sons, Inc., 2003.
- Державин Г.Р. «*Записки*». Москва: «Русская беседа», 1860.
- Deutscher, Isaac. *The Prophet Armed. Trotsky: 1879-1921*. London: Oxford University Press, 1954.
- Достоевский Ф.М. «*Записки из Мёртвого дома*». Ленинград: Наука, 1972. Собр. сочинений, том 4.
- Durant, Will. *Our Oriental Heritage. A History of Civilization. Part I*. New York: Simon & Schuster, 1965.
- Durant, Will. *The Life of Greece. A History of Civilization. Part II*. New York: Simon & Schuster, 1966.

- Durant, Will. *Caesar and Christ. A History of Civilization, Part III.* New York: Simon & Schuster, 1944.
- Durant, Will. *The Age of Faith. A History of Civilization, Part IV.* New York: Simon & Schuster, 1950.
- Durant, Will. *The Renaissance. A History of Civilization, Part V.* New York: Simon & Schuster, 1953.
- Durant, Will. *The Reformation. A History of Civilization, Part VI.* New York: Simon & Schuster, 1957.
- Durant, Will. *The Age of Reason Begins. A History of Civilization, Part VII.* New York: Simon & Schuster, 1961.
- Ефимов Игорь. «Метаполитика». Ленинград: Лениздат, 1991.
- Efimov, Igor. *Five Talents or One? The Shocking Secret of Inequality.* Tenafly, N.J., USA: Hermitage Publishers, 2004. Translated by Scott D.Moss.
- Eaton, Clement. *A History of the Southern Confederacy.* New York: The Macmillan Co.
- Egypt. A Country Study.* Washington: Library of Congress, 1990.
- Eliot, Alexander. *Greece.* New York: American Heritage Publishing Co., 1972.
- Emerson, Steven. *American Jihad. The Terrorists Living Among Us.* New York: The Free Press, 2003.
- Empires Besieged. TimeFrame AD 200-600.* Among authors: Stephen G. Hyslop, Brian Pohanka. Alexandria, VA: Time-Life Books, 1987.
- Encyclopedia Britannica.* Chicago: University of Chicago, 1988.
- Esposito, John. *The Oxford History of Islam.* NY: Oxford Univ. Press, 1999.
- Ferguson, Neill. *The War of the World.* New York: Penguin Books, 2006.
- Finkel, Caroline. *Osman's Dream. The Story of the Ottoman Empire 1300-1923.* New York: Basic Books Group, 2005.
- Fletcher, Giles. *Of the Russian Commonwealth.* In the book *Rude and Barbarous Kingdoms.* The University of Wisconsin Press, 1968.
- Franklin, Benjamin. *Autobiography.* New York: Newsweek, 1972.
- Fuentes, Carlos. *The Buried Mirror. Reflection of Spain and the New World.* New York: Houghton Mifflin Co., 1992.
- Fukuyama, Francis. *The End of History and the Last Man.* New York: The Free Press, 1992.
- Fustel de Coulanges, Numas Denis. *The Ancient City.* Garden City, N.Y.: Doubleday, 1956.
- Gat, Azar. *War in Human Civilization.* Oxford:

- University Press, 2006.
- Geoffrey C. Ward and Ken Burns. *The War*. New York: Random House, 2007.
- Герцберг Густав. История Византии. Москва: 1896.
- Gibbon, Edward. *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*. London: Methuen & Co., 1909.
- Gibbon, Edward. *History of Arabia*. In *Ancient Empires of the East*, by Archibald Henry Sayce and others. New York: Collier & Son Co., 1928.
- Glain, Stephen J. *Mullahs, Merchants, and Militants. The Economic Collapse of the Arab World*. New York: St. Martin's Press, 2004.
- Gold, Dore. *Hatred's Kingdom. How Saudi Arabia Supports the New Global Terrorism*. Washington: Regnery Publishing, Inc. 2003.
- Гольдцигер Игнац. Лекции об Исламе. Москва: 1912.
- Гордин Яков. «Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне 19-го века». Санкт-Петербург: Издательство журнала «Звезда», 2000.
- Green, John Richard. *A Short History of English People*. London, 1907.
- Grossman, David. *Sleeping on a Wire. Conversations with Palestinians in Israel*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1992.
- Guérard, Albert. *France. A Modern History*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1959.
- Гумилёв Л.Н. Хунну. Москва: Изд. Восточной литературы, 1960.
- Hagan, William T. *American Indians*. Chicago: The University of Chicago Press, 1961.
- Halecki, Oscar. *A History of Poland*. New York: Roy Publishers, 1966.
- Hanson, Victor Davis. *Mexifornia*. San Francisco: Encounter Books, 2003.
- Harris, Lee. *The Suicide of Reason. Radical Islam Threat to the Enlightenment*. New York: Basic Books, 2007.
- Hawke, David Freeman. *Paine*. New York: Harper & Row, 1974.
- Heckewelder, John. *History, Manners, and Customs of the Indian Nations*. Philadelphia: The Historical Society of Pennsylvania, 1876.
- Hemingway, Ernest. *Selected Letters, 1917-1961*. New York: Charles Scribner's Sons, 1981.
- Herodotus. *The Histories*. New York: Oxford University Press, 1998.

- Hibbert, Christopher. *The House of Medici. Its Rise and Fall*. New York: William Morrow & Co., 1975.
- Hitler, Adolf. *Mein Kampf*. Boston: Houghton Mifflin Co., 1999.
- Hobbes, Thomas. *Leviathan*. New York: Dutton, 1950.
- Holden, David and Jones, Richard. *The House of Saud*. New York: Holt, Reinhard & Wilston, 1981.
- Horne, Alistair. *Seven Ages of Paris*. NY: Alfred A. Knopf, 2003.
- Huntington, Samuel. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster, 1996.
- Isaacson, Walter. *Kissinger. A Biography*. New York: Simon & Schuster, 1992.
- Jacquard, Roland. *In the Name of Osama Bin Laden*. Durham, USA: Duke University Press, 2002.
- Joll, James. *The Anarchists*. Cambridge: Harvard University Press, 1980.
- Jones, Gwyn. *A History of the Vikings*. New York: Oxford Univ. Press, 1984.
- Jones, Owen Bennett. *Pakistan. Eye of the Storm*. New Haven: Yale University Press, 2002.
- Josephus. *The Jewish War*. London: Penguin Books, 1981.
- Kagan, Donald. *The Peloponnesian War*. New York: Viking, 2003.
- Keegan, John. *The First World War*. New York: Alfred A. Knopf, 1999.
- Kershaw, Ian. *Hitler. A Biography*. New York: W.W. Norton & Co., 2008.
- Kimmerling, Baruch, Migdal Joel. *The Palestinian People*. Cambridge: Harvard Univ. Press, 2003.
- Ключевский В.О. *Курс русской истории*. Москва: Госполитиздат, 1956.
- «Коран» в переводе Иман Валерии Пороховой. Москва: Рипол классик, 2005.
- La Fay, Howard. *The Vikings*. Washington: National Geographic Society, 1972.
- La Guardia, Anton. *War Without End. Israelis, Palestinians, and the Struggle for a Promised Land*. New York: St. Martin Press, 2002.
- Lacy, Robert. *The Kingdom. Arabia and the House of Sa'ud*. New York: Avon Books, 1983.
- Lea, Henry Charles. *A History of the Inquisition in the Middle Ages*. New York: 1888.
- Lensen, George A. (ed.). *Russia's Eastward Expansion*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1964.

- Лермонтов М.Ю. «Измаил Бей». Москва: Художественная литература, 1972.
- Lewis, Meriwether, & Clark, William. *The Journals of Lewis and Clark*. New York: Penguin Books, 1989.
- Lippman, Thomas. *Understanding Islam*. New York: New American Library.
- Livy. *The Early History of Rome*. Baltimore: Penguin Books, 1960.
- Lobanov-Rostovsky, A. *Russia and Asia*. New York: The Macmillan Company, 1933.
- Longworth, Philip. *The Cossacks*. New York: Holt, Reinhart and Winston, 1969.
- Machiavelli, Niccolo. *A History of Florence*. New York: 1974.
- Malik, Iftikhar H. *State and Civil Society in Pakistan*. Oxford: St. Anthony's College, 1996.
- Man, John. *Attila the Hun. A Barbarian King and the Fall of Rome*. London: Bantam Books, 2005.
- Mann, Thomas. *Diaries 1918-1939*. New York: Harry N. Abrams, Inc., 1982.
- McKnight, Gerald. *The Terrorist Mind*. Indianapolis—New York: The Bobbs-Merrill Co., 1974.
- Melman, Yossi. *The Master Terrorist. The True Story of Abu-Nidal*. New York: Adama Books, 1986.
- Мережковский Д.С. «Люттер». В книге «Реформаторы». Брюссель: Жизнь с Богом, 1990.
- Mernissi, Fatima. *Islam and Democracy. Fear of the Modern World*. New York: Addison-Wesley Publishing, 1992.
- Mommsen, Theodor. *The History of Rome*. New York: Free Press, 1957.
- Montaigne, Michel. *Essays*. New York: Penguin Books, 1955.
- Morgan, Lewis Henry. *Houses and House-Life of American Aborigines*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1965.
- Murawiec, Laurent. *Princes of Darkness. The Saudi Assault on the West*. New York: Rowman & Littlefield Publishers, 2005.
- Musharraf, Pervez. *In the Line of Fire. A Memoir*. New York: Free Press, 2006.
- Nagi, Saad Z. *Poverty in Egypt*. New York: Lexington Books, 2001.
- Naipaul, V.S. *Beyond Belief. Islamic Excursions among the Converted People*. New York: Random House, 1998.
- Nasiri, Omar. *Inside the Jihad. My Life with Al Qaeda*. New York: Basic Books, 2006.
- Ницше Фридрих. «По ту сторону добра и зла». С.-Петербург: 1905.

- Nivat, Anne. *Chienne de Guerre. A Woman Reporter Behind the Lines of the War in Chechnya*. New York: Public Affairs,
- Noor, Queen. *Leap of Faith*. New York: Miramax, 2003.
- Noth, Martin. *Exodus. A Commentary*. Philadelphia: Westminster Press, 1962.
- Oliver, Roland and Atmore, Anthony. *Africa Since 1800*. Cambridge: University Press, 1972.
- On Line Encyclopedia of Roman Rulers and Their Families*. www.roman-emperors.org/
- Пастернак Борис. Стихотворения и поэмы. М.-Л.. Совпис, 1965.
- Pakistan. A Country Study*. Washington: Library of Congress, 1995.
- Plutarch. *The Lives of the Noble Grecians and Romans*. New York: The Modern Library, 1964.
- Пушкин А.С. «История Пугачёвского бунта». Собрание сочинений в 8 томах. С. -Петербург:
- Тов-во «Просвещение», 1909.
- Qutb, Sayyid. *A Child From the Village*. Syracuse: Syracuse Univ. Press, 2004.
- Qutb, Sayyid. *Social Justice In Islam*. Oneonta, N.Y.: Islamic Publication International, 2000.
- Renehan, Edward J. *Lion's Pride. Theodore Roosevelt and His Family in Peace and War*. New York: Oxford University Press, 1998.
- Roberts, Andrew. *A History of the English Speaking People Since 1900*. New York: Harper-Collins Publishers, 2007.
- Robinson, Adam. *Bin Laden. Behind the Mask of the Terrorist*. New York: Arcade Publishing, 2002.
- Roebuck, Carl. *The World of Ancient Times*. New York: Charles Scribner's Sons, 1966.
- Роэсдалль Эльсе (Roesdahl Else). Мир викингов. С.-Петербург: Всемирное слово, 2001.
- Roosevelt, Theodore. *Autobiography*. New York: Charles Scribner's Sons, 1926.
- Roosevelt, Theodore. *The Winning of the West*. New York: G.P. Putnam's Sons, 1902.
- Розанов Василий. *Опавшие листья. ???*
- Rubinstein, Danny. *The People of Nowhere. The Palestinian Vision of Home*. New York: Random House, 1991.
- Rushdi, Salman. *Shalimar the Clown*. New York: Random House, 2005.
- Sadat, Camelia. *My Father and I*. New York: Macmillan Publishing Co., 1985.
- Said, Edward W. *From Oslo to Iraq and the Roadmap*.

- New York: Pantheon Books, 2004.
- Salisbury, Harrison E. *The New Emperors. China in the Era of Mao and Deng*, Boston: Little, Brown & Co., 1993.
- Sasson, Jean. *Princess. A True Story of Life Behind the Veil in Saudi Arabia*. New York: William Morrow & Co., 1992.
- Saudi Arabia. A Country Study*. Washington: Federal Research Division, 1992.
- Schofield, Victoria. *Kashmir in Conflict*. London: I.B. Tauris, 2003.
- Scramuzza, Vincent M. *The Ancient World*. New York: Henry Holt & Co., 1958.
- Scruton, Roger. *The West and the Rest. Globalization and the Terrorist Threat*. Wilmington, DE: Intercollegiate Studies Institute, 2002.
- Sears, Stephen W. (editor). *History of the British Empire*. New York: Heritage Publishers Co., 1973.
- Seely, Robert. *Russo-Chechen Conflict 1800-2000. A Deadly Embrace*. London: Frank Cass, 2001.
- Сен-Симон Луи де. Мемуары. Москва: 1936.
- Shinn, Rinn. *Italy. A Country Study*. Washington: American University, Foreign Area Studies, 1986.
- Shipley, David. *Arab and Jew. Wounded Spirits in a Promised Land*. New York: Times Books, 1986.
- Shoher, Obadiah. *Samson Blinded: a Machiavellian Perspective on the Middle East Conflict*. USA: BookSurge, LLC, 2005.
- Sowell, Thomas. *Barbarians inside the Gates*. Stanford: Hoover Institution Press, 1999.
- Словарь античности. Москва: «Прогресс», 1989.
- Stangneth, Bettina. *Eichmann before Jerusalem. The Unexamined Life of a Mass Murderer* (Alfred A. Knopf. 2014). (See file eichmann-marina.doc)
- Tacitus. *The Complete Works*. New York: The Modern Library, 1942.
- Taylor, Dale. *Everyday Life in Colonial America*. Cincinnati: Writer's Digest Books, 1996.
- Tebbel, John. *The Compact History of the Indian Wars*. New York: Hawthorn Books, Inc. 1966.
- Tessler, Mark. *A History of Israeli-Palestinian Conflict*. Bloomington: Indiana Univ. SPress, 1993.
- Theroux, Peter. *Sandstorms. Days and Nights in Arabia*. New York: W.W. Norton & Co., 1989.
- Thomas, Evan. *The War Lovers*. New York: Little, Brown & Co., 2010.
- Toffler, Alvin. *The Third Wave*. New York: William Morrow & Co., 1980.

- Толстой Л.Н. «Война и мир». Харьков: «Пропор», 1977.
- Толстой Л.Н. «Казаки». Москва: изд. Кушнерев, 1911. Собр. соч. в 20 тт., т. 2.
- Цветаева Марина. Избранная проза в 2 томах. Нью-Йорк: Руссила, 1979.
- Vestal, Stanley. *Warpath and Council Fire. The Plain Indians' Struggle for Survival in War and in Diplomacy, 1851-1891*. New York: Random House, 1948.
- Viort, Milton. *Sandcastles. The Arabs in Search of the Modern World*. New York: Alfred A. Knopf, 1994.
- Volkogonov, Dmitry. *Lenin. A New Biography*. New York: Free Press, 1994.
- Weatherford, Jack. *Genghis Khan*. New York: Free Rivers Press, 2003.
- Weaver, Mary Anne. *A Portrait of Egypt. A Journey Through the World of Militant Islam*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1999.
- Weaver, Mary Anne. *Pakistan. In the Shadow of Jihad and Afghanistan*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2002.
- Weslager, C.A. *The Delaware Indians. A History*. New Brunswick: Rutgers Univ. Press, 1972.
- Whelpton, Eric. *A Concise History of Italy*. New York: Roy Publishing, Inc., 1964.
- Wittfogel, Karl A. *Oriental Despotism*. New Haven: Yale University Press, 1957.
- Wolfram, Herwig. *History of the Goths*. Berkeley & London: Univ. of California Press, 1988.

Именной указатель

- Абу Нидал —
Август Октавиан —
Август Третий Саксонский —
Августин, святой —
Авраам —
Адриан, император —
Адриан Шестой, папа —
Аксёнов В.П. —
Д'Аламбер Жан Лерон —
Аларих, король —
Александр Первый —
Александр Второй —
Александр Македонский —
Александр Шестой, папа —
Алексей Романов —
Алексис Первый —
Алкивиад —
Альба Фернандо, герцог —
Альбукерк Альфонсо де —
Альянде Сальватор —
Амененхет Третий —
Амундсен Руаль —
Аначарсис —
Антоний Марк —
Антониони Микеланджело —
Арафат Ясир —
Арбенц Джакобо —
Аристид —
Аристотель —
Архимед —
Асад, отец и сын —
Ататюрк —
Ахмед Третий —
Бабель Исаак —
Байрон Джордж —
Бакунин М.А. —
Банди Тед —
Барак Эхуд —
Баратынский Евгений —
Барбюс Анри —
Баренц Виллем —
Бартон Ричард —
Барщевский Леон —
Батиста Фульхенсио —
Батый, хан —
Бах Иоганн Себастьян —
Бенедикт Руфь —
Березовский Б.А. —
Берковиц Давид —
Берлускони Сильвио —
Бертолуччи Бернардо —
Бетховен Людвиг ван —
Бен Ладен Усама —
Бене Винсент —
Бирон Эрнст Иоганн —
Бисмарк Отто фон —
Бланкли Тони —
Блюхер В.К. —
Бойкот Чарльз —
Брайан Джордж —
Браун Джон —
Брейвик Андерс —
Бродский И.А. —
Брук, лорд —
Бруно Джордано —
Брут Луций Юний —
Брэдбери Рэй —
Брэддок Эдвард —
Будда —
Будённый М.С. —
Бунин И.А. —
Бурбоны, династия —
Бурлацкий Фёдор —
Буш-старший Джордж —
Бхутто, семья —

- Бхутто Беназир —
Бхутто Зульфикар —

Вагнер Рихард —
Валент, император —
Валера Имон де —
Валленштейн Альбрехт —
Вальдхайм Курт —
Вацлав Шестой —
Вашингтон Джордж —
Вергилий —
Виктор-Эммануил Второй —
Виктория, королева —
Вильгельм Второй —
Вильсон Вудро —
Вильям Третий Оранский —
Висконти Лукино —
Войнович Владимир —
Вольтер —
Врангель П.Н. —
Врубель Михаил —
Вульф Христиан —

Габсбурги, династия —
Гама Васко де —
Гамилькар —
Ганди Махатма —
Ганди, семья —
Ганнибал —
Гарибальди Джузеппе —
Гат Азар —
Гатлиг Джордан —
Геббелс Йозеф —
Гегель Фридрих —
Гемпден Джон —
Генрих Четвёртый —
Генрих Седьмой —
Генрих Восьмой —
Генрих Мореплаватель —
Георг Третий —
Геродот —
Герцен А.И. —
Гесс Рудольф —

Гёте Иоганн —
Гиббон Эдвард —
Гинденбург Пауль фон —
Гитлер Адольф —
Гладстон Уильям —
Гоббс Томас —
Гогенцолерны, династия —
Гоголь Н.В. —
Гораций —
Горький А.М. —
Готэм Джон —
Гракх Гай —
Гракх Тиберий —
Грант Улисс —
Гребенщиков Б.Б. —
Грегори Пятый —
Грейвс Роберт —
Грибоедов А.С. —
Григоренко П.Г. —
Гудзон Генри —
Гумилёв Л.Н. —
Гус Ян —
Густаф Адольф —
Гуттенберг Иоганн —
Гюго Виктор —

Давид, царь —
Дамер Джейфри —
Данте —
Дантон Жорж Жак —
Дашкова Екатерина —
Даудинг Хью —
Декарт Рене —
Делакруа Эжен —
Деникин А.И. —
Державин Г.Р. —
Денк Ганс —
Джефферсон Томас —
Джиоконда —
Джонс Джим —
Дидро Дени —
Дизраэли Бенджамин —
Димитров Георгий —

- Доктороу Эдгар —
Домициан, император —
Достоевский Ф.М. —
Дэвис Джейферсон —
Дюvalье Франсуа —
Дюма Александр —
Дюрант Вил —

Евгения, императрица —
Егоров А.И. —
Екатерина Вторая —
Елизавета Первая —
Елизавета Австрийская —
Ельцин Б.Н. —

Жанна д'Арк —
Жижка Ян —
Жириновский В.В. —

Зеньковский Василий —
Зиновьев Г.Е. —
Зия-уль-Хак Мухаммед —

Иван Грозный —
Иван Третий —
Иероним Пражский —
Иисус Навин —
Иннокентий Третий —
Иннокентий Десятый —
Иоанн Богослов —
Иоанн Златоуст —
Ипсиланти Александр —
Ипсиланти Дмитриус —
Исаак —
Иуда, вождь —

Кабрад Педро —
Кавельер Роберт —
Кавур Камилло —
Каддафи Муаммар —
Казанова Джакомо —
Калигула —
Кальвин Жан —

Каменев Л.Б. —
Канова Антонио —
Каподистриас Иоанн —
Карл Первый —
Карл Второй —
Карл Пятый —
Карл Восьмой —
Карл Девятый —
Карл Двенадцатый —
Карлуш Первый —
Карно Сади —
Картье Жак —
Кастро Фидель —
Катилина Луций Сергий —
Каутский Карл —
Кафка Франц —
Кацав Моше —
Качинский Дэвид —
Качинский Тед —
Кемаль Мустафа — см. Ататюрк —
Кеннеди Джон —
Керенский Александр —
Керридж Рой —
Ким Ир Сен —
Ким Чен Ир —
Ким Чен Ын —
Кимон —
Киплинг Редьярд —
Кир, царь —
Кирилл, патриарх —
Киршнер Кристина —
Киссинджер —
Клайв Роберт —
Клеопатра —
Климент Седьмой —
Клинтон Билл —
Клэй Генри —
Ключевский В.О. —
Ковалевская Софья —
Колумб Христофор —
Колчак А.В. —
Конквест Роберт —

- Константин, Великий Князь —
Константин, император —
Корнваллис Чарльз —
Корнилов Л.Г. —
Кортес Фернан —
Копелев Л.З. —
Коперник Николай —
Корде Шарлотта —
Костер Шарль де —
Костюшко Тадеуш —
Красс Марк —
Криттенден Джон —
Кромвель Генри —
Кромвель Оливер —
Кромвель Ричард —
Кропоткин П.А. —
Кузнецов Эдуард —
Кузнецова Устинья —
Кук Джеймс —
Куланж Фюстель де —
Кун Бела —
Къеркегор Сёрен —
Кэйзмент Роджер —
Кэмпбел Колин —

Ладен Осама Бин — см. Бен
Ладен —
Лаошань-шаньюй —
Лас Касас Барталомео де —
Лафайет Жильбер —
Ленин В.И. —
Ленон Джон —
Леонардо да Винчи —
Леопольд Второй —
Лепидус Марк Эмилий —
Лермонтов М.Ю. —
Лещинский Станислав —
Лжедмитрий —
Ли Роберт —
Либкнехт Карл —
Ливий Тит —
Лилберн Джон —

Лимонов Эдуард —
Линдберг Чарльз —
Линкольн Авраам —
Лициний Гай —
Лобачевский Н.И. —
Лод Уильям —
Лондон Джек —
Лосский Николай —
Лоуренс Аравийский —
Людендорф Эрих фон —
Людовик Четырнадцатый —
Людовик Шестнадцатый —
Люксембург Роза —
Лютер Мартин —

Магеллан Фернан —
Мажино Андре —
Макаревич А.В. —
Маквей Тимоти —
Макиавелли Николо —
Маккарти Джозеф —
Маккартур Дуглас —
Маккейн Джон —
Макклеллан Джордж —
Маккинли Уильям —
Макнамара Роберт —
Максим Хайрам —
Максимов В.Е. —
Малевич Казимир —
Мальборо Джон —
Мандельштам Осип —
Манзини Джузеппе —
Манн Генрих —
Манн Томас —
Манчестер Монтегю —
Мао Цзэдун —
Марий Гай —
Марий-младший —
Мария Стюарт —
Мария Терезия —
Мария Тюдор —
Маркс Карл —
Марти Андре —

- Мартин Пятый —
Массена Андре —
Махно Нестор —
Маяковский В.В. —
Меланхтон Филипп —
Менделеев Д.И. —
Менелик Второй —
Мехмед Второй —
Меценат —
Мильтиад —
Миттеран Франсуа —
Митридат —
Митчелл Маргарет —
Михаил Романов, царь —
Михельсон И.И. —
Мишель Луиз —
Моисей —
Молотов В.М. —
Мольтке Гельмут —
Монтескье Шарль —
Монтесума Второй —
Мор Томас —
Муравьев М.Н. —
Муссолини Бенито —
Мухаммед —
Мушарафф Первез —
Мэйлер Норман —
Мэйнсон Чарльз —
Мюнцер Томас —

Набоков В.В. —
Навальный Алексей —
Навуходоносор —
Нагата Хироко —
Наполеон —
Наполеон Третий —
Нго Динь Дьем —
Некрасов Н.А. —
Нельсон Горацио —
Немцов Борис —
Нерон —
Нессельроде Карл —
Нетаньяху Биньямин —

Николай Первый —
Николай Второй —
Никон, патриарх —
Никсон Ричард —
Нил Сорский —
Ницше Фридрих —
Ной —
Нокс Генри —
Нокс Джон —
Норьега Мануэль —
Носикова, соседка —
Нума Помпилий —
Ньютон Исаак —

Обама Барак —
Овидий —
О'Коннелл Дэниел —
Оливье Эмиль —
Ольмерт Эхуд —
Орtega Даниэль —
Оруэлл Джордж —
Освальд Ли Харви —
Отто Первый —

Павел Первый —
Пальмерстон Генри —
Папа Док — см. Дювалье —
Паскевич И.Ф. —
Пастернак Б.Л. —
Паулюс Фридрих —
Пенн Вильям —
Перикл —
Перовская Софья —
Петен Анри —
Петлюра Симон —
Пётр, апостол —
Пётр Первый —
Пётр Третий —
Пикассо Пабло —
Пикет Джордж —
Пилсудский Юзеф —
Пим Джон —
Пирр, царь —

- Писсаро Франциско —
Питт-младший Уильям —
Платон —
Плутарх —
Подебрад Георг —
Пол Пот —
Полк Джеймс —
Поло Марко —
Помпей Гней —
Потёмкин Григорий —
Прентис Джордж —
Пржевальский Николай —
Принцип Гаврила —
Проперций —
Проханов А.А. —
Прудон Пьер —
Пугачёв Емельян —
Путин В.В. —
Пушкин Александр —
Пэйн Томас —
- Разин Степан —
Рамирес Ильич Шакал —
Рамирес Ричард —
Расин Жан —
Рассел Бертран —
Рашид-ад-Дин —
Рейган Рональд —
Рембрандт Харменс —
Ри Сингман —
Риббентроп Иоахим —
Робеспьер Максимилиан —
Романов Михаил — см. Михаил Романов, царь —
Ромм М.И. —
Ростоу Уолт —
Рубин Ричард —
Рузвельт Теодор —
Рузвельт Франклайн Делано —
Руссефф Ди尔ма —
Руссо Жан Жак —
Рут Элиу —
- Руцкой А.В. —
Рэм Эрнст —
Саакашвили Михаил —
Садат Анвар —
Саладин —
Салазар Антониу ди Оливейра —
Самсон —
Самуил, пророк —
Санта-Анна Антонио —
Саркози Николя —
Саул, царь —
Сахаров Андрей —
Светоний —
Секстий Луций —
Семирадский Генрих —
Сен-Симон Клод Анри —
Сен-Симон Луи де Рувруа —
Сепулведа Хуан —
Серафимович А.С. —
Серторий Квинт —
Сигизмунд, император —
Симович Душан —
Синг Раджит —
Синявский А.Д. —
Скотт Вальтер —
Скотт Роберт —
Снайдер Тимоти —
Сократ —
Солженицын А.И. —
Соуэлл Томас —
Софья, царевна —
Спартак —
Сталин И.В. —
Стендалль —
Стёйвесант Питер —
Стольпин П.А. —
Страффорд Томас —
Стэнли Генри —
Стюарты, династия —
Суворов Виктор —
Сулла Луций Корнелий —

- Сципион Публий Корнелий —
Сьюард Уильям —
Сэлинджер Джерри —
Такер Бенджамин —
Тарквиний Гордый —
Тацит —
Тельман Эрнст —
Тёрнер Нат —
Тибулл Альбий —
Тимошенко Юлия —
Тирпиц Альфред фон —
Тито Иосип Броз —
Толстой Алексей —
Толстой Л.Н. —
Тон Вольф —
Торквемада Томас —
Трамп Дональд —
Траубенберг М.М. —
Тромп Мартен —
Троцкий Л.Д. —
Труман Гарри —
Турчин Валентин —
Тухачевский М.Н. —
Тьер Адольф —
Тью Нгуэн Ван —
Тэйлор Элизабет —
Тэтчер Маргарет —
Тютчев Ф.И. —
Уатт Джеймс —
Уборевич И.П. —
Удальцов С.С. —
Уиклиф Джон —
Улфила, проповедник —
Умберто Первый —
Уран Второй, папа —
Уэйн Энтони —
Фабий Максим —
Фадеев Александр —
Ферфакс Томас —
Фёдоров Николай —
Фейхтвангер Лион —
Феллини Федерико —
Фемистокл —
Фердинанд, эрцгерцог —
Фет А.А. —
Филип Жерар —
Филипп Красивый —
Филипп Македонский —
Филипп Второй —
Филипп Пятый Бурбон —
Флин Эрол —
Фонвизин Д.И. —
Франклин Бенджамин —
Франклин Вильям —
Франко Франсиско —
Франц-Иосиф, император —
Франциск, папа —
Франциск Первый, король —
Фридрих Второй —
Фритигерн, вождь —
Фукуяма Фрэнсис —
Фюстель-де-Куланж Нуна —
Хабаш Джордж —
Хайд-Кларендон Эдуард —
Хантингтон Самуэль —
Хасбулатов Р.И. —
Хемингуэй Эрнст —
Хёрст Вильям —
Хинкли Джон —
Хо Ши-мин —
Ходорковский М.Б. —
Хоу Ричард —
Христос —
Хрущёв Н.С. —
Хубилай-хан —
Хуссейн Саддам —
Цветаева Марина —
Цезарь Юлий —
Циолковский Константин —
Цицерон Марк Туллий —

Чавес Уго —
Чан Кай-ши —
Чарторыйский Адам —
Чемберлен Невил —
Чепмен Марк —
Чернышевский Н.Г. —
Черняев Михаил —
Черняева Н.М. —
Черчилль Уинстон —
Чикатилло Андрей —
Чингиз-хан —

Шамиль —
Шамплейн Самуэль —
Шекспир Уильям —
Шелли Перси —
Шерман Уильям —
Шиллер Фридрих —
Ширак Жак —
Шолохов Михаил —
Штирнер Макс —
Штойбен Фридрих, фон —
Шульгин Василий —

Щаранский Натан —

Эббот Генри —
Эдуарт Третий —
Эйзенхауэр Дуайт —
Экклезиаст —
Эразм Роттердамский —
Эрхарт Амелия —
Эссекс Роберт, граф —

Югурта, царь —
Юденич Н.Н. —

Явлинский Г.А. —
Якир И.Э. —
Яков Второй Стюарт —
Яков Третий —
Янукович В.Ф. —

Оглавление

Вступление	3
Часть первая. ЖАР СТРАСТЕЙ	9
I-1. Жажды самоутверждения	9
I-2. Жажды сплочения	23
I-3. Жажды бессмертия	44
I-4. Скрытые гроздья гнева	58
Вражда между народами, находящимися на разных ступенях цивилизации	59
Вражда между низковольтными и высоковольтными	65
Часть вторая. ПОЖАРЫ ВОЙНЫ	75
II-1. Племена воюют друг с другом	75
II-2. Отставшие атакуют обогнавших	95
II-3. Войны монархов	116
II-4. Войны республик	131
Античные республики	132
Республики эпохи Возрождения	139
Республики Нового Света	144
Республики наших дней	150
II-5. Религиозные войны	156
Иудейская война	156
Вероисповедальные смуты первого тысячелетия	161
Междоусобия мусульман	165
Крестовые походы	168
Гуситские войны	170
Войны протестантов с католиками	175
II-6. Гражданские войны	185
Древний Рим в огне	185
Великий мятеж в Англии XVII века	192
Война Севера и Юга в Америке	199
Гражданская война в России 1917-1921	206
По ком звонил колокол в Испании	
1936-1939 годов?	211
«Кто был ничем, тот станет всем!»	215
II-7. Колониальные захваты	222
Португальцы	223
Испанцы	225
Голландцы	228
Французы	231

Англичане	234
Закат колониальной эры	240
II-8. Войны за независимость	245
Соединённые Штаты Америки	246
Греция	251
Польша	255
Италия	260
Ирландия	263
Экзамен на суверенность	267
II-9. Бунты и восстания	272
Спартак	273
Крестьянская война в Германии в XVI веке	276
Пугачёвщина	280
Восстание сипаев в Индии	288
Парижская коммуна	291
Бунты наших дней	295
II-10. Войны машиностроителей	301
Первая мировая	301
Вторая мировая	314
Часть третья. В ПОИСКАХ ЗЕМЛИ ОБЕТОВАННОЙ	330
III-1. Борьба за мир	330
«Мы старый мир разрушим до основанья»	330
Эпоха «Холодной войны»	335
Экспорт надувной демократии	338
Контраступление земледельцев	342
III-2. Что там впереди?	349
Из-за чего происходят войны	349
Избиение дальновидных — война	
на уничтожение	353
Результаты раскопок	357
Ядерный грибок	359
Библиография	363
Именной указатель	372

Игорь Ефимов
Феномен войны
Семь искусств, Ганновер 2019. 379 стр., 17 а.л.

© Игорь Ефимов (текст)
© Семь искусств (оформление)

Книга публикуется в авторской редакции
Компьютерная верстка Геннадия Швеца

Семь искусств
Ганновер 2019